

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально.

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGOLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, associate
professor, honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

БРАЖНИКОВ Д.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

BRAZHNIKOV D.A.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

ЦИШКОВСКИЙ Е.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

TSISHKOVSKIY E.A.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАЖАНОВ С.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Научно-исследовательский институт
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

BAZHANOV S.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Research Institute of Academy
of the Prosecutor General's Office
of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАЧИЛА В.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь

BACHILA V.V.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Academy of the Ministry of the Interior
of the Republic of Belarus
(Belarus)

БОХЧУЛУУНЫ Б.-Э., кандидат юридических наук, профессор, Институт управления Университета правоохранительной службы Монголии	BOKHCHULUUNY B.-E., Candidate of Legal Sciences, professor, University of law enforcement service of Mongolia (Mongolia)
ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Рязанской области	GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, Human Rights Ombudsman in the Ryazan region
ГУЧОК А.Е., кандидат юридических наук, доцент, Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь	GUCHOK A.E., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Scientific and Practical Center for Strengthening the rule of law to the General Prosecutor of the Republic of Belarus (Belarus)
ЗИГМУНТ О.А., PhD, Криминологический исследовательский центр Управления криминальной полиции Нижней Саксонии Федеративной Республики Германия	SIEGMUNT O.A., PhD, Criminological research center of the criminal police agency of Lower Saxony (Federal Republic Germany)
ИЛЬЯШЕНКО А.Н., доктор юридических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России	IL'YASHENKO A.N., Doctor of Legal Sciences, professor, Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
КЛЕАНДРОВ М.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный юрист Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации	KLEANDROV M.I., Doctor of Legal Sciences, professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, honoured lawyer of the Russian Federation, honoured worker of science of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation
КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет	KOZACHENKO I.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Ural State Law University
ЛАКЛЕМАНС П., PhD, профессор, Научно-исследовательский центр Национальной школы полиции	LACLEMENCE P., PhD, professor, Research Center of the National School Police (France)
ЛАВРОВ В.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Академия управления МВД России	LAVROV V.P., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет	LIPINSKIY D.A., Doctor of Legal Sciences, professor, Togliatti State University

ЛИПОВАЦ К.,
PhD,
Криминалистическая полицейская академия
Республики Сербия

LIPOVAC K.,
PhD,
Academy of Criminalistic and Police Studies
(Republic of Serbia)

ЛУНЕЕВ В.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

LUNEEV V.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

МОЛДАБАЕВ С.С.,
доктор юридических наук, профессор,
академик Казахской национальной
академии естественных наук,
Академия финансовой полиции
Республики Казахстан

MOLDABAEV S.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Academy of Financial Police
of Republic Kazakhstan
(Republic of Kazakhstan)

ПОЙМАН П.,
PhD,
Чешское криминологическое общество

POJMAN P.,
PhD, Czech Criminological Society
(Czech Republic)

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

**Включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов и изданий**

**Included in the list of the Russian
reviewed scientific journals**

Партнеры:
Международная ассоциация содействия правосудию;
Международная полицейская ассоциация
Российская криминологическая ассоциация

Partners:
International Union of Assistance to Justice;
International Police Association
Russian Association for Criminology

Адрес редакции:
625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Editorial Board's address:
Amurskaya str. 75, Tyumen, Tyumen region,
625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 516; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-51965 от 29.11.2012 г.

Редактор Е.В. Карнаухова. Технический редактор Е.К. Булатова.

Перевод на английский язык: М.И. Лыскова, Ю.А. Никонова.

Подписано в печать 19.12.2014. Формат 60x84/8. Усл. п. л. 25,1. Уч.-изд. л. 20,47

Тираж 1000 экз. Заказ N 130. Цена свободная.

© ФГКОУ ДПО «ТИПК МВД России», 2014.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Предисловие к N 4 (30) 2014	7	Foreword to Volume 30 (2014), Issue 4
Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности		Section 1. Methodology of law enforcement activities
КОМИССАРОВА Е.Г. Теория диффамации в учении о защите чести и достоинства	8	KOMISSAROVA E.G. Theory of defamation in the doctrine of honor and dignity protection
БЕРОВА Д.М. Совпадает ли правосудие с разрешением уголовного дела судом?	15	BEROVA D.M. Does the justice concur with court adjudication of criminal case?
БУРКО В.А., МАЛЬЦЕВ О.А. Оценка населением Пермского края работы полиции	20	BURKO V.A., MALTSEV O.A. Assessment of police work by the population of the Perm region
Раздел 2. Охрана и защита прав человека		Section 2. Human rights protection
АНОХИН Ю.В., ЧЕСНОКОВ А.А. Принципы защиты прав личности во внешней и внутренней правовой политике Российского государства	33	ANOKHIN Yu.V., CHESNOKOV A.A. Principles of human rights protection in foreign and home legal policy of the Russian state
КИРИЧЕК Е.В. Совершенствование деятельности полиции по обеспечению конституционных прав и свобод человека и гражданина и взаимодействию с институтами гражданского общества: комплексные меры	40	KIRICHEK E.V. Improving the police activities in ensuring the constitutional rights and freedoms of man and citizen and interaction with civil society institutions: comprehensive measures
Раздел 3. Уголовный закон		Section 3. Criminal Law
ГРИГОРЬЕВ Д.А., МОРОЗОВ В.И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии?	50	GRIGORYEV D.A., MOROZOV V.I. How to identify the person holding the highest position in the criminal hierarchy?
ПЕТУХОВ Е.В. Общественные отношения, нарушаемые незаконным использованием документов для образования юридического лица	59	PETUKHOV E.V. Public relations violated by unlawful use of documents to form a legal entity
ВДОВИЧЕНКО К.Г. Особенности квалификации воспрепятствования проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них	63	VDOVICHENKO K.G. Features of categorization of prevention of conducting meetings, rallies, demonstrations, marches, picketing or participation in them as a crime
Раздел 4. Криминологическая наука		Section 4. Criminology
АНТОНЯН Ю.М. Криминология будущего: междисциплинарные научные связи	67	ANTONYAN Yu.M. Criminology of the future: interdisciplinary scientific connections
САБИТОВ Р.А. Криминологические проблемы исследования последствий преступности	76	SABITOV R.A. Criminological problems of studying crime consequences

ЮЗИХАНОВА Э.Г. Статистические показатели и тенденции преступности несовершеннолетних в новейшей России	82	YUZIKHANOVA E.G. Statistical indicators and trends in juvenile delinquency in modern Russia
Раздел 5. Пенитенциарная система		Section 5. Penitentiary system
ГРИШКО А.Я. Уголовно-исполнительный закон будущего: направления реформирования	88	GRISHKO A.Ya. Penal law of the future: directions of reforming
ПОНОМАРЕВ Э.П. Эффективность исправления условно осужденных военнослужащих: поиск критериев	94	PONOMARYOV E.P. Efficiency of probationer servicemen correction: search for the criteria
Раздел 6. Правоохранительная политика		Section 6. Law enforcement policy
ГАЙДИДЕЙ Ю.М. Судебная система России: ошибки реформирования	103	GAYDIDEY Yu.M. Judicial system of the Russian Federation: reforming errors
ЧЕПУС А.В. Общая характеристика института привлечения к ответственности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации	107	CHEPUS A.V. General characteristics of the institute of bringing senior officials of the subjects of the Russian Federation to justice
Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение		Section 7. Criminal procedural review
БЕЛКИН А.Р. Дефекты нового законодательного регулирования апелляционного производства	112	BELKIN A.R. Defects in new legislative regulation of the appeal proceedings
ФАДЕЕВ П.В. Комплексная правовая помощь участникам уголовного судопроизводства при осуществлении мер безопасности	118	FADEEV P.V. Comprehensive legal aid to the participants in criminal proceedings when applying security measures
КОРНАКОВА С.В., ГАЙКОВ Д.Г. Установление мотивов совершения преступлений: криминалистические возможности и уголовно-процессуальная целесообразность	126	KORNAKOVA S.V., GAIKOV D.G. Establishing motives for committing crimes: criminalistic possibilities and criminal procedure expediency
Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики		Section 8. Improving law enforcement practice
ДРОНОВА О.Б. Современные возможности повышения эффективности противодействия обороту фальсифицированной потребительской продукции	134	DRONOVA O.B. Current means for raising efficiency of counteraction to counterfeit goods trafficking
ДУБОНОСОВ Е.С., ПЕТРУХИНА О.А. Формы противодействия криминальной среды исполнению функции государственной защиты участников уголовного процесса и меры по его нейтрализации	140	DUBONOSOV E.S., PETRUKHINA O.A. Forms of the criminal environment counteraction to performing the function of state protection of participants in criminal proceedings and measures of its neutralization
МАКАРОВ М.А., СМАХТИН Е.В. Уголовно-процессуальный кодекс и Устав уголовного судопроизводства в расследовании терроризма: учимся у прошлого	148	MAKAROV M.A., SMAKHTIN E.V. Criminal procedure code and charter of criminal proceedings in terrorism investigation: learning from the past

Раздел 9. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

ВОРОНИН С.Э., КУЗНЕЦОВА С.М.
Классификация судебно-следственных ситуаций и ее значение для криминалистической тактики

ШУВАЛОВА Д.Н. Криминалистическая характеристика и выявление преступлений, связанных с проституцией

Раздел 10. Компаративистика и зарубежный опыт

СТУКАНОВ В.Г. Возможности пропаганды в правоохранительной практике: опыт Республики Беларусь

ДЯЧУК М.И. Конкретизация гражданского законодательства Верховным Судом Республики Казахстан: необходимость и пределы

РОДИН В.В., ЯДЖИН Н.В. Досудебное соглашение и «сделка с правосудием»: прагматизм без конфликта с нравственностью?

КАБЕЛЬКОВ С.Н. Перспективы применения медиации в российском уголовном судопроизводстве с учетом международного опыта

Раздел 11. Кадровое и морально-психологическое обеспечение деятельности правоохранительных органов

ЗЛОКАЗОВ К.В. Эмпирический анализ типов деструктивности сотрудников правоохранительных органов

Раздел 12. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

СИЛЬЧЕНКО В.В. Эффективность государственной защиты участников уголовного судопроизводства от воздействия организованной преступности

НИКАНОРОВ С.А. Процессуальное положение прокурора при производстве дознания в сокращенной форме

Section 9. Criminalistic provision of law enforcement activities

VORONIN S.E., KUZNETSOVA S.M.
156 Classification of judicial investigation situations and its importance for criminalistic tactics

SHUVALOVA D.N. Criminalistic characteristics and detection of crimes related to prostitution
164

Section 10. Comparative studies and foreign experience

STUKANOV V.G. Propaganda techniques in law enforcement practice: experience of the Republic of Belarus
170

DYACHUK M.I. Concretization of civil legislation by the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan: necessity and limits
176

RODIN V.V., YADZHIN N.V.
180 Pre-trial agreement and plea bargain: pragmatism without conflict with morality?

KABELKOV S.N. Prospects of applying mediation in the Russian criminal proceeding based on international experience
190

Section 11. Personnel, moral and psychological support of law enforcement agencies activities

ZLOKAZOV K.V. Empirical analysis of the types of destructiveness of law enforcement officers
195

Section 12. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

SILCHENKO V.V. The efficiency of state protection of participants in criminal proceedings from the impact of organized crime
202

NIKANOROV S.A. Procedural status of prosecutor during the conduction of short inquiry
211

ПРЕДИСЛОВИЕ К N 4 (30) 2014

Перед Вами тридцатый номер международного рецензируемого журнала открытого доступа «Юридическая наука и правоохранительная практика». За восьмилетнюю издательскую историю в результате многоэтапных качественных преобразований журнал превратился в узнаваемое и авторитетное издание.

В каких же направлениях развивается журнал? Во-первых, мы окончательно сформировали издательскую политику и определили его миссию. Четкая тематическая направленность публикуемых материалов соответствует актуальному социальному заказу и позволяет журналу обрести в потоке сериальных изданий собственное лицо.

Основной стиль подачи материала — критический: издание остается площадкой для выявления недостатков правоохранительной практики. Журнал призван способствовать формированию активной, открытой, демократической, гуманной и эффективной правоохранительной системы Российского государства: выявлению и разрешению проблем законодательного регулирования правоохранительной деятельности; противодействию нарушениям прав и свобод человека и гражданина; развитию правоохранительных средств и институтов.

Во-вторых, созданы эффективные механизмы оценки качества публикуемых материалов. Практика доказывает, что оценка научных статей одними и теми же постоянными (штатными) экспертами имеет существенный недостаток — методологическую однообразность схемы рецензирования. Монополия рецензента ограничивает дискуссию, препятствует опубликованию альтернативных подходов. Предлагаем сотрудничество кандидатам и докторам наук — признанным специалистам в отдельных отраслях юридической науки и правоохранительной практики (лицам, не относящимся к издательству и редколлегии). Журнал поощряет оценку статей по схеме двойного «слепого» рецензирования не менее чем двумя-тремя рецензентами.

В-третьих, журнал выходит на международный уровень: в обновленный состав редакционной коллегии вошли ученые из восьми стран (страны СНГ, Европы и Ближнего Востока); на его страницах опубликованы статьи авторов из Белоруссии, Германии, Казахстана, США, Украины, Чехии; печатные экземпляры рассылаются в библиотеки зарубежных образовательных организаций. Объемные и качественные рефераты на английском языке позволяют иностранным читателям получить представление об опубликованных статьях, а пристатейные списки с транслитерацией и переводом — оценить их источниковедческую базу и детальнее изучить вопрос.

Редакция исходит из того, что каждое суверенное государство реализует собственную — уникальную — правоохранительную политику и практику. Не существует универсальной национальной правоохранительной системы, как не существует одинаковых политических и правовых систем, одинаковой истории, культуры, традиций, языка и т.д. Международный состав авторов и редакционной коллегии издания способствует научному освещению правоохранительной реальности различных государств, их сопоставлению и гармонизации, выявлению и заимствованию лучшего правоохранительного опыта в условиях вызовов и угроз XXI века.

В-четвертых, проделана значительная работа по политике открытого доступа к журналу, повышению его видимости в информационном пространстве и распространению печатной версии. Разработан новый двуязычный сайт издания (naukatipk.ru), на котором представлены подробные сведения о журнале и его полный архив, при этом каждая статья с метаданными загружается с отдельной страницы. Полные тексты статей представлены не только на платформе РИНЦ, но и в других информационно-библиотечных ресурсах. Издание включено в универсальный каталог Ulrich's periodicals directory, индексируется в десяти международных базах данных.

Печатные экземпляры, помимо обязательной рассылки, поступают в библиотеки более чем ста двадцати российских и зарубежных организаций.

Проделанная работа, как неоднократно отмечали наши авторы и читатели, свидетельствует о заметном прогрессе издания. Вместе с тем многое еще только предстоит сделать, и редакционная коллегия готова осуществить мероприятия, необходимые для дальнейшего развития журнала.

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

КОМИССАРОВА Е.Г., доктор юридических наук, профессор, eg-komissarova@yandex.ru Кафедра правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, Амурская, 75	KOMISSAROVA E.G., Doctor of Legal Sciences, professor, eg-komissarova@yandex.ru Chair of legal training of law enforcement officers; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
---	--

ТЕОРИЯ ДИФФАМАЦИИ В УЧЕНИИ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА

Реферат. Значительный рост интереса к теме защиты чести и достоинства как личных нематериальных благ в последнее время обусловлен двумя ключевыми актами: Федеральным законом от 2 июля 2013 г. N 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. N 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова». Очевидна дальнейшая гуманизация гражданского законодательства, его корреспондирование правам человека, а также стремление законодателя ликвидировать отставание в регулировании отношений по защите личных нематериальных благ. Происходящие законодательные изменения стали связываться с теорией диффамации. В оборот российской юриспруденции вошел целый набор диффамационных терминов, относящихся к личным нематериальным благам и характеризующих соответствующие поведение, деликт, учение, правонарушение. Все чаще употребляется словосочетание «диффамационное право», логико-смысловые границы, методологические ориентиры и отраслевая принадлежность которого еще не ясны. Большинство положений диффамационной теории воспринимается как данность, тогда как сама она возникла еще в дореволюционном (буржуазном — для советской юриспруденции) праве и в современных условиях претерпевает существенные преобразования. Обосновывается необходимость теоретической разработки диффамационного учения применительно к новым условиям его практического приложения, в связи с чем в статье рассматриваются необходимые методологические ориентиры.

Ключевые слова. диффамация, честь, достоинство, личные нематериальные блага, клевета, защита, оскорбление, порочащие сведения.

THEORY OF DEFAMATION IN THE DOCTRINE OF HONOR AND DIGNITY PROTECTION

Abstract. A significant growth of interest in the issue of protection of honor and dignity as personal intangible benefits is recently caused by two key acts: Federal Law of July 2, 2013 N 142 "On amendments to subsection 3 of section I of the first part of the RF Civil Code" and decision of the RF Constitutional Court of July 9, 2013 N 18 "On the case about verification of the constitutionality of the provisions of paragraphs 1, 5, 6 of Article 152 of the RF Civil Code in connection with the complaint of a citizen E.V. Krylov". Further humanization of the civil law, its corresponding with human rights, as well as legislator's wish to eliminate the backlog in regulations of relations on the protection of personal intangible benefits are obvious. The ongoing legislative changes became associated with the theory of defamation. A lot of defamation terms, relating to personal intangible benefits and characterizing the corresponding behavior, tort, doctrine, offence, appeared in the Russian jurisprudence. The phrase "defamation law" is more frequently used, but its logical-semantic boundaries, methodological guidelines and branch are not yet clear. Most of the provisions of the defamation theory are taken for granted, while the theory itself dates back to pre-revolutionary (bourgeois — for the Soviet jurisprudence) law and is undergoing a significant transformation currently. The need for theoretical elaboration of the defamation doctrine as applied to the new conditions of its practical application is substantiated. Therefore the necessary methodological guidelines are considered in the article.

Keywords: defamation, honor, dignity, personal intangible benefits, slander, protection, insulting, defamatory information.

Известно, что моральное пространство, в котором живет человек, гораздо шире, нежели пространство правовое, чье «тело» наполнено абстрактными формулами многоразового применения. Стремясь к оценке этих формул и их совершенствованию, соединяя эти два пространства, доктрина привлекает для исследовательских целей терминологические единицы «надюрисдикционного» свойства. Те, которые в действующем праве отсутствуют, но используются в международном правовом пространстве, а также в национальном доктринальном обороте. Уверенность исследователям придает тот факт, что в российском праве прежних исторических периодов они тоже были, несмотря на то, что не прижились и ушли из нормативного оборота по ряду социально-юридических причин. Подобное случилось с термином «диффамация»*, впервые вошедшим в нормативный оборот российской юриспруденции в середине XIX в.

Без краткого исторического экскурса в прежнее право отыскать истоки диффамационного учения невозможно. Попытки любого исследователя их отыскать неизбежно приведут к нормам Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В ст. 1039 Уложения раскрывалось понятие диффамации в виде оглашения в печати такого обстоятельства о частном или должностном лице, обществе или установлении, которое может повредить их чести, достоинству или доброму имени**. Иными словами, деяние это было порочное и осуществлялось посредством печати. Именно печатная форма свершившейся порочности, в целях отличия от иных форм порочных проявлений, вызвала к жизни в тот исторический период новое нормативное явление с названием «диффамация».

Не будем стремиться к очередному воспроизведению доступного и уже во многом известного исторического опыта, ограничимся лишь обобщающими выводами относительно тех наличных сужде-

ний, которыми сегодня оперируют ученые, исследующие проблему диффамации [1].

Активное исследование диффамационных явлений в уголовно-правовой науке пришлось на конец XIX в. На рубеже XIX-XX вв. к исследованию диффамации обратилась и гражданско-правовая наука. К этому времени правила о диффамации появились в других правовых системах, и в пользу цивилистических исследований послужили отсылки к западноевропейскому опыту того времени, где нормы о диффамации получили свое развитие в качестве попытки законодателя обеспечить сбалансированный подход к праву на свободное выражение мнения — в пользу другого важного интереса — защиты репутации. В российской доктрине также было высказано утверждение о том, что защита от диффамации должна носить, в том числе, и гражданско-правовой характер. Как утверждал в то время Г.Ф. Шершеневич, «с точки зрения формальной теории, в гражданское право должны бы войти нормы, определяющие последствия диффамации, клеветы, контрафакции, кражи между супругами, между родителями и детьми, личные обиды и оскорбления, неосторожное банкротство, потому что во всех этих случаях инициатива защиты нарушенного интереса предоставлена частному лицу» [2, с. 63]. Постепенно термин «диффамация», при сохранении своего содержательного ядра в виде порочащих сведений, не соответствующих действительности, стал обретать межотраслевое значение с весьма подвижными смысловыми границами. Эту самую подвижность замечали и сами дореволюционные ученые, указывая, что «юристу непростительно играть метафорами, юриспруденция требует точности в выражениях и не допускает иносказаний» [3, с. 16].

Так или иначе, но выход диффамационного учения за пределы уголовно-правовой науки обеспечил весьма ощутимую неоднозначность понятия «диффамация», что, конечно, неспособно было послужить точности и последовательности возможных законодательных построений с использованием диффамационной терминологии. Можно предположить, что в этом одна из причин того, что законодатель отказался от термина «диффамация» в нормативном обороте — из уголовного

* От лат. «diffamatio». От него происходят английское «defamation», немецкое «diffamiation», французское «difamacion», означающие в переводе «порочить».

** Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб. Изд. 1885 г. с включением статей по продолжению 1886, 1887 и 1889 гг. С. 503.

законодательства он впоследствии был исключен, а в нормы гражданского так и не вошел — ни один из кодифицированных актов гражданского законодательства его не воспринял. Но в доктрине остался заметный след в виде диффамационного учения, которое сегодня имеет уже весьма многочисленный ряд последователей [4; 5; 6; 7; 8; 9].

Современная научная картина диффамационного учения дает основания полагать, что оно развивается больше не вглубь, а вширь. Находясь на уровне абстрагирования, где ведущим приемом познания является логика, позволяющая сформировать некие обобщенные свойства диффамационных явлений, эта теория сегодня колеблется за счет комбинации известных идей и инвентаризации накопившихся в доктрине многочисленных определений самого понятия «диффамация»*. Одни ученые используют диффамационную терминологию как законодательную данность без проникновения в истинную сущность диффамации [10, с. 33]. Другие используют диффамацию как весьма ординарное, общеизвестное и доступное понятие [11, с. 132]. Третьи высказываются за создание единого диффамационного закона, что «позволит конкретизировать объем прав, подлежащих защите при возникновении диффамационного деликта... и избежать коллизий, возникающих при защите некоторых неимущественных прав личности, гарантированных Конституцией Российской Федерации» [12, с. 224]. При таком положении анализ современного диффамационного пространства дает весьма противоречивый итог развития дореволюционной теории диффамации: с одной стороны, наличествует мировоззренческая ценность, обеспечивая поддержание проблемы защиты личных нематериальных благ в актуальном теоретическом состоянии, с другой, как оказалось, доступность исторического ракурса диффамационной теории обретает синоним ее сегодняшней законодательной значимости.

* Наиболее полно весь плюрализм современных научных взглядов по вопросу о том, что в итоге включает в себя диффамация, приведен в работе М. Свинцовой (см.: Свинцова М. Противодействие диффамации по российскому гражданскому праву. М.: Юстицинформ, 2013). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

Нет никаких оснований полагать, что диффамационная терминология должна быть исключена из доктринального оборота — она весьма удобно «покрывает» все вопросы, связанные с защитой личных нематериальных благ, перечисленных в ст. 150 ГК РФ «Нематериальные блага» в ее обновленной редакции**, чьи нормы выполняют роль кросс-понятий для других отраслей права. Однако есть необходимость в формальном разграничении законодательного, общеупотребительного и научного понятия «диффамация». Такое разграничение может стать отправной точкой для достижения предварительного доктринального согласия о границах диффамации и последующем отграничении диффамационных явлений от смежных с ними и, возможно, приблизит ученых к ответу на вопрос о том, является ли диффамация причиной соответствующих правовых последствий, или это все же следствие. Эффективным итогом такого подхода станет устранение проблемы «многоликости» диффамации, когда для одних это правонарушение, для других — способ защиты нематериального блага, для третьих — ответственность за нарушение личного неимущественного права. Как следствие, более обоснованными станут взгляды на виды диффамации — благодаря научным усилиям они тоже многообразны. Анализ весьма многочисленных литературных источников, посвященных современному диффамационному учению, позволяет увидеть диффамацию устную и письменную, полную и усеченную, преднамеренную диффамацию (клевета), неприличную (оскорбление), достоверную и недостоверную, умышленную и неумышленную диффамацию. Нельзя исключить появления новых разновидностей, так как точки отсчета, которая может считаться истиной, нет, как нет и мерила обоснованности той или иной классификации.

Во избежание многосмысловых суждений о диффамации, необходимости учета действующего современного разнотраслевого законодательного баланса

** О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 2 июля 2013 г. N 142-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 27. Ст. 3434.

норм, относящихся к «диффамационным» правонарушениям, выявления истинного уровня бытия этого явления, все чаще именуемого правовым институтом, надлежит обратиться к методологическим истокам вопроса, то есть обозначить те необходимые подходы, на которые диффамационная теория должна опираться. Опора на строго определенные методологические подходы — это не только способ недопущения различных гносеологических «ловушек», но и обеспечение сохранности логически непротиворечивой правовой концепции понятийного аппарата, ибо толкование понятий и категорий, в том числе выяснение их соотношения, было и остается актуальной задачей любой отрасли права.

Первое. Одним из ориентиров для российской правовой доктрины в диффамационной теории стала практика Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), в которой весьма часто употребляется термин «диффамация». Факт этот общеизвестен. Между тем малоизвестен тот факт, что термин «диффамация» здесь употребляется в виде так называемого «автономного понятия», приспособленного под цели ратифицированной Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод* (Федеральный закон от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней»). Объем и содержание таких «автономных понятий» ЕСПЧ определяет, основываясь на целях и задачах указанной Конвенции. Главная особенность таких понятий — их семантическая независимость от национального законодательства участников спора. Соотнесение понятия «диффамация», употребляемого в практике ЕСПЧ, с актами внутреннего российского законодательства произошло на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»**. В нем Верховный Суд РФ указал, что «используемое Европейским судом

по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации». Наличие указанного толкования дало ученым повод констатировать факт прихода в российское законодательство «официальной юридической категории» [13, с. 121]. Само же постановление Пленума N 3 получило статус «постановления о диффамации».

Нет необходимости обсуждать вопрос о том, как соотносятся акты обобщения судебной практики и практика законотворчества, в силу его очевидности. Дословный анализ приведенного судебной практикой уточнения позволяет увидеть необходимую связанность судебных инстанций не только нормами российского права, но и права международного, поскольку национальная правовая система Российской Федерации открыта для восприятия международно-правовых ценностей и аналоги этих ценностей есть и в российском законодательстве. Разумеется, ни о каком дополнении действующего законодательного аппарата в части защиты нематериальных благ в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. N 3 речи не идет. Согласившись с обратным и учитывая последующую динамику норм о нематериальных благах, следовало бы признать, что после принятия Федерального закона от 2 июля 2013 г. N 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», дополнившего ст. 152 ГК РФ такими сведениями, как «сведения, не соответствующие действительности» (а они к порочным не относятся), законодателю надлежало бы откорректировать понятие диффамации. Как известно, этого не случилось, так как оно не относится к числу правовых единиц, используемых российским законодателем.

Для убедительности назовем еще одно постановление судебной инстанции — постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. N 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в свя-

* Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Рим, 4 нояб. 1950 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 2.

** Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. N 4.

зи с жалобой гражданина Е.В. Крылова»*. Предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ были положения пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 ГК РФ, устанавливающие специальные способы защиты личных неимущественных прав лица. Давая обстоятельную мотивировку выносимого постановления, данный судебный орган избежал употребления термина «диффамация». Все его формулировки ориентированы на действующую законодательную терминологию. Случись обратное, можно предположить, что термин «диффамация» со ссылкой на данное постановление Конституционного Суда РФ ученые бы поспешили объявить нормативным.

Второе. Весьма значимым для исследования диффамационных явлений должен служить тот факт, что в зарубежной научной литературе диффамационные течения связываются именно с гражданско-правовыми способами защиты чести и достоинства**. Это естественное следствие того, что диффамационное учение за рубежом получает свое развитие за счет прекращения применения уголовного наказания за диффамацию и перехода диффамационной терминологии исключительно в гражданско-правовое поле. Нормы упоминавшейся выше Конвенции о защите прав человека и основных свобод призывают все государства отыскать тот разумный взвешенный баланс, который необходим всякому правовому государству при решении вопроса о том, под юрисдикцию каких норм — уголовно-правовых, административных или гражданско-правовых и в каких случаях должны попадать правонарушения, связанные с

ущемлением чести и достоинства. Постановка вопроса именно в таком ракурсе соответствует современной международной практике, выраженной в позициях ЕСПЧ, придерживающегося в этом вопросе использования сугубо гражданско-правовых мер и способов защиты и призывающего к декриминализации проблемы, связанной с нарушением и защитой личных нематериальных благ. Все это говорит в пользу того, что теория диффамации должна обрести в итоге гражданско-правовую принадлежность, а не комплексный характер с уклоном в сферу публично-правового регулирования. Без внутриотраслевого законодательного «приюта» это учение обречено на бессмысленную многовариантность с точки зрения его истинных границ.

О теории комплексности применительно к теории диффамации следует сказать отдельно. Сегодня так называемые комплексные теории весьма востребованы разными доктринами, так как именно в них немалое число исследователей ищут спасение, если признаки изучаемого явления или процесса отыскиваются в разных областях права. Обращение же к диффамационной теории через призму международных правовых ценностей не предполагает использования концепции «комплексности». Она может и должна быть жизнеспособной применительно к сфере частноправового регулирования. Нельзя не учитывать и специфику «диффамационных» деликтов — они имеют значительное число (гражданско-правовых) особенностей. Эти особенности связаны не только с необходимостью каждый раз решать коллизию между правом на защиту чести и достоинства, с одной стороны, и правом на свободу слова — с другой («столкновение прав»). Свое начало эти особенности берут от субъекта, инициирующего защиту личных нематериальных благ, впоследствии включаются характеристики вины, как правило, не требующие учета ее форм в сфере гражданско-правового регулирования. Значимыми для гражданско-правовой сферы становятся различия между сведениями ложными (недействительными) и сведениями порочными. Есть и специфика, связанная со смещением бремени доказывания по делам, связанным с ущемлением чести, достоинства, деловой репутации.

* Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2013. N 6.

** Как замечено в зарубежной литературе, «Законы, предполагающие уголовную ответственность за диффамацию, критикуются еще и потому, что диффамация считается частным делом двух причастных лиц, и государству тут якобы делать нечего. Кроме того, во многих странах вынесение приговора по уголовному делу не дает никакого возмещения лицу, чьи честь и достоинство пострадали, так как штраф сразу поступает в государственную казну» (см.: Дэниэл Саймонс. Коротко о диффамации: основные концепции законодательства о защите репутации: пособие для активистов. ARTICLE 19, 6-8 Amwell Street, London EC1R 1UQ, United Kingdom, 2006. С. 23).

Третье. Расширение географии отраслевого внимания к проблемам диффамации все больше актуализирует вопрос о том, насколько это понятие оказывается теоретически и практически значимым в теории частного права, где на случай нарушения личных неимущественных прав есть устоявшиеся и общепризнанные законодательством и судебной практикой понятия. Исходя из экскурса в прежнее диффамационное пространство, нетрудно начертать лексическую цепочку устоявшейся «диффамационной» терминологии — научную и законодательную. От таких понятий, как «возмещение репутационного вреда», «вознаграждение за бесчестье», «очернение репутации», «оглашение сплетен»; «личные права», законодатель пришел к личным неимущественным правам; нематериальным благам; компенсации морального вреда; защите чести, достоинства и деловой репутации. Современная дифференциация законодательных понятий, относящихся к сфере защиты личных нематериальных благ, имеет достаточно высокий уровень и вряд ли нуждается в расширении сущностей. Конечно, при желании этот нормативный контент можно «покрыть» термином «диффамация»*, но без преувеличения его законодательной значимости и желания пустить все найденное в истории в нормативный оборот, приписывая современное законодательное ложе терминам, покоящимся в истории. Все же надлежит помнить, что в дореволюционной истории эта теория, кроме ее мировоззренческой роли, отчасти служила еще и восполнению неразвитости имеющихся нормативных установлений. Сегодня уместнее вспомнить слова У. Ок-

кама «*entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*», что в переводе означает: «сущности не следует приумножать сверх необходимости». Это высказывание английского философа-номиналиста XIII в., именуемое исследователями как принцип «брита Оккама», — один из известных методологических приемов, не позволяющих множить понятия, которые ученый именовал сущностями.

Следует признать, что бытийная основа термина «диффамация» — логическая. Как известно, пребывание понятия на логическом уровне позволяет выбирать, пользоваться им или не пользоваться, в зависимости от того, способно ли оно служить средством юридического познания и анализа. Очевидно, что такое положение недопустимо по отношению к понятиям, заложенным в законодательстве. Таково соотношение правовой теории и законодательной реальности. Именно поэтому надлежит всякий раз соотносить познавательное понятие «диффамация» с теми нормативными единицами и конструкциями, которые уже «живут» в наличном законодательстве, тем самым отделяя его от общеупотребительного понятия «диффамационный», используемого во внеправовых областях как синоним обыденного и очень широкого понятия «патология». В противном случае в диффамационной теории ведущим окажется внеотраслевой феноменологический подход, при котором усилия исследователя направляются не на смысл и реальное юридическое наполнение диффамации, ее границы, а на сам термин. Надо ли говорить, насколько бесполезно такое учение для разных видов юридической практики.

* В этой части надлежит согласиться с мнением А.М. Эрделевского, предложившего использовать диффамацию в качестве родового понятия (см.: Эрделевский А.М. Диффамация // Законность. 1988. N 12. С. 45).

Список литературы

1. Измestьева-Куниц А.А. Диффамация и способы защиты от нее в дореволюционном гражданском праве // Российский судья. 2010. N 1. С. 31-34.
2. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Издание бр. Башмаковых, 1911.
3. Данилов К.Г. Лохвицкий и диффамация // Санкт-Петербургские ведомости. 1864. 22 дек.
4. Аюпов О.Ш. Защита деловой репутации юридического лица от диффамации в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2013. 23 с.
5. Михалевич Е.В. Опровержение и ответ как внесудебные способы защиты чести, достоинства и деловой репутации общественных и политических деятелей // Юридический мир. 2013. N 4. С. 54-57.

6. Гаврилов Е.В. Опровержение не соответствующих действительности порочащих сведений как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // Законодательство и экономика. 2012. N 9. С. 46-51.
7. Эрделевский А. Диффамация // Законность. 1998. N 12.
8. Потапенко С.В. Диффамационное право: гражданско-правовой аспект. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2007. 204 с.
9. Чутов С.А. Распространение порочащих сведений: диффамация // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. N 8. С. 75-77.
10. Жирова М.Ю. Ложность сведений как элемент предмета доказывания по делам о клевете (уголовно-наказуемой диффамации) в контексте опыта Европейского Суда по правам человека // Юридический аналитический журнал. 2009. N 1 (25).
11. Сидоров В.А. Право на защиту чести и достоинства: соотношение права и морали: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 210 с.
12. Шабанов Д.С. Понятие диффамации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. 2010. N 3 (3). С. 224-226.
13. Гаврилов Е.В. Гражданско-правовая диффамация как гражданско-правовое нарушение // Подготовка доклада о состоянии прав человека в Российской Федерации и зарубежных странах. М.: Юрист, 2010. С. 121-128.

References

1. Izmest'eva-Kunts A.A. *Diffamatsiya i sposoby zashchity ot nee v dorevolyutsionnom grazhdanskom prave* [Defamation and how to protect against it in the pre-revolutionary Russian civil law]. *Rossiyskiy sud'ya* – Russian judge, 2010, no. 1, pp. 31-34.
2. Shershenevich G.F. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook Russian civil law]. Moscow, Publishing brothers Bashmakov, 1911.
3. Danilov K.G. *Lokhvitskiy i diffamatsiya* [Lokhvitskii and defamation]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* – St. Petersburg Gazette, 1864, December 22.
4. Ayupov O.Sh. *Zashchita delovoy reputatsii yuridicheskogo litsa ot diffamatsii v grazhdanskom prave Rossii. Avtoref. Kand. Diss.* [Protection of the business reputation of the legal entity of the civil law of defamation in Russia. Autoabstract Cand. Diss.]. Tomsk, 2013. 23 p.
5. Mikhalevich E.V. *Oproverzhenie i otvet kak vnesudebnye sposoby zashchity chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii obshchestvennykh i politicheskikh deyateley* [Refutation of an answer and extrajudicial methods of protection of honor, dignity and business reputation of public figures and politicians]. *Yuridicheskiy mir* – Legal world, 2013, no. 4, pp. 54-57.
6. Gavrilov E.V. *Oproverzhenie ne sootvetstvuyushchikh deystvitel'nosti porochashchikh svedeniy kak sposob zashchity chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii* [Refutation of false defamatory statements as a way to protect the honor, dignity and business reputation]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* – Law and Economics, 2012, no. 9, pp. 46-51.
7. Erdelevskiy A. *Diffamatsiya* [Defamation]. *Zakonnost'* – Legality, 1998, no. 12.
8. Potapenko S.V. *Diffamatsionnoe pravo: grazhdansko-pravovoy aspekt* [Defamatory law: civil aspect]. Abakan, Publisher Khakassky State University of a name of N.F. Ketanov, 2007. 204 p.
9. Chutov S.A. *Rasprostranenie porochashchikh svedeniy: diffamatsiya* [Defamation: defamation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: experience, analysis, and practice, 2008, no. 8, pp. 75-77.
10. Zhirova M.Yu. *The falsity of information as part of the subject of proof in libel cases (criminal defamation) in the context of the experience of the European Court of Human Rights* [The falsity of the information as part of the subject of proof in libel cases (criminal defamation) in the context of the experience of the European Court of Human Rights]. *Yuridicheskiy analiticheskiy zhurnal* – Legal analytical magazine, 2009, no. 1 (25).
11. Sidorov V.A. *Pravo na zashchitu chesti i dostoinstva: sootnoshenie prava i morali. Kand. Diss.* [The right to protection of honor and dignity: the ratio of law and morality. Cand. Diss.]. Moscow, 2003. 210 p.
12. Shabanov D.S. *Ponyatie diffamatsii* [The concept of defamation]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki* – Vector science Togliatti State University. Series: Jurisprudence, 2010, no. 3 (3), pp. 224-226.
13. Gavrilov E.V. *Grazhdansko-pravovaya diffamatsiya kak grazhdansko-pravovoe narushenie* [Civil law of defamation as a civil law violation]. *Podgotovka doklada o sostoyanii prav cheloveka v Rossiyskoy Federatsii i zarubezhnykh stranah* [Preparation of a report on the state of human rights in the Russian Federation and foreign countries]. Moscow, Yurist Publ., 2010. Pp. 121-128.

БЕРОВА Д.М.,
доктор юридических наук, доцент,
berova-d@yandex.ru
Северо-Кавказский институт
повышения квалификации
(филиал) Краснодарского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
360016, Кабардино-Балкарская Республика,
г. Нальчик, Мальбахова, 123

BEROVA D.M.,
Doctor of Legal Sciences,
associate professor,
berova-d@yandex.ru
North-Caucasus Advanced
Training Institute (branch);
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
Malbakhova St. 123, Nalchik, 360016,
Kabardino-Balkar Republic,
Russian Federation

СОВПАДАЕТ ЛИ ПРАВОСУДИЕ С РАЗРЕШЕНИЕМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СУДОМ?

Реферат. Сопоставляются формулы «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом» и «суд разрешает уголовное дело». Проводится обзор имеющихся в литературе научных позиций. Исследована точка зрения на правосудие, согласно которой оно трактуется в широком смысле слова — как любая процессуальная деятельность суда (включающая и досудебный контроль за органами предварительного расследования), рассмотрены аргументы, ее обосновывающие: правосудие — это не только производство и вывод о виновности и ответственности, но и решение жизненно важных вопросов об аресте, обыске, применении других мер уголовно-процессуального принуждения. Автор призывает рассматривать правосудие в его прямом значении и самом узком смысле — как деятельность суда по рассмотрению и разрешению уголовного дела. Все остальные функции суда, включая функцию досудебного контроля за органами предварительного расследования, не могут считаться правосудием. Разрешение уголовного дела полностью совпадает с правосудием, при этом приоритетным законодательным термином остается «правосудие». Доказывается, что правосудие как разрешение дела судом начинается на стадии подготовки к судебному заседанию, однако оно осуществляется и во всех последующих судебных инстанциях, а также при возобновлении дела ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств, поскольку в этих случаях возможны отмена или изменение приговора, что является исключительной прерогативой суда и, следовательно, образует функцию правосудия. Не является правосудием судебное производство на стадии исполнения приговора, поскольку при этом приговор не отменяется и не изменяется, его законность и обоснованность не проверяются и под сомнение не ставятся, а лишь корректируется исполнение наказания.

Ключевые слова: Конституция РФ, уголовно-процессуальный закон, правосудие, разрешение уголовного дела судом, соотношение понятий.

DOES THE JUSTICE CONCUR WITH COURT ADJUDICATION OF CRIMINAL CASE?

Abstract. Two formulas are confronted in the article: “justice in the Russian Federation is administered only by court” and “court adjudicates criminal cases”. Different scientific standpoints are analyzed. The viewpoint on justice as any court procedural activity (including pre-trial control of preliminary investigation bodies) and arguments justifying it are studied, notably justice is not only judicial proceeding and conclusion on guilt and liability, but also deciding issues on arrest, search, taking other measures of criminal procedure constraint. The author proposes to consider justice in its direct meaning and in the narrow sense as the court activity on trying and adjudicating criminal cases. The rest of the court’s functions including the function of pre-trial control of preliminary investigation bodies cannot be considered as justice. The criminal case adjudication totally concurs with justice, and “justice” remains the priority legislative term. It is proved that justice as criminal case adjudication begins in the stage of preparing for judicial sitting, but it is executed in all the following degrees of jurisdiction and also when reopening the case due to newly discovered facts. In such cases reversal and revision of a sentence are possible, which is court’s prerogative forming a justice function. The judicial proceeding in the stage of executing a sentence is not considered as justice because in this case the sentence is not reversed or revised, its legality and validity are not examined and questioned, but execution of punishment can be amended.

Keywords: the Russian Federation Constitution, criminal procedure law, justice, court adjudication of criminal case, correlation of concepts.

В соответствии со ст. 118 Конституции РФ правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Термин «правосудие» употребляется также и в других статьях Конституции. Так, согласно ст. 32 Основного Закона Российской Федерации граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия. Статья 50 Конституции РФ провозглашает, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона.

В УПК РФ также провозглашен принцип осуществления правосудия только судом (ст. 8). Вместе с тем функция суда названа функцией разрешения уголовного дела (ч. 2 ст. 15 УПК РФ).

Возникает вопрос: как соотносятся эти понятия — «правосудие» и «разрешение уголовного дела»?

В научной литературе по этому вопросу высказаны различные, порой прямо противоположные, точки зрения. Так, во многих учебниках по курсу «Правоохранительные органы» функция правосудия названа основной, но не единственной функцией судебной власти. Помимо нее выделяется также ряд иных функций: судебный контроль, судебное санкционирование и др. [1, с. 43-46]. Аналогичную позицию занимают и другие авторы [2, с. 10-13; 3, с. 67-69].

Вместе с тем существует и альтернативная концепция — более широкая трактовка правосудия как любой процессуальной деятельности суда, включающей в себя и досудебный контроль над органами предварительного расследования. «Вся деятельность суда, которая осуществляется в установленном законом порядке судопроизводства, есть не что иное, как правосудие», — пишет, например, И.Б. Михайловская [4, с. 23]. Похожей точки зрения придерживаются и другие авторы [5, с. 5, 9; 6; 7; 8; 9; 10, с. 45-51].

Каковы же основные аргументы сторонников этой позиции?

Прежде всего, эти авторы указывают на особенности процедуры рассмотрения судом различных правовых вопросов как на имманентный признак правосудия. Так И.Л. Петрухин выделяет именно этот признак в различных формах процессуальной деятельности суда: «Правосудие

— не только производство и вывод о виновности и ответственности, но и решение жизненно важных вопросов об аресте, обыске, применении других мер уголовно-процессуального принуждения. Судебный контроль не сводится к безмотивному, необоснованному принятию на веру ходатайства следователя. Он осуществляется при соблюдении процедуры, свойственной правосудию... При рассмотрении жалоб проводится официальное заседание суда с участием сторон и исследование доказательств с соблюдением принципа состязательности» [8, с. 131-132].

Подобной позиции придерживается и В. Лазарева: «Ничем не отличается от иных способов правосудия деятельность суда по выдаче органам уголовного преследования разрешения на ограничение конституционных прав и свобод. Процесс разрешения ходатайства органа расследования или прокурора о заключении под стражу аналогичен процедуре разрешения судом уголовного дела и постановления приговора... Рассматривать судебный контроль на стадии предварительного расследования как особый способ осуществления правосудия позволяет и все более укореняющийся в науке взгляд на правосудие как на деятельность по разрешению социальных конфликтов, восстановлению нарушенных прав. Несогласие обвиняемого, подозреваемого с обоснованностью примененной к нему меры пресечения, а потерпевшего — с прекращением уголовного дела, недовольство лица произведенным в его жилище несанкционированным обыском и т.п. представляет собой различные виды уголовно-процессуальных конфликтов» [9, с. 53].

В исследованиях отмечается также, что сторонники «...отнесения прямого судебного контроля за органами расследования к правосудию стремятся подчеркнуть высокое значение данной судебной деятельности по защите прав личности от незаконных действий органов преследования» [10, с. 8].

Полностью соглашаясь с приведенными аргументами, мы не можем тем не менее разделить выводы указанных авторов, потому что ни аналогичность процедуры, ни значимость этой функции не дают оснований для отождествления ее с функцией правосудия. На наш взгляд, тер-

мин «правосудие» должен применяться лишь в его прямом значении и самом узком смысле — как деятельность суда по рассмотрению и разрешению уголовного дела. Все остальные функции суда, включая функцию досудебного контроля за органами предварительного расследования, не могут считаться правосудием по следующим основаниям.

Во-первых, при решении данного вопроса нужно исходить из основополагающего принципа — принципа осуществления правосудия только судом. Другие же функции суда, кроме разрешения уголовного дела, в общем-то, могут осуществляться также и другими органами (должностными лицами). Например, отказ в возбуждении уголовного дела может быть обжалован как в суд, так и прокурору или руководителю следственного органа (ч. 5 ст. 148 УПК РФ). И решение об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела может принять как суд, так и прокурор или руководитель следственного органа (чч. 6, 7 ст. 148 УПК РФ). Возникает вопрос: что это за правосудие, которое может осуществляться как судом, так и другим государственным органом? И как это согласуется с принципом осуществления правосудия только судом?

Во-вторых, законодательная регламентация полномочий суда в отношении других, кроме разрешения дела, функций нередко меняется. Например, до сравнительно недавнего времени такая мера пресечения, как залог, могла избираться как судом, так и прокурором, а также следователем, дознавателем с согласия прокурора (ч. 2 ст. 106 УПК РФ в редакции Федерального закона от 29 мая 2002 г. N 58-ФЗ*). Теперь она может применяться только по решению суда (ч. 2 ст. 106 УПК РФ в редакции Федерального закона от 5 июня 2007 г. N 87-ФЗ**). И вновь возникает аналогичный вопрос: что это за правосудие, которое сегодня является таковым, а завтра — перестает им быть (или наоборот)?

И, наконец, в-третьих, такая широкая трактовка правосудия, как всего того, что осуществляет суд, приводит к парадоксальному выводу о том, что принцип

осуществления правосудия только судом соблюдается всегда. Точнее, он становится ненужным. Поскольку правосудием объявляется любая деятельность суда, то оно автоматически будет осуществляться только судом. И, наоборот, то, что делается не судом, — не считается правосудием. Получается, что когда приговор выносится несудебным органом (например, пресловутые «тройки» в годы сталинских репрессий), то этот принцип тоже соблюдается — ведь это делает не суд, значит, это не правосудие [1, с. 46].

Ю.К. Орлов справедливо полагает, что при определении сущности правосудия необходимо исходить из природы этой деятельности, а не ее формального аспекта: «Поэтому определение правосудия должно быть не формальным — все то, что делает суд, а содержательным — какая именно деятельность суда является правосудием. И тогда все станет на свои места. Если приговоры выносят несудебные органы, то такое государство не может считаться правовым. Что касается других судебных решений, то они в принципе могут приниматься как судом, так и другим органом, тут возможны различные варианты и изменения, диктуемые криминальной обстановкой, что на практике нередко и делается. Так, в США, государстве правовом, в связи с угрозой терроризма некоторые судебные функции (например, дача санкции на прослушивание телефонных переговоров) переданы прокурору. От этого США не перестали быть правовым государством» [1, с. 46].

Резюмируя изложенное, можно сказать: выполнение любых судебных функций, кроме разрешения уголовного дела, другими субъектами уголовного судопроизводства никак не нарушает принцип осуществления правосудия только судом, в то время как разрешение дела является исключительным полномочием суда. И несоблюдение этого правила является нарушением принципа осуществления правосудия только судом. В связи с этим правосудием может считаться только такая деятельность суда, которая ни при каких обстоятельствах не может осуществляться никем, кроме суда, а именно — разрешение уголовного дела.

При этом не имеет значения, каким решением завершилась такая деятель-

* Рос. газ. 2002. 1 июня.

** Рос. газ. 2007. 8 июня.

ность, — приговором, постановлением о прекращении уголовного дела или решением о применении принудительных мер медицинского характера или воспитательного воздействия.

Как же тогда понимать формулировку ч. 2 ст. 15 УПК РФ о том, что суд выполняет функцию разрешения уголовного дела? По нашему мнению, это своего рода расшифровка термина «правосудие», приведение его к более понятной формулировке, более удобной в данном контексте. Иначе говоря, термин «разрешение уголовного дела» — синоним термина «правосудие», и не более того. Но основным, имеющим приоритет, следует все-таки считать термин, закрепленный в Конституции РФ, — «правосудие».

Когда же осуществляется эта функция, в какой момент она начинается и когда завершается?

Совершенно очевидно, что она осуществляется на стадии судебного разбирательства, но не только на ней. Стадия подготовки к судебному заседанию также является этапом осуществления функции правосудия. Как известно, на ней судом совершаются различные подготовительные действия, а также проверяется возможность перехода на следующую стадию, выявляется отсутствие каких-либо препятствий к этому. Однако основной критерий отнесения данной стадии к этапу реализации функции правосудия состоит в том, что на этой стадии уголовное дело может быть разрешено по существу либо может быть принято какое-то иное решение, касающееся дела в целом. На стадии подготовки к судебному заседанию, как известно, возможно и то, и другое, например, дело может быть прекращено или приостановлено (ст.ст. 238, 239 УПК РФ).

В связи с этим мы не можем согласиться с позицией З.З. Зинатуллина и Т.З. Зинатуллина, полагающих, что на данной стадии в постановлении судьи о назначении судебного заседания «...указываются лишь решение судьи о назначении судебного заседания, мотивы принятого судьей решения, лицо, обвиняемое по

делу, уголовный закон, подлежащий применению, решение о мере пресечения, а также решения по ходатайствам, заявлениям и вопросам, перечисленным в ч. 2 ст. 231 УПК РФ (вопросы, связанные с подготовкой судебного заседания). Иначе говоря, уголовно-процессуальной функции правосудия еще нет, все такие действия и решения находятся за пределами правосудия» [11, с. 168-169].

Однако, как говорилось выше, на данной стадии дело может быть разрешено по существу (например, прекращено согласно ст. 239 УПК РФ), что не может быть отнесено ни к какой другой функции суда, кроме правосудия (аналогично, как и в случае, если такое решение было принято на стадии судебного разбирательства согласно ст. 254 УПК РФ). Но даже если судьей принято какое-то иное решение, то оно означает либо продолжение осуществления правосудия (назначение судебного заседания), либо его отложение (при возвращении дела прокурору либо его приостановлении), что также образует исключительную компетенцию суда и поэтому представляет собой осуществление правосудия (точнее, его первоначальную стадию).

Очевидно также, что функция правосудия осуществляется и во всех последующих судебных инстанциях, а также при возобновлении дела ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств, поскольку там возможна отмена или изменение приговора, что является исключительной прерогативой суда и, следовательно, образует функцию правосудия. Не является правосудием судебное производство на стадии исполнения приговора, поскольку на данной стадии приговор не отменяется и не изменяется, его законность и обоснованность не проверяются и под сомнение не ставятся, а лишь корректируется исполнение наказания.

Следует оговориться, что на всех судебных стадиях, на которых осуществляется функция правосудия, она не является единственной. Параллельно с ней могут выполняться другие разнообразные функции.

Список литературы

1. Правоохранительные органы: учебник / под ред. Ю.К. Орлова. М.: Проспект (ТК Велби), 2010. 92 с.
2. Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск: Омский гос. ун-т, 2004. 379 с.
3. Зинатуллин З.З., Абашеева Ф.А. Правосудие по уголовным делам: может ли оно быть досудебным? // Российская юстиция. 2008. N 12. С. 67-69.
4. Михайловская И.Б. Судебная власть. М.: ТК Велби, 2003.
5. Лебедев В.М. Судебная власть на защите конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.
6. Гуськова А.П. О спорных вопросах российского правосудия // Российский судья. 2001. N 3. С. 6-9.
7. Дикарев И.С. Правосудие и судебный контроль в уголовном процессе // Государство и право. 2008. N 2. С. 45-51.
8. Петрухин И.Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений. М.: ТК Велби, 2008. 288 с.
9. Лазарева В.А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. Самара: Самарский ун-т, 2000. 136 с.
10. Кальницкий В.В. Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам. Омск: ОМА МВД России, 2009. 96 с.
11. Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Уголовно-процессуальные функции. Ижевск: Детектив-информ, 2002. 240 с.

References

1. *Pravookhranitel'nye organy* [Law enforcement agencies]. Moscow, Prospekt (TK Velbi) Publ., 2010. 92 p.
2. Azarov V.A., Tarichko I.Yu. *Funktsiya sudebnogo kontrolya v istorii, teorii i praktike ugovnogo protsesssa Ros-sii* [The function of judicial review in the history, theory and practice of criminal trial in Russia]. Omsk, Omsk State University, 2004. 379 p.
3. Zinatullin Z.Z., Abasheeva F.A. *Pravosudie po ugovolnym delam: mozhet li ono byt' dosudebnym?* [Criminal justice: whether it can be pre-trial?]. *Rossiyskaya yustitsiya* – Russian justice, 2008, no. 12, pp. 67-69.
4. Mikhaylovskaya I.B. *Sudebnaya vlast'* [Judiciary]. Moscow, TK Velbi Publ., 2003.
5. Lebedev V.M. *Sudebnaya vlast' na zashchite konstitutsionnogo prava grazhdan na svobodu i lichnyuyu neprikosnovennost' v ugovolnom protsesse. Avtoref. Kand. Diss.* [The judicial power to protect the constitutional right to liberty and security of person in criminal proceedings. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 1998.
6. Gus'kova A.P. *O spornykh voprosakh rossiyskogo pravosudiya* [On the contentious issues of the Russian justice]. *Rossiyskiy sud'ya* – Russian judge, 2001, no. 3, pp. 6-9.
7. Dikarev I.S. *Pravosudie i sudebnyy kontrol' v ugovolnom protsesse* [Justice and judicial control in the criminal process]. *Gosudarstvo i pravo* – State and law, 2008, no. 2, pp. 45-51.
8. Petrukhin I.L. *Sudebnaya vlast': kontrol' za rassledovaniem prestupleniy* [Judicial power: control over the investigation of crimes]. Moscow, TK Velbi Publ., 2008. 288 p.
9. Lazareva V.A. *Teoriya i praktika sudebnoy zashchity v ugovolnom protsesse* [Theory and practice of judicial protection in criminal proceedings]. Samara, Samara University, 2000. 136 p.
10. Kal'nitskiy V.V. *Sudebnoe zasedanie v dosudebnom proizvodstve po ugovolnym delam* [Court session in pre-trial proceedings in criminal matters]. Omsk, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, 2009. 96 p.
11. Zinatullin Z.Z., Zinatullin T.Z. *Ugovolno-protsessual'nye funktsii* [Criminal procedure functions]. Izhevsk, Detektiv-inform Publ., 2002. 240 p.

БУРКО В.А., кандидат социологических наук, доцент, victor-burko@yandex.ru Кафедра социологии и политологии гуманитарного факультета; Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29	BURKO V.A., Candidate of Sociology, associate professor, victor-burko@yandex.ru Chair of Sociology and Political Science of Faculty of Humanities; Perm National Research Polytechnic University, Komsomolsky ave. 29, Perm, 614990, Russian Federation
МАЛЬЦЕВ О.А., victor-burko@yandex.ru Отделение анализа, планирования и контроля штаба; Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по г. Перми, 614000, г. Пермь, Сибирская, 48	MALTSEV O.A., victor-burko@yandex.ru Division of analysis, planning and control of headquarters; Department of the MIA of the Russian Federation for the city of Perm, Sibirskaya St. 48, Perm, 614000, Russian Federation

ОЦЕНКА НАСЕЛЕНИЕМ ПЕРМСКОГО КРАЯ РАБОТЫ ПОЛИЦИИ

Реферат. В исследовании анализируются факторы, влияющие на отношение населения к работе полиции в различных городах и районах Пермского края. Материал основывается на данных социологических опросов, проведенных как специалистами Главного управления Министерства внутренних дел России по Пермскому краю совместно с членами Общественного совета при главном управлении, так и социологами отдела социологического мониторинга департамента внутренней политики Администрации губернатора Пермского края. Социологический опрос проведен в октябре 2012 года на территории 20-ти муниципальных районов края, включая город Пермь. Всего было опрошено 1 200 человек, максимальная погрешность: $\pm 2,9 \%$. В ходе исследования решались следующие задачи: 1) определение степени удовлетворенности населения края деятельностью полиции; 2) оценка роли факторов, влияющих на степень удовлетворенности работой полиции; 3) определение степени влияния опыта непосредственного общения респондентов с сотрудниками полиции на их отношение к органам внутренних дел; 4) установление зависимости оценки работы полиции по основным показателям от места проживания опрошенных. В качестве основных показателей, характеризующих отношение жителей Пермского края к деятельности полиции, взяты следующие индикаторы: степень удовлетворенности населения деятельностью ОВД в целом; динамика оценки работы полиции по сравнению с периодом до принятия Федерального закона «О полиции»; степень доверия населения к полиции; наличие авторитета полиции у населения; оценка деятельности полиции по обеспечению общественного порядка. Материал завершается выводами, сделанными авторами по результатам анализа первичных и вторичных социологических исследований.

Ключевые слова: общественное мнение, отношение населения к работе полиции.

ASSESSMENT OF POLICE WORK BY THE POPULATION OF THE PERM REGION

Abstract. The factors influencing the population attitude to police work in different cities and areas of Perm region are analyzed. The material is based on the data of the public opinion polls conducted by experts of General Department of the MIA of Russia for the Perm region together with members of the Public council under the General Department and sociologists of Sociological Monitoring Department of home policy of the Perm region Governor's Administration. The public opinion poll was conducted in October, 2012 on the territory of twenty municipal areas of the region including the city of Perm. 1,200 people were interviewed, maximum error is $\pm 2.9 \%$. The main study's objectives were the following: 1) to determine the degree of region's population satisfaction with police activity; 2) to assess the role of factors influencing the degree of satisfaction with police work; 3) to determine the degree of influence of respondents' experience of direct contacts with police officers on their attitude to law enforcement agencies; 4) to establish the dependence of police work assessment on the respondents' residence. The basic indicators to characterize the attitude of Perm region population

to police work are the following: the degree of population satisfaction with law enforcement agencies' activity; dynamics of police work assessment compared with the period prior to adopting the Federal law on police; police authority over population; the degree of population confidence to the police; assessment of police activity on maintaining public order. The conclusions are based on the results of sociological researches.

Keywords: public opinion, public attitude to police work.

Социологические исследования, позволяющие получить более объективную информацию о деятельности правоохранительных органов, в последние годы играют важную роль в работе как центрального аппарата МВД России, так и региональных структур данного министерства [1; 2, с. 106-108]. В социологических работах, посвященных анализу взаимоотношений населения и органов правопорядка, чаще рассматривались социально-культурные аспекты и вопросы правового менталитета населения [3, с. 33-44; 4]. В тех работах, в которых рассматривались различные аспекты взаимодействия граждан и полиции (милиции) [5, с. 77-84; 6, с. 109-114], не всегда учитывалась местная территориальная специфика условий проживания населения. Настоящая статья является попыткой восполнить дефицит подобного рода исследований.

В Пермском крае социологические исследования, в которых в той или иной степени рассматриваются взаимоотношения населения и органов внутренних дел, проводятся регулярно с конца 90-х годов прошлого века*. Особое внимание такого рода информации руководство областного (ныне — краевого) управления МВД стало уделять после создания в декабре 2005 года Общественного совета при ГУВД Пермского края. Именно в то время силами сотрудников главного управления при тесном содействии со стороны работников сектора социологического мониторинга Администрации губернатора Пермского края и Пермского отделения Российского общества социологов стали практиковаться периодические, не реже одного раза в

* См., например, отчеты лаборатории социологии Пермского политехнического университета о НИР «Организация и проведение социологического мониторинга общественного мнения населения Пермской области о деятельности органов внутренних дел и состоянии правопорядка в регионе» (Пермь, ПГТУ, 1998), а также информационные бюллетени сектора социологического мониторинга Администрации губернатора Пермской области начиная с 1996 года.

полугодие, опросы общественного мнения населения Пермского края.

В основу настоящей статьи положены результаты одного из последних социологических опросов, проведенных в октябре 2012 года на территории 20-ти муниципальных районов края, включая город Пермь. Всего было опрошено 1 200 человек, максимальная погрешность: $\pm 2,9 \%$ (подробную характеристику исследуемой совокупности см. в приложении 1).

В основу разработанной модели выборочной совокупности был положен квотный принцип по двум критериям: пол и возраст. При формировании выборки учитывалось пропорциональное представительство групп жителей каждого населенного пункта (по данным Росстата). Отбор респондентов не носил строго случайный характер, и поэтому у нас нет оснований считать, что результаты данного исследования репрезентируют мнение всех социальных групп взрослого населения Пермского края, тем не менее структура дизайна выборки позволяет сделать определенные выводы относительно состояния общественного мнения по отношению к работе органов внутренних дел Пермского края. В ходе анализа результатов исследования мы также использовали данные социологического мониторинга, проведенного в те же сроки сотрудниками департамента внутренней политики Администрации губернатора Пермского края.

Основной целью нашего исследования был анализ факторов, влияющих на отношение жителей Пермского края к полиции. Для достижения этой цели в ходе исследования необходимо было решить следующие задачи:

1. Выяснить степень удовлетворенности деятельностью органов внутренних дел.
2. Дать оценку факторам, влияющим на степень удовлетворенности работой полиции.
3. Определить степень влияния опыта непосредственного общения респондентов с сотрудниками полиции на их отношение к ОВД.

4. Установить зависимость между оценкой работы ОВД по основным показателям и местом проживания опрошенных.

В качестве основных показателей, характеризующих отношение жителей Пермского края к деятельности ОВД, нами были взяты следующие индикаторы:

1. Степень удовлетворенности населения деятельностью ОВД в целом.

2. Степень доверия населения к полиции.

3. Оценка деятельности полиции по обеспечению общественного порядка.

1). Удовлетворенность деятельностью ОВД в целом

Главным показателем оценки работы полиции является удовлетворенность опрошенных деятельностью ОВД в целом. Оценка давалась по 4-балльной шкале: «удовлетворительно», «скорее удовлетворительно, чем неудовлетворительно», «скорее неудовлетворительно, чем удовлетворительно», «неудовлетворительно». Для наглядности представления результатов ответы респондентов были сгруппированы в две альтернативные группы: «удовлетворительно» — «неудовлетворительно» (см. диаграмму 1 и таблицу 1).

Диаграмма 1

Таблица 1

**Оценка деятельности ОВД в зависимости от места проживания
(в % от числа опрошенных в каждой группе по месту проживания)**

Оценка деятельности ОВД	ПК ¹ (без г. Перми)	г. Пермь	Весь ПК
Удовлетворительно	69,0	39,3	59,9
Неудовлетворительно	15,7	37,7	22,5
Затрудняюсь ответить	15,3	23,0	17,6
Итого	100,0	100,0	100,0

¹ ПК — Пермский край.

Как следует из таблицы 1, жители Пермского края деятельность полиции оценена выше, чем жителями областного центра: удовлетворенных — 69,0 %, неудовлетворенных — 15,7 %. Гораздо ниже оценивают деятельность полиции в городе Перми: удовлетворены — 39,3 %, не удовлетворены — 37,7 %. Что касается жителей муниципальных районов, то наиболее удовлетворены работой полиции респонденты в Губахинском районе (92 %), где хорошо развито промышленное производство, а также в Октябрьском (87,5 %) и Нытвенском (79,4 %) районах, т.е. в районах с хорошо развитой сель-

скохозяйственной сферой. Больше всего неудовлетворенных работой ОВД среди жителей Лысьвенского района (40,0 %), Чусовского (28,0 %) и Кудымкарского (27,5 %) районов, где промышленное и сельскохозяйственное производство испытало резкий спад в 90-е годы прошлого века.

Анализ влияния на оценку деятельности полиции таких характеристик, как пол и материальное положение, показал отсутствие какой-либо связи этих социологических индикаторов с позицией респондентов (см. приложение 2). На удовлетворенность работой сотрудников ОВД в

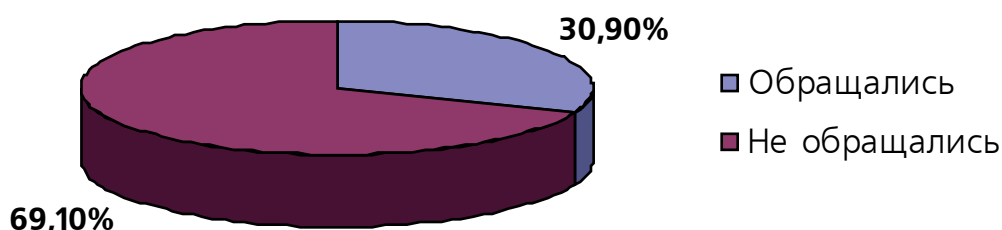
большей степени оказывают влияние возраст и уровень образования: при увеличении возраста респондентов возрастает количество удовлетворенных деятельностью полиции, с увеличением уровня образования возрастает доля неудовлетворенных деятельностью полиции.

2). Оценка респондентами деятельности полиции по основным показателям

Важным, если не решающим, фактором, определяющим отношение населения к полиции, а следовательно, и эффективность ее деятельности, являются интенсивность и качество контактов людей с органами правопорядка, с отдельными представителями ОВД. В нашей выборке оказалось, что почти треть респондентов в 2012 году обращалась с теми или иными проблемами в полицию (диаграмма 2).

Диаграмма 2

Обращения граждан в полицию в 2012 году

Последующий анализ ответов респондентов этих альтернативных групп («обращались – не обращались») показал, что существенных различий в оценке деятельности ОВД в зависимости от опыта обращения в полицию среди жителей муниципальных районов Пермского края нет (см. приложение 3). Другая ситуация складывается на территории города Перми. Количество респондентов, неудовлетворенных деятельностью ОВД, здесь больше среди тех, кто обращался в полицию в текущем году, – 49,6 %, в то время как

среди жителей г. Перми, не обращавшихся в полицию, неудовлетворенных работой полиции оказалось 32,7 %. Кроме того, респонденты, обращавшиеся в полицию, были более уверены в своих оценках, особенно это относится к жителям г. Перми (затруднились с ответом в целом по Пермскому краю 13,5 % против 16,2 %, по г. Перми – 10,1 % против 28,0 %).

Рассмотрим оценки респондентов, которые обращались с теми или иными вопросами в течение года в полицию (таблица 2).

Таблица 2

Удовлетворенность мерами, принятыми по поводу обращения (в % от числа обращавшихся в полицию в каждой группе по месту проживания)

Удовлетворенность мерами, принятыми по поводу обращения	г. Пермь	ПК (без г. Перми)	Весь ПК
Удовлетворительны	28,4	74,3	60,7
Неудовлетворительны	64,2	20,7	33,1
Затруднились ответить	7,4	5,0	6,2
Итого	100,0	100,0	100,0

Из таблицы 2 следует, что существует большой разрыв между удовлетворенностью мерами, принятыми по поводу обращения в полицию, на территории муниципальных районов и города Перми: доля пермяков, удовлетворенных принятыми в полиции мерами, равняется 28,4 %, в то

время как среди жителей районов таковых было 74,3 %. Больше всего удовлетворены мерами, принятыми полицией, в Губахинском (95,2 %), Осинском (88,2 %) и Соликамском (85,7 %) районах, более всего не удовлетворены принятыми мерами в Лысьвенском (75,0 %), Кудым-

карском (40 %) и Кунгурском (38,5 %) районах.

Сравним данные нашего опроса с данными опроса, проведенного отделом социологического мониторинга Администрации губернатора Пермского края в различные временные периоды. Опрос 6 000 человек осуществлялся методом стандартизированного интервью по месту жительства респондентов. Выборочная совокупность сформирована с учетом доли населения каждого муниципального образования в общей численности населения Пермского края, а также распределения населения муниципалитета

на городское и сельское. Отбор точек для проведения опроса был осуществлен на основе исследования распределения населения по величине населенных пунктов в муниципальных образованиях. Задания для отбора респондентов были составлены с учетом социально-демографического состава населения муниципалитетов. Опрос проводился маршрутным способом. Для движения на маршруте были определены специальные методические процедуры, обеспечивающие механизм случайного отбора респондентов. Опрашивалось население в возрасте от 18 лет и старше (таблица 3).

Таблица 3

**Удовлетворенность мерами, принятыми по поводу обращения
(в % от числа обратившихся в полицию, в целом по Пермскому краю)**

Удовлетворенность мерами, принятыми по поводу обращения	Март	Май	Октябрь
Удовлетворены полностью	21,3	23,7	37,6
Удовлетворены частично	18,0	20,7	23,4
Совсем не удовлетворены	50,2	52,1	33,3
Затруднились ответить	10,5	3,5	5,7

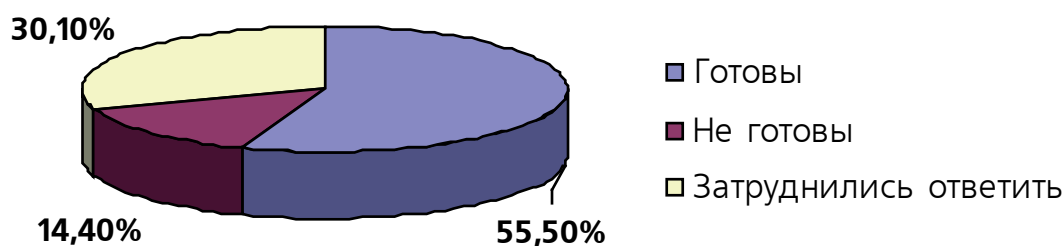
На общем фоне наблюдается положительная тенденция в оценке мер, принятых в ответ на обращения граждан. Так, по данным указанного исследования, в марте 2012 года количество опрошенных, полностью удовлетворенных мерами, равнялось 21,3 %, к октябрю эта цифра составила 37,6 %. В то же время уменьшилось

количество неудовлетворенных: 50,2 % и 33,3 % соответственно.

Еще одним важным индикатором, характеризующим отношение населения к органам правопорядка, является готовность жителей оказывать им посильную помощь. На диаграмме 3 представлены ответы респондентов на соответствующий вопрос.

Диаграмма 3

**Вы лично готовы в случае необходимости оказать
поддержку полиции при осуществлении ее деятельности?**

В целом по муниципальным районам количество опрошенных, готовых оказать помощь полиции при осуществлении ее деятельности, равняется 58,4 %, и только 12,9 % не готовы на такой поступок. В то же время в г. Перми готовых помочь поли-

ции меньше — 48,9 %, и 17,8 % опрошенных жителей г. Перми помочь сотрудникам ОВД не готовы. Наиболее настроены на помощь полиции респонденты в Кочевском (80,0 %), Октябрьском (77,5 %) и Суксунском (77,5 %) районах (развитые сель-

скохозяйственные районы). Значительный процент респондентов, не готовых оказать помощь полиции, проживает в Добрянском (35,0 %) и Чернушенском (25,0 %) районах (районы со смешанной промышленной и сельскохозяйственной структурой).

Определенную зависимость показал анализ взаимосвязи готовности оказывать помощь полиции от опыта обращения респондентов в полицию (таблица 4).

Таблица 4

**Готовность оказать поддержку ОВД при осуществлении ими деятельности
в зависимости от опыта общения с полицией
(в % от числа опрошенных в каждой группе по обращению в полицию)**

Готовность оказать поддержку ОВД при осуществлении ими деятельности	Обращались ли Вы в полицию в этом году?		Все опрошенные
	Да	Нет	
Готов	60,1	53,8	55,5
Не готов	15,5	13,8	14,4
Затрудняюсь ответить	24,4	32,4	30,1
Итого	100,0	100,0	100,0

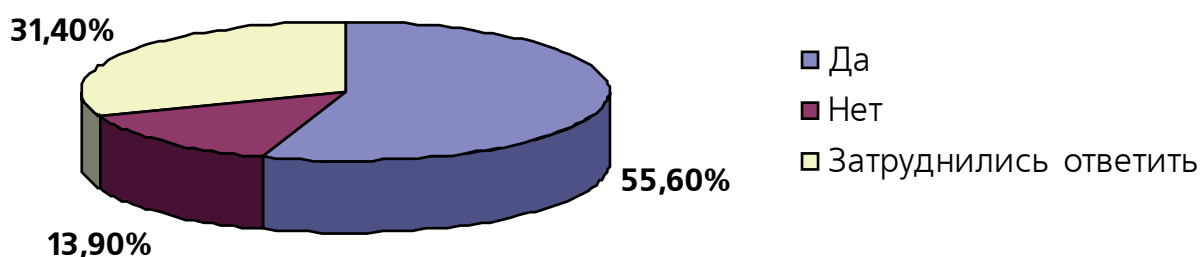
Чем чаще респонденты обращались в полицию, тем большую готовность они проявляли при ответе на вопрос о поддержке ОВД при осуществлении ими деятельности.

Еще одним показателем, характеризующим отношение населения к полиции,

является ожидание с ее стороны помощи каждому жителю Прикамья (диаграмма 4). В таблице 5 приведены ответы респондентов на подобный вопрос, полученные от делом социологического мониторинга.

Диаграмма 4

Ожидаете ли Вы, что сотрудники полиции в случае необходимости придут к Вам на помощь?

Количество опрошенных, уверенных, что сотрудники полиции придут к ним на помощь в случае необходимости, больше среди жителей муниципальных районов, — 62,0 %, в то время как среди жителей г. Перми таких меньше половины — 41,3 %.

Большой процент респондентов, которые рассчитывают на помощь полиции, в Очерском (84,0 %), Соликамском (82,4 %) и Октябрьском (80 %) районах (районы с развитой промышленной и сельскохозяйственной структурой).

Таблица 5

Ожидание помощи со стороны полиции в случае необходимости

Ожидаете ли Вы, что полицейские придут к Вам на помощь?	Март	Май	Октябрь
Да	57,4	52,8	55,6
Нет	25,6	26,0	13,9
Затрудняюсь ответить	17,1	21,2	30,5

По сравнению с данными нашего исследования результаты опроса отдела социологического мониторинга показывают некоторую динамику в ожиданиях помощи от сотрудников полиции у населения края: за полгода почти вдвое сократилось число опрошенных, не ожидающих такой помощи.

Ожидание помощи от сотрудников полиции в случае необходимости мало зависит от того, обращались ли респонденты в полицию в этом году или не обращались (таблица 6).

Таблица 6

Ожидание помощи от сотрудников ОВД в зависимости от опыта общения с полицией (в % от числа опрошенных в каждой группе по обращению в полицию)

Ожидаете ли Вы, что сотрудники полиции в случае необходимости придут к вам на помощь?	Обращались ли Вы в полицию в этом году?		Все опрошенные
	Да	Нет	
Да	59,0	54,4	55,6
Нет	13,6	13,9	13,9
Затрудняюсь ответить	27,4	31,7	30,5
Итого	100,0	100,0	100,0

Одним из интегральных показателей обеспечения последней общественной оценки работы полиции является степень порядка (диаграмма 5 и таблица 7)*.

Диаграмма 5

Оценка респондентами работы полиции по критерию обеспечения ею общественного порядка

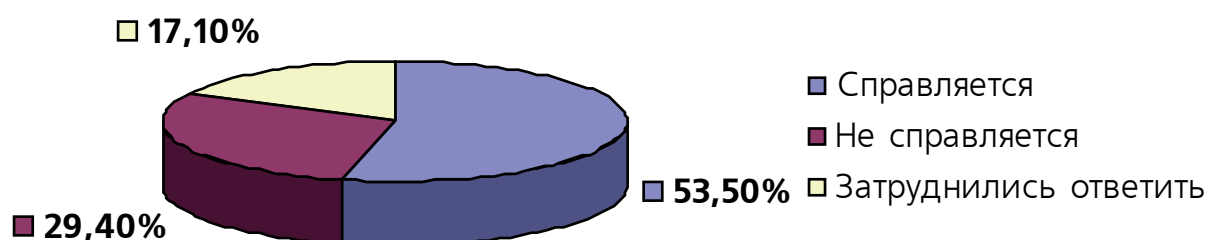

Таблица 7

Оценка респондентами работы полиции по критерию обеспечения ею общественного порядка в зависимости от места проживания (в % от числа опрошенных в каждой группе по месту проживания)

Оценка респондентами работы полиции по критерию обеспечения ею общественного порядка	г. Пермь	ПК (без г. Перми)	Весь ПК
Справляется	35,8	61,4	53,5
Не справляется	43,9	22,9	29,4
Затруднились ответить	20,3	15,7	17,1
Итого	100,0	100,0	100,0

* В опросной анкете вопрос был сформулирован в виде 4-балльной шкалы. Для удобства анализа в настоящей статье результат представлен в виде 2-балльной шкалы.

Из данных нашего опроса следует, что положительно («справляется») оценили работу полиции по этому критерию больше половины (53,5 %) опрошенных, причем 19,7 % из них считают, что полиция «в целом справляется» с этой задачей, а остальные 33,8 % — «скорее справляется». В то же время почти треть опрошенных (29,4 %) склонна считать, что поли-

ция со своими основными обязанностями в целом не справляется. При этом жители муниципальных районов работу полиции по этому критерию оценили выше, нежели жители г. Перми.

Степень доверия населения к полиции измерялась нами также с помощью критерия доверия к полиции — «доверяют/не доверяют» (диаграмма 6 и таблица 8).

Диаграмма 6

Степень доверия населения сотрудникам ОВД

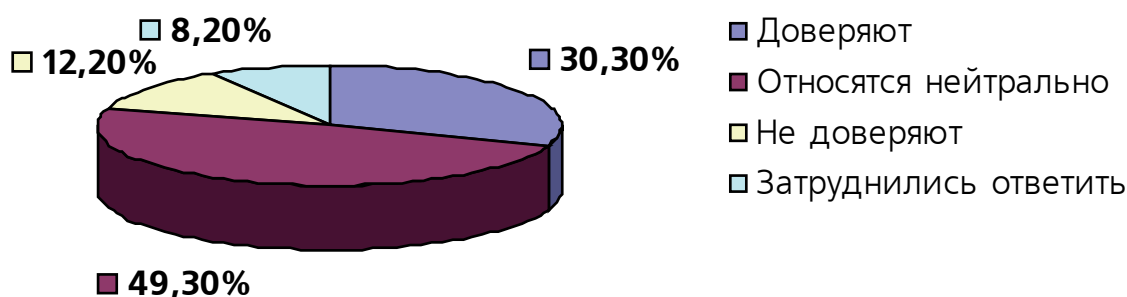

Таблица 8

Степень доверия населения к ОВД в зависимости от места проживания (в % от числа опрошенных в каждой группе по месту проживания)

Степень доверия населения к ОВД	г. Пермь	ПК (без г. Перми)	Весь ПК
Доверяют	14,4	37,1	30,3
Относятся нейтрально	51,6	48,3	49,3
Не доверяют	26,2	5,9	12,2
Затруднились ответить	7,8	8,7	8,2
Итого	100,0	100,0	100,0

Основная масса опрошенных (49,3 %) относится к полиции нейтрально. Доверяют полиции всего 30,3 % опрошенных, а 12,2 % — не доверяют ей. В муниципальных районах относятся к полиции с большим доверием, чем жители г. Перми (доверяют 37,1 % против 14,4 %, не доверяют — 12,2 % против 26,2 %). Достаточно критично относятся опрошенные к полиции в Лысьвенском, Краснокамском и Чусовском промыш-

ленных районах: там не доверяют полиции 17,5 %, 14,0 % и 12,0 % соответственно. Повышенное доверие населения к полиции отмечено в Красновишерском и Добрянском районах. Здесь доверяют сотрудникам ОВД 60,0 % и 52,5 % соответственно.

Следует отметить, что опыт обращения населения в полицию не оказывает существенного влияния на уровень доверия к ней (таблица 9).

Таблица 9

Степень доверия населения к ОВД в зависимости от опыта общения с полицией (в % от числа опрошенных в каждой группе по столбцу)

Степень доверия населения к полиции	Обращались ли Вы в полицию в этом году?		Все опрошенные
	Да	Нет	
Доверяют	34,4	28,6	30,3
Относятся нейтрально	45,8	51,2	49,3
Не доверяют	14,6	11,1	12,2
Затруднились ответить	5,2	9,1	8,2
Итого	100,0	100,0	100,0

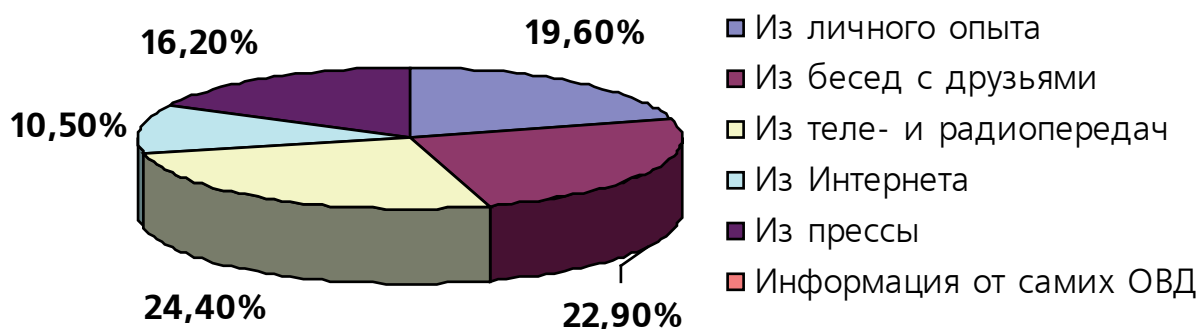
3). Источники информации о деятельности полиции

В ряде социологических исследований уже анализировалась зависимость формирования имиджа органов МВД от

средств массовой информации [7, с. 99-103; 8, с. 114-119]. Опрос показал, что основную информацию о деятельности ОВД респонденты получают из следующих источников (диаграмма 7):

Диаграмма 7

Из каких источников у Вас формируется представление о полиции?

Анализ результатов опроса показывает, что основным источником информации являются теле- и радиопередачи, — так ответили 24,4 % респондентов. На втором месте стоят беседы с друзьями, знакомыми, в кругу семьи — 22,9 %. Информацию от самой полиции получают лишь 6,4 %. При этом следует иметь в виду, что остальные источники информации (личный опыт, теле- и радиопередачи, публикации в прессе) менее надежны,

зачастую искажают информацию. В этом полиция нередко проигрывает. А это в конечном счете сказывается на отношении населения к ней.

Обобщая приведенные выше результаты, сведем в единые таблицы критерии, по которым деятельность полиции оценена максимально положительно и максимально отрицательно. Для полноты картины анализируемые оценки полиции проранжируем (таблицы 10, 11).

Таблица 10

Критерии, по которым полиция набрала максимально положительный результат (в % от числа опрошенных в каждой группе по месту проживания)

Позитивные оценки	г. Пермь		ПК (без г. Перми)		Весь ПК	
	%	ранг	%	ранг	%	ранг
Удовлетворены в целом деятельностью ОВД	39,3	1	69,0	1	59,9	1
Справляется с обеспечением общественного порядка	35,8	2	61,4	2	53,5	2
Относятся с доверием к ОВД	14,4	3	37,1	3	30,3	3
Полиция стала работать лучше	6,8	4	21,6	4	17,0	4

Таблица 11

Критерии, по которым полиция набрала максимально отрицательный результат (в % от числа опрошенных в каждой группе по месту проживания)

Негативные оценки	г. Пермь		ПК (без г. Перми)		Все опрошенные	
	%	ранг	%	ранг	%	ранг
Полиция не справляется с обеспечением общественного порядка	43,9	1	22,9	1	29,4	1
Не удовлетворены в целом деятельностью ОВД	37,7	2	15,7	2	22,5	2
Не доверяют полиции	26,2	3	5,9	4	12,2	3
Полиция стала работать хуже	6,5	4	7,7	3	7,4	4

Таким образом, наиболее высоко оценена полиция по критериям удовлетворенности деятельностью ОВД в целом, наиболее низко — по обеспечению общественного порядка.

4). Негативные явления, встречающиеся в работе полиции

Сравнительно невысокая удовлетворенность деятельностью полиции в целом связана (наряду с другими причинами) с тем, что в ее работе, по мнению опрошенных, имеют место негативные явления (таблица 12), причем к наиболее часто

встречающимся опрошенные отнесли равнодушие (1 место), низкую культуру общения с населением (2 место), бюрократизм, формализм, волокиту (3 место), использование служебного положения в личных целях (4 место), коррумпированность, взяточничество (5 место). Таким образом, на первые места выходят негативные явления, связанные с межличностным общением. Можно предположить, что, обращаясь к сотрудникам полиции, граждане в первую очередь хотят встретить поддержку и понимание.

Таблица 12

Негативные явления в работе полиции (в % от числа опрошенных в каждой группе по месту проживания)

Негативные явления	г. Пермь		ПК (без г. Перми)		Весь ПК	
	%	ранг	%	ранг	%	ранг
Равнодушие	60,4	1	36,2	2	44,0	1
Низкая культура общения с населением	45,6	3	37,4	1	40,1	2
Бюрократизм, формализм, волокита	36,2	6	30,6	3	32,4	3
Использование служебного положения в личных целях	48,4	2	22,7	5	31,0	4
Коррумпированность, взяточничество	40,2	4	10,7	6	20,2	5
Низкий профессионализм, некомпетентность	36,5	5	25,8	4	29,3	6
Необоснованное применение силы	26,5	7	8,7	8	14,5	7
Необоснованные задержания	21,1	10	10,2	7	13,8	8
Связь с преступным миром	25,4	8	7,4	9	13,2	9
Применение незаконных методов дознания	25,1	9	6,1	10	12,3	10

Завершая анализ результатов исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Более половины опрошенных в целом удовлетворены работой сотрудников ОВД. В то же время наблюдается большой разрыв в оценках работы полиции, данных жителями муниципальных районов и города Перми.

2. Результаты исследования показывают, что пол и материальное положение не оказывают существенного влияния на удовлетворенность работой полиции в целом. На этот показатель оказывают влияние возраст и уровень образования: с увеличением возраста респондентов возрастает количество удовлетворенных деятельностью полиции, с увеличением уровня образования доля неудовлетворенных деятельностью полиции также возрастает.

3. Существенных различий в оценке деятельности ОВД в зависимости от опыта общения с полицейскими на территории

муниципальных районов не отмечается. Несколько иная ситуация характеризует общественное мнение жителей города Перми: количество неудовлетворенных деятельностью ОВД больше среди тех, кто обращался в полицию в этом году.

4. Существует большой разрыв между удовлетворенностью мерами, принятыми по поводу обращения в полицию, на территории муниципальных районов и города Перми: количество удовлетворенных принятыми мерами у респондентов, обращавшихся в полицию на территории районов, намного выше, чем у тех, кто живет в Перми.

5. Результаты исследования показывают, что существенного влияния на готовность помочь полиции при осуществлении ее деятельности опыт обращения в ОВД не оказывает. Однако можно отметить определенную тенденцию к формированию установки на помощь полиции у тех респондентов, которые обращались в полицию.

6. Ожидание помощи от сотрудников ОВД в случае необходимости не зависит от того, обращались респонденты в полицию в этом году или нет.

7. На степень доверия населения к полиции опыт общения с сотрудниками ОВД влияния не оказывает.

8. Анализ значимости источников информации о работе полиции показывает, что основным источником информации для опрошенных являются теле- и радиопередачи.

9. Наиболее высоко оценена полиция по критерию удовлетворенности деятельностью ОВД в целом, наиболее низко — по обеспечению общественного порядка. Основное влияние на оценку работы полиции оказывают факторы, связанные с межличностным общением работников ОВД с населением (низкая культура общения с населением, бюрократизм, формализм, волокита, использование служебного положения в личных целях).

Приложение 1

Характеристика выборочной совокупности

В ходе исследования было опрошено 1 200 человек.

Половозрастные характеристики: мужчины — 43,8 %, женщины — 56,2 %; возраст от 18 до 30 лет — 24,8 %, от 31 до 50 лет — 38,2 %, старше 51 года — 37,0 %.

Образование: начальное или неполное среднее образование — 3,8 %, среднее общее образование — 13,6 %, среднее специальное образование — 40,3 %, высшее или незаконченное высшее образование — 38,6 %, два высших образования и более имеют 3,7 % участников опроса.

Материальное положение: живут «от зарплаты до зарплаты» — 22,0 %; 59,2 % респондентов оценивают свое материальное положение ниже среднего («часто приходится занимать, не имеют никаких сбережений»); у 37,6 % опрошенных на ежедневные расходы хватает денег, но уже покупка одежды представляет трудности («для этого приходится брать в долг или специально откладывать деньги»); 36,5 % респондентов характеризуют свое материальное состояние как среднее («на ежедневные расходы денег хватает, некоторые даже могут кое-что откладывать»); самую малочисленную группу (выше среднего уровня) составляют респонденты, отмечающие, что в настоящее время могут практически ни в чем себе не отказывать, — 4,3 %.

Приложение 2

Оценка деятельности ОВД в зависимости от пола (в % от числа опрошенных в каждой группе по полу)

Оценка деятельности ОВД	Пол		Все опрошенные
	мужской	женский	
Удовлетворительно	60,5	59,4	59,9
Неудовлетворительно	22,2	22,6	22,5
Затруднились ответить	17,3	18,0	17,6
Итого	100,0	100,0	100,0

Оценка деятельности ОВД в зависимости от возраста (в % от числа опрошенных в каждой группе по возрасту)

Оценка деятельности ОВД	Возраст			Все опрошенные
	18-30 лет	31-50 лет	Старше 51 года	
Удовлетворительно	57,3	58,3	63,2	59,9
Неудовлетворительно	21,9	21,8	23,5	22,5
Затрудняюсь ответить	20,8	19,9	13,3	17,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

**Оценка деятельности ОВД в зависимости от уровня образования
(в % от числа опрошенных в каждой группе по уровню образования)**

Оценка деятельности ОВД	Уровень образования				Все опрошенные
	Начальное	Среднее общее	Среднее специальное	Высшее	
Удовлетворительно	55,5	63,8	59,4	59,5	59,9
Неудовлетворительно	13,4	22,7	22,4	23,0	22,5
Затруднились ответить	31,1	13,5	18,2	17,5	17,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

**Оценка деятельности ОВД в зависимости от пола и материального положения
(в % от числа опрошенных в каждой группе по материальному положению)**

Пол	Оценка деятельности ОВД	Материальное положение			Все опрошенные
		Ниже среднего	Среднее	Высокое	
Мужской	Удовлетворительно	55,9	67,0	60,0	60,3
	Неудовлетворительно	24,5	18,8	23,3	22,4
	Затрудняюсь ответить	19,6	14,2	16,7	17,3
	Итого	100,0	100,0	100,0	100,0
Женский	Удовлетворительно	58,7	61,0	60,0	59,5
	Неудовлетворительно	23,3	22,0	15,0	22,6
	Затрудняюсь ответить	18,0	17,0	25,0	17,9
	Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Приложение 3

**Оценка деятельности ОВД в зависимости от опыта общения с полицией
(в % от числа опрошенных в каждой группе по опыту общения с полицией)**

	Оценка деятельности ОВД	Обращались ли в полицию в этом году		Все опрошенные
		Да	Нет	
г. Пермь	Удовлетворительно	40,3	39,3	59,9
	Неудовлетворительно	49,6	32,7	22,5
	Затрудняюсь ответить	10,1	28,0	17,6
	Итого	100,0	100,0	100,0
ПК	Удовлетворительно	70,8	68,7	59,9
	Неудовлетворительно	15,7	15,1	22,5
	Затрудняюсь ответить	13,5	16,2	17,6
	Итого	100,0	100,0	100,0

Список литературы

1. Реформы милиции: оценки и ожидания граждан. Результаты социологических исследований и комментарии экспертов. М.: Общественный вердикт, 2010. 91 с.
2. Гончаров В.Б., Кожевников В.В. Общественное мнение омичей о милиции // Социологические исследования. 1996. N 7.
3. Андреев А.Л. Правовой менталитет и отношение к милиции в российском обществе: социокультурные аспекты // Мониторинг общественного мнения. 2004. N 4 (72), октябрь-декабрь. С. 26-37.
4. Милиция и ее репутация [Электронный ресурс] // База данных ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/of054523> (дата обращения: 14 мая 2014 г.).
5. Невирко Д.Д., Шинкевич В.Е., Горбач Н.А. Деятельность милиции в зеркале общественного мнения // Социологические исследования. 2006. N 2. С. 76-84.
6. Жерновой М.В., Глухов В.В. Взаимоотношения граждан и полиции: состояние и перспективы // Социологические исследования. 2013. N 7. С. 110-115.

7. Бондаренко Т.А. Стереотип восприятия правоохранительных органов в Дальневосточном регионе // Социологические исследования. 2006. N 1. С. 99-103.

8. Бондаренко Т.А. Имидж органов МВД в «милиейских» телесериалах // Социологические исследования. 2006. N 9. С. 114-119.

References

1. *Reformy militsii: otsenki i ozhidaniya grazhdan. Rezul'taty sotsiologicheskikh issledovaniy i kommentarii ekspertov* [Police reform: assessment and expectations of the citizens. The results of sociological research and expert commentary]. Moscow, Obshchestvennyy verdict Publ., 2010. 91 p.

2. Goncharov V.B., Kozhevnikov V.V. *Obshchestvennoe mnenie omichey o militsii* [Public opinion about militia inhabitants of Omsk]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* – Sociological studies, 1996, no. 7.

3. Andreev A.L. *Pravovoy mentalitet i otnoshenie k militsii v rossiyskom obshchestve: sotsiokul'turnye aspekty* [Legal mentality and attitude of the police in the Russian society: socio-cultural aspects]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* – Monitoring of public opinion, 2004, no. 4 (72), October – December, pp. 26-37.

4. *Militsiya i ee reputatsiya* [Police and its reputation database]. *Baza dannyykh FOM* [Database the Public Opinion Fund]. Available at: <http://bd.fom.ru/report/map/of054523> (Accessed: 14 May 2014).

5. Nevirko D.D., Shinkevich V.E., Gorbach N.A. *Deyatel'nost' militsii v zerkale obshchestvennogo mneniya* [The activities of the police in the mirror of public opinion]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* – Sociological studies, 2006, no. 2, pp. 76-84.

6. Zhernovoy M.V., Glukhov V.V. *Vzaimootnosheniya grazhdan i politsii: sostoyanie i perspektivy* [The relationship of citizens and militia: Status and Prospects]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* – Sociological studies, 2013, no. 7, pp. 110-115.

7. Bondarenko T.A. *Stereotip vospriyatiya pravookhranitel'nykh organov v Dal'nevostochnom regione* [Stereotype perception of law enforcement agencies in Far East region]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* – Sociological studies, 2006, no. 1, pp. 99-103.

8. Bondarenko T.A. *Imidzh organov MVD v «militseyskikh» teleserialakh* [Image Ministry of Internal Affairs in the "militian" television series]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* – Sociological studies, 2006, no. 9, pp. 114-119.

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

АНОХИН Ю.В., доктор юридических наук, доцент, anohinuv@buimvd.ru Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 656038, г. Барнаул, Чкалова, 49	ANOKHIN Yu.V., Doctor of Legal Sciences, associate professor, anohinuv@buimvd.ru Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Chkalova St. 49, Barnaul, 656038, Russian Federation
ЧЕСНОКОВ А.А., кандидат юридических наук, доцент, chesnokov@buimvd.ru Кафедра гражданско-правовых дисциплин; Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 656038, г. Барнаул, Чкалова, 49	CHESNOKOV A.A., Candidate of Legal Sciences, associate professor, chesnokov@buimvd.ru Chair of the Civil Law; Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Chkalov St. 49, Barnaul, 656038, Russian Federation

ПРИНЦИПЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ВО ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Реферат. Показано значение принципов государственной защиты прав личности. Определяется, что принципы реализации правозащитной политики государства представляют собой систему, обусловлены основными целями и задачами самого государства — обеспечение правовой безопасности и беспрепятственного развития индивида и общества. Аргументируется, что система эта двухкомпонентная (принципы построения и деятельности государственного механизма), которая также включает и общие принципы прав человека. Заметную роль играют и те принципы, которые не закреплены в законодательстве. Положительно оценивается законодательное закрепление принципов деятельности государственных гражданских служащих по отношению к правам граждан: приоритет прав и свобод человека и гражданина; профессионализм и компетентность гражданских служащих; доступность информации о гражданской службе; взаимодействие с общественными объединениями и гражданами; защищенность гражданских служащих от неправомерного вмешательства в их деятельность и др. Констатируется распространение фактов отступления от беспристрастности правосудия, неуважительного отношения сотрудников правоохранительных органов к гражданам. Подчеркивается необходимость усиления контроля за деятельностью государственных органов и должностных лиц, создания условий ее полной прозрачности для общества. Резюмируется, что принципы государственной защиты прав личности — это закрепленные в международных соглашениях и национальном законодательстве руководящие основы организации и деятельности публичной власти, выражающие ее сущность, социальное назначение, а также направленность на установление высокой степени правовой защищенности человека и гражданина. Предлагается заново переосмыслить принципы функционирования Российской Федерации в сфере защиты прав граждан и соотечественников, проживающих за пределами ее территории.

Ключевые слова: права человека, защита, охрана, обеспечение, правовые принципы, правовая политика, уважение прав человека.

PRINCIPLES OF HUMAN RIGHTS PROTECTION IN FOREIGN AND HOME LEGAL POLICY OF THE RUSSIAN STATE

Abstract. The principles of state protection of human rights are stated to be important. The principles of human rights policy being a system are conditional on main state goals and objectives, that is ensuring legal safety and unhindered development of an individual and society. This system is argued to be two-component and to include the principles of government mechanism's construction and activity and general human rights principles. The principles which are not fixed in the legislation are also of great importance. The legislative fixing of principles of civil servants' activity concerning the human rights is positively estimated by the authors, notably the priority of rights and freedoms of man and citizen;

professionalism and competence of civil servants; availability of information on civil service; cooperation with public associations and citizens; security of civil servants against illegal intrusion into their activity. The facts of departure from impartial justice and disrespectful attitude of law enforcement officers to citizens are stated to be wide-spread. The authors prove the necessity to intensify the control of public authorities' and officials' activity, to create conditions of its full transparency for the public. The principles of state protection of human rights are ruling principles of public authority's organization and activity, stating its essence, social function and orientation on setting high level of legal security of man and citizen, fixed in the international agreements and national legislation. It is proposed to reconsider the principles of Russia's functioning in the sphere of protecting the rights of citizens and proprietors residing abroad.

Keywords: human rights, protection, safeguard, ensuring, legal principles, legal policy, respect for human rights.

11 марта 2014 г. Верховным Советом Автономной Республики Крым и Севастопольским городским советом была принята Декларация о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя*. Указанная Декларация противоречит Конституции Украины, ряду международных соглашений. Вместе с тем основным аргументом ее создателей и сторонников выступает прямое действие принципов прав человека и их примат над национальным правом. В частности, затрагиваются такие принципы, как уважение права народов на самоопределение (ст. 1 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и ст. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.), уважение к правам человека, равноправию и самоопределению народов (ст. 1 Устава ООН), признание воли народа как основы власти правительства (ст. 21 Всеобщей декларации прав человека).

Иначе говоря, вновь поднят вопрос о прямом действии принципов прав человека, теперь уже на международной арене, и значительная роль в этом процессе принадлежит Российской Федерации. Это заставляет переосмыслить само значение указанного феномена и его влияние на правовую действительность, особенно в рамках нашего государства, провозгласившего в ст. 2 Основного Закона, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Необходимо сразу оговориться, что европейская правовая традиция видит государство как основной (часто единственный) субъект, нарушающий права человека, что отра-

жено, в частности, в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 1950). Вместе с тем наше государство, исходя из многовековой патерналистической традиции, выступает основным субъектом обеспечения прав граждан, и его роль в защите этих прав не может быть принижена. Первоочередная обязанность государства по отношению к своим гражданам состоит в том, чтобы обеспечить их безопасное существование, оградить от каких бы то ни было посягательств на права и свободы [1, с. 20].

Действительно, для единообразной и наиболее полной реализации функций любого элемента правовой системы формулируются определенные установки, общие основы деятельности. В науке их принято называть принципами (от лат. *principium* — основа, начало). Принцип трактуется как основное положение, предпосылка, первооснова, самое первое; убеждение, взгляд на вещи, основная особенность в устройстве чего-либо; основное, исходное положение теории, учения, науки, руководящее положение, установки. Являясь отправными началами, лежащими в основе формирования, организации и функционирования элементов правовой системы государства, принципы в основе своей имеют законодательное закрепление, но могут быть выделены и при системном толковании правовых норм. Р.З. Лившиц отмечает: «Принципы охватывают всю правовую идею и придают ей логичность, последовательность, сбалансированность, освобождая от конкретики и частных» [2, с. 195].

Обеспечение единой государственной политики в области защиты прав и свобод человека и гражданина подразумевает существование общих требований как к правозащитным процедурам, так и к организациям, осуществляющим свою деятельность

* Документ официально опубликован не был. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

в указанной сфере. В связи с этим, несмотря на многообразие видов и форм государственной деятельности, принято говорить об общих принципах ее осуществления, характерных для всех сфер официальной правозащитной деятельности [3, с. 130].

Важность анализа принципов государственной защиты прав личности определяется тем фактом, что они, с одной стороны, являются составной частью правовой системы, а с другой — выступают системообразующим элементом, сплачивающим иные компоненты государственной защиты субъективных прав. Кроме того, сущность, направленность, основные тенденции развития современного механизма государства также во многом определяются принципами прав человека.

Следует согласиться с позицией А.С. Мордовца, в соответствии с которой центральное место в деятельности государства должны занимать принципы прав человека, которые непосредственно связаны с реализацией правовой политики правоохранительных органов, эффективностью действия социально-юридического механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина [4, с. 45-46]. Под принципами прав человека и гражданина он понимает наиболее общие руководящие нормативные положения, ведущие идеи и установления, лежащие в основе естественного и позитивного права и обуславливающие правозащитную деятельность государственных и негосударственных органов, организаций, институтов, юридических лиц и самого индивида. Соглашаясь с предложенным подходом, отметим, что данная дефиниция более относится к принципам защиты прав человека, поскольку из нее выпадает, например, деятельность субъектов по реализации своих прав.

Интересна в связи с этим точка зрения А.В. Стремоухова, который, рассматривая защиту прав личности как правовую категорию, выделяет общие принципы права в правовой защите человека (законность, справедливость, гуманизм и др.) и принципы собственно правовой защиты человека (принцип личной неприкосновенности, принцип гарантированности правовой помощи и защиты, принцип неотчуждаемости основных прав и свобод и т.д.) [5, с. 17-21]. М.И. Байтин отмечает

существование принципов организации и деятельности механизма государства, которые он разделяет на общие, относящиеся к механизму государства в целом, и частные, распространяющиеся на его отдельные звенья [6, с. 102].

Принципы реализации правозащитной функции государства представляют собой сложную систему. Они обусловлены его целями и задачами. Как основную цель здесь можно выделить достижение высокой степени правовой защищенности личности, обеспечение беспрепятственного развития индивида и общества. В число задач входит создание условий защиты прав личности, исключение возможных правонарушений, восстановление нарушенных прав, формирование должного уровня правовой культуры и правового сознания населения и должностных лиц. Создание и закрепление единых принципов деятельности, их непротиворечивость и соответствие реальным потребностям общества определяют качество защиты прав и свобод человека и гражданина, позволяют свести к минимуму сбои в работе государственных органов и в перспективе дают возможность подняться еще на одну ступень на пути создания правового государства [7, с. 135].

Можно отметить, что сегодня принципы защиты прав человека выступают для публично-правовых образований в двух качествах: как принципы построения государственного механизма и принципы его деятельности (характеризующие его статическую или динамическую стороны).

Имеет смысл говорить о нескольких уровнях принципов построения и функционирования государственного механизма защиты прав личности:

- общие принципы, которые лежат в основе организации и функционирования механизма государства в сфере прав и свобод человека и гражданина, закрепленные в Основном Законе или прямо следующие из его содержания;

- системообразующие принципы, характерные для правозащитной системы как целостного политико-правового образования;

- частные принципы, или принципы построения и деятельности отдельных элементов, структур государственного механизма.

Все эти принципы тесно взаимодействуют друг с другом, образуют определенную иерархическую структуру, в которой нижестоящие являются закономерным продолжением более общих, отражая специфику правового регулирования.

Безусловно, центральное место среди общих принципов занимают принципы прав человека, установленные Конституцией РФ, образующие фундамент современной демократической модели развития общества, с которыми должны быть согласованы все государственно-правовые институты. Они приобретают значение императивных требований, конкретных правил, обязывают правоприменителя к определенному поведению или устанавливают определенные запреты.

Здесь можно указать следующие принципы: принцип законности; формального равенства; приоритета прав и свобод человека и гражданина, их высшей ценности в деятельности государства; недопустимости произвольного вмешательства в личную жизнь; гарантированности государственной защиты прав и свобод; равенства прав и свобод; единства прав и обязанностей, определяющий, что любому субъективному праву корреспондирует обязанность остальных субъектов правоотношений соблюдать это право; гласности; ответственности государственных органов за принятые решения и др.

Можно отметить, что интегрирующим началом для конституционных принципов выступает идея всеобщего уважения прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности. По мнению С.В. Лекарева и В.А. Порка, «уважение прав человека — это один из общепризнанных принципов современного международного права, содержание которого составляет обязательство государств уважать права человека и основные свободы всех лиц, находящихся в пределах их юрисдикции» [8, с. 307]. Однако термин «уважение» используется и в национальном законодательстве. Кроме того, указанные авторы предлагают определение, которое, по сути, является тавтологией, что представляется не совсем корректным.

Если мы обратимся к энциклопедическим материалам, то найдем следующие определения: «уважать — душевно признавать чьи-то достоинства» [9, с. 460]; «относиться с почтением, основанным на

признании чьих-нибудь достоинств» [10, с. 670]; «считаться с кем-либо, не ущемляя чьих-либо интересов, не нарушая обычаев, порядков, признавать чьи-то заслуги, качества, достоинства» [11, с. 854]. Общим здесь выступает отношение к человеку как к личности, достигшей определенного социального статуса и обладающей достоинством и собственными интересами.

В связи с этим заслуживает внимания позиция авторов, которые применительно к деятельности милиции определяют уважение как максимально почтительное отношение к людям без различия пола, языка, религии и одновременное признание в каждом человеке его личного достоинства [12, с. 158]. Позднее А.С. Мордовец, рассматривая уважение как принцип конституционного права, предлагает следующую дефиницию: «Уважение — максимально почтительное отношение к народу как источнику власти, его выбору путей общественного развития, форм демократии, основ конституционной государственности, правам и свободам человека и гражданина» [13, с. 13].

Соглашаясь с указанным мнением, отметим, что главным элементом уважения прав должно стать не только признание достоинства, ценности личности, отношение к ней как к цели, а не как к средству, но и активное содействие полноценной социализации граждан, реализации их прав и свобод как высшей ценности (ст. 2 Конституции РФ). В связи с этим, на наш взгляд, применительно к деятельности государственных органов можно указать, что уважение прав человека — это всемерное признание достоинства личности со стороны государства, отношение к ней как к цели правового регулирования, а также создание условий наиболее полной ее социальной реализации.

В литературе указывается и на другие принципы материального и процессуального права, которые можно отнести к разряду общих, а именно: гуманизм, справедливость, принцип правовой безопасности человека (выражающийся в предсказуемости и ясности принимаемых законов), возможность ограничения прав и свобод только в форме закона и только в той мере, в которой это необходимо для защиты конституционного строя, нравс-

твенности, здоровья, законных прав и интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства и др. [14, с. 27]. Дополняя друг друга, указанные принципы могут рассматриваться как одна из гарантий прав личности, их защищенности от неправомерных посягательств.

Системообразующие принципы построения и деятельности правозащитной системы:

- обусловлены конкретными целями и задачами государственной защиты прав личности;

- являются объединяющим фактором для всех его элементов, устанавливая их согласованное эффективное взаимодействие;

- обеспечивают устойчивость государственного механизма защиты прав личности, пригодность к выполнению стоящих перед ним задач.

Важнейшей характеристикой рассматриваемых принципов выступает направленность на достижение высокой степени правовой защищенности человека и гражданина. Это подразумевает их комплексное воздействие, учет интересов индивидов и общества в целом, обусловленность общечеловеческими ценностями. Так, Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 34/169 от 17 декабря 1979 г., зафиксировал следующие руководящие основы деятельности правоохранительных органов: служба обществу и защита всех лиц от противоправных актов в соответствии с высокой степенью ответственности, требуемой их профессией (ст. 1); уважение и защита человеческого достоинства, поддержка и защита прав человека по отношению ко всем лицам (ст. 2) и т.д.* Аналогичные положения закреплены в принятой Парламентской ассамблеей Совета Европы 8 мая 1979 г. Декларации о полиции**.

Определенным достижением действующего российского законодательства следует признать законодательное закрепление принципов деятельности государственных гражданских служащих по отношению к

правам граждан. Среди них можно обозначить: приоритет прав и свобод человека и гражданина, профессионализм и компетентность гражданских служащих, доступность информации о гражданской службе, взаимодействие с общественными объединениями и гражданами, защищенность гражданских служащих от неправомерного вмешательства в их деятельность и др.***

В связи с этим системообразующие принципы государственного механизма защиты прав личности можно условно разделить на две группы. К первой можно отнести принципы, прямо предусмотренные в международном праве и отечественном законодательстве:

- принцип приоритетной направленности на защиту прав и свобод человека и гражданина, создание наиболее благоприятных условий развития личности и общества****;

- принцип эффективности государственной защиты прав личности*****;

- принцип личной ответственности должностных лиц за состояние прав граждан в соответствии с их компетенцией*****;

- принцип открытости правозащитной деятельности, результативности ее обратной связи [15, с. 93-95] и др.

Вторая группа системообразующих принципов прав человека не имеет прямого закрепления в законодательстве, но в той или иной мере учитывается при осуществлении правозащитного регулирования. Эти принципы присущи государственному механизму как открытой системе, обусловлены необходимостью его устойчивого эффективного функционирования. Здесь можно указать:

- принцип соответствия государственного механизма защиты прав личности общему уровню развития и потребнос-

*** О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ: ред. от 2 апр. 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 31. Ст. 3215; 2014. N 14. Ст. 1545.

**** Венская декларация и программы действий (Вена, 25 июня 1993 г.) (ст.ст. 1, 4). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

***** Там же. Ст.ст. 3, 4.

***** См. ст. 1 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (Принят 17 дек. 1979 г. Резолюцией 34/169 на 106-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН.

* Международная защита прав и свобод человека: сб. документов. М., 1990. С. 319-325.

** Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 77-81.

тям государства и общества на данном историческом этапе;

— принцип соответствия формы и содержания элементов государственного механизма защиты прав личности его целям и задачам;

— принцип внутренней непротиворечивости структуры механизма, а также компетенции и функций его различных элементов;

— принцип разделения правозащитной компетенции, согласно которому отдельный государственный орган в процессе защиты прав личности выполняет, как правило, лишь часть правозащитного процесса*;

— принцип полноты осуществляемого социального регулирования, наиболее глубокого охвата случаев нарушения прав личности;

— принцип гибкости правового регулирования, адаптации государственного механизма защиты прав личности к изменяющейся обстановке;

— принцип системности, определяющий наличие множества внутренних связей и взаимодействий, позволяющих эффективно выполнять возложенные задачи.

Указанные принципы характеризуют сущностную сторону государственного механизма защиты прав личности, «программируют» его устойчивость к внешним воздействиям, способность стабильно развиваться вместе с иными элементами правовой системы государства.

* Наиболее наглядно это просматривается в сфере уголовного и административного процесса. Отдельные стадии, такие как выявление нарушения субъективных прав, установление фактических обстоятельств дела, вынесение решения, контроль и надзор, разбиваются между различными государственными органами, а в ряде случаев и элементами гражданского общества.

К сожалению, приходится констатировать, что мало законодательно регламентировать указанные принципы, нужно еще добиться их полноценной реализации, а именно здесь возникают наибольшие проблемы. На практике часто имеют место отступления от беспристрастности правосудия, неуважительного отношения сотрудников правоохранительных органов к гражданам и т.д. В связи с этим необходимо усиление контроля за деятельностью государственных органов и должностных лиц, создание условий ее прозрачности для общественности, что позволит наиболее последовательно приводить в жизнь принципы защиты прав личности [16, с. 37].

Таким образом, можно указать, что принципы государственной защиты прав личности — это закрепленные в международных соглашениях и национальном законодательстве руководящие основы организации и деятельности публичной власти, выражающие ее сущность, социальное назначение, а также направленность на установление высокой степени правовой защищенности человека и гражданина. Они должны полноценно реализовываться в законотворческом процессе для преодоления пробелов законодательства, ликвидации правовых коллизий, а сегодня назрела необходимость применять их непосредственно, как нормы, занимающие высшие позиции в иерархии права.

В связи с этим Российская Федерация, проводящая политику оказания патерналистской поддержки Автономной Республике Крым, должна также заново переосмыслить принципы своего функционирования в сфере реализации прав личности, создав эффективную и согласованную систему защиты прав своих граждан и соотечественников.

Список литературы

1. Анохин Ю.В. Какими должны быть права человека в условиях реформирования политической системы общества: идеальная модель // Алтайский юридический вестник. 2013. N 3 (3). С. 18-23.
2. Лившиц Р.З. Теория права. М., 1994. 224 с.
3. Чесноков А.А. Государственный механизм защиты прав личности: история, теория, практика: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2010. 177 с.
4. Мордовец А.С. Правовая политика и принципы прав человека // Вопросы теории государства и права: актуальные проблемы современного Российского государства и права: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 2003. Вып. 4 (13). С. 45-52.
5. Стремouxов А.В. Правовая защита человека: теоретический аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1996.
6. Байтин М.И. Механизм государства // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юристъ, 2002. 776 с.

7. Чесноков А.А. Государственный механизм защиты прав личности в СССР и Российской Федерации (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: БЮИ МВД России, 2006. 240 с.
8. Лекарев С.В., Порк В.А. Бизнес и безопасность: толковый терминологический словарь. М., 1995. 336 с.
9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1882. Т. 4.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1989. 750 с.
11. Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2004.
12. Мехович А.М., Мордовец А.С., Силантьева А.В. Законность и уважение прав человека в деятельности органов внутренних дел // Правоведение. 1999. N 3. С. 154-162.
13. Мордовец А.С. Уважение как универсальный принцип прав человека и гражданина // Уважение как принцип деятельности правоохранительных органов: межвуз. сб. / под ред. А.С. Мордовца, А.С. Плешакова. Саратов, 2004. С. 3-14.
14. Чесноков А.А. Государственная защита прав личности в СССР: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2008. 72 с.
15. Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Правоведение. 1999. N 1. С. 82-98.
16. Чесноков А.А. Экономические права граждан в Российской Федерации: учеб. пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2008.

References

1. Anokhin Yu.V. *Kakimi dolzhny byt' prava cheloveka v usloviyakh reformirovaniya politicheskoy sistemy obshchestva: ideal'naya model'* [What should be the rights of person in the conditions of reforming the political system of society: the ideal model]. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik* – Altai Law Herald, 2013, no. 3 (3), pp. 18-23.
2. Livshits R.Z. *Teoriya prava* [Legal theory]. Moscow, 1994. 224 p.
3. Chesnokov A.A. *Gosudarstvennyy mekhanizm zashchity prav lichnosti: istoriya, teoriya, praktika* [State the mechanism of protection of individual rights: history, theory, practice]. Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, 2010. 177 p.
4. Mordovets A.S. *Pravovaya politika i printsipy prav cheloveka* [Legal policy and the principles of human rights]. *Voprosy teorii gosudarstva i prava: aktual'nye problemy sovremennogo Rossiyskogo gosudarstva i prava* [Problems in the theory of state and law: current problems of the modern Russian state and law]. Saratov, 2003. Edition 4 (13). Pp. 45-52.
5. Stremoukhov A.V. *Pravovaya zashchita cheloveka: teoreticheskiy aspekt. Avtoref. Dokt. Diss.* [Legal protection of rights: theoretical aspects. Autoabstract Doct. Diss.]. St. Petersburg, 1996.
6. Baytin M.I. *Mekhanizm gosudarstva* [Mechanism of the state]. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Yurist Publ., 2002. 776 p.
7. Chesnokov A.A. *Gosudarstvennyy mekhanizm zashchity prav lichnosti v SSSR i Rossiyskoy Federatsii (teoretiko-pravovoe issledovanie). Kand. Diss.* [State mechanism of protection of individual rights in the USSR and Russian Federation (theoretical and legal research). Cand. Diss.]. Saratov, 2006. 240 p.
8. Lekarev S.V., Pork V.A. *Biznes i bezopasnost': tolkovyy terminologicheskiy slovar'* [Business and security: explanatory dictionary of terminology]. Moscow, 1995. 336 p.
9. Dal' V. *Tolkovyy slovar' zhivago velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great russian language]. Moscow, 1882. Volume 4.
10. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian Dictionary]. Moscow, 1989. 750 p.
11. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, 2004.
12. Mekhovich A.M., Mordovets A.S., Silant'eva A.V. *Zakonnost' i uvazhenie prav cheloveka v deyatel'nosti organov vnutrennikh del* [Rule of law and respect for human rights in the activities of Internal Affairs bodies]. *Pravovedenie* – Jurisprudence, 1999, no. 3, pp. 154-162.
13. Mordovets A.S. *Uvazhenie kak universal'nyy printsip prav cheloveka i grazhdanina* [Respect as a universal principle of the rights of man and citizen]. *Uvazhenie kak printsip deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov* [As the principle of respect for law enforcement]. Saratov, 2004. Pp. 3-14.
14. Chesnokov A.A. *Gosudarstvennaya zashchita prav lichnosti v SSSR* [State protection of individual rights in the USSR]. Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, 2008. 72 p.
15. Sal'nikov V.P., Tsmay V.V. *Sovremennaya sistema zashchity prav cheloveka* [Modern system of human rights protection]. *Pravovedenie* – Jurisprudence, 1999, no. 1, pp. 82-98.
16. Chesnokov A.A. *Ekonomicheskie prava grazhdan v Rossiyskoy Federatsii* [Economic rights of citizens in the Russian Federation]. Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, 2008.

КИРИЧЕК Е.В., кандидат юридических наук, доцент, kirichek79@yandex.ru Кафедра государственно-правовых дисциплин; Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 125171, г. Москва, З. и А. Космодемьянских, 8	KIRICHEK E.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, kirichek79@yandex.ru Chair of State and Legal Disciplines; Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Kosmodemyanskikh St. 8, Moscow, 25171, Russian Federation
---	---

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ
ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА
И ГРАЖДАНИНА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ
С ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА:
КОМПЛЕКСНЫЕ МЕРЫ**

Реферат. Реформа МВД России является очередным важнейшим шагом модернизации страны и системы государственного управления. Главной целью реализуемых преобразований является создание современной и эффективной правоохранительной системы в России, формирование нового облика сотрудника в XXI веке и кардинальное изменение социальной роли органов внутренних дел в обществе. К сожалению, результаты, которые ожидало общество по итогам реформы, не достигнуты. Констатируется лишь начало реформы, многие решения еще предстоит принять и претворить в жизнь. Основной акцент делается на комплексных мерах, направленных на совершенствование деятельности полиции по обеспечению конституционных прав и свобод человека и гражданина и взаимодействию с институтами гражданского общества в Российской Федерации. В статье рассматриваются некоторые особенности и проблемы взаимодействия полиции и институтов гражданского общества, приводятся статистические данные. Делается ряд конструктивных выводов относительно дальнейшего поступательного развития взаимодействия полиции и институтов гражданского общества. Несмотря на значительное количество работ, посвященных данным вопросам, необходимо тем не менее отметить недостаточную разработанность проблем в этой сфере. Причина видится в продолжающихся реформах в России в целом и в полиции в частности, нестабильности действующего законодательства, регулирующего указанные вопросы. Налицо отсутствие четкой концепции реформирования, вытекающей из ясного понимания роли и функционала полиции. Эти и другие обстоятельства обуславливают актуальность и практическую значимость исследования, определяют необходимость изучения особенностей деятельности полиции с целью повышения ее эффективности и свидетельствуют о необходимости научно-практических рекомендаций.

Ключевые слова: полиция, гражданское общество, взаимодействие, проблемы, перспективы, права, свободы, человек, гражданин, Российская Федерация.

**IMPROVING THE POLICE ACTIVITIES IN ENSURING THE CONSTITUTIONAL
RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN AND INTERACTION
WITH CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS: COMPREHENSIVE MEASURES**

Abstract. Russian police reform is another important step to modernize the country and public administration system. The main purpose of ongoing reforms is to create the modern and efficient law enforcement system, to form a new image of police officer in the XXI century and to change the social role of law enforcement agencies in society. Unfortunately, the results expected by society aren't achieved. It's stated that the reform is only at its beginning, many decisions are still to be made and implemented. The main focus is on comprehensive measures aimed at improving the police activities in ensuring the constitutional rights and freedoms of man and citizen and interaction with civil society institutions. Some features and problems of interaction between police and civil society institutions are considered. Statistics is provided. A number of constructive conclusions concerning further progressive development of interaction of police with civil society institutions are made. Despite the significant number of papers devoted to these issues, it's necessary to note the insufficient elaboration of problems in this area. The reason is the ongoing reforms in Russia in general and police reform in particular, the

instability of the current legislation regulating these issues. A lack of a clear concept of the reform, arising from a clear understanding of the police role and functions, is evident. These and other circumstances determine the topicality and practical importance of the research, the necessity of studying the peculiarities of police activities to improve its efficiency. They also indicate the need for scientific and practical recommendations.

Keywords: police, civil society, interaction, problems, prospects, rights, freedoms, man, citizen, the Russian Federation.

Проведение любой реформы в государстве всегда сопряжено с поиском причин неудовлетворительного состояния реформируемого элемента системы и путей повышения эффективности ее функционирования, улучшения ее качественного состояния, форм ее реорганизации [1, с. 15].

«Реформа МВД нуждается в постоянном стимулировании, потому что этот процесс — как ремонт, который бесконечен. Его можно прекратить, но завершить нельзя», — отметил генеральный директор Центра политической информации А. Мухин [2].

Проводимое реформирование системы МВД России является закономерным процессом, т.к. давно уже назрела потребность российского общества в повышении доверия к сотрудникам органов внутренних дел и улучшении качества их деятельности. Должны «создаваться эффективные механизмы для обеспечения внутренней дисциплины и внешнего контроля, а также надзора за должностными лицами по поддержанию правопорядка. Каждый орган охраны общественного порядка должен представлять общественность в целом, нести перед ней ответственность и быть ей подотчетным»*, ибо социальный заказ общества для полиции «в сущности, — уменьшение вероятности совершения преступлений и правонарушений в аналогичных ситуациях впредь там, где для этого есть соответствующие условия. Формулируя заказ для полиции подобным образом, общество должно всячески содействовать увеличению функционального потенциала полиции, а если это необходимо — подключать для повышения его эффективности и собственные возможности» [3, с. 33].

Более того, как подчеркивает А.Н. Герасименко, государственная система обеспечения правопорядка не может успешно

функционировать без помощи общественных объединений и граждан [4, с. 14].

В настоящее время в России наиболее отчетливо проявилась и получила тенденцию к росту готовности полиции и общественных объединений взаимодействовать друг с другом в сфере борьбы с преступностью, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Существуют различные формы совместной деятельности полиции и общественности по охране правопорядка: добровольные народные и казачьи дружины, оперативные отряды и отряды содействия полиции, в том числе молодежные, внештатные подразделения дорожно-патрульной службы и т.д. Например, в Свердловской, Тюменской, Кировской, Курганской областях функционируют дружины по охране общественного порядка, специализированные отряды дружинников (по линии ГИБДД), казачьи дружины («Казачья полиция»), студенческие отряды охраны общественного порядка; в Костромской, Архангельской, Пензенской областях — советы общественности, добровольные народные дружины, молодежные оперативные (поисковые) отряды, внештатные сотрудники полиции; в Самарской, Белгородской, Томской, Воронежской, Псковской областях — добровольные народные дружины, студенческие оперативные отряды, кругло-суточные посты и группы патрулирования в местах массового пребывания граждан, общественные пункты охраны порядка, советы (группы) профилактики правонарушений; в Красноярском крае, Новосибирской, Тульской, Ульяновской областях — добровольные молодежные дружины**.

** На территории Российской Федерации действует более 45 тыс. общественных формирований правоохранительной направленности, численность которых составляет более 454 тыс. человек, в том числе в 14,2 тыс. народных дружин — около 190 тыс. человек, в 895 казачьих дружинах — около 62 тыс. человек. Более 42 тыс. граждан являются внештатными сотрудниками полиции.

* Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (Принят 17 дек. 1979 г. Резолюцией 34/169 на 106-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Советская юстиция. 1991. N 17. С. 22.

Именно с их помощью ежегодно раскрываются десятки тысяч преступлений, выявляются сотни тысяч административных правонарушений [5, с. 350].

Между тем в этих условиях для еще более эффективного привлечения общественности к решению правоохранительных задач считаем целесообразным:

- принять ряд законов и подзаконных актов, направленных на регулирование взаимодействия полиции с общественными объединениями и иными институтами гражданского общества;

- определить направления, разработать программы участия общественных объединений и иных институтов гражданского общества в федеральных, региональных, местных и иных программах укрепления правопорядка;

- определить критерии и порядок предоставления льгот, финансовой поддержки общественным объединениям и иным институтам гражданского общества на период участия в реализации такого рода программ;

- постоянно внедрять и совершенствовать различные формы и методы взаимодействия с общественными объединениями и иными институтами гражданского общества;

- разработать критерии эффективности взаимодействия полиции с общественными объединениями и иными институтами гражданского общества.

В науке и практике есть ряд суждений о том, что полезно воспользоваться богатым опытом сотрудничества между полицией и населением современных зарубежных стран, для которых характерны как индивидуальное участие граждан в охране правопорядка, так и коллективные формы участия. Индивидуальное участие граждан в охране правопорядка может осуществляться в виде долгосрочного сотрудничества в рамках института добровольных помощников полиции, а также как одноразовая помощь, выражающаяся в сообщении полиции информации о противоправном поведении, о замеченных подозрительных предметах и лицах (Германия, США и др.). Среди коллективных форм участия используются такие, как: 1) создание пунктов по обеспечению правопорядка и предупреждению преступности (Япония); 2) формирование полицейс-

кого резерва (помощников) (США); 3) организация патрулирования общественных мест; 4) создание добровольных дружин и иных общественных формирований правоохранительной направленности (Белоруссия, Великобритания, США, Эстония и др.); сотрудничество с частными охранными предприятиями (Перу) и др.

Вместе с тем, к сожалению, привлечательные идеи, социальные гипотезы, политические технологии, пришедшие с Запада, не работают или, по крайней мере, не дают ожидаемого результата в России. Причины этого видятся в основаниях и особенностях бытия российского общества и государства [6, с. 150]. Приоритет должен отдаваться человеку, его правам и свободам, а не существующей власти.

Следует согласиться с мнением некоторых авторов (О.А. Степанов, Р.Б. Гладких, А.В. Борисов, Ю.А. Лялякин), считающих, что ориентация сотрудников полиции на соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина в их деятельности должна рассматриваться как необходимое условие выполнения ими задач по предупреждению преступлений. Это определяет кардинально новый взгляд на роль, обязанности и возможности полиции. Реализация принципа «полиция на службе общества» предполагает упор на предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений и административных правонарушений, на установление причин, по которым граждане обращаются в полицию. Полиция призвана служить интересам общества в целом, а не какой-то отдельно взятой политической партии, религиозной либо этнической группы. По этой причине для обеспечения беспристрастности и нейтралитета, а значит, законности, профессионализма и отсутствия произвола в принятии решений полиции предоставлена самостоятельность в использовании ресурсов при решении тех или иных проблем [7, с. 15].

В органах внутренних дел долгое время с целью улучшения основных показателей работы, в том числе и по укреплению законности, осуществлялось умелое манипулирование показателями отчетности, не отражающее, как правило, реального положения дел. Но постепенно такая отчетность стала явно противоречить реальной практике расследования преступлений.

Росло число нарушений законности. Все большую силу набирали «теневые факторы», выступавшие в качестве причин нарушений законности. Складывалась определенная система, практика, стиль нарушения законности. Среди сотрудников органов внутренних дел наблюдалось падение профессионализма, усиливался правовой нигилизм, широко распространилось неверие в реальность таких демократических принципов, как неприкосновенность личности, равенство перед законом, объективность и беспристрастность дознания, предварительного следствия. Все сильнее давали о себе знать волокита, бюрократизм, взяточничество, нарастающее социальное напряжение в обществе и т.п. Все эти ключевые факторы и послужили началом серьезных преобразований.

Известно, что толчком к преобразованиям в Министерстве внутренних дел Российской Федерации стал трагический инцидент 2009 г. в московском супермаркете, где майор милиции Евсюков устроил стрельбу по посетителям. Д.А. Медведев, пребывавший на тот момент на посту Президента России, инициировал масштабное реформирование министерства, которое должно было очистить его ряды от «оборотней в погонах» и повысить в целом эффективность деятельности оставшихся сотрудников. 24 декабря 2009 г. был принят Указ Президента Российской Федерации N 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»*. Данным указом и последующими нормативными правовыми актами был определен комплекс мер, направленных на кадровое и тыловое развитие органов внутренних дел, дополнительное денежное стимулирование сотрудников органов внутренних дел, обеспечение сотрудников жильем, проведение комплекса антикоррупционных мероприятий в системе МВД России, создание новой, более совершенной системы оценки деятельности органов внутренних дел и др.

* О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 24 дек. 2009 г. N 1468: ред. от 1 марта 2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. N 52 (ч. 1). Ст. 6536; 2011. N 10. Ст. 1340.

Основное внимание было уделено созданию новой правовой базы деятельности полиции, формированию совершенной системы защиты ее сотрудников и членов их семей. Проведена внеочередная переаттестация 875,3 тыс. сотрудников, результатом которой явилось значительное сокращение (на 20 процентов) штатной численности органов внутренних дел. В связи с этим подготовлена, принята и реализована специальная Программа МВД России «Социальная адаптация сотрудников органов внутренних дел, уволенных в результате организационно-штатных мероприятий, на 2011-2012 гг.».

В процессе крупномасштабной модернизации органов внутренних дел принят ряд основополагающих законодательных актов, отвечающих всем существующим международным стандартам деятельности полиции (федеральные законы «О полиции» от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ, «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 19 июля 2011 г. N 247-ФЗ, «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30 ноября 2011 г. N 342-ФЗ). Однако «нормы как таковые не будут иметь практической ценности до тех пор, пока их содержание и значение посредством обучения и подготовки и путем осуществления контроля не станут частью кредо каждого должностного лица по поддержанию правопорядка»**.

Реформирование повлекло за собой преобразование милиции в полицию. Вместе с тем совершенно очевидно, что милицию не так просто «превратить» в полицию — путем переименования. В первую очередь необходимо менять само общество, менять отношения в системе «государство — общество». Есть некие разумные постулаты: полиция должна оказывать гражданам услуги, потому что содержится на средства налогоплательщиков. И соответственно она должна быть не репрессивной силой, а частью сферы государственных услуг [2].

** См.: Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (Принят 17 дек. 1979 г. Резолюцией 34/169 на 106-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

Несмотря на все положительные стороны реформы, результаты реформирования, ожидаемые обществом, достигнуты далеко не в полном объеме, многие проблемы остались, и их еще предстоит решить. Продолжают иметь место нарушения служебной дисциплины и законности в деятельности полиции. Оставляет желать лучшего качество правоохранительных услуг населению и уровень доверия граждан к полиции. И если в ближайшее время (пять-шесть лет) ситуация в органах внутренних дел не изменится, то кризис правоохранительной системы грозит принять патологические формы. Полицейские эксперты говорят о неминуемой утрате доверия к сотрудникам органов внутренних дел, увеличении количества преступлений, снижении уровня безопасности во всех сферах. Сегодня эта проблема достаточно широко освещается в СМИ, обсуждается на самых различных уровнях*.

Реформа МВД России не оправдала ожиданий общества, — признал на «правительственном часе» в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и сам министр внутренних дел России В.А. Колокольников. «Результаты, которых от нас ожидало общество, не достигнуты», — сказал он, но при этом отметил, что министерство «старается исправить недостатки». В частности, министр рассказал членам Совета Федерации, что преступность среди личного состава полиции снижается, а профессионализм сотрудников растет [8].

Кроме того, министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольников

в своих выступлениях неоднократно обращал внимание на то, что «полиция должна заслужить доверие граждан, поэтому с нарушениями в своих рядах борется жестко и принципиально... Это доверие сегодня нужно не завоевывать — у нас не война, не возвращать, поскольку многое уже потеряно. Это доверие нам нужно заслужить четким выполнением своего долга перед людьми, своей каждодневной, полезной и результативной службой обществу» [9].

В связи с этим в целях качественного изменения сложившейся ситуации расширенная рабочая группа экспертов, образованная при министре внутренних дел Российской Федерации, подготовила предложения по дальнейшему реформированию органов внутренних дел Российской Федерации. Этот документ был назван «Дорожной картой» [10].

Кроме этого, в целях изменения ситуации МВД России разработало план деятельности по реализации указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. на 2013 г. и плановый период 2014-2018 гг., который сформирован на основании поручений Президента Российской Федерации, содержащихся в указах Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. N 596-606, Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 г., утвержденных 31 января 2013 г., иных поручениях Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации. Представленные в названных документах ориентиры не претендуют на истину в последней инстанции и исчерпывающее решение всех проблем, стоящих перед системой МВД России. Вместе с тем они задают тон предстоящим преобразованиям.

Сегодня необходимо создать все условия для формирования и функционирования современной профессиональной полиции, отвечающей запросам гражданского общества. Важно теперь реализовать все задуманное на ключевых направлениях деятельности полиции, в т.ч. по взаимодействию с институтами гражданского общества. Как видится, достижение необходимого результата возможно только посредством проведения комплекса мер правового, организационного, материально-технического, финансового характера, таких как:

1. Совершенствование правовой базы (например, внесение соответствующих из-

* См., например: Коц А. Очередное реформирование МВД обойдется казне почти в 10 миллиардов рублей. Что же мы получим на выходе за такую кругленькую сумму? // Комсомольская правда. 2013. 29 окт.; Бутрин Д. Преступность подождет до лучших времен. Шок от полицейской реформы МВД намерено преодолеть к 2016 г. Министр внутренних дел России Владимир Колокольников ожидает, что реформа МВД не помешает реализации принципов неотвратимости наказания // Коммерсантъ. 2013. 30 окт.; Игорев А. Владимир Колокольников двинул фронт на тылы МВД. Полицейским начальникам досталось за жалкие условия работы оперативников // Коммерсантъ. 2013. 30 окт.; Супер Е. Провал медведевской реформы МВД. Кто за нее ответит и чего ждать // НАКАНУНЕ.RU. 2013. 1 нояб. и т.д.

менений в федеральные законы от 2 апреля 2014 г. N 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» и от 21 июля 2014 г. N 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» и принятие ряда подзаконных актов, направленных на реализацию положений этих федеральных законов) и правоприменительной практики в данной сфере; разработка и принятие Концепции взаимодействия МВД России с институтами гражданского общества и Концепции профилактики правонарушений в Российской Федерации; рассмотрение вопроса о присоединении к Конвенции Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием против женщин и домашним насилием и реализация ее положений, а также положений Модельного закона ООН о насилии в семье в российском законодательстве.

2. Повсеместное использование рекомендованной ОБСЕ практики взаимодействия полиции и институтов гражданского общества, в том числе передового отечественного и зарубежного опыта, мнений практиков и ветеранов, а также позиций общественности.

3. Дальнейшее совершенствование критериев оценки деятельности полиции и наведение порядка в учете и регистрации преступлений.

4. Ориентирование полиции на конкретные направления службы, которые имеют наибольшую значимость для населения. Это, в частности, должно найти свое отражение в долгосрочной программе развития горрайорганов внутренних дел — основного звена системы МВД России.

5. Повышение доступности полиции населению. Для этого необходимо: а) максимально приблизить наряды полиции к жилому сектору; б) активизировать практику регулярных профилактических обходов административных участков и объездов отдаленных населенных пунктов в целях приема и рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях и иных правонарушениях, встреч с населением и т.д.

6. Совершенствование работы полиции с обращениями граждан с учетом потребностей (проблем, ценностей, советов) жителей городов, районов, поселков, сельских поселений. Внедрение в практику технических средств удаленного доступа граждан к подаче заявлений и сообщений,

с помощью которых граждане могли бы подавать заявления и сообщения о разного рода чрезвычайных ситуациях, преступлениях и иных правонарушениях через электронные терминалы. Исключение случаев немотивированного отказа в регистрации сообщений и заявлений граждан, в том числе списания их в номенклатурные дела без проведения доследственных проверок. Усовершенствование системы информирования потерпевших от противоправных деяний о принятых по заявлениям мерах. Осуществление аудита финансово-технических возможностей полиции в плане оборудования современного рабочего места сотрудника, ведущего прием и учет заявлений и сообщений о происшествиях, преступлениях, иных правонарушениях (наличие помещений, компьютерной техники, средств связи и т.п.).

7. Обеспечение функционирования во всех органах полиции Бюро регистрации (учета) несчастных случаев. Создание подобного подразделения и на уровне ГИАЦ МВД России.

8. Проведение постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции, взаимный обмен информацией, исключение практики манипуляции со статистикой.

9. Проведение мероприятий, направленных на обеспечение открытости деятельности полиции в пределах, определенных рамками действующего законодательства. Для этого необходимо поставить на плановую основу практику выступлений в средствах массовой информации и на общественных форумах (конференциях, круглых столах, семинарах и т.д.) руководителей подразделений органов внутренних дел, подготовки ими статей и иных материалов, обзоров о состоянии преступности, результатах борьбы с коррупцией, экстремизмом и т.д., а также отчетов перед населением в порядке, установленном правовыми актами МВД России*, в целях информирования населения об оперативной обстановке и проделанной работе, и

* Об организации и проведении отчетов должностных лиц территориальных органов МВД России (вместе с «Инструкцией по организации и проведению отчетов должностных лиц территориальных органов МВД России»): приказ МВД России от 30 авг. 2011 г. N 975: ред. от 19 февр. 2013 г. // Рос. газ. 2011. 30 сент.; 2013. 13 марта.

получения информации об оценке населением деятельности сотрудников полиции и территориального органа МВД России.

10. Развитие и внедрение различных форм взаимодействия полиции и институтов гражданского общества (формирование экспертных советов по основным направлениям деятельности полиции с привлечением в них профильных ведущих ученых и ветеранов; проведение онлайн-конференций и встреч руководства полиции с населением, проживающим на подведомственной территории; работа с обращениями граждан и их личный прием; информирование граждан о состоянии преступности и обеспечении общественной безопасности; привлечение к охране правопорядка граждан и общественных организаций; осуществление постоянного совместного мониторинга проблем, возникающих в процессе взаимодействия, и выработка на его основе совместных предложений по совершенствованию законодательства и принятию организационных решений; включение в состав комиссий по проверке жалоб на сотрудников полиции членов общественных советов (за исключением случаев, связанных с ограничениями режима секретности) и др.).

11. Активизирование работы общественных советов при МВД России и его территориальных органах, создание для них условий конструктивной работы.

12. Осуществление работы по повышению профессиональной квалификации сотрудников; искоренению системной коррупции, напрямую связанной с интеграцией в организованную преступность; расширению участия в кадровой политике общественности (учет мнения населения).

13. Проведение согласованной политики МВД России в области формирования у населения объективной оценки деятельности полиции и создание положительного образа ее сотрудников. К примеру, руководство ряда территориальных органов внутренних дел издает внутренние приказы, ограничивающие курение личного состава в общественном месте (в форме). Так, в Челябинске сотрудникам запретили курить в помещениях полиции. Кстати, еще в советских Общевоинских уставах даже офицерам разрешалось курить на службе только в специально отведенных местах.

Аналогичная практика существует и в ряде зарубежных стран. В частности, в Республике Беларусь военнослужащим внутренних войск и милиционерам запретили курить в форме. За это могут привлечь к дисциплинарной и административной ответственности. Более того, в марте 2013 г. белорусским милиционерам запретили сидеть в общественном транспорте. В Молдове сотрудникам дорожной полиции запретили во время исполнения служебных обязанностей жевать жевательную резинку, есть, курить, разговаривать по телефону по неслужебным вопросам, употреблять алкогольные напитки и иметь при себе на посту больше 100 леев (8 долларов). В Латвии тоже созданы единые правила поведения для полицейских, пожарных и пограничников. Помимо стандартных требований к форме есть и запрет на ношение серьги в одном ухе (женщинам – двух серег в одном ухе), ношение рюкзаков. Также запрещено жевать жевательную резинку и курить на службе. В голландской полиции в служебное время запрещено курить марихуану, употреблять наркотики и алкоголь [11].

14. Обеспечение абсолютной правовой дисциплины личного состава, беспрекословное соблюдение принципа законности в процессе осуществления возложенных на него задач, а также при взаимодействии с населением. К сожалению, пока добиться улучшения ситуации с состоянием дисциплины в органах внутренних дел не удалось.

Несмотря на проведенную реформу, в ряде МВД, ГУ МВД, УМВД по субъектам Российской Федерации наблюдается существенный рост правонарушений и нарушений служебной дисциплины среди сотрудников полиции. Так, согласно обзору «Состояние служебной дисциплины и законности среди личного состава органов, организаций и подразделений системы МВД России за 6 месяцев 2013 г.» 98 940 сотрудников полиции по всей России в первом полугодии 2013 г. нарушили дисциплину. Если сравнивать эту цифру с общим количеством полицейских, то в среднем по России на тысячу сотрудников ОВД приходится 117,2 нарушения. Наибольшее количество нарушений зафиксировано в УМВД России по Ханты-Мансийскому автономному округу (227,6 нарушений на

1 000 человек личного состава), УМВД России по Алтайскому краю (225 нарушений), по Брянской области (213 нарушений), по Орловской области (210 нарушений) и по Республике Марий-Эл (205 нарушений). Все эти показатели превышают аналогичные за предыдущий год*.

15. Повышение правосознания граждан, воспитание их активной жизненной позиции; профилактическая работа среди молодежи, ее социализация, организация занятости и досуга. «За последние семь лет доля молодых людей в возрасте от 14 до 29 лет, совершивших преступления, сократилась почти на 9 %», — отметил министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев 25 декабря 2013 года на заседании Правительственной комиссии по профилактике правонарушений [12].

16. Своевременное и объективное информирование граждан о государственной политике в сфере внутренних дел; широкая информационная кампания по пропаганде идей гуманизма, общечеловеческих ценностей, толерантности**.

17. Осуществление индивидуальной профилактической работы с лицами, ведущими антиобщественный образ жизни и ранее совершавшими противоправные деяния; социальная адаптация граждан, освободившихся из мест лишения свободы.

18. Оказание содействия (помощи) институтам гражданского общества (многочисленным общественным формирова-

ниям правоохранительной направленности, добровольным народным дружинам, миграционным патрулям, казачьим формированиям (дружинам), волонтерским организациям и т.д.) в осуществлении ими мероприятий по охране общественного порядка и проведении профилактической работы с правонарушителями и лицами, находящимися в социально негативной среде.

19. Поощрение членов общественных объединений правоохранительной направленности, внештатных сотрудников полиции и граждан, отличившихся в охране общественного порядка и оказывающих полиции содействие в раскрытии и расследовании преступлений и административных правонарушений.

20. Осуществление действенного общественного контроля за деятельностью органов публичной власти, в т.ч. полиции, обеспечивающего устойчивое и поступательное развитие гражданского общества.

21. Внедрение в деятельность полиции современных технологий в целях совершенствования практики предоставления институтам гражданского общества государственных услуг, в том числе в электронном виде и по принципу «одного окна». Достижение в перспективе такого уровня технического оснащения деятельности сотрудника полиции, при котором он, находясь на месте происшествия, мог бы получить любые необходимые ему сведения из информационных систем и посредством электронного документооборота осуществить закрепление процессуальных действий. Важным здесь является также внедрение и использование во всех субъектах Российской Федерации аппаратно-программного комплекса (АПК) «Безопасный город»*** в целях повышения уровня общественной и личной безопасности граждан, их защищенности от угроз различного характера, современная концепция развития которого подразумевает расши-

* О состоянии законности в органах внутренних дел Российской Федерации и результатах оперативно-служебной деятельности подразделений собственной безопасности территориальных органов МВД России и ГУСБ МВД России в 1-м полугодии 2013 г.: информационно-справочный материал ГУСБ МВД России (на правах рукописи). Исх. N 19/1/7150 от 6 авг. 2013 г.

** К примеру, 13 марта 2014 г. в Нижнем Новгороде открылся первый в России рекрутинговый центр полиции — пилотный проект Департамента государственной службы и кадров МВД России, задуманный с целью привлечь внимание, а затем подробно рассказать населению о работе органов внутренних дел. Каждый обратившийся может получить ответы на вопросы о зарплате, социальных гарантиях, пройти психологическое обследование и т.д., т.е. главной задачей нового структурного подразделения является пропаганда работы в полиции.

*** В настоящее время реализация мероприятий по развитию АПК «Безопасный город» осуществляется преимущественно в рамках госпрограмм субъектов Российской Федерации или подпрограмм по профилактике правонарушений. Такой подход предусмотрен в 44 субъектах Российской Федерации. В 10 регионах страны мероприятия проводятся в рамках самостоятельных программ «Безопасный регион».

рение использования информационных и телекоммуникационных технологий, ГЛО-НАСС и других результатов космической деятельности для развития новых форм сегментов комплекса; использование новейших методов работы с информацией, компьютерной техники планшетного типа; совершенствование способов борьбы с организованной преступностью и терроризмом (в т.ч. противодействия этнической преступности*) и др. В целях снижения коррупционных рисков и защиты сотрудников органов внутренних дел от ложных обвинений есть необходимость использования персональных видеорегистраторов, размещенных на форменной одежде сотрудников полиции, позволяющих записывать общение с гражданами за пределами служебного помещения или автомобиля.

22. Повышение статуса участкового уполномоченного полиции, работающего непосредственно с населением, знающего проживающий контингент и неблагополучные семьи на территории своего муниципального образования, как одного из ключевых инструментов государственной системы профилактики правонарушений. Восстановить в полном объеме систему сельских отделов.

* Подразделения по борьбе с такими организованными преступными группами созданы в 56 субъектах Российской Федерации.

23. Создание «приемных» — пунктов обращения граждан за правоохранительной помощью во всех отделах полиции, оборудованных информационными стендами, вспомогательной литературой, с привлечением дежурных сотрудников для юридического консультирования граждан, оказания им помощи в составлении необходимых документов.

В заключение необходимо отметить, что перечень указанных мер, безусловно, не является исчерпывающим; кому-то из заинтересованных читателей они покажутся дискуссионными. Вместе с тем мы уверены, что только их комплексная реализация будет способствовать созданию в России действительно современной, работоспособной и авторитетной полиции, дальнейшему поступательному развитию взаимодействия полиции и институтов гражданского общества, росту доверия граждан к полиции, расширению и активизации их взаимодействия на новом качественном уровне с использованием современных подходов, повышению социальной активности и правовой культуры граждан и т.д., что в конечном итоге сделает возможным успешное выполнение полицией стоящих перед ней задач по обеспечению конституционных прав и свобод человека и гражданина, укреплению законности и правопорядка в государстве и обществе.

Список литературы

1. Володина Л.М. Вопросы реформы органов внутренних дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. N 4 (14). С. 15-21.
2. Самарина А. Новый виток реформы МВД. Депутаты и руководство ведомства рассматривают поправки в закон, а эксперты предсказывают отставки в руководстве министерства // Независимая газета. 2013. 23 сент.
3. Елагин А.Г., Капитонов С.А. Административный потенциал полиции и безопасность в обстановке формирования российского правового государства // Вестник Томского государственного университета. 2012. N 4 (6). С. 31-35.
4. Герасименко А.Н. Информационное обеспечение взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями по охране правопорядка (организационные и правовые вопросы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
5. Щелкунова М.В. Механизм взаимодействия органов внутренних дел с общественными объединениями // Стратегическое управление в правоохранительной сфере: проблемы теории и практики: сб. ст. (по материалам международной научно-практической конференции в Академии управления МВД России 31 октября 2008 г.). М.: Акад. управления МВД России, 2009. С. 347-350.
6. Косолапов Н. Идеи Европы в российском самосознании: взгляд на проблему // Мировая экономика и международные отношения. 1997. N 11.
7. Реализация принципа соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина в деятельности полиции / О.А. Степанов, Р.Б. Гладких, А.В. Борисов, Ю.А. Лялякин. М.: Академия управления МВД России, 2013.
8. Замахина Т. Участковые стали «писателями». Сенаторы обещали законодательную поддержку МВД // Рос. газ. 2013. 31 окт.

9. Колокольцев В.А. Полиция должна заслужить доверие граждан [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. URL: <http://mvd.ru/news/item/150545> (дата обращения: 17 марта 2014 г.).

10. Алексеева А.П. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации (кадровый профессионализм, открытость для доверия и оптимизация): проблемы и перспективы реализации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. N 4 (22). С. 16-21.

11. Фалалеев М. Премия уходит в дым. Сотрудникам МВД не рекомендовано курить в форме // Рос. газ. 2013. 24 сент.

12. В МВД России состоялось заседание Правительственной комиссии по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. URL: <http://mvd.ru/document/1453943> (дата обращения: 29 дек. 2013 г.).

References

1. Volodina L.M. *Voprosy reformy organov vnutrennih del* [Issues of reform of bodies of internal Affairs]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* – Legal science and law enforcement practice, 2010, no. 4 (14), pp. 15-21.

2. Samarina A. *Noviy vitok reformy MVD. Deputaty i rukovodstvo vedomstva rassmatrivayut popravki v zakon, a eksperty predskazyvayut otstavki v rukovodstve ministerstva* [A new round of police reform. The deputies and the administration of the Department consider amendments to the law, and experts predict the resignation of the leadership of the Ministry]. *Nezavisimaya gazeta* – The independent newspaper, 2013, 23 Sept.

3. Elagin A.G., Kapitonov S.A. *Administrativnyi potencial policii i bezopasnost' v obstanovke formirovaniya rossiyskogo gosudarstva* [The administrative capacity of the police and security in the conditions of formation of Russian legal state]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Tomsk State University, 2012, no. 4 (6), pp. 31-35.

4. Gerasimenko A.N. *Informacionnoe obespechenie vzaimodeystviya organov vnutrennih del s obshchestvennymi ob'edineniyami po ohrane pravoporyadka (organizacionnye i pravovye voprosy). Avtoref. Kand. Diss.* [Information support of the interaction of internal affairs bodies with public associations for the protection of the rule of law (institutional and legal matters). Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2008.

5. Shchelkunova M.V. *Mehanizm vzaimodeystviya organov vnutrennih del s obshchestvennymi ob'edineniyami* [The mechanism of interaction of the internal Affairs bodies with public associations]. *Stratigicheskoe upravlenie v pravookhranitel'noy sfere: problemy teorii i praktiki* [Strategic management in the law enforcement sphere: problems of theory and practice]. Moscow, Academy of MIA of Russia, 2009. Pp. 347-350.

6. Kosolapov N. *Idei Evropy v rossiyskom samosoznanii: vzglyad na problemu* [The idea of Europe in the Russian identity: the view on the problem]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* – World economy and international relations, 1997, no. 11.

7. Stepanov O.A., Gladkih R.B., Borisov A.V., Lyalyakin Yu.A. *Realizatsiya principa soblyudeniya i uvazheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v deyatelnosti policii* [The implementation of the principle of observance and respect of the rights and freedoms of man and citizen in the activity of the police.]. Moscow, 2013.

8. Zamahina T. *Uchastkovye stali «pisatelyami». Senatory obeshchali zakonodatelnuyu podderzhku MVD* [Precinct became writers. Senators promised legislative support of the Ministry of interior]. *Rossiyskaya gazeta* – The Russian newspaper, 2013, 31 October.

9. Kolokol'cev V.A. *Policiya dolzhna zasluzhit' doverie grazhdan* [Policiya dolzhna zasluzhit' doverie grazhdan]. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii. Ofitsial'nyy sayt* [The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: the official website]. Available at: <http://mvd.ru/news/item/150545> (Accessed 19 August 2012).

10. Alekseeva A.P. *Dorozhnaya karta dal'neyshego reformirovaniya organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii (kadrovyy professionalizm, otkrytost' dlya doveriya i optimizatsiya): problemy i perspektivy realizatsii* [The road map of further reforming of the Russian law enforcement bodies (personnel professionalism, openness to trust and optimization): problems and realization prospects]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* – Legal science and law enforcement practice, 2012, no. 4 (22), pp. 16-21.

11. Falaleev M. *Premiya uhodit v dym. Sotrudnikam MVD ne rekomendovanno kurit' v forme* [The prize goes up in smoke. MIA employees not recommended to smoke in the form.]. *Rossiyskaya gazeta* – The Russian newspaper, 2013, 24 September.

12. *V MVD Rossii sostoyalos' zasedanie Pravitel'svennoy komissii po profilaktike pravonarusheniy* [In the Ministry of internal Affairs of Russia held the sitting of Governmental Commission on prevention of offences]. *Ministerstvo vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii. Ofitsial'nyy sayt* [The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: the official website]. Available at: <http://mvd.ru/document/1453943> (Accessed 29 December 2013).

Раздел 3. Уголовный закон

ГРИГОРЬЕВ Д.А., dimas04.12.85@mail.ru Кафедра уголовно-правовых дисциплин; Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, 625051, г. Тюмень, 30 лет Победы, 102	GRIGORYEV D.A., dimas04.12.85@mail.ru Chair of Criminal Law; Tyumen State Academy of World Economics, Management and Law, 30 Let Pobedy St. 102, Tyumen, 625051, Russian Federation
---	--

МОРОЗОВ В.И., кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, vik-mor@mail.ru Кафедра правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, Амурская, 75	MOROZOV V.I., Candidate of Legal Sciences, associate professor, honoured lawyer of the Russian Federation, vik-mor@mail.ru Chair of legal training of law enforcement officers; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
---	---

КАК ОПРЕДЕЛИТЬ ЛИЦО, ЗАНИМАЮЩЕЕ ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ?

Реферат. Критикуется действующая редакция постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. N 12, разъясняющего положения закона об ответственности за преступления, совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210 УК РФ). Оценочный характер рассматриваемого квалифицирующего признака не позволяет выработать четких критериев определения лидеров криминальной среды. Авторами на основе положений теории и материалов судебной практики предлагаются три критерия. Первый — конкретные действия по: созданию или осуществлению руководства преступным сообществом (преступной организацией); координации преступных действий; созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами; разделу сфер преступного влияния и преступных доходов и иные преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве на определенной территории либо в определенной сфере деятельности. Второй — наличие в распоряжении лица денег, ценностей и иного имущества, добытых преступным путем, без его непосредственного участия в их приобретении, передаваемых этому лицу систематически, без правовых оснований (неосновательное обогащение); расходование этих денег, ценностей и иного имущества на осуществление преступной деятельности (самых преступлений и условий их совершения). Третий — наличие международных криминальных связей, проявляющихся в совершении одного из преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210 УК РФ, в случае, если такое преступление носит транснациональный характер; связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями, а также коррупционных связей. Суд может использовать как один, так и несколько таких критериев.

Ключевые слова: преступное сообщество, преступная организация, преступная иерархия, вор в законе, «общак», международные криминальные связи.

HOW TO IDENTIFY THE PERSON HOLDING THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY?

Absrtact. The current version of the resolution of the RF Supreme Court Plenum of June 10, 2010 N 12, clarifying the provisions of the law on liability for crimes committed by a person holding the highest position in the criminal hierarchy (Part 4 of Article 210 of the RF Criminal Code), is criticized. Evaluative character of the considered aggravating circumstance doesn't allow to develop clear criteria for identifying the leaders of the criminal environment. Basing on the theory provisions and court practice, the authors suggest three criteria. The first criterion is specific actions including: establishment

and leadership of the criminal association (criminal organization); coordinating criminal acts; creating sustainable links between different organized groups acting independently; dividing spheres of criminal influence, sharing criminal income and other criminal activities, indicating person's authority and leadership in a particular area or in a particular sphere of activity. The second is having money, valuables and other property obtained by criminal means, without the person's direct participation in their acquisition; transferring money, valuables and other property to that person systematically, without legal grounds (unjust enrichment); spending that money, valuables and other property to carry out criminal activities (crimes themselves and conditions of their commission). The third is international criminal ties manifested in committing one of the crimes under Part 1 of Article 210 of the RF Criminal Code, if this crime is transnational in nature; ties with extremist and (or) terrorist organizations, as well as corruption ties. The court may use one or several of these criteria.

Keywords: criminal association, criminal organization, criminal hierarchy, thief-in-law, "common fund", international criminal ties.

В юридической литературе указывается, что общественная опасность организации преступного объединения заключается прежде всего в том, что при самом его создании «нарушается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, так как появляется коллективный субъект преступной деятельности, посягающий на них» [1, с. 65].

Однако общественная опасность организованной преступной деятельности, на наш взгляд, существенно повышается, если такую деятельность осуществляет лицо, обладающее особым, неформальным криминальным статусом, признаваемым в определенных кругах.

Именно на борьбу с такими лицами был направлен Федеральный закон от 3 ноября 2009 г. N 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»* (далее — ФЗ N 245), который внес существенные изменения в ст. 210 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)**.

Иными словами, ФЗ N 245 должен активизировать борьбу с криминальными авторитетами (ворами в законе и т.п.), в связи с чем в ст. 210 УК РФ был введен особо квалифицированный состав преступления — деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 210 УК РФ, совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210 УК РФ).

Несмотря на то, что ученые не раз обращали внимание на необходимость кри-

минализации организационной преступной деятельности, осуществляемой лицами, пользующимися определенным авторитетом в преступном мире [4, с. 34], поправки, внесенные ФЗ N 245, при отсутствии должного толкования могут остаться без применения.

Так, оценочный характер рассматриваемого квалифицирующего признака привел к тому, что на сегодняшний день ни в судебной практике, ни в литературе не выработано четких критериев признания субъекта преступления лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. В связи с этим данная статья посвящена формулированию более четких критериев признания лица обладающим указанным положением и предложению закрепления таких критериев на уровне постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ).

В постановлении Пленума ВС РФ от 10 июня 2010 г. N 12 сделана попытка разъяснить рассматриваемый состав. Так, в п. 24 данного постановления говорится следующее: «...решая вопрос о субъекте преступления, указанного в части 4 статьи 210 УК РФ, судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экс-

* Рос. газ. 2009. 6 нояб.

** Подробнее об изменениях, внесенных ФЗ N 245, см.: [2, с. 46-54; 3, с. 13-16].

тремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п. В приговоре необходимо указать, на основании каких из названных признаков суд пришел к выводу о наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного частью 4 статьи 210 УК РФ»*.

Мы считаем, что основным недостатком разъяснений, содержащихся в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. N 12, является то, что они недостаточны для определения статуса лица как занимающего высшее положение в преступной иерархии, поэтому данный вопрос требует доработки и выделения более четких критериев для определения рассматриваемого статуса лица.

Предлагая свое видение критериев установления указанного положения лица, оговоримся, что не претендуем на их бесспорность, поскольку признаем рассматриваемый квалифицирующий признак оценочным.

Первый критерий, на наш взгляд, заключается в установлении высшего положения в преступной иерархии. Вопрос о том, кого следует понимать под «лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии», базируется на понимании термина «преступная иерархия», которая определяется в литературе как «система, определяющая структуру подчинения и взаимоотношений лиц, придерживающихся принятых в криминальной среде правил и традиций. Существующий негласный “табель о рангах” (стратификация) закрепляет положение в иерархии того или иного члена криминального сообщества» [5, с. 55].

По большей части ученые выделяют одни и те же элементы преступной иерархии. Для примера приведем схему преступной иерархии, предложенную С. Белоцерковским: «для правильного определения специальных субъектов, предусмотренных в ч. 1 и в ч. 4 ст. 210 УК РФ, и доказывания их “статуса” необходимо иметь в виду следующее. При всем многообразии преступ-

ных сообществ и преступных организаций координирующей и управляющей “надорганизацией” продолжает оставаться сообщество “воров в законе”.

Высшее положение в его преступной иерархии занимают “воры в законе” — лидеры организованной преступной среды, активные криминальные деятели, доказавшие свою верность преступным идеям, связям, соучастникам и выполняющие широкие организаторские функции в преступной среде. В преступную иерархию также входят “положенцы” — лица, имеющие право принимать решения в отсутствие “вора в законе” и от его имени, и “смотрящие” — лица, наделенные правом принимать решения по определенному направлению или сфере деятельности. Различия между ними, кроме объема “полномочий” и, соответственно, круга решаемых вопросов, заключаются в двух основных моментах.

Криминальный титул “вора в законе” присваивается “сходкой” “воров в законе” и является пожизненным, в то время как “положенцы” и “смотрящие” назначаются “ворами в законе” и, соответственно, их место в преступной иерархии может с течением времени изменяться. Наиболее наглядно это проявляется в местах отбывания наказания в виде лишения свободы. Так, “смотрящий” за конкретным исправительным учреждением (в отсутствие “вора в законе” и “положенца”) после отбытия срока наказания и освобождения автоматически утрачивает свой криминальный статус. Таким образом, “положенцы” и “смотрящие” являются специальными субъектами, предусмотренными в ч. 1 ст. 210 УК РФ, а “вор в законе” является специальным субъектом, предусмотренным в ч. 4 ст. 210 УК РФ» [6, с. 13].

Надо сказать, что отдельные уровни преступной иерархии не склонны игнорировать и суды.

Так, определением ВС РФ от 29 сентября 2006 г. N 31-о06-18 установлено, что «...летом 2002 г. представителями криминальной среды Чувашской Республики Д. был избран “смотрящим” по г. Канаш, т.е. лицом, на которого возложена главенствующая роль в криминальной среде в указанном регионе, и отвечающим за сбор денег, добытых преступным путем, из которых формировалась касса — “общак”, и он отвечал за учет, хранение и распоряжение этими денежными средствами. Кроме того, было установлено,

* О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума ВС РФ от 10 июня 2010 г. N 12 // Рос. газ. 2010. 17 июня.

что деньги из "общака" тратились для нужд лиц, отбывающих наказание, Д. раз в месяц возил деньги из "общака" Ф-ву, который являлся "положенцем" по Чувашии»*.

По другому уголовному делу в определении ВС РФ от 5 февраля 2009 г. N 12-О08-18 указано: «...из показаний свидетелей С. — начальника УБОП МВД <...>, Н. — начальника <...>-ого отдела УБОП МВД <...>, следует, что, по имевшимся у них оперативным данным, потерпевший С. имел статус "положенца" — лица, исполняющего в полном объеме функции "вора в законе" на конкретной территории, а именно в г. <...>, поддерживающего криминальную субкультуру, организовывавшего "сходки" лидеров, участников организованного преступного формирования на данной территории и направлявшего деятельность преступного формирования, а также исполнявшего функции по сбору денежных средств в воровской "общак"». Под руководством С. находился ряд активных организованных преступных группировок»**.

Таким образом, существует мнение, что верхушка преступной иерархии в основном складывается из трех элементов. Первый и самый главный — вор в законе, в отсутствие которого его функции может исполнять «положенец», и замыкает «базисную» цепочку «смотрящий» — лицо, наделенное полномочиями одним из указанных лиц по определенному кругу вопросов или на определенной территории (например, смотрящий за городом, районом и т.п.).

Позиция о том, что вор в законе — это ключевое лицо в преступной иерархии, поддерживается и другими учеными [7, с. 200].

Вор в законе в специальной литературе определяется как «соблюдающий воровской образ жизни и воровской закон», авторитетный в своей среде, элитный профессиональный преступник, получивший это звание на воровской сходке в результате специальной процедуры "крещения" (или "коронации"), обязательным условием которой является

наличие представления нескольких (двух и более) "воров в законе", уже признанных таковыми» [8, с. 68].

Проведенный анализ источников литературы [9, с. 57; 10, с. 44], в которых дана характеристика деятельности воров в законе, позволил выделить следующие основные функции этих лиц:

1. Распределение сфер влияния, которое может выражаться в том, что вор в законе назначает «уполномоченных» на определенной территории (или в сфере деятельности) лиц. Например, он назначает «положенцев» в городе, «смотрящих» за определенным районом города.

2. Эти лица, назначенные вором в законе, должны отвечать за отчисления денежных средств в «общак», держателем которого может выступать вор в законе.

3. Осуществление «судейских» (арбитражных) функций, например, разбор конфликтов между членами криминальной среды, организованными преступными группами или формированиями.

4. Организация проведения воровских сходок, на которых могут обсуждаться различные вопросы, включая и указанные выше.

5. Собственно идеологические функции вора в законе — поддержание криминальной субкультуры, идеологии и обычаев преступного мира (образа жизни и морали). Несмотря на то, что с течением времени данные функции «вора» существенно ослабли, воры в законе продолжают оказывать определенное влияние, особенно в местах лишения свободы***.

Таким образом, с введением ФЗ N 245 указанные действия вора в законе могут подпадать под признаки состава «совершение преступления путем использования своего влияния на участников

*** Например, из объяснения осужденного П. было установлено, что перед этапом он получил инструктаж от вора в законе, который предписывал ему в новом месте его нахождения поддерживать и распространять воровские традиции и обычаи. Для выполнения этого задания П. должен был организовать в колонии группировку из числа осужденных отрицательной направленности, которая могла бы пойти на любые преступления. Если не сумеет подготовить группировку, то должен покинуть колонию с новым сроком, т.е. совершить другое преступление (см.: [7, с. 202-203]).

* Определение Верховного Суда РФ от 29 сент. 2006 г. N 31-о06-18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Определение Верховного Суда РФ от 5 февр. 2009 г. N 12-О08-18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

организованных групп», рассмотренного выше.

Исходя из изложенного, мы согласны с тем, что воры в законе могут обладать статусом лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Эту позицию поддерживали также 88 % опрошенных нами сотрудников правоохранительных органов*.

Вместе с тем мы считаем, что высшее положение в преступной иерархии нельзя ограничивать только криминальными титулами воровского сообщества.

Такая позиция находит подтверждение в специальной литературе. Так, А. Мондохонов указывает: «положения ч. 4 ст. 210 УК РФ должны касаться “воров в законе”, неофициально занимающих высшее положение в преступной иерархии, а также криминальных лидеров организованных преступных объединений, не относящихся к “воровской среде”» [5, с. 57].

Пленум ВС РФ, на наш взгляд, прав в том, что «о лидерстве лица... в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п.» (п. 24 постановления Пленума ВС РФ от 10 июня 2010 г. N 12).

Необходимо учитывать, что подчас в экстремистских или террористических организациях элементы преступной иерархии могут быть выражены еще в большей степени, чем в воровских сообществах.

В данном случае характерен следующий пример. «Верховный Суд Республики Башкортостан, признавая партию “Хизбут-Тахрир аль-Ислами” преступным сообществом, принял во внимание информацию специалиста, из которой было видно, что структура названной партии построена по пирамидальному принципу. Социальную базу партии составляли группы обучения идеологии “Хизбут-Тахрир аль-Ислами” — халки (звено, кольцо). Каждая халка включала до пяти учеников (дорисов). Халка была непосредственно подчинена

и обучалась мушрифом (руководителем), назначенным (как правило, после прохождения двух этапов подготовки) из числа наиболее подготовленных приверженцев “Хизбут-Тахрир аль-Ислами”. Дорисы знали мушрифа только по псевдону и не были осведомлены о существовании других групп. Первичные занятия с дорисами проводились по книге “Система ислама” и журналу “Аль Ваъй”. Прошедшие подготовку дорисы представлялись мушрифом руководителю ячейки (накибу) и после произношения клятвы становились членами партии. Мушриф регулярно отчитывался перед ним за качество занятий с дорисами, за сбор взносов. Накиб осуществлял руководство и координацию деятельности ячеек, был подчинен мусоиду, который, в свою очередь, был подчинен на более высоком уровне» [11, с. 114].

Таким образом, полагаем, что показателем высшего положения лица в преступной иерархии может быть установленное по оперативным данным криминальное звание лица, например вор в законе, «положенец», «смотрящий» либо иное название соответствующего статуса. При этом должно быть достоверно установлено, что лицо, используя свой статус, реально оказывает влияние на деятельность организованных преступных группировок.

Второй критерий, который, на наш взгляд, может быть использован при доказывании рассматриваемого статуса, — это установление у лица полномочий держателя преступного «общака».

Известно, что для успешной борьбы с организованной преступностью необходимо прежде всего наносить удар по ее финансовой базе. В преступном мире немаловажную роль в финансировании организованной преступной деятельности играет преступный «общак», который «формируется за счет доходов от преступной деятельности: взносы профессиональных преступников, рэкет (часто под видом защиты — «крышевание»), вознаграждение за помощь в разрешении споров между предпринимателями. Используется для организации новых преступлений, подкупа чиновников и сотрудников правоохранительных органов, материальной поддержки заключенных в местах лишения свободы» [12].

А.Н. Мондохонов пишет об «общаке» следующее: «...еще один момент касается

* Авторами проведено анкетирование 120 сотрудников правоохранительных органов, из них: 40 сотрудников УМВД России по Тюменской области; 50 следователей СУ Следственного комитета Российской Федерации по Тюменской области; 30 сотрудников Прокуратуры Тюменской области.

того, что за пределами внимания органов, осуществляющих ОРД, в том числе на районном уровне, остается деятельность лидеров организованных преступных формирований по сбору и распределению финансовых потоков, в частности, средств преступного «общака». В практической деятельности не выработаны и не применяются методы выявления источников пополнения криминальной «кассы», каналов передачи средств в исправительные учреждения для преступных групп, дезорганизующих пенитенциарную систему. Сведения о механизме формирования «общака» на районном уровне не собираются и не анализируются, хотя такая информация о поборах в среде учащихся образовательных учреждений, отчислениях коммерсантов и преступников на «грев» и т.п. периодически выявляется в оперативно-розыскных материалах» [13].

У преступного «общака» есть ответственный хранитель (держатель «общака»), который вправе им распоряжаться. Таким хранителем, как правило, является лицо, занимающее не последние позиции в криминальной иерархии, иное подвергало бы опасности преступный «общак». Нередко преступным «общаком» заведуют воры в законе. Например, «сообщество тюменского “вора в законе” по кличке Черный состояло (по данным 1994-1995 годов) из преступных группировок, контролирующих регионы города и области. Их возглавляли его “положенцы”, держатели городских “общаков”. В Тюмени это делал “вор” по кличке Богдан, в Сургуте — “вор” Зятек, в Нефтеюганске — “вор” Азат, в городе Пыть-Ях — “вор” по кличке Лушь» [14, с. 73].

В современной практике правоохранительных органов встречаются случаи задержания держателей преступных «общаков», но, как правило, таким лицам предъявляются лишь обвинения в хранении запрещенных предметов.

Так, в 2011 г. в жилмассиве под названием «110-й квартал» на окраине г. Бишкека оперативные сотрудники обнаружили «общак» Камчи Кольбаева, известного также как Коля Киргиз. Сотрудники Главного управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией МВД Кыргызской Республики задержали «казначея», который, по его же словам, в течение четырех лет «держит кассу». В доме

задержанного милиционеры нашли большое количество оружия и боеприпасов: автомат Калашникова калибра 7,62 мм и пистолет Макарова со стертыми номерами, патроны, гранаты и запалы к ним, оптический прицел от винтовки, а также всевозможное холодное оружие — ножи, заточки, сабли... В небольшом сейфе обнаружена крупная сумма денег в разной валюте. Милиционеры нашли также около 2,5 килограмма наркотиков, в основном опий, гашиш и марихуану. В отдельных коробках хранились блоки сигарет и пачки чая. Все это, по словам задержанного, предназначалось для переправки в «зону». Оттуда ему же на хранение передавали различные изделия ручной работы — столы, стулья, нарды, сундук и даже два трона. На вопрос о том, откуда это все и кому предназначалось, задержанный ответил: «Из первой колонии. Это для Камчи Кольбаева, вора в законе» [15].

Следовательно, нахождение в распоряжении лица, совершившего преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 210 УК РФ, «общаковых» ресурсов позволяет говорить о его высоком статусе в преступной иерархии.

А.Н. Мондохонов правильно обратил внимание на упущение правоохранительных органов в части отсутствия документирования схем формирования и распределения «общака».

В связи с этим сформулируем минимальные требования для доказывания статуса держателя «общака».

Необходимо иметь в виду, что деньги из «общака» не всегда могут тратиться на совершение преступлений, обеспечивательную деятельность преступных групп и т.п. Указанные средства могут (и это неотъемлемая функция «общака») направляться на материальную помощь осужденным, их близким.

Таким образом, при доказывании статуса лица как держателя «общака» необходимо установить, что, во-первых, данное лицо систематически получает деньги, ценности, иное имущество без каких-либо правовых оснований (неосновательное обогащение), при этом установление преступного происхождения передаваемых в «общак» средств может выступать дополнительным «маркером» рассматриваемого лица. Во-вторых, что средства из «общака»

расходуются этим лицом на совершение преступной деятельности (не только преступлений, но также и «обеспечительной деятельности», например вооружение преступных групп, их финансирование и т.п.).

Также следует отметить, что установление «общака» и его держателя позволит применять положения УК РФ о конфискации имущества (ст. 104.1 УК РФ), например, по основанию, предусмотренному п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ (конфискация денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации)).

Установив статус держателя «общака», необходимо также обратиться к материалам оперативного учета, выяснив, не занимает ли данное лицо одну из ступеней преступной иерархии, выявленных нами выше, т.е. не является ли вором в законе, «положенцем» или «смотрящим». Наличие соответствующего криминального «звания» в совокупности с криминальной «должностью» держателя «общака» может являться дополнительным критерием, позволяющим квалифицировать действия лица по ч. 4 ст. 210 УК РФ.

Третьим критерием определения лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, на наш взгляд, может служить также наличие у такого лица международных связей. Это должно проявляться в первую очередь в совершении одного из преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210 УК РФ, которое имеет транснациональный характер, по смыслу, придаваемому такому преступлению Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.*

Так, в соответствии с п. 2 ст. 3 указанной Конвенции «преступление носит транснациональный характер, если: а) оно совершено в более чем одном государстве; б) оно совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве; с) оно совер-

шено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве; или d) оно совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве».

Последний пункт, на наш взгляд, вполне применим при проведении «воровских сходок» за рубежом, поскольку на таких «собраниях» обсуждаются, в частности, и вопросы распределения сфер влияния в России.

Итак, мы признаем оценочный характер квалифицирующего признака — «деяния, предусмотренные частью первой ст. 210 УК РФ, совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии». Однако предлагаем критерии, которые могли бы, на наш взгляд, способствовать установлению указанного статуса лица.

1. Наличие у лица криминального звания, например вор в законе, «положенец», «смотрящий». Не исключены и другие обозначения соответствующих званий. При этом должно быть достоверно установлено, что лицо, используя свой статус, реально оказывает влияние на деятельность организованных преступных группировок.

2. Наличие у лица статуса держателя «общака».

3. Наличие у лица международных криминальных связей, проявляющихся в первую очередь в совершении одного из преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210 УК РФ, в случае, если такое преступление носит транснациональный характер.

На основании изложенного, учитывая, что разъяснения, содержащиеся в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. N 12, нельзя признать совершенными, считаем возможным предложить следующую редакцию п. 24 указанного постановления:

«Для решения вопроса о субъекте преступления, указанного в части 4 статьи 210 УК РФ, суды могут использовать следующие критерии.

Во-первых, надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообщес-

* Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 нояб. 2000 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 40. Ст. 3882.

твом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве на определенной территории (района, города, региона и т.п.) либо в определенной сфере деятельности.

Во-вторых, статус лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, может выражаться в наличии в его распоряжении денег, ценностей и иного имущества, добытых преступным путем, без непосредственного участия такого лица в приобретении указанных денег, ценностей и иного имущества, передаваемых этому лицу систематически, без правовых оснований (неосновательное обогащение), и расходовании указанных денег, ценностей и иного имущества на осуществление преступной деятельности (не только преступлений, но также и «обеспечительной деятельности», например вооружение преступных групп, их финансирование и т.п.).

В-третьих, об указанном статусе лица может свидетельствовать наличие у лица международных криминальных связей, проявляющихся в совершении одного из преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210 УК РФ, в случае, если такое преступление носит транснациональный характер, либо наличие у лица связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями, а также наличие коррупционных связей.

Для установления статуса лица как занимающего высшее положение в преступной иерархии суд может использовать один или несколько из указанных критериев, а также другие критерии, позволяющие установить обозначенный статус лица.

В приговоре необходимо указать, на основании каких критериев суд пришел к выводу о наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного частью 4 статьи 210 УК РФ».

Таким образом, законодатель, на наш взгляд, правильно подчеркнул особую общественную опасность лиц, совершающих преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 210 УК РФ, используя при этом свою значимость в криминальном мире.

Список литературы

1. Шеслер А.В., Смирнов И.О. Характеристика объекта как элемента состава преступления, предусмотренного статьей 208 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. N 3 (25). С. 61-66.
2. Григорьев Д.А., Морозов В.И. К вопросу о содержании признака структурированности преступного сообщества (преступной организации) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. N 3 (21). С. 46-54.
3. Григорьев Д., Морозов В. Совокупность преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ // Уголовное право. 2014. N 1. С. 13-16.
4. Водько Н.П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью. М., 2000. 80 с.
5. Мондохонов А. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовное право. 2010. N 5. С. 53-57.
6. Белоцерковский С. Новый Федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2010. N 2. С. 9-14.
7. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юрид. лит., 1990. 304 с.
8. Годунов И.В. Организованная преступность от расцвета до заката. М., 2008. 341 с.
9. Качалов С.Ю. Криминальные авторитеты современной России: тенденции и проблемы // Научный портал МВД России. 2010. N 2 (6). С. 56-62.
10. Топильская Е.В. Организованная преступность. СПб.: Юрид. центр Пресс, 1999. 256 с.
11. Агапов П. Организация преступного сообщества (преступной организации): некоторые аспекты криминологической характеристики // Уголовное право. 2008. N 3. С. 110-115.
12. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Общак> (дата обращения: 11 мая 2014 г.).
13. Мондохонов А.Н. Противодействие организованной преступности // Законность. 2012. N 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. 243 с.
15. URL: http://criminalnaya.ru/news/v_bishkeke_skhvachen_derzhatel_obshhaka_vora_v_zakone_koli_kirgiza/2011-03-19-17379 (дата обращения: 11 мая 2014 г.).

References

1. Shesler A.V., Smirnov I.O. *Kharakteristika ob'ekta kak elementa sostava prestupleniya, predusmotrennogo stat'ey 208 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Characteristics of the object as an element of the offense under Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* – Legal science and law enforcement practice, 2013, no. 3 (25), pp. 61-66.
2. Grigor'ev D.A., Morozov V.I. *K voprosu o sodержanii priznaka strukturirovannosti prestupnogo soobshchestva (prestupnoy organizatsii)* [To a question about the content of feature structured criminal association (criminal organization)]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* – Legal science and law enforcement practice, 2012, no. 3 (21), pp. 46-54.
3. Grigor'ev D., Morozov V. *Sovokupnost' prestupleniy, predusmotrennykh st. 210 UK RF* [Cumulative offenses under Art. 210 of the Criminal Code]. *Ugolovnoe pravo* – Criminal Law, 2014, no. 1, pp. 13-16.
4. Vod'ko N.P. *Ugolovno-pravovaya bor'ba s organizovannoy prestupnost'yu* [Criminal legal fight against organized crime]. Moscow, 2000. 80 p.
5. Mondokhonov A. *Spetsial'nyy sub'ekt organizatsii prestupnogo soobshchestva (prestupnoy organizatsii) ili uchastiya v nem (ney)* [Special subject of organizing a criminal community (criminal organization) or participation in it]. *Ugolovnoe pravo* – Criminal Law, 2010, no. 5, pp. 53-57.
6. Belotserkovskiy S. *Novyy Federal'nyy zakon ob usilenii bor'by s prestupnymi soobshchestvami: kommentariy i problemy primeneniya* [The new federal law on strengthening the fight against criminal networks: comment and application problems]. *Ugolovnoe pravo* – Criminal Law, 2010, no. 2, pp. 9-14.
7. Gurov A.I. *Professional'naya prestupnost': proshloe i sovremennost'* [Professional crime: the past and the present]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1990. 304 p.
8. Godunov I.V. *Organizovannaya prestupnost' ot rastsвета do zakata* [Organized crime from flourishing to sunset]. Moscow, 2008. 341 p.
9. Kachalov S.Yu. *Kriminal'nye avtoritety sovremennoy Rossii: tendentsii i problemy* [Criminal authorities of modern Russia: Trends and Challenges]. *Nauchnyy portal MVD Rossii* – Scientific portal Russian Interior Ministry, 2010, no. 2 (6), pp. 56-62.
10. Topil'skaya E.V. *Organizovannaya prestupnost'* [Organized crime]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 1999. 256 p.
11. Agapov P. *Organizatsiya prestupnogo soobshchestva (prestupnoy organizatsii): nekotorye aspekty kriminologicheskoy kharakteristiki* [Organization of a criminal community (criminal organization): some aspects of criminological characteristics]. *Ugolovnoe pravo* – Criminal Law, 2008, no. 3, pp. 110-115.
12. Available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Obshchak> (Accessed 11 May 2014).
13. Mondokhonov A.N. *Protivodeystvie organizovannoy prestupnosti* [Countering Organized Crime]. *Zakonnost'* – Legality, 2012, no. 6. Available at: Reference legal system "Consultant Plus".
14. Koretskiy D.A., Tulegenov V.V. *Kriminal'naya subkul'tura i ee kriminologicheskoe znachenie* [Criminal subculture and its criminological value]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2006. 243 p.
15. Available at: http://criminalnaya.ru/news/v_bishkeke_skhvachen_derzhatel_obshhaka_vora_v_zakone_koli_kirgiza/2011-03-19-17379 (Accessed 11 May 2014).

ПЕТУХОВ Е.В., ailyashenko@mail.ru Кафедра уголовного права; Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 350005, г. Краснодар, Ярославская, 128	PETUKHOV E.V., ailyashenko@mail.ru Chair of Criminal Law; Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Yaroslavskaya St. 128, Krasnodar, 350005, Russian Federation
--	--

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, НАРУШАЕМЫЕ НЕЗАКОННЫМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Реферат. Исследуются проблемы определения непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 173.2 Уголовного кодекса РФ. Отмечается, что технико-юридически статья содержит два самостоятельных состава преступления. Признаком, их объединяющим, выступает непосредственный объект преступления, который нарушается с двух сторон: лицом, предоставляющим соответствующие документы, и лицом, получающим указанные документы и информацию. Оцениваются высказанные в литературе позиции относительно его понимания. Понимание объекта как законного порядка осуществления предпринимательской деятельности не позволяет конкретно очертить круг соответствующих отношений; на них посягают многие преступления, составы которых содержатся в главе 22 УК РФ. Аргументируется несогласие с признанием непосредственным объектом состава незаконного использования документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица общественных отношений, обеспечивающих использование необходимых документов для регистрации только тех организаций, которые занимаются законной деятельностью. Подчеркивается, что для регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей представление документов в регистрирующий орган может быть осуществлено заявителем либо его представителем, действующим на основании нотариально удостоверенной доверенности. Факт образования юридического лица должен быть четко связан с конкретными физическими лицами, лишь в этом случае организации будут иметь определенных ответственных лиц. Деяние, предусмотренное исследуемым составом, способствует нарушению этого правила. Резюмируется, что непосредственным объектом состава преступления, регламентированного ст. 173.2 УК РФ, выступают общественные отношения, возникающие в связи с обеспечением установленного законодательством Российской Федерации порядка персонализации и идентификации ответственного физического лица, образующего (создающего, реорганизуящего) юридическое лицо.

Ключевые слова: объект преступления, ответственность, предпринимательство, юридическое лицо, лжепредпринимательство.

PUBLIC RELATIONS VIOLATED BY UNLAWFUL USE OF DOCUMENTS TO FORM A LEGAL ENTITY

Abstract. The problems of determining the direct object of crime under article 173.2 of the RF Criminal Code are investigated. It's noted that the article contains two independent corpus delicti. The characteristic that unites them is the direct object of crime, which is broken in two ways: by person providing the relevant documents and by person receiving these documents and information. Scientific points of view concerning the understanding of crime object are estimated. Understanding the object as a legal order of carrying out business activities doesn't allow to outline the scope of the corresponding relations. Many crimes under chapter 22 of the RF Criminal Code impinge these relations. The author disagrees with the recognition of public relations, ensuring the use of necessary documents for registration of only those organizations that are engaged in lawful activities, as direct object of unlawful use of documents to form (establish, reorganize) a legal entity. It's emphasized that documents submission to the registering authority for registration of legal entities and individual entrepreneurs can be carried out by the applicant or his representative acting on the basis of a notarized power of attorney. The fact of forming legal entity should be connected with certain individuals. Then the organization will have certain responsible persons. The act provided by the analyzed corpus delicti, contributes to this rule violation. It's summarized that the direct object of crime under considered article is public relations arising due to ensuring the statutory procedure for personalization and identification of responsible individual forming (establishing, reorganizing) a legal entity.

Keywords: object of crime, responsibility, entrepreneurship, legal entity, false entrepreneurship.

Развивающаяся рыночная экономика России с самого начала процессов преобразования сталкивается с проблемами существования фирм-однодневок. Недобросовестными участниками хозяйствующей деятельности такого рода организации широко используются в целях уклонения от уплаты налогов, сборов и иных обязательных платежей, вывода капиталов и т.п. При этом законодателем, как известно, предпринимались шаги по противодействию лжефирмам, которые, однако, не признавались успешными. Очередной этап данного противодействия сопровождался установлением новых норм отечественного уголовного законодательства об ответственности за незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица (ст. 173.1 УК РФ) и за незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173.2 УК РФ).

Традиционно появление в УК РФ новых предписаний сопровождается процессами выработки судебной практики, формирования теоретической базы для соответствующей правоприменительной деятельности. В связи с этим актуальным представляется проведение уголовно-правового анализа указанных нормативных положений об ответственности за незаконное создание и реорганизацию юридических лиц. В рамках настоящей статьи к рассмотрению предлагается один из основных элементов состава преступления, предусмотренного ст. 173.2 УК РФ, — объект.

Необходимо отметить, что, по сути, в ст. 173.2 УК РФ сформулированы два самостоятельных состава преступления: 1) предоставление документа, удостоверяющего личность, или выдача доверенности, если эти действия совершены для образования (создания, реорганизации) юридического лица в целях совершения одного или нескольких преступлений, связанных с финансовыми операциями либо сделками с денежными средствами или иным имуществом (ч. 1 ст. 173.2 УК РФ); 2) приобретение документа, удостоверяющего личность, или использование персональных данных, полученных незаконным путем, если эти деяния совершены для образования (создания, реорганизации) юридического лица в целях совершения одного или нескольких преступлений, связанных с

финансовыми операциями либо сделками с денежными средствами или иным имуществом (ч. 2 ст. 173.2 УК РФ).

Вместе с тем признаком, объединяющим указанные составы преступлений, выступает непосредственный объект, который нарушается с двух сторон, — лицом, предоставляющим соответствующие документы, и лицом, получающим указанные документы и информацию.

Несмотря на новизну изучаемого уголовно-правового запрета, в юридической литературе уже высказываются различные точки зрения относительно понимания непосредственного объекта состава незаконного использования документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица. Так, Н.Е. Крылова и Б.М. Леонтьев полагают, что объект данного преступления образует «установленный законодательством Российской Федерации порядок, обеспечивающий нормальное осуществление предпринимательской деятельности» [1, с. 101]. Л.Д. Ермакова утверждает, что исследуемое преступление «посягает на законный порядок осуществления предпринимательской деятельности» [2, с. 411].

Анализ изложенных формулировок позволяет утверждать, что в целом они являются верными. Это обусловливается тем, что незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица нарушает регламентированный законодательством порядок осуществления предпринимательской деятельности. Ведь положения гражданского законодательства предписывают использовать для образования юридического лица правомерно полученные документы.

В то же время указанные воззрения на объект преступления, закрепленного ст. 173.2 УК РФ, не позволяют с достаточной полнотой и конкретизацией очертить круг общественных отношений, нарушаемых данным преступлением. Дело в том, что установленный законодательством Российской Федерации порядок осуществления предпринимательской деятельности нарушается многими преступлениями, составы которых помещены в главу 22 УК РФ. В связи с этим, на наш взгляд, обозначенные общественные отношения не вполне корректно признавать непосредственным объ-

ектом состава незаконного использования документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица.

Отчасти это подтверждается и тем, что вышеназванные определения объекта состава преступления, предусмотренного ст. 173.2 УК РФ, не являются доминирующими в российском уголовном праве. Так, по мнению В.И. Тюнина, «объектом преступления здесь выступают отношения, определяющие образование (создание, реорганизацию) юридических лиц, а также порядок оборота документов, используемых для регистрации юридических лиц» [3, с. 69].

Как видно, автор не ограничивается указанием на порядок осуществления предпринимательской деятельности, а детализирует область общественных отношений, охраняемых уголовно-правовой нормой, установленной ст. 173.2 УК РФ. Общественные отношения в сфере образования юридических лиц, хотя и находятся в рамках общественных отношений, складывающихся в связи с обеспечением установленного законодательством порядка осуществления предпринимательской деятельности, но по своему содержанию значительно уже вторых.

Кроме того, В.И. Тюниным справедливо указывается, что незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица посягает и на общественные отношения, связанные с обеспечением правомерного оборота документов, необходимых для регистрации юридических лиц. Тексты диспозиций чч. 1 и 2 ст. 173.2 УК РФ прямо указывают на то, что установленный российским законодательством порядок осуществления предпринимательской деятельности в данном случае нарушается посредством противоправных манипуляций с документами, удостоверяющими личность, и персональными данными человека.

Однако довольно удачная формулировка непосредственного объекта состава незаконного использования документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица, разработанная В.И. Тюниным, не лишена, по нашему мнению, и некоторых изъянов. Основываясь на буквальном толковании определения непосредственного объекта состава рассматриваемого преступления, можно сделать вывод, что автором выделяются два ком-

понента анализируемого объекта: первый — «отношения, определяющие образование (создание, реорганизацию) юридических лиц», второй — «порядок оборота документов, используемых для регистрации юридических лиц» [3, с. 69].

Результаты проведенного нами исследования позволяют утверждать, что указанные компоненты непосредственного объекта состава преступления, предусмотренного ст. 173.2 УК РФ, корректнее не противопоставлять друг другу в качестве самостоятельных составляющих, а обозначить как единое целое. Ведь именно путем нарушения порядка оборота документов и персональных данных нарушаются общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением законного порядка образования юридических лиц.

В связи с этим сложно согласиться и с признанием непосредственным объектом состава незаконного использования документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица общественных отношений, обеспечивающих «использование необходимых документов для регистрации только тех организаций, которые занимаются законной деятельностью» [4, с. 162].

В системе действующего правового регулирования отношений в сфере экономической деятельности вопросы функционирования хозяйствующих субъектов являются одними из основополагающих. При этом первостепенно значимыми выступают положения, посвященные созданию субъектов предпринимательской деятельности, и прежде всего юридических лиц. Обеспечение законного порядка прохождения стадии образования юридического лица во многом является исходной предпосылкой для дальнейшего правомерного поведения организации.

В соответствии со ст. 9 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»* представление документов в регистрирующий орган может быть осуществлено заявителем либо его

* О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федер. закон от 8 авг. 2001 г. N 129-ФЗ: ред. от 21 июля 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 33 (ч. I). Ст. 3431; 2014. N 30 (ч. 1). Ст. 4242.

представителем, действующим на основании нотариально удостоверенной доверенности, с приложением такой доверенности или ее копии, верность которой засвидетельствована нотариально, к представляемым документам.

Необходимые для государственной регистрации заявление, уведомление или сообщение удостоверяются подписью заявителя, подлинность которой должна быть засвидетельствована в нотариальном порядке. При этом заявитель указывает свои паспортные данные или, в соответствии с законодательством Российской Федерации, данные иного удостоверяющего личность документа и идентификационный номер налогоплательщика (при его наличии).

Свидетельствование в нотариальном порядке подписи заявителя на представляемых при государственной регистрации заявлении, уведомлении или сообщении не требуется в случае:

— представления документов непосредственно в регистрирующий орган лично заявителем с представлением одновременно документа, удостоверяющего его личность;

— направления документов в регистрирующий орган в форме электронных документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью заявителя.

Анализ изложенных нормативных предписаний свидетельствует о значимости строгой привязки факта образования юридического лица к конкретным физическим лицам. Только при соблюдении данных требований организации будут иметь определенных ответственных лиц. Совершение преступления, предусмотренного ст. 173.2 УК РФ, способствует нарушению этого принципа образования юридического лица.

Таким образом, непосредственным объектом состава преступления, регламентированного ст. 173.2 УК РФ, выступают общественные отношения, возникающие в связи с обеспечением установленного законодательством Российской Федерации порядка персонализации и идентификации ответственного физического лица, образующего (создающего, реорганизуящего) юридическое лицо.

Список литературы

1. Крылова Н.Е., Леонтьев Б.М. Преступления в сфере экономической деятельности: программа, лекции спецкурса, материалы судебной практики: учеб. пособие. М.: Зерцало-М, 2012. 264 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013. 710 с.
3. Тюнин В.И. Преступления в сфере экономической деятельности: учеб.-практ. пособие. М.: Юрлитинформ, 2012. 384 с.
4. Уголовное право. Особенная часть / под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2012. 512 с.

References

1. Krylova N.E., Leont'ev B.M. *Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: programma, lektsii spetskursa, materialy sudebnoy praktiki* [Crimes in the sphere of economic activity: program, lectures, special courses, materials jurisprudence]. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2012. 264 p.
2. *Kommentariy k Uголовnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 710 p.
3. Tyunin V.I. *Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti* [Crimes in sphere of economic activities]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 384 p.
4. *Uголовnoe pravo. Osobennaya chast'* [The criminal law. Special part]. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 512 p.

ВДОВИЧЕНКО К.Г., ailyashenko@mail.ru Кафедра уголовного права; Северо-Кавказский филиал; Российский государственный университет правосудия, 350002, г. Краснодар, Леваневского, 187	VDOVICHENKO K.G., ailyashenko@mail.ru Chair of Criminal law; North-Caucasian branch; Russian State University of Justice; Levanevskogo St. 187, Krasnodar, 350002, Russian Federation
--	--

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЮ СОБРАНИЯ, МИТИНГА, ДЕМОНСТРАЦИИ, ШЕСТВИЯ, ПИКЕТИРОВАНИЯ ИЛИ УЧАСТИЮ В НИХ

Реферат. Констатируются минимальные показатели применения ст. 149 УК РФ. Причинами называются как квалификационные ошибки, так и технико-юридические дефекты конструкции статьи. Нарушение конституционного права на свободу собраний в результате воспрепятствования публичному массовому мероприятию охватывается составом преступления. Совершение деяния должностным лицом подлежит квалификации только по ст. 149 УК РФ, если для воспрепятствования использовался один из способов, предусмотренных объективной стороной этого же деяния. Использование служебного положения для незаконного воспрепятствования и для применения насилия к гражданам образует совокупность преступлений (ст.ст. 149 и 286 УК РФ). Признаки насилия и угрозы его применения, предусмотренные составом, вызывают вопрос об объеме фактически причиненного вреда здоровью, не требующего дополнительной квалификации. Констатируются пределы такого вреда: только побои и легкий вред здоровью. Более тяжкий вред образует совокупность преступлений. Любые угрозы применения насилия охватываются исследуемым составом. Незаконное воспрепятствование проведению публичного массового мероприятия возможно и незаконными способами (возможна совокупность преступлений). Квалификация усложняется, если грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу (совершенное способами, указанными в ст. 213 УК РФ), одновременно воспрепятствовало проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (идеальная совокупность). Если воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них сопровождалось грубым нарушением общественного порядка, выражающим явное неуважение к обществу, совершенное способами, указанными в ч. 1 ст. 213 УК РФ, то содеянное подлежит квалификации по совокупности ст. 149 и ст. 213 УК РФ.

Ключевые слова: преступление, ответственность, квалификация, свобода собраний, беспорядки.

FEATURES OF CATEGORIZATION OF PREVENTION OF CONDUCTING MEETINGS, RALLIES, DEMONSTRATIONS, MARCHES, PICKETING OR PARTICIPATION IN THEM AS A CRIME

Abstract. Minimum rates of applying article 149 of the RF Criminal Code, caused by crime categorization errors and technical and legal defects of article's structure are stated. The elements of crime under this article include violating the constitutional right to freedom of meetings as a result of preventing mass actions. The commission of unlawful act by an official should be categorized as a crime according to article 149 when using prevention means stipulated in objective side of this act. Improper use of official position for illegal prevention and use of violence to people form a cumulative crime (articles 149 and 286 of the RF Criminal Code). Signs of violence and threats to use violence, specified by corpus delicti, draw a question on the amount of damage to health which does not demand additional categorization. Damage limits implies beating and slight damage to health. More serious damage forms a cumulative crime. Any threats to use violence are included in the elements of crime under study. Thus, illegal prevention of conducting public mass action can be categorized as a cumulative crime. Gross violation of public order which expresses contempt against public (committed by using means, specified in Art. 213 of the FR Criminal Code) and simultaneously prevents conducting a rally, meeting, demonstration, march, picketing or participating in them (ideal cumulative crime) complicates the categorization. If such prevention is accompanied with gross violation of public order, the act should be categorized as a cumulative crime according to articles 149 and 213.

Keywords: crime, liability, crime categorization, freedom of meetings, riots.

Рассмотрение оснований уголовной ответственности за преступления в сфере организации и проведения публичных массовых мероприятий обнажает ряд проблем применения соответствующих норм. Их исследование выступит предпосылкой для формулирования рекомендаций по квалификации данных преступлений, а также определения направлений совершенствования отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере организации и проведения публичных массовых мероприятий.

Итак, обратимся к анализу актуальных вопросов квалификации воспрепятствования проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них. Следует отметить, что за время действия УК РФ были зарегистрированы лишь единичные случаи совершения преступления, предусмотренного ст. 149 УК РФ. Например, в 2012 г. не было официально зарегистрировано ни одного такого факта*. Однако результаты проведенного нами исследования позволяют утверждать, что сложившаяся ситуация обусловлена как имеющимися квалификационными ошибками, так и несовершенством законодательной конструкции данного нормативного предписания.

В уголовно-правовой науке высказываются различные предложения, ориентированные на повышение эффективности применения ст. 149 УК РФ. В частности, анализируется вопрос о разграничении воспрепятствования проведению публичного массового мероприятия и должностных преступлений. Так, А.В. Серебренникова считает, что воспрепятствование проведению публичной акции, совершенное должностным лицом с использованием своего служебного положения и с применением насилия, подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 149 и 286 УК РФ [1, с. 335].

С одной стороны, признаки использования должностным лицом своего служебного положения и применения насилия включены в диспозицию ст. 149 УК РФ, что может послужить предпосылкой для квалификации содеянного только по ст. 149 УК РФ. Следует отметить, что уголовно-правовая норма об ответственности

за воспрепятствование проведению публичного массового мероприятия является специальной по отношению к нормам о должностных преступлениях (ст.ст. 285 и 286 УК РФ). Такое утверждение основывается на том, что деяние, описанное в ст. 149 УК РФ, при его совершении должностным лицом является специальной разновидностью злоупотребления должностными полномочиями, а равно превышения должностных полномочий. В связи с этим по общему правилу конкуренция общей и специальной норм исключает квалификацию содеянного как совокупности преступлений (ч. 3 ст. 17 УК РФ).

С другой стороны, изложенную А.В. Серебренниковой ситуацию можно рассмотреть как совокупность преступлений. Но это возможно только в том случае, когда виновное должностное лицо использовало лишь один из способов воспрепятствования проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них, т.е. либо использовало свое служебное положение, либо применяло насилие или угрозу. И при этом, например, превышало должностные полномочия. В такой ситуации можно было бы усмотреть признаки двух преступлений: предусмотренного ст. 149 УК РФ и соответствующего должностного преступления.

Необходимо учитывать, что, в отличие от ст. 286 УК РФ, состав воспрепятствования публичному массовому мероприятию является формальным по законодательной конструкции. В силу буквально-го толкования уголовного закона составом преступления, предусмотренным ст. 149 УК РФ, не охватываются последствия в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Однако, на наш взгляд, нарушение конституционного права на свободу собраний в результате воспрепятствования публичному массовому мероприятию непременно следует признавать существенным нарушением прав и законных интересов граждан, организаций или общества. В связи с этим считаем, что составом преступления, закрепленным в ст. 149 УК РФ, охватываются названные общественно опасные последствия.

На основании изложенного необходимо сделать вывод о том, что соверше-

* Сведения ГИАЦ МВД России URL: <http://mvd.ru/folder/101762//item/804701/?noredirect=1>

ние должностным лицом воспрепятствования проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них подлежит квалификации по ст. 149 УК РФ без совокупности с нормами о должностных преступлениях в случае, если для воспрепятствования использовался только один из способов совершения преступления, указанных в диспозиции ст. 149 УК РФ. Если же должностное лицо использовало свое служебное положение и для незаконного воспрепятствования проведению публичного массового мероприятия, и для применения насилия к гражданам, то содеянное при наличии иных необходимых признаков образует совокупность преступлений, предусмотренных ст.ст. 149 и 286 УК РФ.

Ввиду присутствия в диспозиции ст. 149 УК РФ признаков «насилие» и «угроза применения насилия» перед правоприменителем возникает вопрос об объеме фактически причиненного вреда здоровью, не требующего дополнительной квалификации. Исходя из понимания данных признаков, их наличие констатируется в случаях причинения любого вреда жизни и здоровью человека, а равно соответствующих угроз. Вместе с тем не вызывает сомнений тот факт, что, например, убийство либо умышленное причинение тяжкого вреда здоровью не могут охватываться рамками ст. 149 УК РФ.

Традиционно критерием определения тяжести вреда здоровью, не требующего дополнительной квалификации, признается уровень наказуемости, установленный санкциями соответствующих норм уголовного закона. Максимально возможное наказание по ст. 149 УК РФ — лишение свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. А максимально предусмотренное наказание за умышленное причинение вреда здоровью хотя бы средней тяжести образует лишение свободы на срок до трех лет. Следовательно, статьей 149 УК РФ охватывается фактическое причинение только побоев и легкого вреда здоровью. Причинение большего по тяжести вреда здоровью образует совокупность преступлений.

Что касается угрозы применения насилия, то единственной нормой, устанавли-

вающей самостоятельную ответственность за угрозу насилием (не считая специальных норм), является ст. 119 УК РФ («Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»). Санкция ч. 1 ст. 119 УК РФ закрепляет максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет. В связи с этим имеются основания полагать, что составом воспрепятствования проведению публичного массового мероприятия охватываются угрозы любым насилием.

Таким образом, составом преступления, предусмотренным ст. 149 УК РФ, охватывается фактическое причинение побоев, легкого вреда здоровью, а также угрозы любым насилием. Фактическое причинение вреда здоровью средней тяжести или тяжкого требует применения по совокупности соответствующих норм уголовного закона об ответственности за причинение вреда здоровью.

Результаты проведенного нами исследования обуславливают необходимость рассмотрения вопроса о квалификации случаев незаконного воспрепятствования проведению публичного массового мероприятия незаконными способами. Например, когда способы воспрепятствования образуют признаки хулиганства.

На наш взгляд, в подобных ситуациях может иметь место совокупность преступлений. Причем возможна как реальная совокупность, так и идеальная. Содеянное может быть квалифицировано по совокупности ст.ст. 149 и 213 УК РФ в тех случаях, когда воспрепятствование проведению публичного массового мероприятия сопровождалось какими-либо действиями, грубо нарушающими общественный порядок, выражающими явное неуважение к обществу, и было совершено: а) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия; б) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

В то же время более сложная с позиции квалификации преступлений ситуация может наблюдаться в случаях, когда грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу (совершенное способами, указанными в ст. 213 УК РФ), одновременно воспрепятствовало

проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них. По нашему мнению, идеальная совокупность в этом случае возможна, поскольку ни одна из указанных норм с достаточной полнотой не охватывает содеянное. Признаки состава хулиганства не включают в себя факт воспрепятствования проведению публичного массового мероприятия. В свою очередь, состав преступления, предусмотренный ст. 149 УК РФ, не подразумевает грубое нарушение общественного порядка способами, обозначенными в ч. 1

ст. 213 УК РФ. Тем не менее одновременное наличие признаков обоих составов преступления не исключено.

Таким образом, в случае, если воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них сопровождалось грубым нарушением общественного порядка, выражающим явное неуважение к обществу, совершенное способами, указанными в ч. 1 ст. 213 УК РФ, содеянное подлежит квалификации по совокупности ст.ст. 149 и 213 УК РФ.

Список литературы

1. Серебренникова А.В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 475 с.

References

1. Serebrennikova A.V. *Ugolovno-pravovoe obespechenie konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii i Germanii. Dokt. Diss.* [Criminal legal support of constitutional rights and freedoms of man and citizen under the laws of the Russian Federation and Germany. Doct. Diss.]. Moscow, 2008. 475 p.

Раздел 4. Криминологическая наука

АНТОНЯН Ю.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, capital@igumo.ru Институт гуманитарного образования и информационных технологий, 105264, Москва, Верхняя Первомайская, 53	ANTONYAN Yu.M., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, capital@igumo.ru Institute of the Humanities and Information Technologies, Verkhnyaya Pervomayskaya St. 53, Moscow, 105264, Russian Federation
---	---

КРИМИНОЛОГИЯ БУДУЩЕГО: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ

Реферат. Представлены результаты междисциплинарных научных связей современной криминологии, обусловленных как открытым характером этой науки, так и необходимостью ее дальнейшего развития. Отмечается узкопрофильный характер криминологических исследований: мелкотемье, недостаточность знания криминологами психологии, психиатрии, экономики, истории, биологии, этнологии и других наук; редкость комплексных междисциплинарных работ, эмпирических исследований. Анализируются точки зрения по вопросу профиля образования, которое должны получать криминологи, что подчеркивает необходимость кооперации криминологии с другими науками: социологией, демографией, культурологией, психологией, экономикой, педагогикой, психиатрией, этнологией, историей, биологией, политологией, философией (перечень можно продолжить в зависимости от современных криминологических задач). Аргументируется феномен криминологии: она относится к тем наукам, которые непосредственно изучают человека «плохого», преступного, аморального, то есть такого, какого не изучает никакая другая дисциплина (она включается в число наук, напрямую делающих человека объектом своего познания). Исследуется основной параметр криминологии как науки — ее предмет, позволяющий уверенно отграничить ее от смежных юридических дисциплин: прежде всего от уголовного права. Вскрываются новые аспекты взаимосвязей криминологии и уголовного процесса, криминалистики, теории оперативно-розыскной деятельности, уголовно-исполнительного права. Рассматриваются устойчивые связи с науками семейного права, банковского права, финансового права, административного права. Подчеркивается существенный потенциал развития криминологии в ее взаимодействии с неюридическими науками: социологией (в первую очередь), психиатрией, экономикой, статистикой, психологией (в том числе криминальной психологией), биологией и, конечно же, с философией. Перспективы современной криминологии, ее прогресс возможны только в кооперации с другими науками.

Ключевые слова: криминология, связи с другими науками, криминологические исследования, междисциплинарные связи, преступность, личность преступника.

CRIMINOLOGY OF THE FUTURE: INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC CONNECTIONS

Abstract. The results of interdisciplinary scientific connections of the modern criminology conditional on the open character of this science and the necessity of its further development are given. The narrow-purpose character of criminological researches is noted: trivial subject matter; the criminologists' lack of psychological, psychiatric, economical, historical, biological, ethnological and other knowledge; insufficiency of complex interdisciplinary works and empirical studies. Different viewpoints on the type of criminologists' education are analyzed. That emphasizes the necessity of cooperation between criminology and other sciences, such as: sociology, demography, culturology, psychology, economics, pedagogics, psychiatry, ethnology, history, biology, political science, philosophy and others. The phenomenon of criminology is argued: it studies a "bad", criminal, immoral person unlike other sciences (it belongs to the number of sciences which object is person). The main parameter of criminology as a science is examined — its subject which allows to distinguish it from other legal disciplines especially from criminal law. New aspects of interconnection between criminology and criminal procedure, criminalistics, the theory of investigation activity and criminal executive law are shown. The stable connections with family law, banking law, financial law and administrative law are considered. The author emphasizes the significant potential of developing criminology in its connection with nonlegal sciences: sociology, psychiatry, economics, sta-

tistics, psychology (including criminal psychology), biology and philosophy. It is noted that prospects and progress of criminology are possible only in its cooperation with other sciences.

Keywords: criminology, connection with other sciences, criminological researches, interdisciplinary connections, crime, criminal personality.

Я уделяю особое внимание проблеме соотношения криминологии с другими науками, так как считаю, что исследование этой проблемы имеет большое теоретическое, методологическое значение. Сейчас она освещена в основном в учебниках, причем достаточно квалифицированно, но на этом уровне останавливаться нельзя.

Криминологи не составляют закрытого и недоступного сообщества, они открыты для всех. Но особенностью ученых этого профиля является то, что в большинстве своем они знают только одну науку, в лучшем случае еще и уголовное право или уголовный процесс, однако не в полном объеме, а лишь фрагментарно. Криминологи, как правило, не знают психологию, психиатрию, экономику, историю, биологию, этнологию и ряд других областей научных знаний, имеющих важное значение для решения сугубо криминологических задач.

В криминологии большой редкостью являются комплексные исследования с другими науками, но исключение составляют, конечно, демографические, причем весьма традиционные, изыскания. Такие работы в основном составляют массив криминологических трудов. Отсутствие кооперации с другими науками является одной из главных причин того, что криминология развивается крайне медленно. Проведение совместных эмпирических исследований (а они особенно нужны криминологии) стоит достаточно дорого, средств на их оплату у криминологических учреждений просто нет. К тому же криминологию сейчас характеризует мелкотемье, а для мелких тем комплексные с другими науками исследования, как правило, не нужны. Между тем криминологические изыскания нужны не только для борьбы с преступностью: как социальная наука криминология способна предоставить информацию, интересную для других общественных наук (истории, социологии, психологии, этики и иных), а также для осуществления внутренней политики страны.

В связи с тем, что криминология использует достижения и методы социологии, психологии, экономики и ряда других наук, возникает вопрос о том, в рамках какого образования готовить кримино-

логов. По этому вопросу высказываются разные точки зрения. Не перечисляя и не анализируя их, выскажу свое мнение, — в рамках юридического образования. Криминология — юридическая наука, она создана юристами и «соседствует» с науками уголовного права, уголовного процесса, уголовно-исполнительного права, криминалистической, оперативно-розыскной деятельности, в случае необходимости она взаимодействует с административным правом, земельным правом и т.д. Криминолог должен быть квалифицированным юристом. Его образование должно включать в себя освоение достижений и методов других юридических и неюридических наук, важных для решения криминологических проблем.

Для криминолога особенно нужны социология, демография, культурология, психология, экономика, педагогика, психиатрия, этнология, история, биология, политология, философия. Этот перечень можно продолжать в зависимости от конкретных задач, стоящих в данный момент перед криминологами. Речь, конечно, не идет о полном овладении курсами социологии или психологии, криминологов надо учить тому, чтобы они знали, где, в какой науке нужно искать ответы на поставленные вопросы или методы какой науки необходимо привлечь для этих целей. Криминологов, например, следует учить тому, чтобы они не искали мотивы преступлений с помощью социологических методов, поскольку мотивы имеют психологическую природу. Или надо объяснять простую истину (которая, кстати, незнакома и многим остальным специалистам), что применяемый метод должен соответствовать природе изучаемого явления.

Можно выделить группу наук, так сказать, «чисто человеческого профиля», к которым я, например, отнес бы психологию, философию, медицину (в особенности психиатрию), биологию, этнологию, этику. Но это весьма условное выделение, поскольку науки социального характера (например, история, культурология, религиоведение, социология) тоже в конечном итоге «обслуживают» человека. Крими-

нологию с полным на то правом можно отнести к тем наукам, которые непосредственно изучают человека «плохого», преступного, аморального, т.е. такого, которого не изучает никакая другая дисциплина. Могут возразить, что криминология исследует не только личность преступника, но и преступность и преступление. Это, конечно, верно, однако преступность состоит из преступлений и не из чего больше, а преступление совершает человек, который вместе с механизмом его преступного поведения призван познаваться только криминологией. Вот почему есть все основания включить криминологию в число наук, напрямую делающих человека объектом своего познания.

Некоторые ученые (например, А.И. Долгова) считают, что криминология стала общетеоретической наукой для наук криминального цикла (уголовного права, уголовно-процессуального права, уголовного процесса, криминалистики и др.). Соотношение криминологии и этих наук якобы можно сравнить с соотношением теории государства и права с другими юридическими дисциплинами. Совершенно непонятно, что такое общетеоретическая наука в данном случае, хотя теория государства и права включает основы познания юриспруденции в целом, содержит систему ее основных понятий, исследует общие закономерности возникновения, развития, формирования государства и права. В силу этих обстоятельств эта наука является общетеоретической. Криминология же никаких общетеоретических функций для других наук не выполняет.

Выше уже говорилось о том, что криминология вышла из уголовного права, в рамках которого уже невозможно было объяснить преступность и ее причины, совершение преступлений, мотивы и механизмы индивидуального преступного поведения. Уголовное право как наука не изучает преступность, это наука о том, что представляет собой преступление как юридическое явление, и ее не интересует то, почему оно совершилось, т.е. ее объектом является правовая природа поступка, запрещенного законом, признаки состава преступления и личности, при наличии которых ее можно привлекать или не привлекать к уголовной ответственности. В пределах уголовного права остаются соци-

альные, нравственные, психологические и психиатрические особенности преступников, выраженные в их личности и поведении, закон дает им правовую оценку, а наука уголовного права исследует те признаки, которые имеют юридическое значение. Можно сказать, что это значение главным образом отделяет науку уголовного права от науки криминологии. Криминология же исследует социальные, нравственные, психологические и психиатрические черты преступников, поскольку в ее предмет входит познание личности совершающих преступления. Эти черты могут и не иметь правового значения, но они весомы криминологически, без их всестороннего учета невозможно понять человека и мотивы его поведения. Чтобы это сделать, нужно, образно говоря, стать на место преступника, мысленно прояснить его жизнь, начиная чуть ли не с детских лет. Кстати, изучение детства может стать чрезвычайно важным для целей познания субъекта, что достигается, в частности, клинической беседой с преступником наряду с использованием специально приспособленных для этого тестов.

Изучение личности преступника дает возможность определить мотивы преступления, что имеет значение для уголовного права, которое не должно повторять прошлые ошибки в его понимании. Уголовное право не имеет оснований считать мотивом сознательную (только сознательную) потребность, в чем и подходят к нему не как к юридическому, а чисто психологическому явлению, что и должно лежать в основе оценки его юридического значения.

Я отнюдь не сомневаюсь в том, что, как полагает В.В. Мальцев, «предмет уголовного права составляют: общественные отношения базисного характера (предмет уголовно-правовой охраны), наиболее опасные формы антисоциального поведения людей, уголовное законодательство, регулятивные и охранительные отношения, отношения ответственности, отдельные формы не общественно опасного (правомерного) поведения, принудительные меры медицинского характера в отношении невменяемых» [1, с. 301]. Вместе с тем хотел бы сказать, что господствующая в науке уголовного права точка зрения, согласно которой любое преступление посягает в первую очередь на общественные

отношения, мне представляется необоснованной: когда преступник убивает, он посягает не на отношения, принятые в обществе, а на жизнь.

Органическая связь между этими двумя науками состоит в том, что именно уголовное право, закон определяет границы преступного. Наука же уголовного права активно участвует в формировании уголовно-правовых норм, в чем ей иногда помогает криминология. Уголовно-правовые характеристики отдельных видов преступлений, особенно в диссертациях, есть не что иное, как криминологические характеристики, если анализируются состояние, динамика, структура и другие признаки того или иного вида преступлений.

Таким образом, науку уголовного права, как правило, не интересуют социальные, нравственные и психологические особенности преступников, но именно на их познании сосредоточено внимание криминологической науки. Она исследует не только личность и поведение преступника, но и личность и поведение потерпевшего. Это дало возможность создать быстро развивающуюся отрасль криминологии — криминальную виктимологию, которая существует в рамках именно этой науки. Достижения виктимологии можно использовать в уголовном процессе, криминалистике, уголовно-исполнительном праве, особенно в индивидуальной работе с осужденными, решении вопросов их досрочного освобождения и т.д.

Криминология тесно связана с наукой уголовного процесса, и здесь дело не только в том, что в уголовно-процессуальном законе содержится прямое указание на то, что следователь, прокурор и суд должны по каждому уголовному делу выявлять обстоятельства (причины и условия), которые породили преступление или способствовали ему, и предлагать меры по их устранению. Процессуальные решения, предусмотренные законом, должны учитывать криминологические факторы, относящиеся к генезису и механизмам совершенного преступления, его мотивам, ситуации совершения преступления, личности преступника и личности потерпевшего, и другие факторы. Это необходимо прежде всего для решения таких вопросов, как возбуждение уголовного дела, применение меры пресечения, виновность

или невиновность подсудимого, определение ему вида и меры наказания. Опираясь на виктимологическую теорию, в ходе уголовного процесса нужно обеспечить права жертвы преступления, тем более что уголовно-процессуальный закон больше внимания уделил охране прав и интересов преступника, чем потерпевшего.

Это ни в каком законе не прописано, но обвиняемый или жертва могут оказывать на следователя, прокурора или судью незаметное и непонятное для них самих психологическое воздействие, особенно если такие должностные лица молоды. Такое воздействие может иметь процессуальные последствия, влияя необоснованно в худшую сторону или в лучшую сторону для обвиняемых или потерпевших, однако эта проблема наукой еще не изучена. Остается пожелать, чтобы криминологи занялись ее исследованием.

Криминология органически связана с такими науками, как криминалистика и теория оперативно-розыскной деятельности. Эти науки вполне могут заимствовать для своих нужд достижения криминологии в части познания личности преступника и преступного поведения, его мотивов. Но и криминология должна воспользоваться имеющейся научной информацией у названных наук относительно субъективных причин совершения конкретных преступлений, структуры и внутригрупповой динамики организованных преступных сообществ, криминальной субкультуры. Весьма полезными могут оказаться совместные научные разработки всех трех наук по профилактике преступлений вообще, преступности в отдельном регионе в частности, отдельных видов преступности. В предупреждении, например, коррупции невозможно обойтись без проведения оперативно-розыскных мероприятий. При раскрытии серийных преступлений нужно в полной мере использовать добытые криминологией сведения о личности серийного преступника (особенно сексуального убийцы), об особенностях его аддитивного (зависимого) поведения, о мотивации отдельных действий и т.д. Криминалистика и теория оперативно-розыскной деятельности могут быть заинтересованы криминологическими материалами об экстремизме и терроризме, личности экстремиста и террориста, мотивах их преступного поведения.

Этот перечень можно продолжить. Например, можно с полным основанием утверждать, что оперативно-боевые действия должны осуществляться после тщательного криминологического анализа преступности в данной местности. Как осуществить такой анализ — совместная задача науки криминологии и теории оперативно-розыскной деятельности.

Оперативно-боевые действия, сочетаясь с оперативно-розыскными, обычно осуществляются в рамках антитеррористических операций. Как показал опыт проведения таких операций на Северном Кавказе, криминологические сведения там были востребованы.

Криминология тесно связана с наукой уголовно-исполнительного права. Их взаимодействие предполагает, что:

А) при формулировании тех или иных положений уголовно-исполнительного закона будут максимально учтены достижения криминологии, прежде всего в части изучения личности преступника. Ведь именно он является единственным объектом исправительного воздействия в исправительных учреждениях. Наука уголовно-исполнительного права обязана ориентировать практику на то, что нельзя исправить преступника, не зная, по каким мотивам он совершил преступление, точно так же, как невозможно вылечить больного, не представляя себе, чем он болен. Проблемы мотивации преступного поведения исследует, как известно, криминология;

Б) наука уголовно-исполнительного права изучает типологию осужденных, что закреплено и в уголовно-исполнительном законе. Типологией преступников непосредственно занимается и криминология, поэтому здесь обмен научной информацией будет весьма полезен;

В) в криминологии разработаны (и заимствованы из других наук) различные, социологические и психологические методы изучения личности преступника. Они вполне могут быть рекомендованы специалистам науки уголовно-исполнительного права и практикам, работающим в соответствующей системе;

Г) то же самое можно сказать об анализе и оценке преступности в пенитенциарных учреждениях, эти анализ и оценка неизбежно будут криминологическими. В названных учреждениях предпринимают-

ся усилия по профилактике преступлений, для чего могут использоваться созданные криминологией методы.

Преступность, преступления и личность преступника криминология изучает разными путями. Одним из самых полезных является обследование преступников, отбывающих наказание в местах лишения свободы, хотя и понятно, что человек на свободе, совершивший преступление, и он же, лишенный свободы за это, не совсем одно и то же.

Криминология может творчески сотрудничать с науками семейного права, банковского права, финансового права. С наукой семейного права — для разработки предупреждения безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних, обеспечения надлежащего воспитания детей и подростков, разрешения семейных конфликтов, могущих привести к преступным действиям, и т.д. С науками банковского права и финансового права — для исследований в области коррупционных преступлений и многих преступлений в сфере экономики. Для предупреждения корыстных преступлений необходимо в полной мере использовать достижения науки гражданского права, что, откровенно говоря, криминологи делают очень редко.

Несомненна связь криминологии с наукой административного права, особенно с ее деликтной частью. Многие антиобщественные деяния совершаются на грани нарушения уголовного закона и норм административного права; предупреждая административные правонарушения, часто удается не допустить преступные действия. Для борьбы с рецидивной преступностью очень важно реализовать возможности административного надзора. Роль административного права в борьбе с преступностью очевидна. Между тем в криминологии еще мало работ, посвященных обстоятельному исследованию этой роли. Возможно, будут нужны совместные усилия криминологов и административистов с обязательным привлечением эмпирического материала. Его в нашей стране, как и в любой другой, более чем достаточно.

Криминология, тем более что она комплексная наука, может успешно развиваться лишь в кооперации с другими дисциплинами, но не только юридическими.

Из числа неюридических в первую очередь следует назвать социологию, ко-

торая изучает общество и человека в контексте его социальных отношений. Между тем отношения личности, изучаемые криминологией, есть часть всех отношений этой личности, а ее она познает не как изолированную от общества единицу, а как его часть. Вне этого адекватное познание преступника и преступного поведения невозможно. Криминология не является только социологией преступности, о чем уже говорилось выше, и она не находится на стыке социологии и права, поскольку, во-первых, тогда она не будет являться правовой наукой, и во-вторых, стык у нее не только с социологией, но и с психологией, психиатрией, экономикой и др. Утверждение, что криминология является социологией преступности (или, что то же самое, криминология — часть социологии), наносит огромный вред этой науке, делая ее в немалой части описательной дисциплиной: социология не дает возможности глубоко познать личность преступника и механизм преступного поведения, но в то же время личность совершающего преступление и причины нарушения ею уголовно-правового запрета являются главной, конечной целью криминологического познания.

Без социологии криминологии ни в коем случае не обойтись, в первую очередь при исследовании преступности и ее отдельных видов, причин, состояния, динамики и структуры преступности, ее прогнозирования. Криминология широко использует социологические методы познания при изучении уголовных дел и личности преступника.

Многие направления криминологических исследований непосредственно смыкаются с направлениями социологических исследований. Но существует и обратная связь: многие направления социологических исследований в значительной степени базируются на достижениях криминологии. Можно назвать много стыковых проблем: бродяжничество, детская беспризорность, теневая экономика и т.д. Решая их, криминология обязана учитывать влияние всей системы конкретных общественных отношений на объекты, входящие в ее предмет.

Социология же в случае необходимости должна принимать во внимание влияние криминологических обстоятельств

на развитие социальных отношений. Криминология и социология нужны друг другу [2, с. 48].

Криминология широко использует достижение науки статистики. Статистические исследования преступности следует считать очень важной частью социологического познания преступности и отдельных ее видов. Криминальная статистика способна не только описать преступность и те или иные ее группы, но и вскрыть их причины. Поэтому всегда надо иметь в виду и описательские и объясняющие возможности статистики. Значение психологии для криминологии можно проследить на нескольких уровнях.

Во-первых, на индивидуальном уровне — для познания субъективных причин и мотивов преступления. Ответ на этот вопрос может дать именно психология, являющаяся наукой о закономерностях развития и функционирования психики как особой формы жизнедеятельности. Незнание причин индивидуального преступного поведения губительно для криминологии, а еще больше для практики: ведь борьбу с преступностью ведут в городах и районах (органы внутренних дел, прокуратура, суд, общественные организации), в первую очередь имея дело с конкретными случаями и отдельными людьми. То же самое можно сказать о местах лишения свободы, где единственным объектом исправительной работы является осужденный.

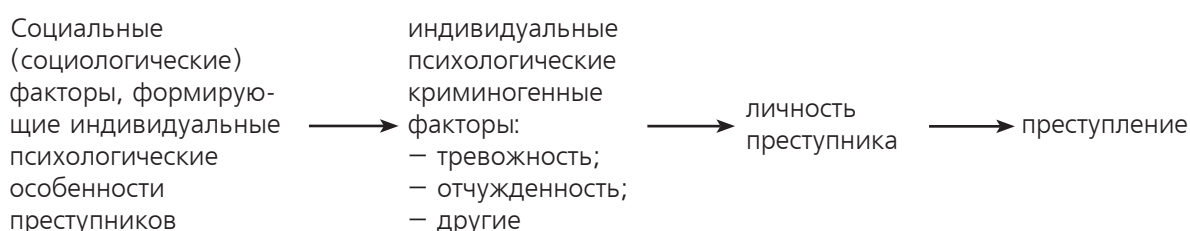
Во-вторых, на уровне психологии отдельных групп (имея в виду межгрупповые и внутригрупповые взаимодействия, их структуру и т.д.), включая сюда неформальные и формальные малые группы и большие группы: нации, социальные слои, народы. Иными словами, я имею в виду социальную психологию. Она позволяет нам понять причины и механизмы групповых преступлений, в том числе совершенных организованными преступными группами, причины и природу террористических и экстремистских преступлений. Без социальной психологии невозможно понять, что такое фашизм, нацизм и большевизм, другие преступления, связанные с психологией нации, народов и классов. Эта наука широко используется для исследования проблем формирования личности преступника, что имеет крайне важное научное и практическое значение.

В. Вундт считал, что психология народов как наука исследует их язык, мифы и обычаи [3, с. 37-39]. Для криминологии особенно важно познание обычаев, нормы которых в качестве архетипов усваиваются личностью с начала ее формирования и составляют коллективное бессознательное в психике человека. Они могут активно участвовать в мотивации преступного поведения.

Криминология создает криминальную психологию как часть юридической психологии. При этом криминальная психология, создаваемая криминологами, является психологической, а не юридической наукой, как иногда ошибочно полагают. Причиной

такого суждения о ней является то, что она обслуживает криминологические нужды, то есть помогает бороться с преступностью. Криминальная психология не может быть названа и наукой с двойной природой: природа у нее одна — психологическая, равно как и у возрастной, медицинской, политической, психофармакологии, зоопсихологии и других отраслей психологии, ныне приобретших самостоятельный статус.

Попробую представить схему, в которой будут отражены различные аспекты криминологического исследования преступного поведения и личности преступника, чтобы показать, как в этой науке используются, сочетаясь, возможности других наук.

Таким образом, на этой криминологической схеме мы видим, как сочетаются социологические и психологические возможности в исследовании причин индивидуального преступного поведения.

В настоящее время совершенно очевидна связь криминологии с психиатрией. Говорю «в настоящее время», хотя, если быть точным, такая связь не вызывает сомнений лишь последние 30-40 лет, тогда как еще в 60-е годы прошлого века однозначно указывалось (с легкой руки А.А. Герцензона), что психиатрические изыскания в криминологии вредны. Перелом произошел в 80-е годы XX века, когда усилиями криминологов и психиатров были проведены исследования среди преступников и постепенно сформировалась криминальная психиатрия как часть социальной психиатрии, но для нужд криминологии и борьбы с преступностью.

Вообще следует отметить, что психиатрия накопила огромный объем информации о личности преступника, именно о личности, и немного меньше о преступном поведении. Я в первую очередь имею в виду тех психиатров, которые проводили судебные психолого-психиатрические и психиатрические экспертизы, подолгу наблюдали подэкспертных обвиняемых и знали их, конечно, лучше, чем следователи,

прокуроры и судьи. Можно назвать выдающихся психиатров России: В.Н. Мясищев, Н.И. Фелинскую, Б.В. Шостаковича, А.А. Ткаченко, А.М. Свядоца, А.Б. Смугевича, их монографические труды по психиатрии стали активно использоваться криминологами, но некоторые из них готовили и сугубо криминологические работы (например, А.А. Ткаченко и Б.В. Шостакович). Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского* по праву можно назвать главным среди учреждений по исследованию личности преступника. К сожалению, их результаты совершенно недостаточно востребованы криминологической наукой.

Криминолого-психиатрическими исследованиями установлено, что 20-25 % совершивших преступление страдают различными расстройствами психической деятельности в рамках вменяемости. Такие люди могут неверно оценивать складывающуюся ситуацию перед преступлением,

* В настоящее время — Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии (см.: приказ Минздрава России от 17 мая 2014 г. N 219 «О реорганизации ФГБУ “Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского” Минздрава России». URL: <http://serbsky.ru/images/stories/doc>). (Примеч. ред.).

быстрее, чем здоровые, начинают его совершать, даже по ничтожному поводу. Их психическое здоровье обычно ухудшается, если они длительное время находятся в местах лишения свободы, что еще в XIX веке отмечал выдающийся немецкий психиатр Р. Крафт-Эбинг. Наличие названных расстройств необходимо всесторонне учитывать как при проведении профилактических мероприятий, так и при работе с осужденными в местах лишения свободы.

Криминология должна быть весьма заинтересована в творческих связях с биологией. Я говорю, что «должна быть заинтересована», что означает отсутствие такой кооперации в настоящее время, если всерьез не принимать «шаловливое баловство» И.С. Ноя с биологией. Оно, впрочем, было вообще-то безобидным, никак не отразившимся ни на теории, ни на практике борьбы с преступностью.

Криминологико-биологические исследования в России тем не менее проводились, но биологами и психиатрами Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Авторский коллектив этого центра в начале XXI века провел ЭЭГ — исследование нейрофизиологических механизмов предрасположенности к насилию у лиц с органическими психическими расстройствами.

Установленные авторами факты указывают на биологически обоснованную предрасположенность к агрессивному поведению. Среди лиц, совершивших акты насилия, отмечался высокий процент больных эндогенными психозами, эпилепсией, лиц с поражениями височной доли, лиц с алкогольной и наркотической зависимостью (L. Valzelli, Э. Фромм, Р. Бэрон, Д. Ричардсон). Было показано, что феномен агрессивности в значительной мере связан с функциональным состоянием универсальных модуляторных систем головного мозга — моноаминовых тормозных структур (И.А. Кудрявцев и др., Н.М. van Praag, G.M. Asnis, R.S. Kahn). Изучение базовых свойств личности (эргичность (выносливость), эмоциональность, пластичность и др.) также свидетельствует о биологической обусловленности различных поведенческих паттернов (В.Д. Небылицын, В.М. Русалов). Исходя из сказанного представляется актуальным поиск нейрофизиологических механизмов формирования

предиспозиции к агрессивному поведению [4, с. 323].

Подводя итоги проведенного исследования, авторы приходят к выводу, что предиспозиция к гомицидному поведению определялась главным образом левополушарными нарушениями, проявляющимися, с одной стороны, снижением функционального состояния левой лобной коры и ее контролирующей функции, прежде всего, по отношению к подкорковым импульсам, исходящим из лимбической системы, и с другой стороны — повышением уровня активации моторных систем; полученные данные позволяют высказать предположение о важной роли дисфункции дофаминергической модулирующей системы. Выявленные сдвиги можно рассматривать как нейрофизиологическую основу наблюдающихся у таких больных расстройств самосознания и готовности к непосредственным действиям. Обнаруженные особенности ЭЭГ, связанные с нарушениями эмоционально-мотивационной сферы, влияли на механизмы деликта, с реализацией в одних случаях ситуативных форм реагирования, в других — искаженных внутренних программ сексуального поведения [4, с. 349].

В том же Центре другие авторские коллективы исследовали нейрохимические корреляты и иммунные статусы больных, совершивших общественно опасные действия, в том числе преступные [4, с. 350-388]. Все они пришли к выводу, что биологические особенности таких лиц играют существенную роль, предрасполагая к насилию. Однако такие исследования, по существу, еще только начаты. Если будут добыты исчерпывающие доказательства того, что биологические факторы, безусловно, предрасполагают к преступному поведению и значимы в его механизме, то это может повлечь за собой изменения в уголовном законе, судебно-экспертной практике, работе по расследованию преступлений и исправлению осужденных.

Криминология тесно связана с философией, точнее — активно использует ее категории, ее видение мира и человека для собственных нужд. Так, криминология постоянно ищет причины преступности и индивидуального преступного поведения, рассматривает преступность на различных уровнях и т.д. Между тем специальных ис-

следований, посвященных проблеме «философия – криминология», еще очень мало. Исключения составляют работы Е.С. Жигалова, но, к сожалению, он рассматривает названную проблему еще и с религиозных позиций, что в науке недопустимо.

Я вижу перспективы криминологии, ее прогресс только в кооперации с другими науками, иначе она будет «топтаться на месте».

Список литературы

1. Мальцев В.В. Общественно опасное поведение в уголовном праве. М., 2014. 648 с.
2. Криминология: учебник / под ред. Г.А. Аванесова. М.: Юнити-Дана, 2006. 496 с.
3. Вундт В. Психология народов. М.; СПб., 2002. 893 с.
4. Агрессия и психическое здоровье: монография / под ред. Т.Б. Дмитриева, Б.В. Шостаковича. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002, 464 с.

References

1. Mal'tsev V.V. *Obshchestvenno opasnoe povedenie v ugovnom prave* [Socially dangerous behavior in criminal law]. Moscow, 2014. 648 p.
2. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2006. 496 p.
3. Vundt V. *Psikhologiya narodov* [The psychology of nations]. Moscow; St. Petersburg, 2002. 893 p.
4. *Agressiya i psikhicheskoe zdorov'e* [Aggression and mental health]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2002. 464 p.

САБИТОВ Р.А., доктор юридических наук, профессор, pspo_student@mail.ru Кафедра уголовно-правовых дисциплин; Южно-Уральский государственный университет, 454081, г. Челябинск, Артиллерийская, 100	SABITOV R.A., Doctor of Legal Sciences, professor, pspo_student@mail.ru Chair of Criminal law disciplines; South Ural State University, Artilleriyskaya St. 100, Chelyabinsk, 454081, Russian Federation
---	--

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Реферат. Изучается феномен последствий преступности как суммарный социальный и несоциальный, прямой и косвенный вред, причиняемый преступностью; вскрываются их количественные и качественные характеристики. Установлено, что понятием преступности не охватываются ее последствия и жертвы. Последствия преступности обладают качественными и количественными признаками. К качественным признакам можно отнести характер и структуру последствий преступности, а к количественным — совокупные последствия отдельных видов преступности, динамику отдельных видов последствий, коэффициент отдельных последствий преступности. Доказывается, что потерпевшими от преступления должны признаваться не только физические и юридические лица, но и общество, органы власти, а также объединения (группы) граждан, не обладающие признаками юридического лица. Аргументируется, что юридическим лицам, государству, обществу преступления причиняют не только имущественный и моральный вред (вред деловой репутации), но и экологический вред, существенный вред охраняемым законом интересам, информационный, управленческий (организационный) и иной вред. В понятии потерпевшего от преступления должны быть отражены все виды потерпевших и причиняемого вреда. Резюмируется, что теоретически потерпевший в уголовном праве — это физическое, юридическое лицо, орган власти, общество, группа людей, которым оконченным или неоконченным преступлением причинен физический, имущественный, моральный или иной вред. Понятие потерпевшего от преступления должно быть закреплено в уголовном законе, а определение понятия жертвы преступления должно учитывать российские уголовно-правовые реалии, зарубежный опыт и охватывать не только физических лиц, но и юридических лиц, группы людей, которые пострадали от преступлений.

Ключевые слова: последствия преступности, вред, жертвы преступности, потерпевшие, количественные и качественные показатели.

CRIMINOLOGICAL PROBLEMS OF STUDYING CRIME CONSEQUENCES

Abstract. The phenomenon of crime consequences is studied as a total social and not social, direct and indirect damage caused by crime. The quantitative and qualitative indicators of these consequences are shown. It is determined that concept of crime does not embrace its consequences and victims. The qualitative indicators of crime consequences imply the consequences' character and structure; the quantitative indicators imply cumulative consequences of certain kinds of crime, the dynamics of certain kinds of consequences and coefficient of certain crime consequences. It is proved that not only physical and juridical persons, but also the public, authorities and associations (groups) of people having no indication of juridical person must be recognized as crime sufferers. It is argued that crimes can cause property and moral damage (goodwill damage), ecological damage, considerable damage of interests protected by the law, information, managerial damage and other kinds of damage. Theoretically according to criminal law a crime sufferer is a physical, juridical person, an authority, the public, group of people who suffered from physical, property, moral or other kind of damage caused by a completed or uncompleted crime. The author proves the necessity to fix the concept of crime sufferer in criminal law. The concept of victim should include Russian criminal actualities, foreign experience and embrace not only physical but also juridical persons and groups of people suffered from crimes.

Keywords: consequences of crime, damage, victims of crime, sufferers, quantitative and qualitative indicators.

1. В криминологической литературе в качестве показателей преступности некоторые авторы указывают ее последствия, под которыми понимают суммарный вред, причиняемый преступностью обществен-

ным отношениям [1, с. 32]. Эти последствия могут быть социальными и несоциальными (например, вред различным компонентам природной среды). В связи с этим последствия преступности представляют

собой суммарный социальный и несоциальный вред, причиняемый ею.

Используемый криминологами термин «цена преступности» не тождествен термину «последствия преступности», поскольку цена преступности — это денежное выражение совокупных расходов и потерь, которые несут граждане, организации и государство от преступности в течение определенного времени.

Некоторые криминологи понятием преступности охватывают ее последствия и жертв [2, с. 581; 3, с. 45]. Однако преступность не может включать в себя свои последствия, так как она — множество отдельных преступлений, совершенных в определенном месте за определенный промежуток времени. Преступность складывается из совершенных и совершаемых людьми преступлений, а законодательное понятие преступления (ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК) не охватывает собой его последствия. Последствия преступности — это причиняемый ею вред. Жертвы преступлений — не есть вред, это им причиняется вред. Поэтому жертвы преступлений не должны включаться в понятие преступности.

Последствия преступности, так же как и сама преступность, обладают качественными и количественными признаками. Качественные признаки отражают характер и структуру последствий преступности.

Характер последствий преступности указывает на их содержание, сущность. По своему характеру последствия преступности могут быть физическими, психическими, моральными, информационными, экономическими, экологическими, политическими, организационными и иными.

Структура последствий преступности — это показатель, который раскрывает внутреннее содержание всех ее последствий, соотношение различных видов последствий в общей их совокупности. В структуре последствий преступности можно выделить следующие ее компоненты:

1) совокупность всех последствий зарегистрированных преступлений, как находящихся в рамках составов преступлений, так и лежащих за их пределами, но подлежащих доказыванию в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ;

2) совокупность последствий латентных преступлений. По одним данным,

реальная преступность превышает официально зарегистрированную не менее чем в 3-4 раза [4, с. 97], по другим данным — в 4-5 раз [5, с. 109-110];

3) косвенные социальные последствия преступности, включая расходы государства, связанные с реакцией его органов на совершение преступлений, расходы и потери потерпевших от преступлений и их близких, а также затраты на предупреждение преступлений;

4) общие моральные и социально-психологические последствия преступности.

К количественным признакам последствий преступности относятся: выраженные в определенных величинах совокупные последствия отдельных видов преступности; динамика отдельных видов последствий преступности; коэффициент отдельных последствий преступности.

Сведения о совокупных последствиях всей преступности в стране в настоящее время отсутствуют, поскольку ни государственные органы, ни ученые не знают реального числа совершенных преступлений, полных социальных и несоциальных последствий преступности и ее «цены». Тем не менее отдельные виды последствий преступности, например, физический вред, причиненный жизни и здоровью человека, имущественный ущерб, нанесенный хищениями и некоторыми другими преступлениями, можно выразить количественно. Так, известно, что в 2013 г. установленный материальный ущерб от преступлений экономической направленности составил 229,8 млрд рублей, а общий материальный ущерб от всех зарегистрированных преступлений — 386 млрд рублей*. Здесь учтен материальный ущерб только от одиннадцати видов преступлений, а ущерб от преступлений против личности, служебных и иных преступлений не принимался во внимание. Разумеется, отсутствует информация об ущербе, причиненном латентными преступлениями.

Число погибших от преступлений все еще очень велико, хотя из года в год снижается: в 2009 г. погиб 46 091 человек, в 2010 г. — 41 999, в 2011 г. — 40 099, в 2012 г. — 38 716, в 2013 г. — 36 727.

* Здесь и далее приведены цифровые данные из ежегодных статистических сборников «Состояние преступности в России» за 2009-2013 гг., подготовленных ГИАЦ МВД России.

Иные виды вреда не отражаются в статистических материалах по разным причинам, в частности, ввиду того, что они не поддаются измерению, либо отсутствуют необходимые критерии и методики их измерения, либо их учет не предусмотрен формами статистической отчетности.

Коэффициент отдельных видов последствий преступлений — это показатель, который исчисляется из общего количества учтенных последствий преступлений определенного вида, совершенных на определенной территории за определенный промежуток времени, в расчете на 10 тыс. или 100 тыс. жителей. Примером могут служить коэффициенты убийств и покушений на убийство, совершенных в государствах — участниках СНГ в 2007 г. (в расчете на 100 тыс. всего населения): в Таджикистане — 2,2; Узбекистане — 3,0; Азербайджане и Армении — 3,1; Молдове — 5,8; Кыргызстане — 8,0; Беларуси — 8,1; Казахстане — 10,8; России — 15,6*.

2. Проблема исчисления вреда, причиненного преступностью, тесно связана с жертвами преступлений. В криминологии (виктимологии) под жертвой понимают: лицо, которому причинен физический, моральный вред, материальный ущерб или основные права которого были существенно нарушены в результате преступления [4, с. 154; 6, с. 159]; человека (физическое лицо), который утратил (либо может утратить) значимые для него ценности в результате оказанного на него либо в отношении его интересов противоправного воздействия [7, с. 44].

В пункте 1 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью (принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г.) под термином «жертвы» понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего национальные уголовные законы**.

* См.: Преступность и правонарушения (2003-2007). М., 2008. С. 68.

** См.: Международные акты о правах человека: сб. документов. М., 1998. С. 165.

Криминологи считают понятие жертвы внеправовым и более широким, чем уголовно-правовое и уголовно-процессуальное понятия потерпевшего, поскольку оно охватывает не только лиц, которым реально нанесен ущерб, но и потенциальных (в отношении которых реального причинения вреда еще не произошло) жертв преступлений [8, с. 37; 9, с. 33], а также как непосредственных жертв, так и опосредованных [7, с. 44]. Согласно п. 2 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью термин «жертва» в соответствующих случаях включает близких родственников или иждивенцев непосредственной жертвы, а также лиц, которым был причинен ущерб при попытке оказать помощь жертвам, находящимся в бедственном положении, или предотвратить виктимизацию.

Спорным является вопрос о том, кто является потерпевшим от преступления (жертвой преступления). Согласно ст. 42 УПК РФ потерпевшими от преступления могут быть физические и юридические лица. Большинство криминологов жертвой преступления признают человека (физическое лицо). Однако есть и такие специалисты, которые считают, что понятие жертвы преступления должно включать в себя не только физических лиц, но и юридических лиц, группы людей или общество, пострадавших от преступлений [10, с. 55]. Д.В. Ривман не исключает возможность признания интегративной жертвой преступления общности людей, обладающей определенными признаками [8, с. 36]. Немецкий криминолог Г. Й. Шнайдер пишет, что «жертвой может быть какое-то лицо, организация, общество, государство или международный порядок; преступность создает для них угрозу повреждения или уничтожения» [11, с. 350]. Болгарские криминологи, хотя и выступают против включения в круг жертв юридических лиц и государства, но в качестве жертвы в широком смысле рассматривают неформальные и формальные социальные группы (семью, трудовой коллектив), коллективные интересы которых затронуты преступлением [6, с. 159-160].

Необходимость признания потерпевшими от преступлений не только физических и юридических лиц, но и государс-

тва, его органов, муниципальных органов власти, общества и объединений (групп) граждан, не обладающих признаками юридического лица, отмечается многими специалистами, исследовавшими проблемы потерпевшего [12, с. 13; 13, с. 235-236; 14, с. 24].

Существуют разногласия по поводу видов вреда, причиняемого потерпевшим от преступлений (жертвам преступлений).

В статье 42 УПК РФ указано, что физическому лицу может быть причинен физический, имущественный или моральный вред, а юридическому лицу — вред имуществу или деловой репутации. В пункте 1 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью, помимо названных видов вреда, указаны еще и эмоциональные страдания, существенное нарушение основных прав жертвы, а в Рекомендации N R (85) 11 Комитета Министров о положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса (принятой Комитетом Министров Совета Европы 28 июня 1985 г.) — психологический и социальный ущерб, нанесенный потерпевшему*.

Криминологи, помимо видов вреда, названных в ст. 42 УПК РФ, указывают еще вред основным правам человека [4, с. 154], психический и социальный вред [11, с. 362; 15, с. 112].

Многие авторы обоснованно считают, что УК предусматривает ответственность за причинение и других видов вреда: политического, организационно-управленческого, экологического, психического (эмоциональных страданий), ущемление основных прав и свобод потерпевшего [16, с. 140-141; 17, с. 39; 18, с. 61-62]. В связи с этим предлагаются различные формулировки уголовно-правового (материального) понятия потерпевшего (пострадавшего), которое следовало бы включить в уголовный закон [16, с. 142; 19, с. 41].

Из статей Особенной части УК видно, что преступления могут причинять вред не только физическим и юридическим лицам, но и семье, другим малым или большим социальным группам, обществу в целом, государству, интересам человечества и международным отношениям.

* См.: Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 115.

Так, интересам семьи причиняют вред преступления, предусмотренные ст.ст. 153, 154, 155, 157 УК.

Интересы группы лиц, не являющейся юридическим лицом, могут пострадать в случае совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 142, 149, 282, 357 УК.

Интересам общества причиняется вред путем совершения преступлений против общественной безопасности, общественного порядка, здоровья населения и общественной нравственности (главы 24, 25 УК). В статьях 203, 285, 286, 288, ч. 2 ст. 292, ст. 293 УК указано последствие в виде существенного нарушения охраняемых законом интересов общества, а в ст.ст. 201, 202 и 286.1 УК — в виде причинения существенного вреда охраняемым законом интересам общества.

Интересам государства причиняется вред путем совершения: преступлений против основ конституционного строя (ст.ст. 277-280, 282, 282.1, 282.3 УК); преступлений, посягающих на безопасность государства (ст.ст. 275, 276, 281, 283-284 УК); преступлений против правосудия (гл. 31 УК); преступлений против порядка управления (гл. 31 УК); преступлений против военной службы (гл. 33 УК); преступлений против государственной власти, интересов государственной службы, службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК). В статьях 171, 172, 185, 185.1 УК прямо говорится о причинении крупного ущерба государству, в ст.ст. 275, 276 УК — об ущербе внешней безопасности Российской Федерации, в ст. 281 УК — о подрыве экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. В статьях 203, 285, 286, 288, ч. 2 ст. 292, ст. 293 УК указано последствие в виде существенного нарушения охраняемых законом интересов государства, в ст.ст. 201, 202 и 286.1 УК — в виде причинения существенного вреда его законным интересам.

Интересам человечества и межгосударственным отношениям вред причиняют: преступления против мира (ст.ст. 353, 354, 354.1, 360 УК); военные преступления (ст.ст. 355, 356, 359 УК); преступления против безопасности человечества (ст.ст. 357, 358 УК); преступления международного характера, например террористический акт (ст. 205 УК), контрабанда (ст.ст. 200.1,

229.1 УК), подделка иностранной валюты или ценных бумаг в иностранной валюте (ст. 186 УК), пиратство (ст. 227 УК), нарушение правил международных полетов (ст. 271 УК).

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Последствия преступности — это суммарный социальный и несоциальный, прямой и косвенный вред, причиняемый преступностью.

2. Понятием преступности не охватываются ее последствия и жертвы.

3. Последствия преступности обладают качественными и количественными признаками. К качественным признакам можно отнести характер и структуру последствий преступности, а к количественным — совокупные последствия отдельных видов преступности, динамику отдельных видов последствий, коэффициент отдельных последствий преступности.

4. Потерпевшими от преступления должны признаваться не только физические и юридические лица, но и общество, органы власти, а также объединения (группы) граждан, не обладающие признаками юридического лица.

5. Юридическим лицам, государству, обществу преступления причиняют не только имущественный и моральный вред (вред деловой репутации), но и экологический вред, существенный вред охраняемым законом интересам, информационный, управленческий (организационный) и иной вред.

6. В уголовно-правовом и уголовно-процессуальном понятиях потерпевшего от преступления должны быть отражены все виды потерпевших и причиняемого преступлениями вреда.

7. С теоретической точки зрения потерпевший в уголовном праве — это физическое, юридическое лицо, орган власти, общество или группа людей, которым оконченным или неоконченным преступлением причинен физический, имущественный, моральный или иной вред.

8. Понятие потерпевшего от преступления должно быть закреплено в уголовном законе.

9. Определение понятия жертвы преступления должно учитывать российские уголовно-правовые реалии, зарубежный опыт и охватывать не только физических лиц, но и юридических лиц, группы людей, которые пострадали от преступлений.

Список литературы

1. Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. М.: Щит-М, 1998. 336 с.
2. Российская криминологическая энциклопедия / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2000. 808 с.
3. Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. 2009. N 1. С. 36-56.
4. Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М., 2004. 640 с.
5. Лунеев В.В. Криминология: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2014. 686 с.
6. Основы криминологии в Народной Республике Болгарии: пер. с болг. М.: Прогресс, 1987. 386 с.
7. Майоров А.В. Концептуальные основы виктимологического противодействия преступности. Челябинск, 2013. 182 с.
8. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб., 2002. 304 с.
9. Сидоренко Э.Л. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон. СПб., 2003. 310 с.
10. Полубинский В.И. Правовые основы учения о жертве преступления. Горький, 1979. 83 с.
11. Шнайдер Г. Й. Криминология: пер. с нем. М.: Прогресс-Универс, 1994. 502 с.
12. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции: в 2 т. Т. 2. Часть Общая. М., 1994. 380 с.
13. Сенаторов Н.В. Потерпевший в системе элементов состава преступления // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся на юрид. фак-те МГУ им. М.В. Ломоносова 30-31 мая 2002 г. М., 2003. С. 234-237.
14. Анощенкова С.В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем. М.: Волтерс Клувер, 2006. 248 с.
15. Будякова Т. Потерпевший: уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и виктимологический анализ понятия // Уголовное право. 2006. N 3. С. 109-113.
16. Квашиш В.Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. М.: Nota Bene, 1999. 280 с.
17. Мальцев В.В. Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий. Саратов, 1989. 192 с.
18. Сумачев А.В. Потерпевший в уголовном праве (анализ основных проблем). Нижневартовск, 2005.

19. Яни П. Законодательное определение потерпевшего от преступления // Российская юстиция. 1995. N 4. С. 40-41.

References

1. Alekseev A.I. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Shchit-M Publ., 1998. 336 p.
2. *Rossiyskaya kriminologicheskaya entsiklopediya* [Russian Criminological encyclopedia]. Moscow, 2000. 808 p.
3. Luneev V.V. *Sotsial'nye posledstviya, zhertvy i tsena prestupnosti* [Social consequences, the victims of crime and the price]. *Gosudarstvo i pravo* – State and law, 2009, no. 1, pp. 36-56.
4. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, 2004. 640 p.
5. Luneev V.V. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Yurayt Publ., 2014. 686 p.
6. *Osnovy kriminologii v Narodnoy Respublike Bolgarii* [Basics of Criminology in the People's Republic of Bulgaria]. Moscow, Progress Publ., 1987. 386 p.
7. Mayorov A.V. *Kontseptual'nye osnovy viktimologicheskogo protivodeystviya prestupnosti* [Conceptual framework to crime victimization]. Chelyabinsk, 2013. 182 p.
8. Rivman D.V. *Kriminal'naya viktimologiya* [Criminal victimology]. St. Petersburg, 2002. 304 p.
9. Sidorenko E.L. *Otritsatel'noe povedenie poterpevshego i ugovolnyy zakon* [Negative behavior of the victim and the criminal law]. St. Petersburg, 2003. 310 p.
10. Polubinskiy V.I. *Pravovye osnovy ucheniya o zhertve prestupleniya* [Legal basis of the doctrine of the victims of crime]. Gorky, 1979. 83 p.
11. Shnayder G. Y. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Progress-Univers Publ., 1994. 502 p.
12. Tagantsev N.S. *Russkoe ugovolnoe pravo: v 2 t. T. 2. Chast' Obshchaya* [Russian criminal law. In 2 vols. Volume 2. Part general]. Moscow, 1994. 380 p.
13. Senatorov N.V. *Poterpevshiy v sisteme elementov sostava prestupleniya* [The victim in the elements of the offense]. *Pyat' let deystviya UK RF: itogi i perspektivy* [Five years of the Russian Criminal Code: results and prospects]. Moscow, 2003. Pp. 234-237.
14. Anoshchenkova S.V. *Ugolovno-pravovoe uchenie o poterpevshem* [Criminal law doctrine of the victims]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2006. 248 p.
15. Budyakova T. *Poterpevshiy: ugovolno-pravovoy, ugovolno-protsessual'nyy i viktimologicheskyy analiz ponyatiya* [The victim: criminal law, criminal procedure and analysis of the concept Viktimologicheskyy]. *Ugolovnoe pravo* – Criminal Law, 2006, no. 3, pp. 109-113.
16. Kvashis V.E. *Osnovy viktimologii. Problemy zashchity prav poterpevshikh ot prestupleniy* [Fundamentals of victimology. Problems of protection of the rights of crime victims]. Moscow, Nota Bene Publ., 1999. 280 p.
17. Mal'tsev V.V. *Problema ugovolno-pravovoy otsenki obshchestvenno opasnykh posledstviy* [The problem of the criminal law assessment of socially dangerous consequences]. Saratov, 1989. 192 p.
18. Sumachev A.V. *Poterpevshiy v ugovolnom prave (analiz osnovnykh problem)* [The victim in the criminal law (analysis of the main problems)]. Nizhnevartovsk, 2005.
19. Яни П. *Zakonodatel'noe opredelenie poterpevshego ot prestupleniya* [Legislative definition of victims of crimes]. *Rossiyskaya yustitsiya* – The Russian justice, 1995, no. 4, pp. 40-41.

ЮЗИХАНОВА Э.Г., доктор юридических наук, профессор, uzikhanovaeg@yandex.ru Кафедра оперативно-разыскной деятельности и оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, Амурская, 75	YUZIKHANOVA E.G., Doctor of Legal Sciences, professor, uzikhanovaeg@yandex.ru Chair of detective activities and crime detection technical actions of the Interior; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
---	---

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ И ТЕНДЕНЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НОВЕЙШЕЙ РОССИИ

Реферат. Представлены статистические показатели преступности несовершеннолетних в России за десятилетний период, позволившие определить ее современные тенденции. Отмечается, что доля несовершеннолетних среди всех преступников ранее составляла порядка 11-12 %. За период с 2003 по 2013 годы удельный вес несовершеннолетних в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, сократился до 6 %. Несмотря на сокращение количества преступлений, совершенных этой категорией лиц, на протяжении ряда лет наибольшая криминогенная активность сохраняется у возрастной группы 16-17 лет (70 %). Меньший удельный вес составляет возрастная группа 14-15 лет, наблюдается сокращение количества совершенных преступлений: с 49,3 тысяч в 2000 г. до 19,7 тысяч в 2013 г. За этот же период почти втрое сократилось число зарегистрированных преступлений из числа выявленных преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии. При всей неоднозначности отношения к рассматриваемой проблеме определена роль уголовно-правовой политики государства в реагировании на тенденции преступности несовершеннолетних с учетом ее специфики, обусловленной комплексом взаимосвязанных факторов, относящихся к возрастным, социальным, психологическим особенностям несовершеннолетних как особой социальной группы, своеобразию их социального статуса. Рассматривается законодательная новелла: наказание в виде ареста не назначается лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста к моменту постановления судом приговора. Резюмируется, что проблемы преступности несовершеннолетних решаются лишь отчасти путем гуманизации уголовно-правовой политики государства в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, тенденции, динамика, удельный вес, гуманизация, уголовно-правовая политика, общество.

STATISTICAL INDICATORS AND TRENDS IN JUVENILE DELINQUENCY IN MODERN RUSSIA

Abstract. Statistics of juvenile delinquency in Russia for ten years, allowing to determine its current trends, is presented. It's noted that earlier the proportion of juveniles among all criminals was about 11-12%. During the period from 2003 to 2013 the proportion of juveniles in the total number of identified offenders decreased to 6%. Despite the reduction in the number of crimes committed by this category of persons, for several years the largest criminal activity is maintained in the age group 16-17 years (70%). Smaller proportion is the age group 14-15 years, there's a reduction in the number of committed crimes: from 49,300 in 2000 to 19,700 in 2013. Over the same period, the number of reported crimes committed by minors or with their complicity decreased almost three times. With all the ambiguity of attitude to the considered problem, the author defines the role of criminal law policy of the state in response to trends in juvenile crime taking into account its specificity, caused by the complex of interrelated factors related to age, social, psychological characteristics of juveniles as a special social group, the originality of their social status. The legislative novel is considered: the punishment in the form of arrest is not imposed on persons under the age of eighteen by the time of court verdict. It's summarized that the problems of juvenile delinquency are only partly solved by the humanization of criminal law policy of the state in order to restore social justice, correct the convict and prevent new crimes commission.

Keywords: juvenile delinquency, trends, dynamics, proportion, humanization, criminal law policy, society.

Проблема преступности несовершеннолетних всегда актуальна. Она достаточно специфична, касается судеб подрастающего поколения. От того, как она решается в настоящее время, во многом зависят не только состояние и тенденции преступности в будущем, но и качество общества. Изучение преступности несовершеннолетних является особенно важным, поскольку между преступностью несовершеннолетних и «взрослой» преступностью наблюдается так называемая «связь состояний». Порядка 50-60 % рецидивистов начинали свою преступную «карьеру» именно в несовершеннолетнем возрасте. Чем ранее лицо совершает свое первое преступление, тем очевиднее его индивидуальный криминологический прогноз, тем выше вероятность рецидива.

Преступность несовершеннолетних — своеобразный индикатор социальной ситуации в стране. Этот вид преступности очень чутко реагирует на состояние общества. Рост преступности несовершеннолетних, как правило, свидетельствует о неблагоприятных социальных процессах, поскольку молодое поколение является естественным резервом социального развития, а нарушения уголовного закона лицами юного возраста свидетельствуют о существующих недостатках воспитания, условий для включения молодежи в жизнедеятельность общества. Распространенность преступлений среди несовершеннолетних лиц, их качественные характеристики не без оснований могут расцениваться как прогностические для всей преступности. Не случайно предупреждение преступлений среди несовершеннолетних рассматривается в масштабах мирового сообщества как важнейший аспект предупреждения преступности в обществе в целом.

Обращаясь к проблеме преступности несовершеннолетних, следует исходить из того, что она представляет собой часть преступности в обществе, развивается под воздействием тех же факторов, что и преступность в целом. В силу этого при изучении преступности лиц в возрасте от 14 до 18 лет используются общекриминологические характеристики, показатели и категории.

Для организации профилактики правонарушающего поведения несовершеннолетних, установления круга участников предупредительной деятельности и оптималь-

ного распределения функций между ними важно установление наличия родительской семьи, участия в воспитании педагогических коллективов учебных заведений. Очевидно, что эти обстоятельства значимы именно для несовершеннолетних.

В целом же специфика преступности несовершеннолетних может быть рассмотрена как обусловленная комплексом взаимосвязанных факторов, относящихся к возрастным, социальным, психологическим особенностям несовершеннолетних как особой социальной группы, своеобразию их социального статуса. Установление таких специфических черт, обуславливающих особенности правонарушающего поведения несовершеннолетних, его качественных и количественных параметров, ориентировано на применение соответствующих мер в отношении данной возрастной группы.

В России на протяжении длительного периода наблюдался относительно плавный рост преступности несовершеннолетних, в среднем через каждые пять лет число выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления, увеличивалось на 11-12 %. Однако начиная с 1991 г. в динамике преступности несовершеннолетних произошли существенные негативные изменения. Так, число несовершеннолетних, совершивших преступления, в период с 1991 по 1995 гг. увеличилось на 43 %. За последние годы темпы прироста преступности несовершеннолетних обгоняют темпы прироста преступности взрослых в 2-2,5 раза.

При этом уровень преступности несовершеннолетних в России растет примерно в шесть раз быстрее, чем изменяется общее число лиц этой возрастной группы. На фоне продолжающей падать рождаемости населения в России, особенно в ее центральной части, эти показатели выглядят угрожающе. При сохранении указанных тенденций в обозримом будущем преступниками могли бы стать все несовершеннолетние. При этом цифра общественно опасных деяний, аналогичных по объективной стороне преступлениям, совершенным детьми до достижения возраста уголовной ответственности, примерно в 5 раз превышает число зарегистрированных преступлений несовершеннолетних.

Количественные, качественные и иные характеристики преступности и ее причины зависят от нравственного состояния обще-

ства, наличия или отсутствия тех или иных моральных ценностей и установок или их «превращенного» вида [1, с. 234].

Установлено, что в период обострения социальной напряженности внимание многих, особенно молодежи, начинают привлекать образ жизни и мораль преступного мира, появляется массовое увлечение общества спиритизмом, вера в «чудеса» прорицателей, целителей, предсказателей и т.д. В такие периоды происходит подмена истинных ценностей: интимные подробности личной жизни превращаются в различные ток-шоу; подлинное искусство замещается блатной культурой. Кроме того, с каждым годом нарастает процесс дегуманизации (брутализации) преступного мира, повышается уровень жестокости, в том числе в межличностных отношениях между преступниками.

Таким образом, в настоящее время несовершеннолетние — одна из наиболее криминогенно пораженных категорий населения. Причем ситуация, изложенная Е.Н. Костиной применительно к преступности несовершеннолетних в Республике Беларусь, характерна и для российской действительности: «За последние годы существенно выросло число умышленных убийств, разбойных нападений, фактов нанесения тяжких телесных повреждений, грабежей, совершенных несовершеннолетними. Нередко их действия отличаются исключительной жестокостью, глумлением над потерпевшими, идет процесс вовлечения подростков в занятие криминальным бизнесом и проституцией» [2, с. 100].

Преступность несовершеннолетних требует специального изучения, поскольку:

- 1) многие криминогенные факторы, оказы-

вающие решающее негативное воздействие на взрослых преступников, зарождаются в среде несовершеннолетних преступников; 2) значительная часть преступлений (до 70 %) совершается несовершеннолетними в соучастии со взрослыми преступниками; 3) рост преступности несовершеннолетних происходит в период сокращения общей численности этой возрастной группы населения; 4) преступность несовершеннолетних имеет более интенсивную негативную динамику по сравнению с преступностью в целом; 5) несовершеннолетние склонны к отклоняющемуся поведению, поскольку принадлежат к так называемой криминогенно активной части населения; 6) криминально активные несовершеннолетние продолжают преступную деятельность после достижения возраста уголовной ответственности, и именно благодаря данной категории правонарушителей преступность постоянно возрождается.

Среди всех преступников несовершеннолетние до недавних пор составляли в целом по стране примерно 11-12 %. При этом указанная цифра представляется весьма значительной, поскольку, согласно экспертным оценкам, для успешной борьбы с преступностью и контроля ее основных показателей необходимо, чтобы доля несовершеннолетних преступников составляла не более 4-5 %. В противном случае, как указывают эксперты, преступность начинает развиваться лавинообразно.

За период с 2003 по 2013 гг. удельный вес несовершеннолетних в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, сократился почти вдвое — с 11,8 % до 6,0 % соответственно.

Таблица 1*

Год	Всего выявлено лиц	В том числе несовершеннолетних	Удельный вес несовершеннолетних, %
2003	1 236 733	145 577	11,8
2004	1 222 504	151 890	12,4
2005	1 297 123	149 981	11,6
2006	1 360 860	148 595	10,9
2007	1 317 582	131 965	10,0
2008	1 256 199	107 890	8,6
2009	1 219 789	85 452	7,0
2010	1 111 145	72 692	6,5
2011	1 041 340	65 963	6,3
2012	1 010 938	59 461	5,9
2013	1 012 563	60 761	6,0

* Таблица подготовлена на основании данных официального сайта Федеральной службы государственной статистики (См.: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/ (дата обращения: 30 нояб. 2014 г.).

За период с 2000 по 2013 гг. наиболее криминогенно активной выглядит возрастная группа 16-17 лет. Ее доля в числе выявленных лиц представлена следующим рядом: 2005 г. — 105,4 тыс. (70 %), 2006 г. — 104,5 тыс. (70 %), 2007 г. — 93,9 тыс. (71 %), 2008 г. — 78,3 тыс. (73 %), 2009 г. — 61,8 тыс. (72 %), 2010 г. — 51,2 тыс. (70 %), 2011 г. — 45,5 тыс. (69 %), 2012 г. — 41,0 тыс. (69 %), 2013 г. — 41,0 тыс. (67 %). Отмечается сокращение в общем числе выявленных несовершеннолетних преступников в возрасте 16-17 лет в 3 раза, при сохранении

удельного веса, составляющего примерно 70 %.

Меньший удельный вес пришелся на возрастную группу 14-15 лет, сокращение за период с 2000 по 2013 гг. составило 2,5 раза: с 49,3 тыс. в 2000 году до 19,7 тыс. в 2013 году.

За период с 2000 по 2013 гг. почти втрое сократилось число зарегистрированных преступлений из числа выявленных преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии (см. таблицу 2).

Таблица 2*

Год	Всего зарегистрировано преступлений, тыс.	В том числе совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, тыс.
2000	2 952,4	195,4
2005	3 854,7	154,7
2006	3 855,4	150,3
2007	3 582,5	139,1
2008	3 209,9	116,1
2009	2 994,8	94,7
2010	2 628,8	78,5
2011	2 404,8	71,9
2012	2 302,2	64,3
2013	2 206,2	67,2

* Таблица подготовлена на основании данных официального сайта Федеральной службы государственной статистики.

Выявленные тенденции, возможно, являются отражением гуманизации уголовной политики в отношении несовершеннолетних. В нашей стране отношение к несовершеннолетним преступникам не всегда было однозначным. Достаточно обратиться к истории.

Так, в Уголовном уложении 1903 года предусматривалась норма о возрастной невменяемости (ст. 41): «не вменяется в вину преступное деяние, учиненное несовершеннолетним от 10 до 17 лет, который не мог понимать свойства и значения им совершаемого или руководить своими поступками». Выделялось три возрастных категории несовершеннолетних: от 10 до 14 лет, от 14 до 17 лет, от 17 лет до 21 года. Для первых двух категорий наказание могло заменяться мерами принудительного воздействия или смягчаться, для последней — только смягчаться.

В первые годы советской власти в отношении несовершеннолетних действовал принцип «для детей нет суда и тюрьмы». Декрет СНК от 14 января 1918 года

отменил суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних. Дела об общественно опасных деяниях, совершенных лицами в возрасте до 17 лет, рассматривались комиссией по делам несовершеннолетних, и в результате они либо освобождались, либо направлялись в убежища Народного комиссариата общественного призрения. Тенденция применения к несовершеннолетним в первую очередь принудительных мер воспитательного характера, а не мер уголовного наказания, сохранялась до начала 1930-х годов.

С начала 1930-х годов в рамках общей тенденции ужесточения уголовного законодательства усилилась и уголовная ответственность несовершеннолетних. С этой целью было принято Постановление ЦИК и СНК от 5 апреля 1935 года «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних». Был понижен до 12 лет возраст уголовной ответственности за кражу, причинение насилия, телесных повреждений, увечий, убийство; отменена возможность

применения к несовершеннолетним мер медико-педагогического характера. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» от 31 мая 1935 года были ликвидированы комиссии по делам несовершеннолетних.

В период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы большое внимание уделялось профилактике подростковой преступности. Значительные усилия государство прилагало в борьбе с беспризорностью. В этот период также достаточно часто применялись воспитательные, а не карательные меры. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 17 февраля 1948 года «О применении Указов от 4 июня 1947 г. в отношении несовершеннолетних» в случае совершения несовершеннолетними в возрасте от 12 до 16 лет хищения в незначительных размерах суды должны были ставить на обсуждение вопрос о прекращении дела в уголовном порядке за нецелесообразностью применения мер уголовного наказания и направлении обвиняемых в трудовые воспитательные колонии.

Принятие Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года и УК РСФСР 1960 года вновь смягчило уголовно-правовой режим несовершеннолетних. Был повышен до 16 лет общий возраст уголовной ответственности (до 14 — пониженный возраст по отдельным преступлениям). К несовершеннолетним не применялись наказания в виде ссылки, высылки, лишения свободы в виде тюремного заключения и др. Кроме того, законодательство содержало положения, которые предлагали правоприменителю применять преимущественно воспитательные меры к несовершеннолетним, совершившим преступления, не представляющие большой общественной опасности. Предусматривалась значительная роль общественных объединений в реализации мер реагирования на совершение несовершеннолетними общественно опасных деяний. Пункт 6 ст. 63 УК РСФСР в качестве принудительной меры воспитательного характера предусматривал передачу несовершеннолетнего под наблюдение трудового коллектива, общественной организации или отдельному

гражданину либо назначение общественного воспитателя в соответствии с Положением об общественных воспитателях несовершеннолетних [3].

В своем выступлении на международной научной конференции начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России В. Трофимов заявил, что число несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы в Российской Федерации снизилось за последние годы в 4,5 раза. По его словам, сейчас в России функционирует 46 воспитательных колоний. В них содержится 2,2 тыс. несовершеннолетних осужденных.

Сокращение числа несовершеннолетних заключенных, по мнению эксперта, обусловлено гуманизацией государственной политики в отношении таких правонарушителей и повышением эффективности профилактической работы с детьми и подростками. Кроме того, по данным ФСИН России, на сокращение числа таких преступников повлияла демографическая ситуация, сложившаяся в стране в 90-х годах прошлого века. Согласно статистической информации на 1 марта 2013 года, всего в России насчитывалось почти 698 тыс. осужденных*.

За период с 2000 по 2013 гг. количество лиц в возрасте от 14 до 15 лет, содержащихся в воспитательных колониях, сократилось в 15 раз: с 1,5 тыс. до 0,1 тыс. человек; количество лиц в возрасте от 16 до 18 лет включительно сократилось в 8 раз: с 11,4 тыс. до 1,4 тыс. человек. Количество несовершеннолетних лиц, содержащихся в СИЗО и тюрьмах, а также в помещениях, функционирующих в режиме СИЗО и тюрем, за тот же период сократилось в 7 раз: с 11,1 тыс. в 2000 году до 1,6 тыс. человек в 2013 году.

На днях Президент Российской Федерации подписал Федеральный закон «О внесении изменений в статью 54 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 69 и 72 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». Федеральный закон принят Государственной Думой 11 ноября и одобрен Советом Фе-

* URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2013/06/18/1141951.html> (дата обращения: 30 нояб. 2014 г.).

дерации 19 ноября 2014 года*. Данным законом предусматривается исключение из Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации положений, касающихся назначения и исполнения наказания в виде ареста в отношении несовершеннолетних, поскольку статьей 88 Уголовного кодекса Российской Федерации арест не отнесен к видам наказаний, назначаемых несовершеннолетним [4, с. 550].

В связи с этим в часть вторую статьи 54 Уголовного кодекса Российской Федерации вносится изменение, в соответствии с которым наказание в виде ареста не назначается лицам, не достигшим к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста. Соответс-

твенно, из статей 69 и 72 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации исключаются положения, регламентирующие порядок и условия исполнения наказания в виде ареста в отношении несовершеннолетних осужденных, а также их материально-бытовое и медицинское обслуживание.

Как видно из представленного криминологического анализа, проблема преступности несовершеннолетних решается лишь отчасти путем гуманизации уголовно-правовой политики государства в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений, что и нашло отражение в современных тенденциях.

* О внесении изменений в статью 54 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 69 и 72 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 24 нояб. 2014 г. N 371-ФЗ // Рос. газ. 2014. 28 нояб.

Список литературы

1. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М.: Российское право, 1992. 432 с.
2. Костина Е.Н. Деятельность органов внутренних дел по профилактике преступности несовершеннолетних в Республике Беларусь // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. N 3 (21). С. 100-110.
3. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Уголовно-правовой_режим_несовершеннолетних_в_России (дата обращения: 30 нояб. 2014 г.).
4. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Д.А. Бражников, В.М. Гарманов, С.Н. Шатилов и др.; под ред. Р.Д. Шарапова. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. 583 с.

References

1. Karpets I.I. *Prestupnost': illyuzii i real'nost'* [Crime: illusions and reality]. Moscow, Rossiyskoe pravo Publ., 1992. 432 p.
2. Kostina E.N. *Deyatel'nost' organov vnutrennih del po profilaktike prestupnosti nesovershennoletnih v Respublike Belarus'* [The activities of law enforcement bodies for prevention of juvenile delinquency in the Republic of Belarus]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* – Legal science and law enforcement practice, 2012, no. 3 (21), pp. 100-110.
3. Available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (Accessed 30 November 2014).
4. Brazhnikov D.A., Garmanov V.M., Shatilovich S.N. i dr. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [Russian criminal law. The general part]. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2013. 583 p.

Раздел 5. Пенитенциарная система

ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, ombudsman62@mail.ru Уполномоченный по правам человека в Рязанской области, 390000, г. Рязань, Первомайский пр., 8	GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, ombudsman62@mail.ru Human Rights Ombudsman in the Ryazan region, Pervomajskij Ave. 8, Ryazan, 390000, Russian Federation
---	---

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН БУДУЩЕГО: НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Реферат. Обозначаются наиболее острые проблемы применения уголовно-исполнительного законодательства: социально-экономическое обеспечение постпенитенциарной адаптации; отсутствие правового статуса субъекта Российской Федерации в уголовно-исполнительных правоотношениях; прямая зависимость многих прав и законных интересов осужденных от судебного и административного усмотрения; отсутствие механизма реализации уголовно-исполнительных норм, подзаконных нормативных правовых актов, мониторинга их реализации. Выявлены положения Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, противоречащие устоявшейся в теории пенитенциарного права точке зрения относительно прекращения уголовно-исполнительных правоотношений после освобождения осужденного от дальнейшего отбывания наказания. Названы основные технико-юридические дефекты уголовно-исполнительного законодательства во внутриотраслевой и межотраслевой сфере (цели и задачи пенитенциарного закона определены, цели и задачи исполнения наказания — нет; закрепление принципов вины и справедливости в УК РФ и их отсутствие в УИК РФ; несопоставимость гарантий реализации права на квалифицированную юридическую помощь обычными гражданами и осужденными и другие). Констатируется проблема подмены пенитенциарным ведомством законодателя в вопросах регулирования прав и законных интересов осужденных. Высказаны положения, которые должны быть реализованы в новом уголовно-исполнительном законодательстве: 1) наказание в виде лишения свободы должно заключаться в самом факте изоляции от общества, в остальном правовое положение осужденного не должно отличаться от других граждан (за исключениями, обусловленными фактом изоляции); 2) исчерпывающий перечень запретов и ограничений для осужденных должен быть определен на законодательном уровне; 3) уголовно-исполнительное законодательство в части, касающейся ограничения прав осужденных, должно быть максимально освобождено от оценочных терминов и норм-исключений.

Ключевые слова: конституция, уголовно-исполнительное право, постпенитенциарная адаптация, права осужденных.

PENAL LAW OF THE FUTURE: DIRECTIONS OF REFORMING

Abstract. The most urgent problems of the penal legislation application are stated: social and economic support of post-penitentiary adaptation; lack of legal status of the RF subject in the penitentiary legal relations; direct dependence of many rights and legitimate interests of convicts upon judicial and administrative discretion; absence of a mechanism of implementing penal norms and subordinate normative legal acts, monitoring their implementation. The provisions of the RF Penal Code, contradicting the view established in the penal law theory regarding the penitentiary legal relations termination after the release of convict from further punishment, are revealed. The main technical and legal defects of the penal legislation in the inter-branch and interdisciplinary spheres are called (goals and objectives of the penal law are defined, goals and objectives of the punishment execution aren't; principles of guilt and justice are fixed in the Criminal Code, but aren't fixed in the Penal Code; incomparability of the guarantees of exercising the right to qualified legal assistance by ordinary citizens and convicts, etc.). The problem of the substitution of legislator by penal agency in regulating convicts' rights and legitimate interests is stated. The provisions to be implemented in new penal legislation are expressed: 1) punishment in form of imprisonment should be in the very fact of isolation from society, otherwise the convict's legal status shouldn't differ from other citizens; 2) the list of prohibitions and restrictions for prisoners should be determined at the legislative level; 3) penal legislation should be exempt from evaluation terms and norms-exceptions, regarding convicts rights' restrictions.

Keywords: constitution, penal law, post-penitentiary adaptation, rights of convicts.

Нет необходимости доказывать значение беспрепятственной реализации законодательства. Только его применение в условиях отбывания наказания обеспечивает действительную защиту прав и законных интересов осужденных. Анализ уголовно-исполнительного законодательства позволяет причины, препятствующие применению норм уголовно-исполнительного законодательства, классифицировать следующим образом:

1. Отсутствие экономической и социальной поддержки относительно постпенитенциарной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, систематизированного законодательства в данной сфере, неопределенность статуса уполномоченного субъекта.

2. Правовая неурегулированность роли субъекта Российской Федерации в уголовно-исполнительных правоотношениях.

3. Значительное количество прав и законных интересов осужденных, реализация которых зависит от судебного и административного усмотрения.

4. Отсутствие механизма реализации уголовно-исполнительных норм, подзаконных нормативных правовых актов, мониторинга за их реализацией.

Рассмотрим их более подробно.

1. Постпенитенциарная адаптация. Вряд ли надо говорить, что в плане постпенитенциарной адаптации лица, освобожденные из мест лишения свободы, находятся в худшем, а иногда в безвыходном положении по сравнению с другими гражданами, имеющими по крайней мере регистрацию по месту пребывания или месту жительства, социально полезные связи и получающими пособие по безработице.

Изучение вопросов постпенитенциарной адаптации показывает, что они лучше решаются по месту регистрации лица до осуждения. Но ведь осужденный имеет право избрать иное место жительства после освобождения. Далее, за время отбывания наказания (а тем более длительного лишения свободы) бывшее его место жительства может исчезнуть или перейти к другим лицам. Как быть в таком случае? Представляется, что одной из первоочередных причин разбалансированности законодательства в данной сфере является непризнание постпенитенциарной адаптации предметом уго-

ловно-исполнительного права. В.А. Уткин [1, с. 46-47] и В.Е. Южанин [2, с. 180] в связи с этим отмечают, что постпенитенциарная сфера деятельности является предметом законодательства о социальном обеспечении, а в более широком смысле — предметом законодательства о социальной защите [1, с. 180].

С данным утверждением можно согласиться лишь частично. На наш взгляд, законодательная регламентация вопросов постпенитенциарной адаптации включает в себя и период подготовки осужденного к освобождению, что однозначно является предметом уголовно-исполнительного права. Здесь следует заметить, что уголовно-исполнительное законодательство содержит и нормы, которые определяют вопросы данной адаптации и после освобождения от дальнейшего отбывания наказания. Речь идет о ч. 3 ст. 180 УИК РФ и ст. 173.1 — «Установление административного надзора в отношении лица, освобожденного из мест лишения свободы».

Данные нормы противоречат устоявшейся в теории уголовно-исполнительного права точке зрения относительно прекращения уголовно-исполнительных правоотношений после освобождения осужденного от дальнейшего отбывания наказания.

Важность этапа подготовки осужденного к освобождению в деле постпенитенциарной адаптации, с одной стороны, в значительной степени декларативность соответствующих норм уголовно-исполнительного права и отсутствие специализированной постпенитенциарной службы (службы пробации), с другой стороны, обуславливают повышенное внимание к данному вопросу в рамках если не уголовно-исполнительного права, то уголовно-исполнительной политики.

Это вытекает и из документов, определяющих основные направления уголовно-исполнительной политики в ближайшие годы и на перспективу. Речь идет о Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года* и решении оперативного совещания Совета Безопасности Российской

* Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 окт. 2010 г. N 1772-р // Рос. газ. 2011. 8 марта.

Федерации «О мерах по предупреждению рецидивной преступности в Российской Федерации» от 28 января 2011 г., утвержденного Президентом Российской Федерации 7 февраля 2011 г. (N Пр-301).

В первом из них, в частности, предполагается осуществление профессионального обучения и профессиональной подготовки осужденных в целях создания высоких гарантий трудоустройства и возвращения в общество законопослушных граждан.

Во втором документе говорится об организации, в том числе с участием ФСИН России, проведения анализа эффективности работы по предупреждению совершения, в частности, лицами, отбывшими наказание, новых преступлений и разработки системы мер правового, организационного, социального, психолого-педагогического, медицинского и иного характера, направленных на улучшение профилактической работы в этой сфере.

2. Роль субъектов Российской Федерации. Достаточно много декларативных положений содержится в нормах, регламентирующих роль субъектов Российской Федерации в уголовно-исполнительных правоотношениях. При этом следует заметить, что в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации содержится много позиций, реализовать которые без регионов невозможно.

Здесь, на наш взгляд, имеет место резкое расхождение между ролью и местом, которые занимает субъект Российской Федерации фактически, и его правами. По действующему законодательству должностные лица органов государственной власти субъектов федерации имеют только право на посещение учреждений и органов, исполняющих наказания (главы правительств субъектов Российской Федерации, уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации, главы органов местного самоуправления — в пределах соответствующих территорий (п. «а» ч. 1 ст. 24 УИК РФ), депутаты, общественные наблюдательные комиссии и их члены — в пределах соответствующих территорий (п. «д» ч. 1 ст. 24 УИК РФ).

Решение указанных вопросов актуализируется прежде всего расширением практики назначения наказаний без изо-

ляции от общества. Известно, что успех многих из них (общественные работы, исправительные работы) зависит от активности в этом вопросе органов власти и управления субъектов федерации, конкретных предприятий и организаций. Последние сегодня не имеют должной заинтересованности в решении этих вопросов. Речь, в частности, идет о налоговых преференциях и перечислениях удержаний из заработной платы не в федеральный, а в региональный и муниципальный бюджеты. Решение данных вопросов, безусловно, повысит ответственность территориальных образований, конкретных предприятий (организаций) за создание необходимых условий для исполнения наказаний.

Изучение зарубежной практики исполнения наказаний (Германия, США и др.) позволяет иначе посмотреть на повышение роли субъекта федерации, его главы в исполнении наказаний. Одним из аспектов является наделение губернаторов правом помилования осужденных за преступления небольшой тяжести, осужденных к наказаниям без изоляции от общества. Последние в абсолютном своем большинстве являются жителями данного субъекта федерации, и кому как не его руководителю знать лицо, ходатайствующее о своем помиловании.

3. Судебное и административное усмотрение. В уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве существует целый ряд норм, согласно которым реализация прав и законных интересов осужденных зависит от усмотрения суда или администрации исправительного учреждения. Одним из примеров, подтверждающих данный тезис, является норма, закрепленная в ч. 3 ст. 121 УИК РФ, в соответствии с которой осужденные, отбывающие наказание в исправительных колониях общего режима в облегченных условиях, в целях успешной социальной адаптации по постановлению начальника исправительной колонии за шесть месяцев до окончания срока наказания могут быть освобождены из-под стражи. В этом случае осужденным разрешается проживать и работать под надзором администрации исправительного учреждения за пределами исправительной колонии. Осужденным женщинам может быть раз-

решено проживание за пределами исправительной колонии совместно с семьей или детьми на арендованной или собственной жилой площади.

Трудно переоценить значение данной нормы в деле подготовки осужденного к освобождению от наказания, его пост-пенитенциарной адаптации. Однако практика ее применения весьма ограничена: в 2013 году такое разрешение было предоставлено 32 осужденным. Одна из причин редкого применения данной нормы — боязнь начальников исправительных учреждений быть обвиненными в коррупции.

Аналогичная ситуация сложилась с реализацией нормы, содержащейся в ч. 2 ст. 97 УИК РФ. Согласно ей осужденным женщинам, имеющим несовершеннолетних детей-инвалидов вне исправительной колонии, может быть разрешен краткосрочный выезд за пределы исправительных учреждений на срок до пятнадцати суток, не считая времени, необходимого для проезда к месту их нахождения и обратно. Автору статьи не известны случаи применения данной нормы.

В тех случаях, когда допустимо и, более того, необходимо административное или судебное усмотрение, нужно на законодательном уровне четко определить процедуру решения вопроса. Уголовно-исполнительное законодательство имеет такие примеры. Так, перевод осужденных из одних условий отбывания наказаний в другие по основаниям, предусмотренным ст.ст. 120, 122, 124, 127, 130, 132 УИК РФ, производится по решению комиссии исправительного учреждения, в работе которой могут принимать участие представители органов местного самоуправления, общественных наблюдательных комиссий (аналогичным образом переводятся осужденные, находящиеся в тюрьме, с общего режима на строгий и со строгого на общий режим) — ч. 3 ст. 87 УИК РФ; перевод осужденных в воспитательных колониях из одних условий отбывания наказаний в другие производится ее начальником по представлению совета воспитательного отряда (ч. 9 ст. 132 УИК РФ).

4. Механизм реализации уголовно-исполнительных норм. Уголовно-исполнительный закон содержит нормы, в плане реализации которых, с одной стороны, не приняты какие-либо нормативные право-

вые акты, с другой стороны, их положения противоречат конституционным нормам.

В подтверждение можно привести норму, содержащуюся в ч. 2 ст. 97 УИК РФ. В соответствии с ней, как уже отмечалось выше, осужденным женщинам может быть разрешен выезд за пределы исправительных учреждений для свидания с несовершеннолетними детьми-инвалидами. Возникает вопрос: почему такого права лишены осужденные мужчины? Согласно ч. 3 ст. 19 Конституции Российской Федерации мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации.

Другой пример: осужденным мужчинам, являющимся инвалидами первой или второй группы, должны создаваться улучшенные жилищно-бытовые условия (ч. 6 ст. 99 УИК РФ). Автору статьи не известен ни один нормативный правовой акт, определяющий такие жилищно-бытовые условия. На практике они, в лучшем случае, заключаются в содержании таких осужденных в одном отряде и в отдельном помещении, и не более.

Еще один пример: в ч. 1 ст. 89 УИК РФ указано, что длительные свидания с проживанием вне исправительного учреждения продолжительностью пять суток предоставляются с разрешения начальника исправительного учреждения в случаях, предусмотренных УИК РФ.

Однако до настоящего времени такие случаи законом не определены. В целях устранения декларативности данной нормы следует реализовать ссылку, заложенную в ней, — определить указанные случаи и закрепить их законодательно. В настоящее же время начальник учреждения решает этот вопрос по своему усмотрению.

Приведенные и другие частные примеры наличия в УИК РФ норм, регламентирующих права и законные интересы осужденных в определенной степени в декларативной форме, конкретные предложения по совершенствованию тех или иных его норм позволяют сделать вывод о том, что требуется не его «латание», а создание совершенно нового кодекса. Нормы такого кодекса должны быть согласованными как между собой, так и с нормами других отраслей права. В последнем случае речь идет прежде всего об их согласованности с нормами уголовного и уголовно-процессуального законода-

тельства. Должное внимание в указанном плане должны получить соответствующие установления иных отраслей публичного права.

В нынешнем законодательстве множество примеров рассогласования норм. В их числе:

— внутреннее рассогласование норм УИК РФ:

— определение целей и задач уголовно-исполнительного законодательства (ст. 1 УИК РФ) и их отсутствие относительно исполнения наказания;

— определение случаев учета личности осужденного наряду с другими показателями, которые, по своей сути, характеризуют ее (ч. 3 ст. 9, ч. 1 ст. 117 УИК РФ);

— внешнее рассогласование норм УИК РФ:

— наличие принципов вины и справедливости в УК РФ и их отсутствие в УИК РФ; раскрытие содержания принципов уголовной ответственности в УК РФ и его отсутствие относительно принципов исполнения наказаний в УИК РФ (действующий УИК РФ устанавливает принципы уголовно-исполнительного законодательства);

— гарантированное право на получение гражданами квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 48 Конституции РФ) и получение «юридической помощи» осужденными (ч. 8 ст. 12 УИК РФ).

Следует отметить и другие значимые недостатки УИК РФ:

— отсутствие системного подхода к учету особенностей личности осужденного, самого определения ее понятия (учитывается при этом судимость после освобождения от отбывания наказания или нет) [3];

— перенос правового регулирования значимых с точки зрения прав и законных интересов осужденных с законодательного

на ведомственный нормативный уровень (проведение обысков, применение системы «социальных лифтов» и др.).

По мнению автора, основными идеями, которые должны воплотиться в новом уголовно-исполнительном кодексе, должны быть следующие:

1. Наказание в виде лишения свободы должно заключаться в самом факте изоляции от общества. В этом должна заключаться его карательная сущность, и не более. Во всем остальном правовое положение осужденного не должно отличаться от правового положения других граждан, за определенными исключениями, обусловленными фактом изоляции. «Заключение и другие меры, изолирующие правонарушителя от окружающего мира, причиняют ему страдания уже в силу того, что они отнимают у него право на самоопределение, поскольку они лишают его свободы. Поэтому за исключением случаев, когда агрегация представляется оправданной или когда этого требуют соображения дисциплины, тюремная система не должна усугублять страдания, вытекающие из этого положения», — говорится в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными [3, ст. 57].

2. На законодательном уровне должен быть определен исчерпывающий перечень запретов и ограничений для осужденных. Возможности администрации исправительного учреждения по ухудшению правового положения осужденного должны быть сведены к минимуму.

3. В уголовно-исполнительном законодательстве следует избегать использования слов, создающих основы для правоприменительного усмотрения или расширительного толкования полномочий администрации: «может», «при иных исключительных обстоятельствах», «иные лица» и др.

Список литературы:

1. Уткин В.А. Правовые основы ресоциализации освобожденных из мест лишения свободы // Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний. Рязань. 2005. С. 46-47.
2. Южанин В.Е. Проблемы правового регулирования преемственности работы по подготовке осужденных к освобождению и управлению их социальной адаптацией к условиям свободы // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание и исправление» (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации): сб. тез. выступлений участников (Рязань, 5-6 декабря 2013 г.). Рязань, 2013. 308 с.
3. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (приняты на Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г.) // Международная защита прав и свобод человека: сб. док. М.: Юрид. лит, 1990. С. 290-311.

References

1. Utkin V.A. *Pravovye osnovy resotsializatsii osvobozhdennykh iz mest lisheniya svobody* [Legal basis of resocialization released from prison]. *Aktual'nye problemy ispolneniya ugovnykh nakazaniy* [Actual problems of enforcement of criminal penalties]. Ryazan, 2005. Pp. 46-47.

2. Yuzhanin V.E. *Problemy pravovogo regulirovaniya preemstvennosti raboty po podgotovke osuzhdennykh k osvobozhdeniyu i upravleniyu ikh sotsial'noy adaptatsiei k usloviyam svobody* [Problems of legal regulation of succession for the preparation of convicts for release and management of their social adaptation to the conditions of detention of liberty]. *Mezhdunarodnyy penitentsiarnyy forum «Prestuplenie, nakazanie i ispravlenie» (k 20-letiyu prinyatiya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii)* [International forum "Crime, punishment and correction" (to the 20th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation)]. Ryazan, 2013. 308 p.

3. *Minimal'nye standartnye pravila obrashcheniya s zaklyuchennymi (prinyaty na Kongresse OON po preduprezhdeniyu prestupnosti i obrashcheniyu s pravonarushitelyami 30 avgusta 1955 g.)* [Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (adopted at the United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, 30 August 1955)]. *Mezhdunarodnaya zashchita prav i svobod cheloveka* [International Protection of Human Rights and Freedoms]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1990. Pp. 290-311.

ПОНОМАРЕВ Э.П., vso-0740@gvsu.rsnet.ru Военно-следственный отдел; Следственный комитет Российской Федерации по Рязанскому гарнизону Западного военного округа, 390000, г. Рязань, Первомайский пр., 22	PONOMARYOV E.P., vso-0740@gvsu.rsnet.ru Military investigation department; Russian Investigative Committee for the Ryazan garrison of the West military district, Pervomajskij Ave. 22, Ryazan, 390000, Russian Federation
--	---

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПРАВЛЕНИЯ УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ: ПОИСК КРИТЕРИЕВ

Реферат. Оценивается эффективность исправления условно осужденных военнослужащих в контексте задачи сохранения военных кадров. Обосновывается, что факт условного осуждения не является безусловным основанием для увольнения военнослужащего со службы. При этом нахождение в рядах Вооруженных Сил РФ условно осужденных командиров, которые должны требовать от своих несудимых подчиненных строгого соблюдения Конституции и законов России, а также выполнения требований воинских уставов, вряд ли допустимо. Оценка эффективности исправления условно осужденных военнослужащих осуществляется по количеству отмен условного осуждения с последующим реальным отбыванием соответствующего вида наказания; дополнению либо отмене обязанностей условно осужденного военнослужащего (независимо от того, было оно ранее установлено или нет); отмене условного осуждения в связи с хорошим поведением и исполнением обязанностей условно осужденным военнослужащим; продолжению службы условно осужденными «контрактниками». Предлагается ввести новый критерий оценки исправления условно осужденного военнослужащего — наличие (отсутствие) по службе дисциплинарных взысканий, предусмотренных уставами Вооруженных Сил РФ. Отсутствие взысканий или наличие поощрений может свидетельствовать о том, что военнослужащий добросовестно исполнял возложенные на него судом обязанности и приказы командования воинской части. Аргументируется, что для повышения эффективности исправления условно осужденных военнослужащих целесообразно установление дополнительных обязанностей, возлагаемых с согласия военнослужащих, которые неприменимы в отношении гражданских лиц: участие в проведении операций по уничтожению бандитских формирований, освобождению захваченных заложников, в проведении различных спасательных мероприятий, осуществлении противоэпидемиологических, противохимических и противорадиационных мер непосредственно в очагах поражения и других.

Ключевые слова: условное осуждение военнослужащих, возложение обязанностей на условно осужденного военнослужащего, критерии исправления условно осужденного военнослужащего.

EFFICIENCY OF PROBATIONER SERVICEMEN CORRECTION: SEARCH FOR THE CRITERIA

Abstract. The efficiency of probationer servicemen correction is estimated in the context of the task of saving military personnel. The fact of probation is proved not to be the absolute ground for dismissing a serviceman. Serving in the Russian Armed Forces of probationer commanders, who must require from their non-convicted subordinates to observe the Constitution and the laws, is considered inadmissible. The estimation of efficiency of probationer servicemen correction is exercised according to such criteria as: the number of probation reversals with the following real service of sentence; addition or reversal of probationer servicemen's obligations; reversal of probation due to probationer's good behavior and discharge of obligations; continuation of probationer contract employees' service. It is proposed to introduce new criterion for estimating correction of probationer servicemen — presence (absence) of authority punishments stipulated by service regulations of the Russian Armed Forces. The absence of punishments or the presence of encouragements can indicate that a serviceman has discharged the obligations imposed by court fairly and executed orders of military unit's command. The author proves the reasonability of establishing additional obligations charged by servicemen's approval (which cannot be executed toward civilians) to rise the efficiency of probationer servicemen correction. They are: participation in operations on destroying gangster squads; release of hostages; conducting rescue activities; taking epidemiological, anti-gas and radiative measures directly in the centre of destruction.

Keywords: probation of servicemen, imposing obligations on a probationer serviceman, criteria of probationer servicemen correction.

Очевидная низкая эффективность исправления условно осужденных гражданских лиц достаточно широко освещена в юридической литературе [1, с. 98]. К похожим выводам пришел и В.К. Дуюнов, утверждая, что каждый третий условно осужденный в течение испытательного срока совершает новое преступление; по его мнению, это порождается необоснованно широким применением данного института [2, с. 98].

Анализ данных статистической отчетности Главной военной прокуратуры по Западному и Южному военным округам свидетельствует о тенденции роста рецидива преступности среди условно осужденных военнослужащих. Рассчитанный удельный вес рецидивной преступности среди условно осужденных военнослужащих указанных округов в 2009 г. составил 1,73 % от общего числа осужденных, в 2010 г. — 5,31 %, в 2011 г. — 5,6 %, в 2012 г. — 5,96 %, в 2013 г. — 6,4 %, в 2014 г. (по состоянию на 1 октября) — 7,12 %*.

Такая ситуация требует принятия со стороны государства незамедлительных адекватных мер по нейтрализации негативных последствий рассматриваемого института. Правильное применение условного осуждения военнослужащих должно способствовать не увеличению рецидива, а окончательному исправлению условно осужденных вне рамок реального исполнения наказания.

При проведении настоящего исследования, целью которого являлось изучение эффективности исправления условно осужденных военнослужащих, были проанализированы приговоры гарнизонных военных судов, дислоцированных на территории Западного и Южного военных округов. Полученные данные сравнивались с результатами анкетирования, проведенного среди двух групп респондентов: военных прокуроров, сотрудников органов военного управления и судей гарнизонных военных судов (396 респондентов) и военнослужащих, в том числе условно осужденных (402 респондента).

Результаты обследования военных прокуроров, сотрудников органов военного управления и судей гарнизонных военных судов свидетельствуют о том, что 74,8 % из них знают случаи, когда необоснованное условное осуждение являлось причиной совершения повторного преступления этим же военнослужащим. Вторая же группа респондентов указала несколько иную, но не менее впечатляющую цифру: 64,5 % из них также знают случаи, когда необоснованное условное осуждение без учета личности осужденного являлось причиной совершения повторного преступления этим же военнослужащим.

Данные о мнениях обеих групп респондентов в части того, какой процент условно осужденных военнослужащих повторно совершают преступление, приведены в соответствующей таблице.

Таблица

Процент условно осужденных военнослужащих, повторно совершающих преступление (по мнению двух групп респондентов)

Проценты	Мнения 1-й группы респондентов (в % от общего числа мнений)	Мнения 2-й группы респондентов (в % от общего числа мнений)
0-10 %	25,7	27,4
10-30 %	51,4	39,5
30-50 %	22,9	33,1

* Обзор судебной работы гарнизонных военных судов по рассмотрению уголовных дел за 2013 год. М., 2014. С. 12-17; Сведения о состоянии правопорядка и военной дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации (за период с 1 января по 7 сентября 2014 г.). М., 2014. С. 7-9.

Очевидно, что более половины респондентов считают период испытательного срока временем, когда от 10 до 50 % условно осужденных военнослужащих совершают повторное преступление, что значительно выше полученного нами удельного веса рецидива преступлений условно осужденных военнослужащих.

В то же время не приходится говорить о высокой эффективности исправления условно осужденных гражданских лиц (в отношении военнослужащих также не приходится ввиду того, что нормы уголовного законодательства в части условного осуждения вообще не учитывают специфику условия прохождения военной службы).

Респонденты первой группы указали в анкетах, что поощрения могут являться основанием, в частности, для досрочной отмены условного осуждения (32,9 %) и снятия дополнительных обязанностей (67,1 %). Вторая группа респондентов высказалась по вышеуказанному поводу в целом аналогичным образом: 42,1 % — для досрочной отмены условного осуждения, 57,9 % — для снятия дополнительных обязанностей.

Приведенные выше аргументы, по нашему мнению, свидетельствуют как о формальном отбывании условного осуждения военнослужащими, так и об аналогичном отношении к своим «обязанностям» со стороны командования воинских частей, которые считают уголовные исполнительные функции второстепенным делом.

Как и в отношении уголовного наказания, исходя из смысла ч. 1 ст. 73 УК РФ, основной целью условного осуждения (хотя термин «цель» в данном случае законодателем не применяется) является исправление осужденных, в том числе военнослужащих. Однако не представляется возможным четко определить критерии оценки достижения этой цели [3, с. 45-48].

Анализируя положения ст. 74 УК РФ, можно попытаться выделить от противного несколько критериев оценки недостижения исправления условно осужденным военнослужащим:

1) уклонение осужденного от исполнения возложенных на него судом обязанностей, а также от возмещения вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, или совершение нарушения общественного порядка, за которое он был привлечен к административной ответственности (ч. 2);

2) систематическое уклонение осужденного от возмещения вреда, причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, в течение продленного испытательного срока (ч. 2.1);

3) если условно осужденный в течение испытательного срока систематически нарушал общественный порядок, за что привлекался к административной ответственности, систематически не исполнял возложенные на него судом обязанности либо скрылся от контроля (ч. 3);

4) совершение нарушения общественного порядка, за которое на военнослужащего наложено административное наказание (ч. 2);

5) совершение преступления по неосторожности (ч. 4);

6) совершение умышленного преступления небольшой тяжести (ч. 4).

В качестве одного из критериев нами были избраны данные о дисциплинарной практике 254 условно осужденных военнослужащих в двух военных округах на основе исследования служебных картотек. Около одной четвертой части условно осужденных военнослужащих (23,6 %) вообще не имели никаких поощрений. Более половины условно осужденных военнослужащих (51,2 %) имеют различные дисциплинарные взыскания. Практически 2/3 обследованных лиц (61,4 %) имеют более трех дисциплинарных взысканий. Более того, почти 10 % (21 военнослужащий) обследованных лиц привлекались к административной ответственности. Командование воинской части лишь в отношении 14 военнослужащих обратилось в суд о продлении испытательного срока.

Исходя из полученных данных, прослеживается тенденция отсутствия каких-либо мер, применяемых к условно осужденным военнослужащим (или же они не попали в число исследованных нами в двух военных округах (Западном и Южном), но их число, очевидно, незначительно) в связи с их поведением. В этом случае, по нашему мнению, можно говорить об отсутствии исправительного воздействия на условно осужденных военнослужащих, о том, что командование воинских частей пускает процесс исполнения условного осуждения «на самотек». В этом случае процесс условного осуждения не побуждает условно осужденного военнослужащего к исправлению.

Согласно Дисциплинарному уставу Вооруженных Сил Российской Федерации*,

* Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 10 нояб. 2007 г. N 1495; ред. от 1 июля 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. N 47 (ч. 1). Ст. 5749; 2014. N 27. Ст. 3754.

Правилам отбывания уголовных наказаний осужденными военными служащими* определены и конкретизированы виды дисциплинарных взысканий, закреплён четкий порядок их наложения и исполнения, установлены правовые гарантии соблюдения законности при привлечении осужденных к дисциплинарной ответственности. Только неукоснительное соблюдение вышеуказанных требований и немедленное пресечение любых отклонений от них, соблюдение таких принципов дисциплинарной практики, как последовательность наложения взысканий, их соразмерность со степенью тяжести совершенного проступка, индивидуальный подход к различным категориям военных служащих, активность командиров всех степеней и т.д., делают дисциплинарную ответственность эффективным средством в исправительном процессе. Другое необходимое условие ее действенности — умелое сочетание с основными средствами исправления.

Наше исследование подтверждает тезис о том, что наложение на условно осужденного военного служащего дисциплинарного взыскания должно быть более эффективным средством. Так, первая и вторая группы респондентов на вопрос: «По Вашему мнению, наложение на условно осужденного военного служащего дисциплинарного взыскания может являться основанием для... (даны варианты ответов)?» — ответили следующим образом: продления испытательного срока (соответственно 47,8 % и 14,7 %), увольнения со службы (2,9 % и 6,3 %), и более всего — отмены условного осуждения с реальным отбыванием наказания (49,3 % и 79 %).

Необходимо подчеркнуть то положение, что, проявив один раз гуманность к виновному лицу и предоставив суду возможность назначить ему вместо реального отбывания наказания условное, законодатель и в дальнейшем не спешит при малейшем отклонении в поведении условно осужденного от законодательных предписаний кардинальным образом менять его правовой статус. Меньшая сте-

пень «нежелания» условно осужденного следовать установленным для него в законе правилам ведет к применению менее строгих санкций в отношении такого лица. Уклонение от исполнения возложенных судом обязанностей, от возмещения вреда (полностью или частично), причиненного преступлением в размере, определенном решением суда, или совершение нарушения общественного порядка, за которое налагалось административное наказание, может повлечь продление испытательного срока условно осужденному (ч. 2 ст. 74 УК РФ). При всей ясности и лаконичности законодательной формулировки, не оставляющей, казалось бы, сомнений для ее единообразного применения, они все-таки возникают.

Во-первых, налицо противоречие между предписанием ч. 2 ст. 74 УК РФ и ч. 1 ст. 190 УИК РФ. Если перечисленные выше обстоятельства согласно УК РФ являются основаниями для продления испытательного срока, то в соответствии с УИК РФ они служат основанием для вынесения командованием воинской части предупреждения в письменной форме о возможности отмены условного осуждения.

Во-вторых, необходимо уточнить, что представляет собой уклонение от исполнения возложенных судом обязанностей (ч. 2 ст. 74 УК РФ). Если сравнивать его с систематическим нарушением общественного порядка (воинского правопорядка), за что лицо привлекалось к административной ответственности (дисциплинарной ответственности) (ч. 3 ст. 74 УК РФ), то разграничение можно проводить по качественной или количественной стороне.

Как отмечает В.В. Пронников, в 62 % случаев наряду с систематическим либо злым неисполнением возложенных обязанностей, взрослые осужденные допустили нарушения общественного порядка или трудовой дисциплины (57 % — несовершеннолетние). Так, по два или более правонарушений совершили 39,1 % условно осужденных совершеннолетних, направленных судом для реального отбывания наказания в связи с отменой условного осуждения по рассматриваемому основанию (36,3 % — несовершеннолетние) [4, с. 151].

Нельзя согласиться и с предложением об установлении в качестве единственного основания продления испытательного сро-

* О Правилах отбывания уголовных наказаний осужденными военными служащими: приказ министра обороны РФ от 29 июля 1997 г. N 302: ред. от 4 сент. 2006 г. // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1998. N 1; 2006. N 39.

ка неисполнения обязанностей, возложенных судом [5, с. 10], а также уклонения от возмещения вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, в размере, определенном судом, потому что и в этом случае мы столкнемся с теми же трудностями разграничения, на которые указывалось выше.

Следующим основанием продления испытательного срока является совершение условно осужденным нарушения общественного порядка, за которое на него налагалось административное наказание. Эта норма была перенесена в УК РФ из ранее действовавшего законодательства, когда посягательства на общественный порядок выделялись в отдельную главу КоАП РСФСР. В КоАП РФ они объединены в одну главу с посягательствами против общественной безопасности, отсутствовавшими в КоАП РСФСР. Почему же тогда нельзя предусмотреть в качестве основания продления испытательного срока совершение условно осужденным, помимо нарушений общественного порядка, также и нарушений общественной безопасности, за которые на него налагались административные наказания [6, с. 110-112]? Представляется, что такое законодательное решение будет вполне обоснованным и соответствующим реалиям современного общества, поскольку общественная безопасность является не менее значимым объектом правовой охраны, чем общественный порядок (воинский правопорядок).

Полученные нами в ходе исследования данные свидетельствуют, что на вопрос: «Возможно ли при наложении на условно осужденного военнослужащего административного наказания?...» (далее — варианты ответов) — обе группы респондентов ответили следующим образом: продлить испытательный срок (0 % и 6,3 %), возложить дополнительные обязанности (32,9 % и 36,3 %), отменить условное осуждение с реальным отбыванием наказания (42,8 % и 42,7 %), уволить со службы (4,3 % и 14,7 %).

Следует также обратить внимание на то, что при установлении нами обозначенных в ст. 74 УК РФ критериев недостижения исправления военнослужащим суд не обязан отменять условное осуждение или продлевать его срок. В этом случае военнослужащий, получающий админис-

тративные наказания, совершающий преступления по неосторожности или умышленные преступления небольшой тяжести, по-прежнему может оставаться условно осужденным, проходить военную службу, получать доступ к оружию, вооружению, боевой технике, иметь в подчинении несудимых военнослужащих.

Иногда, в полном соответствии с действующими уголовно-правовыми нормами, в случае повторного совершения преступления ранее условно осужденным военнослужащим ему вновь назначается условное наказание. Кроме того, даже во время реального исполнения наказания военнослужащему, вновь совершившему преступление, может быть назначено условное наказание.

Представляется, что данная ситуация нелогична и не отвечает целям уголовного законодательства. «Самым эффективным способом стимулирования осужденного к добросовестному исполнению наказания выступает институт замены наказания на более строгое» [7, с. 63].

В части 4 ст. 74 УК РФ определено, что в случае совершения условно осужденным в течение испытательного срока преступления по неосторожности либо умышленного преступления небольшой или средней тяжести вопрос об отмене или сохранении условного осуждения решается судом.

Сложилась парадоксальная, противоречащая логике ситуация: при систематическом уклонении от возмещения вреда, исполнения возложенных на него судом обязанностей, систематическом нарушении общественного порядка, за что он привлекался к административной ответственности в течение испытательного срока, и совершении любого по тяжести неосторожного или умышленного преступления небольшой тяжести возможен только один вариант правовых последствий — повторное условное осуждение. Иными словами, преступление и проступок уравниваются законом, т.е. их различная степень общественной опасности оценивается одинаково.

Представляется обоснованным уголовное законодательство тех стран, в которых совершение условно осужденным любого нового преступления с осуждением виновного лица влечет за собой обязательную отмену условного осуждения (ст. 75 УК Украины, ст. 55 УК Латвийской

Республики, ст. 72 УК Республики Узбекистан, ст. 132-37 УК Франции, ст. 77 УК Китайской Народной Республики и т.д.). Наглядно обоснованность данной позиции по рассматриваемой проблеме показана в УК ФРГ: суд отменяет условное осуждение при совершении лицом любого преступления, так как это показывает, что ожидание, положенное в основу такого осуждения, себя не оправдало (ч. 1 § 56f).

Кроме того, некоторые государства достаточно категорично регламентируют последствия неисполнения обязанностей, в обязательном порядке отменяя условное осуждение. Так, в ст. 3565 Свода законов США предусмотрена обязательная отмена условного осуждения в тех случаях, когда осужденный владеет веществами, находящимися под контролем, или огнестрельным оружием, а также за отказ пройти тест на наркотики. Принципиальную позицию по рассматриваемому вопросу отражает ч. 2 ст. 75 Украины, в которой отказ от выполнения обязанностей, возложенных на условно осужденного, не допускается. В части 2 § 55 УК Республики Польша предъявляется категорическое требование к условно осужденному — не совершать нарушения общественного порядка и выполнять возложенные на него обязанности.

В статье 45 УК РСФСР 1960 г. предусматривалась также отмена условного осуждения за совершение условно осужденным в течение испытательного срока любого нового преступления. По мнению многих юристов, такое предписание закона является наиболее целесообразным [2, с. 102].

Полученные нами данные показывают, что соответственно 15,7 % и 51,6 % респондентов из первой и второй групп уверены в том, что условное осуждение при совершении военнослужащим преступления по неосторожности должно быть отменено, и 27,1 % и 58,9 % — при совершении умышленного преступления даже небольшой тяжести. Более того, 82,8 % и 85,8 % респондентов из обеих групп уверены в том, что условно осужденный военнослужащий вообще должен увольняться с военной службы, 90 % и 92,6 % респондентов соответственно выступают за запрет приема на военную службу условно осужденных лиц. Однако некоторый консерватизм и безальтернативность «воинского» мышления наглядно проявляются в том, что 98,6 % респондентов из первой

группы и 95,8 % из второй уверены в необходимости сохранения института условного осуждения в отношении военнослужащих, что несколько противоречит их же вышеобозначенному мнению.

В соответствии с требованиями ст.ст. 73 и 74 УК РФ суд решает вопрос об отмене или продлении условного осуждения по представлению командования воинской части, контролирующего поведение условно осужденного военнослужащего. В случае недостижения исправления военнослужащим у суда имеются следующие возможности: дополнить ранее установленные для условно осужденного обязанности (ч. 7 ст. 73 УК РФ); продлить испытательный срок (ч. 2 ст. 74 УК РФ); отменить условное осуждение (чч. 1-5 ст. 74 УК РФ).

Однако командование воинской части согласно п. 107 Правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими в случае систематического неисполнения условно осужденным в течение испытательного срока возложенных на него обязанностей направляет в суд представление об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда. Согласно данному ведомственному акту получается, что в случае обычного уклонения от исполнения возложенных на военнослужащего судом обязанностей командир части не вправе направить в суд соответствующее представление, он также не вправе ставить перед судом ни вопрос о дополнении ранее установленных для условно осужденного обязанностей, ни вопрос о продлении испытательного срока, что не соответствует положениям Уголовного кодекса РФ.

Согласно ч. 3 ст. 74 УК РФ в случае систематического нарушения общественного порядка осужденным, за что он привлекался к административной ответственности, а также систематического неисполнения условно осужденным в течение испытательного срока возложенных на него обязанностей или уклонения от контроля суд по представлению командования воинской части может постановить об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда. В рассматриваемом предписании закона мы снова встречаемся с формулой «может». Если действительно имеет место систематическое, и притом серьезное, значительное неисполнение осужденным возложенных на

него судом обязанностей, их игнорирование, то суд, по нашему мнению, обязан отменить условное осуждение; оно оказалось неэффективным. Допустим, суд обязал условно осужденного пройти курс лечения от венерической болезни, а осужденный не делает этого, например, в течение полугода. В данном случае отмена условного осуждения, с нашей точки зрения, обязательна.

Кроме того, недостатком ч. 7 ст. 73 УК РФ является отсутствие возможности вменения условно осужденному военнослужащему обязанностей независимо от того, были они ранее установлены или нет, что потребует внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство.

При исправлении военнослужащего суд вправе: отменить полностью установленные для осужденного обязанности (ч. 7 ст. 73 УК РФ); отменить частично установленные для осужденного обязанности (ч. 7 ст. 73 УК РФ); отменить условное осуждение и снять с осужденного судимость (ч. 1 ст. 74 УК РФ). При этом условное осуждение может быть отменено по истечении не менее половины установленного испытательного срока.

В то же время согласно Правилам отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими командование воинской части может направить в суд ходатайство о сокращении испытательного срока или отмене условного осуждения; при этом первое из двух указанных ходатайств не предусмотрено в уголовном законе и, соответственно, не может быть удовлетворено военным судом. Кроме того, по смыслу приказа командир части не может ходатайствовать о полной или частичной отмене установленных для осужденного обязанностей, а также о снятии с него судимости.

Таким образом, очевидно, что ряд положений ведомственного нормативного акта (Правила отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими) при отмене условного осуждения военнослужащих в зависимости от их поведения не соответствуют требованиям уголовного закона. С другой стороны, действующее уголовное законодательство не учитывает специфику прохождения военной службы условно осужденными лицами.

Критериев, подтверждающих исправление условно осужденного военнослужащего и оценку поведения военнослужа-

щего, в уголовном праве не содержится.

В то же время представляется возможным ввести следующий показатель исправления условно осужденного военнослужащего — наличие (отсутствие) по службе дисциплинарных взысканий, предусмотренных общевоинскими уставами ВС РФ. В этом случае отсутствие дисциплинарных взысканий может свидетельствовать о том, что военнослужащий добросовестно исполнял возложенные на него судом обязанности и приказы командования воинской части.

Очевидно, что факт совершения преступления не только является грубейшим нарушением условий прохождения службы, но и свидетельствует о том, что условно осужденный военнослужащий не оправдал оказанного ему доверия. В этом случае считаем, что условное осуждение должно обязательно отменяться с назначением нового наказания по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ.

Возможное применение поощрений к условно осужденным военнослужащим может соответствующим образом оцениваться при решении вопроса об исправлении условно осужденного военнослужащего.

Немаловажным представляется вопрос о возможности применения условного осуждения к лицам, ранее совершившим преступления. Так, согласно ст. 72 УК Республики Узбекистан условное осуждение не применяется к лицам, ранее осуждавшимся за умышленные преступления к наказанию в виде лишения свободы. УК Республики Беларусь ограничивает возможность применения осуждения с отсрочкой исполнения приговора (ст. 77) к лицам, уже имеющим судимость, связанную с лишением свободы, либо осуждаемым впервые на срок свыше 5 лет. Схожие правила содержатся и в норме об осуждении с условным неприменением наказания (ст. 78 УК Республики Беларусь). В ст. 132-31 УК Франции оригинальным способом предусмотрено, что простая отсрочка исполнения наказания может быть предоставлена физическому лицу только в случае, если обвиняемый не был осужден в течение пяти лет, предшествующих рассматриваемым деяниям, за общеуголовные преступления или проступок к наказанию в виде уголовного заключения. В соответствии со ст. 66 УК Польши условное прекращение уголовного преследования может осуществляться

судом, если, помимо прочего, личность виновного, ранее не подвергавшегося наказанию за умышленное преступление, его личные особенности и условия жизни, а также прежний образ жизни позволяют допустить, что, несмотря на прекращение уголовного преследования, он будет соблюдать правопорядок, в особенности не совершит преступление. В УК ФРГ имеется глава 5 «Предостережение под условием наказания. Отказ от наказания», в которой описываются условия применения предостережения под условием наказания; оно исключается, как правило, если в течение последних трех лет перед совершением деяния виновный получал подобное предостережение или приговаривался к наказанию (§ 59).

Таким образом, в ряде государств целенаправленно предусматриваются серьезные ограничения к применению условного осуждения (или схожих с ним институтов уголовного права). Думается, что данный институт не может быть применен в случаях, когда лицо имеет непогашенную судимость.

Применительно к Вооруженным Силам очевидно, что если военнослужащий уже является осужденным (к условному наказанию, в виде содержания в дисциплинарной воинской части и т.д.), то к нему не может применяться вновь условное осуждение. Если судимость уже погашена или же виновный характеризуется по службе отрицательно (например, имеет взыскания, особенно непогашенные и неснятые), то в этом случае военный суд должен не только мотивировать свое решение о назначении условного осуждения, но и возложить существенные обязанности на военнослужащего, совершившего преступление.

В настоящее время рассматриваемый перечень обязанностей условно осужденных лиц не носит исчерпывающего характера, так как суды правомочны возлагать на осужденного и иные обязанности, выполнение которых способствует его исправлению. А.К. Музеник считает, что перечень возлагаемых на условно осужденных обязанностей должен слагаться из двух частей: 1) обязанности, возлагаемые на всех осужденных; 2) факультативные обязанности [8, с. 66].

Исходя из этой точки зрения, в отношении военнослужащих возможно установление определенных обязанностей, которые неприменимы в отношении гражданских лиц.

Данное предложение также обусловлено мнением Европейского Суда по правам человека, который считает, что специальные наказания и взыскания, применяемые к военнослужащим «...по самой своей природе предполагают наложение на некоторые права и свободы членов таких вооруженных сил определенных ограничений, которые невозможно применить к гражданским лицам» [9, с. 8-12].

Мы согласны с тезисом С.Ф. Милюкова о необходимости более эффективного привлечения осужденных (здесь речь идет вообще об осужденных военнослужащих) в деятельности Вооруженных Сил. Так, им предлагается концепция создания военно-исправительных частей, создаваемых на добровольной основе из числа осужденных для проведения, в частности, как войсковых, так и милицейских мероприятий по уничтожению бандитских формирований, освобождению захваченных заложников [10, с. 12-13]. Конечно же, воссоздаваемые специализированные части не должны быть простым повторением пройденного (штрафные части). Они способны трансформировать все возрастающую энергию преступников и направить ее на благо общества. Речь идет об участии «штрафников» с их согласия в проведении спасательных мероприятий, тушении пожаров на нефтепромыслах и других взрывоопасных объектах, осуществлении противоэпидемиологических, противохимических и противорадиационных мер непосредственно в очагах поражения [10, с. 19-20].

В связи с этим повышение эффективности условного осуждения видится в получении согласия условно осужденного военнослужащего (о чем уже говорилось ранее) для возложения на него соответствующих обязанностей по выполнению подобных заданий командования. При отсутствии согласия осужденного военнослужащего ему следует назначать наказание, предусмотренное соответствующей санкцией статьи Особенной части УК РФ.

Кроме того, при получении согласия осужденного при возложении на него соответствующих обязанностей в течение срока условного осуждения ему в суде под роспись должны подробно описываться условия применения условного осуждения.

Данные обязанности возможно индивидуализировать в зависимости от рода войск условно осужденного военнослужа-

щего: Министерство обороны, МЧС, погранвойска ФСБ, внутренние войска МВД России и т.д.

Список литературы

1. Авдеев В.А. Ретроспективный анализ формирования условного осуждения в отечественном праве // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2010. N 1 (18). С. 55-65.
2. Дуюнов В.К. Освобождение от уголовной ответственности и уголовного наказания. Тольятти, 2001. 390 с.
3. Кашуба Ю.А., Скиба А.П. Проблемы определения целей уголовно-исполнительного законодательства // Человек: преступление и наказание. 2005. N 3. С. 45-48.
4. Пронников В.В. Условное осуждение и его правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 170 с.
5. Сукманов О.В. Индивидуальное предупреждение преступного поведения условно осужденных лиц: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003.
6. Лобов Я.В., Мананников Д.Ю. Испытательный срок при условном осуждении военнослужащих: проблемные вопросы исчисления и продления // Право в Вооруженных Силах. 2008. N 2. С. 110-112.
7. Титаренко А.П. Влияние правил замены наказания при злостном уклонении осужденного от его отбывания на уголовно-исполнительные отношения // Алтайский юридический вестник. 2013. N 3 (3). С. 62-65.
8. Музеник А.К. О возможных путях совершенствования института условного осуждения с применением ст. 44 УК РСФСР // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1994.
9. Анализ соответствующей прецедентной практики Европейского Суда по правам человека // Информационный бюллетень военных судов. 2004. N 4 (192). С. 8-12.
10. Милуков С.Ф. Творческое наследие В.И. Горобцова и дальнейшее развитие системы наказаний // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. памяти доктора юридических наук, профессора В.И. Горобцова (10-11 февраля 2005 г.). Красноярск, 2005. Ч. 1. С. 11-14.

References

1. Avdeev V.A. *Retrospektivnyy analiz formirovaniya uslovnogo osuzhdeniya v otechestvennom prave* [A retrospective analysis of the formation of probation in domestic law]. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* – Herald of the Far Eastern Law Institute of the Russian Interior Ministry, 2010, no. 1 (18), pp. 55-65.
2. Dyunov V.K. *Osvobozhdenie ot ugovnoy otvetstvennosti i ugovnogo nakazaniya* [Exemption from criminal liability and criminal penalties]. Togliatti, 2001. 390 p.
3. Kashuba Yu.A., Skiba A.P. *Problemy opredeleniya tseley ugovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva* [The problem of determining the goals of the penitentiary legislation]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* – Man: crime and punishment, 2005, no. 3, pp. 45-48.
4. Pronnikov V.V. *Uslovnnoe osuzhdenie i ego pravovoe issledovanie. Kand. Diss.* [Probation and legal research. Cand. Diss.]. Omsk, 2002. 170 p.
5. Sukmanov O.V. *Individual'noe preduprezhdenie prestupnogo povedeniya uslovno osuzhdennykh lits. Kand. Diss.* [Individual prevention of criminal behavior conditionally convicted persons. Cand. Diss.]. Irkutsk, 2003.
6. Lobov Ya.V., Manannikov D.Yu. *Ispytatel'nyy srok pri uslovnom osuzhdenii voennosluzhashchikh: problemnye voprosy ischisleniya i prodleniya* [The probationary period under probation soldiers: the problematic issues in the calculation and extension]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh* – Right in the Armed Forces, 2008, no. 2, pp. 110-112.
7. Titarenko A.P. *Vliyaniye pravil zameny nakazaniya pri zlostnom uklonenii osuzhdennoy ot ego otbyvaniya na ugovno-ispolnitel'nye otnosheniya* [The effect of replacement rules for a convict's malicious avoidance from jail sentence on criminal-executive relations]. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik* – Altai Law Herald, 2013, no. 3 (3), pp. 62-65.
8. Muzenik A.K. *O vozmozhnykh putyakh sovershenstvovaniya instituta uslovnogo osuzhdeniya s primeneniem st. 44 UK RSFSR* [On the possible ways to improve the institution of probation with the use of art. 44 of the Criminal Code of the RSFSR]. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupnost'yu* [Actual problems of combating crime]. Tomsk, 1994.
9. *Analiz sootvetstvuyushchey pretsedentnoy praktiki Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka* [Analysis of relevant case law of the European Court of Human Rights]. *Informatsionnyy byulleten' voennykh sudov* – Newsletter warships, 2004, no. 4 (192), pp. 8-12.
10. Milyukov S.F. *Tvorcheskoe nasledie V.I. Gorobtsova i dal'neyshee razvitie sistemy nakazaniy* [The artistic heritage of V.I. Gorobtsov and further development of the penal system]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu v Sibirskom regione* [Actual problems of crime control in the Siberian region]. Krasnoyarsk, 2005. Part 1. Pp. 11-14.

Раздел 6. Правоохранительная политика

ГАЙДИДЕЙ Ю.М., кандидат юридических наук, gaididei2013@yandex.ru Кафедра специально-правовых дисциплин; Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) в г. Пятигорске; Северо-Кавказский федеральный университет, 357500, г. Пятигорск, Красноармейская, 20	GAYDIDEY Yu.M., Candidate of Legal Sciences, gaididei2013@yandex.ru Chair of special legal disciplines; Institute of Service, Tourism and Design (branch); North-Caucasus Federal University, Krasnoarmeyskaya St. 20, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation
---	--

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА РОССИИ: ОШИБКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Реферат. Подчеркивается высокая актуальность проблем современной судебной системы и судебной политики в России. Отмечается острая необходимость дальнейшего последовательного и более детального исследования судебной системы нашего государства. Проведен детальный анализ содержания судебной системы, дана подробная характеристика ее структурных элементов. Дается общая характеристика факторов, обуславливающих строение национальной судебной системы, отмечается основная особенность российской судебной системы — централизованность (самостоятельная судебная власть в регионах отсутствует, уставная юстиция — исключение). Понимание судебной системы как иерархично выстроенной совокупности судов слишком упрощенно и не соответствует современным задачам правосудия. Предлагаются пути оптимизации как системы судов, так и судебной системы Российской Федерации. Отрицательно оцениваются промежуточные результаты реформирования в виде фактического упразднения Высшего Арбитражного Суда РФ. Внутриорганизационные преобразования подменили эволюционное развитие судебной системы и необходимость совершенствования самого правосудия. Автор разделяет позицию, согласно которой разработка соответствующего законопроекта не сопровождалась публичными исследованиями, изучением статистических данных, обобщениями, доказывающими эффективность создания единого высшего суда. Проигнорированы угрозы и вызовы правопорядку, созданные таким решением. Решение об объединении высших судов фактически создало новую систему судов, при этом надлежащая правовая основа для этого еще не разработана. Делается вывод о том, что высший законодательный орган в очередной раз предпринял полумеру. Приводятся позиции исследователей, предостерегающих от негативных последствий такого решения. Резюмируется, что закон не отвечает современным потребностям российской судебной системы (внутриструктурные изменения не должны подменять ее эволюционное развитие).

Ключевые слова: судебная система Российской Федерации, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, судебная политика, ошибки реформирования.

JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: REFORMING ERRORS

Abstract. The urgency of considering problems of modern Russian judicial system and judicial policy is emphasized. The author proves the necessity to study the judicial system of our country in detail. The content of judicial system is analyzed and its structural elements are described. Factors determining the structure of national judicial system are characterized. The main feature of the Russian judicial system is noted, notably: centralization (there is no independent judicial authority in regions except constitutional justice). Considering the judicial system as hierarchically structured set of courts is too simplified and is not conformable to modern justice tasks. The ways of optimizing the system of courts as well as the judicial system of the Russian Federation are proposed. Interim results of the reform in the form of abolishment of the RF Supreme Arbitration Court are negatively evaluated. Intraorganizational transformations have substituted the evolutionary development of the judicial system and the necessity to improve the justice itself. The author confirms that development of relevant draft bill was not accompanied by conducting public researches, studying statistical data, and making general conclusions, proving the efficiency of establishing an integrated supreme court. Threats and challenges to law order are ignored. Supreme courts integration has virtually established a new judicial system, though the proper legal base for it has not been developed. The viewpoints of researchers, warning against negative effects of such reform, are provided. It is concluded that the law under study does not meet present demands of the Russian judicial system.

Keywords: judicial system of the Russian Federation, the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, judicial policy, reformation errors.

Форма государственного устройства предопределяет иерархию судебных органов этого государства. Роль суда в федерации отличается гораздо большей сложностью и особым национальным своеобразием, т.к. сравнительно однородная социально-правовая среда, в которой приходится действовать судам в унитарном государстве, в федерации выглядит совершенно иначе. В связи с этим характер судопроизводства в федерации в значительной степени предопределен не только местом и ролью суда в государственном управлении вообще, но и балансом государственной власти в конкретной федерации.

Для федеративных государств наиболее распространенными считаются централизованная (германская) и децентрализованная (американская) модели. Германская модель судостроительства характеризуется жесткой централизацией, выражающейся во включении судов субъектов федерации в единую судебную систему, в том числе и в процессуальном отношении. Децентрализованная модель предполагает формирование в государстве двухуровневой судебной системы: обособленных друг от друга судов субъектов и федеральных судов [1, с. 477].

Поскольку Россия является федерацией, то в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» предусмотрена двухуровневая структура органов судебной власти: федеральные суды и суды субъектов федерации*. К первым были отнесены Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды, составляющие систему федеральных судов общей юрисдикции, федеральные арбитражные суды округов (арбитражные кассационные суды), арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды

субъектов Российской Федерации. К судам субъектов Российской Федерации отнесены: конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, мировые судьи.

В этом и проявляется принцип судебного федерализма, под которым понимается такая организация «...системы судебных органов государства, которая основывается на правовых положениях, обеспечивающих механизм согласованного взаимодействия всех судов — элементов общегосударственной судебной системы, а также необходимую, то есть адекватную конституционно-правовому статусу субъекта федеративного государства степень самостоятельности “местного” суда» [2, с. 25].

Однако говорить о том, что обозначенный принцип полноценно работает в российской правовой действительности, пока, на наш взгляд, преждевременно. Это связано с тем, что полноценная самостоятельная судебная власть в регионах не сформирована.

Таким образом, российская судебная система в настоящий момент может быть охарактеризована как централизованная, с практически полным отсутствием элементов децентрализации. Исключение составляет только факт существования конституционных (уставных) судов в ряде субъектов Российской Федерации. «Конституционные (уставные) суды субъектов федерации имеют двойственную природу: во-первых, они являются судами субъекта федерации в единой судебной системе Российской Федерации, элементы которой устанавливаются федеральным конституционным законом; во-вторых, входят в систему органов государственной власти субъекта Российской Федерации, которая устанавливается субъектами федерации самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя и общими принципами, установленными федеральным законом» [3, с. 12].

С обсуждаемой проблематикой тесно связан не менее актуальный вопрос о создании единой судебной системы.

Трудно не согласиться с тем, что некоторые нормы АПК РФ и ГПК РФ дублируют друг друга или противоречат друг

* О судебной системе Российской Федерации: федер. конст. закон от 31 дек. 1996 г. N 1-ФКЗ // Рос. газ. 1997. 6 янв.

другу. Кроме того, имеются нерешенные проблемы определения подведомственности дел судам общей или арбитражной юрисдикции. Есть и другие трудности.

Вместе с тем, на наш взгляд, имеющиеся сложности свидетельствуют о несовершенстве юридической техники, а вовсе не говорят о неэффективности деятельности Высшего Арбитражного Суда РФ и отсутствии «единой судебной системы России».

Так, именно процесс совершенствования деятельности действующих судов должен был, по нашему мнению, стать очередным этапом судебной реформы. В целом именно по этому пути эволюционного развития и двигалась система арбитражных судов. Одной из форм взаимодействия с судами общей юрисдикции для устранения имеющихся и исключения появления новых противоречий были совместные заседания Пленумов Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Считаем, что такая работа приносила свои положительные плоды, в том числе и в вопросах формирования единообразной судебной практики.

Однако законодателем был избран иной путь преобразований, который фактически сводится к упразднению Высшего Арбитражного Суда РФ. Это следует из положений Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. N 2-ФКЗ*. В соответствии с данным законом «Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам, образованным в соответствии с федеральным конституционным законом, осуществляет в

* Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февр. 2014 г. N 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Рос. газ. 2014. 7 февр.

предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью этих судов и дает разъяснения по вопросам судебной практики». Следовательно, в России создается новая система судов. При этом для реализации такого плана необходима соответствующая правовая основа, которая до настоящего времени еще не разработана.

К сожалению, российский законодательный орган не может избавиться от порочной практики принятия полумер. Данное обстоятельство, безусловно, способствует проявлению негативных последствий, на которые обратили внимание ряд ученых [4, с. 38-41; 5, с. 186-190; 6, с. 200-204].

В целом же, как правильно заметил Д.С. Кучеренко, разработка этого законопроекта не сопровождалась публичными исследованиями либо изучением каких-либо статистических данных, не делались обобщения, иллюстрирующие конкретные положительные моменты формирования единого высшего судебного органа, не обозначались тенденции, создающие прямую угрозу правопорядку, сложившемуся в действующей системе. К тому же отсутствуют обобщения практики и судебная статистика, иллюстрирующие нарушение прав граждан в результате спора о подведомственности [5, с. 187].

Возможно, именно данные обстоятельства явились причиной принятия законопроекта, который, на наш взгляд, не отвечает современным потребностям российской судебной системы. Реализация решения об объединении высших судов направлена прежде всего на структурные изменения судебной системы, в то время как она нуждается в эволюционном развитии.

Список литературы

1. Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М.: Проспект, 2003. 720 с.
2. Павликов С.Г. Проблемы организации судебной системы субъектов Российской Федерации // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2010. N 1. С. 23-29.
3. Гатауллин А.Г. Место конституционных (уставных) судов в судебной системе Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. N 3 (13). С. 9-13.
4. Актуальная проблема // Российское правосудие. 2013. N 12. С. 38-41.
5. Кучеренко Д.С. Оценка объединения Верховного и Высшего Арбитражного Судов Российской Федерации // Право и политика: теоретические и практические проблемы. Рязань, 2013. С. 186-190.

6. Полевой В.В. К вопросу о реформе высших органов судебной власти Российской Федерации // Право и политика: теоретические и практические проблемы. Вып. 2. Рязань, 2013. С. 200-204.

References

1. *Sudebnaya vlast'* [The judicial power]. Moscow, Prospekt Publ., 2003. 720 p.
2. Pavlikov S.G. *Problemy organizatsii sudebnoy sistemy sub'ektov Rossiyskoy Federatsii* [Problems of organization of the judicial system of the Russian Federation]. *Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata* – Scientific works of the Russian Academy of lawyers and notaries, 2010, no. 1, pp. 23-29.
3. Gataullin A.G. *Mesto konstitutsionnykh (ustavnykh) sudov v sudebnoy sisteme Rossiyskoy Federatsii* [Place of constitutional (charter) courts in the judicial system of the Russian Federation]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* – Herald of of Kazan Law Institute of the Russian Interior Ministry, 2013, no. 3 (13), pp. 9-13.
4. *Aktual'naya problema* [Actual problem]. *Rossiyskoe pravosudie* – Russian justice, 2013, no. 12, pp. 38-41.
5. Kucherenko D.S. *Otsenka ob'edineniya Verkhovnogo i Vysshego Arbitrazhnogo Sudov Rossiyskoy Federatsii* [Evaluation of association of the Supreme and Supreme Arbitration Courts of the Russian Federation]. *Pravo i politika: teoreticheskie i prakticheskie problemy* [Law and Politics: theoretical and practical problems]. Ryazan, 2013. Pp. 186-190.
6. Polevoy V.V. *K voprosu o reforme vysshikh organov sudebnoy vlasti Rossiyskoy Federatsii* [On the question of the reform of the higher judicial authorities of the Russian Federation]. *Pravo i politika: teoreticheskie i prakticheskie problemy* [Law and Politics: theoretical and practical problems]. Edition 2. Ryazan, 2013. Pp. 200-204.

ЧЕПУС А.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
alexal_2004@mail.ru
Кафедра конституционного права;
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
119571, г. Москва,
пр. Вернадского, 84

CHEPUS A.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
alexal_2004@mail.ru
Chair of Constitutional Law;
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Vernadsky Prospekt 84, Moscow, 119571,
Russian Federation

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЫСШИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Реферат. Исследуются теоретические и практические аспекты проблемы привлечения к юридической ответственности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, рассматривается важнейшая особенность их правового статуса – правовой иммунитет. Дается общая характеристика ответственности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации в контексте института государственно-правового принуждения, проводится анализ норм действующего российского законодательства и положений судебной практики в этой области. Особое внимание уделено истории вопроса привлечения к ответственности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации на примере статуса члена Совета Федерации. Опираясь на исследования других авторов, предлагается обоснованное авторское видение вопросов наделяния иммунитетом высших должностных лиц субъектов Российской Федерации. Проводится мысль о том, что в современной юридической науке проблемам ответственности высших должностных лиц регионов не уделяется должного внимания. Налицо отсутствие четкого понимания того, какими должны быть основания такой ответственности, процедура привлечения к ответственности и особенности ее применения, а также правовая природа ее санкций. Обосновывается позиция об отсутствии необходимости включать в перечень лиц, обладающих иммунитетом от уголовного или административного преследования, глав регионов или глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Аргументами служат федеральная практика – министры Правительства РФ не обладают иммунитетом, а также практика последнего времени – отстранение от должности вследствие утраты доверия. В качестве выводов обосновывается необходимость осуществления контроля в отношении деятельности не только высших должностных лиц субъектов федерации, но и иных лиц, занимающих высшие должности в органах государственной власти субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: привлечение к ответственности, должностное лицо, иммунитет, органы прокуратуры, уголовная ответственность.

GENERAL CHARACTERISTICS OF THE INSTITUTE OF BRINGING SENIOR OFFICIALS OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION TO JUSTICE

Abstract. The theoretical and practical aspects of the problem of bringing senior officials of the RF subjects to criminal liability are analyzed. Legal immunity as the most important feature of their legal status is considered. General characteristic of the liability of such senior officials in the context of the institute of state and law enforcement is provided. The current Russian legislation and judicial practice in this area are analyzed. Special attention is paid to the history of the issue of bringing senior officials to justice, on the example of the Federation Council member status. Basing on the other authors' researches, the author proposes his own view on the issues of senior officials' immunity. It's suggested that in modern legal science the problems of the liability of senior officials of the RF regions aren't given due attention. There's no clear understanding of what should be the grounds of such liability, its procedures and application, the legal nature of its sanctions. The author substantiates the position that it's not necessary to include the regional leaders or heads of executive authorities of the RF subjects in the list of persons having immunity from criminal or administrative prosecution. The arguments are the federal practice – the ministers of the RF Government don't possess the immunity, and the recent practice – dismissal as a result of loss of confidence. The need to control the activities of the senior officials of the RF subjects and other persons holding the highest positions in the authorities of the RF subjects is substantiated.

Keywords: bringing to justice, official, immunity, prosecutor's office, criminal liability.

Проблема иммунитета высших должностных лиц субъектов Российской Федерации сегодня беспокоит многих ученых и практиков. Начиная с 1999 года с глав регионов была полностью снята неприкосновенность в рамках Федерального закона от 6 октября 1999 г. N 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»* (далее — закон N 184-ФЗ), который не содержал норм, гарантирующих неприкосновенность высших должностных лиц регионов. Изучение истории вопроса показывает, что иммунитет у глав регионов отсутствовал не всегда. Так, согласно Федеральному закону от 8 мая 1994 г. N 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»** в Совет Федерации в качестве представителей от каждого субъекта Российской Федерации входили два представителя: глава законодательного (представительного) и глава исполнительного органов государственной власти. Будучи членами Совета Федерации Федерального Собрания РФ, данные высшие должностные лица обладали иммунитетом, наделяясь особым правовым статусом. Изменения, связанные с формированием Совета Федерации в 2000 году, создали ситуацию, при которой в Совет Федерации стали входить по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: по одному от законодательного (представительного) и исполнительного органов государственной власти субъекта Российской Федерации***. Назначение проходило согласно статьям 2 и 4 Федерального закона от 5 августа 2000 г. N 113-ФЗ на срок законодательного (представительного) органа или высшего должностного лица региона. Согласно статье 9 вышеназванного закона полномочия члена Совета Федерации могли быть прекращены досрочно избравшим (назначившим) его

органом государственной власти субъекта Российской Федерации в том же порядке, в котором осуществляется его избрание (назначение) членом Совета Федерации.

Согласно порядку формирования Совета Федерации, закрепленному Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. N 229-ФЗ****, в верхнюю палату также входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: по одному от законодательного (представительного) и от исполнительного органов государственной власти субъекта Российской Федерации. Теперь представитель от законодательного (представительного) органа государственной власти соответствующего субъекта должен являться только депутатом, если иное не предусмотрено уставом или конституцией региона. Если высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации избирается гражданами соответствующего субъекта, то каждый кандидат на данную должность представляет в соответствующую избирательную комиссию три кандидатуры, отвечающие необходимым требованиям и ограничениям, одна из которых в случае избрания представившего ее кандидата будет наделена полномочиями члена Совета Федерации — представителя от исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации. При этом одна и та же кандидатура для наделения полномочиями члена Совета Федерации — представителя от исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации не может быть представлена разными кандидатами на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации). В случае досрочного прекращения полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации член Совета Федерации — представитель от исполнительного органа государственной власти данного субъекта Российской Федерации продолжает осуществлять свои полномочия до вступления в силу решения вновь избранного

* Рос. газ. 1999. 19 окт.

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. N 2. Ст. 74.

*** О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: федер. закон от 5 авг. 2000 г. N 113-ФЗ // Рос. газ. 2000. 5 авг.

**** О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: федер. закон от 3 дек. 2012 г. N 229-ФЗ: ред. от 2 июля 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 50 (ч. 4). Ст. 6952; 2013. N 27. Ст. 3439.

высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) о наделении полномочиями нового члена Совета Федерации.

Таким образом, даже без анализа столь сложного порядка назначения членов Совета Федерации от исполнительной власти очевидно, что на практике получается ситуация, когда по действующему законодательству назначенные законодательным (представительным) органом государственной власти и высшим должностным лицом субъекта федерации члены Совета Федерации обладают иммунитетом (согласно статье 19 Федерального закона 8 мая 1994 г. N 3-ФЗ член Совета Федерации, депутат Государственной Думы обладают неприкосновенностью в течение всего срока своих полномочий), а сам руководитель региона (высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации) таким правом не наделяется.

Полным иммунитетом не обладают и депутаты законодательного (представительного) органа региона. Как указано в постановлении Конституционного Суда РФ от 12 апреля 2002 г. N 9-П*, Конституция России закрепляет неприкосновенность (парламентский иммунитет) членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы (статья 98), а также неприкосновенность Президента Российской Федерации (статья 91) и судей (статья 122). Неприкосновенность же депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации непосредственно в Конституции Российской Федерации не предусмотрена, что, однако, не означает невозможность установления законом для депутата определенных личных гарантий, обусловленных его статусом. Далее, в определении Консти-

туционного Суда РФ от 6 февраля 2004 г. N 26-О** говорится о том, что в силу статьи 71 (пункт «о») Конституции РФ, относящей уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство к предмету ведения Российской Федерации, и ее статьи 76 (часть 1), устанавливающей, что по предметам ведения Российской Федерации принимаются законы федерального уровня, имеющие прямое действие на всей территории Российской Федерации, принятие решения о введении особого порядка производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц и об установлении дополнительных гарантий их неприкосновенности относится к исключительной компетенции федерального законодателя. Именно ему принадлежит право, исходя из конституционно значимых целей и с учетом принципов демократического правового государства, определять в федеральных законах как круг лиц, нуждающихся (в конкретной исторической ситуации) в дополнительных гарантиях своей деятельности, так и объем этих гарантий.

В статье 13 закона N 184-ФЗ закреплено положение, согласно которому гарантии депутатской деятельности устанавливаются конституцией (уставом) и законом субъекта Российской Федерации. В случае привлечения депутата к уголовной или административной ответственности, его задержания, ареста, обыска, допроса, совершения иных уголовно-процессуальных или административно-процессуальных действий, проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении депутата применяется особый порядок производства по уголовным или административным делам, установленный федеральными законами.

Особенности производства по уголовным делам распространяются в отношении члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы, депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного

* По делу о проверке конституционности положений статей 13 и 14 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.П. Быкова, а также запросами Верховного Суда Российской Федерации и Законодательного Собрания Красноярского края: постановление Конституционного Суда РФ от 12 апр. 2002 г. N 9-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. N 5.

** Определение Конституционного Суда РФ от 6 февр. 2004 г. N 26-О об отказе в принятии к рассмотрению запроса Губернатора Эвенкийского автономного округа о проверке конституционности положений статьи 447 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. N 5.

должностного лица органа местного самоуправления. Возбуждение уголовного дела в отношении члена Совета Федерации производится Председателем Следственного комитета РФ с согласия соответственно Совета Федерации, полученного на основании представления Генерального прокурора Российской Федерации. В отношении депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации уголовное дело может быть возбуждено руководителем следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации.

Довольно спорное суждение приводится А.П. Жуковым, который считает, что высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации должно обладать такими же гарантиями осуществления своих полномочий, как и депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации. В то же время, как отмечает указанный автор, сложившееся сегодня положение нарушает конституционные принципы федерализма и разделения власти на уровне субъекта Российской Федерации. Положения об иммунитете высшего должностного лица субъекта Российской Федерации должны быть одним из основных элементов его правового статуса, так как это важнейшая правовая гарантия его деятельности. По своему содержанию эта гарантия более высокого уровня по сравнению с общими конституционными гарантиями неприкосновенности личности. Она не является личной привилегией, а имеет публично-правовой характер, призвана служить публичным интересам, обеспечивать повышенную охрану личности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) в силу осуществляемых им государственных функций, ограждая его от необоснованных преследований, способствуя его беспрепятственной деятельности и тем самым самостоятельности и независимости [1, с. 133-134].

Спорность вышеприведенной позиции видится нам в том, что ни о каком нарушении принципа федерализма не приходится говорить, так как все конституционные гарантии неприкосновенности лич-

ности не имеют существенного значения и могут быть нарушены в пользу реализации иммунитета высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Однако А.П. Жуков забывает, что такой конституционной гарантии, как иммунитет и приоритет в должностном положении, глава вторая Конституции РФ не содержит.

Основанием привлечения к ответственности высших должностных лиц является установление фактов совершения ими уголовно наказуемых деяний. Однако основной акцент на сегодняшний день сделан на преступлениях, связанных с коррупционными проявлениями. При этом, как верно отмечает профессор Н.В. Мамитова, федеральный законодатель ограничился лишь перечислением ряда коррупциогенных факторов, имеющих значение для выявления коррупционных проявлений в действиях высших должностных лиц [2, с. 37].

В статье 447 УПК РФ определен круг лиц, обладающих дополнительными гарантиями своего статуса, в том числе связанного с особым порядком привлечения их к уголовной ответственности, а именно: Председатель Счетной палаты Российской Федерации, его заместители и аудиторы; Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации; Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, а также кандидаты в Президенты Российской Федерации; прокуроры; Председатель Следственного комитета Российской Федерации; руководители следственного органа; следователи; адвокаты; члены избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса; зарегистрированные кандидаты в депутаты Государственной Думы, зарегистрированные кандидаты в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации; а также присяжные или арбитражные заседатели в период осуществления ими правосудия.

Таким образом, дальнейшее разрешение описанной выше проблемы видится нам в осуществлении контроля в отношении деятельности не только высших должностных лиц субъектов федерации, но и иных должностных лиц органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Ряд элементов такого контроля был изложен в концепции правозащитной политики,

разработанной А.В. Малько, который верно указывает, что принцип контроля (надзора) в процессе организации и функционирования власти связан с взаимодействием интересов государства, общества и граждан. Важно найти баланс контрольных механизмов, которые бы не мешали отправлять другие функции. В каждом направлении функционирования власти должна быть установлена своя мера контроля, обеспечивающая главное – действенность органов государственной власти по укреплению целостности государства и общества, реализации прав и свобод граждан [3, с. 39]. В качестве мер, направленных на совершенствование контрольно-надзорных форм, в том числе за деятельностью высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, по мнению А.В. Малько, должно стать усиление надзорной функции органов прокуратуры в области соблюдения законности применения Конституции РФ, федеральных законов и других нормативных правовых актов. Надлежит законодательно урегулировать и четко разграничить взаимоотношения органов государственного контроля и других правоохранительных органов, определив их компетенцию и функции в области предупреждения, выявления, пресечения и расследования нарушения законодательства высшими должностными лицами субъектов федерации [3].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что нет необходимости включать в перечень лиц, обладающих иммунитетом от уголовного или

административного преследования, глав регионов или глав исполнительной власти. Даже в рамках принципа единства государственной власти на федеральном уровне для Правительства РФ, его членов и министров иммунитет как гарантия их статуса в законодательстве не закрепляется. Почему же тогда за главами регионов законодатель должен был сохранить такое право? Кроме того, практика показывает (нами анализировались практика выражения недоверия со стороны Президента РФ в отношении глав регионов, на которых были заведены уголовные дела), что, к большому сожалению, происходящие злоупотребления и преступления совершаются именно высшими должностными лицами (главами исполнительной власти) субъектов федерации. Таким образом, в случае наделения их иммунитетом будет фактически уничтожен институт ответственности (административной, уголовной, гражданской) данных лиц. Станет невозможным вынесение недоверия со стороны законодательного (представительного) органа власти субъекта, будет нивелирована и так слабо реализуемая на практике процедура отзыва со стороны населения главы региона. Создастся прецедент невозможности влияния со стороны федеральной власти, в частности Президента РФ, на неправомерные действия главы региона. В конце 90-х годов прошлого века данная пагубная практика привела к вседозволенности, неподотчетности и нарушениям конституционного законодательства в регионах.

Список литературы

1. Жуков А.П. Ответственность органов исполнительной власти в системе разделения властей субъектов РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008.
2. Мамитова Н.В. Антикоррупционная правовая политика: проблемы формирования в современной России // Право и современное государство. 2013. N 3. С. 35-41.
3. Малько А.В. Концепция правозащитной политики в Российской Федерации (проект). Ульяновск, 2014. 39 с.

References

1. Zhukov A.P. *Otvetstvennost' organov ispolnitel'noy vlasti v sisteme razdeleniya vlastey sub'ektov RF. Kand. Diss.* [Responsibility of the executive power in the system of separation of powers of the RF subjects. Cand. Diss.]. Rostov-on-Don, 2008.
2. Mamitova N.V. *Antikorrupsionnaya pravovaya politika: problemy formirovaniya v sovremennoy Rossii* [Anti-corruption legal policy: problems of formation in modern Russia]. *Pravo i sovremennye gosudarstva* – Law and the modern state, 2013, no. 3, pp. 35-41.
3. Mal'ko A.V. *Kontseptsiya pravozashchitnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii (proekt)* [The concept of human rights policy in the Russian Federation (project)]. Ulyanovsk, 2014. 39 p.

Раздел 7. Уголовно-процессуальное обозрение

БЕЛКИН А.Р., доктор юридических наук, профессор, anatbel@yandex.ru Институт управления и экономики; Московский государственный институт приборостроения и информатики, 107996, г. Москва, Стромынка, 20	BELKIN A.R., Doctor of Legal Sciences, professor, anatbel@yandex.ru Institute of Management and Economics; Moscow State Institute of Instrument Engineering and Informatics, Stromynka St. 20, Moscow, 107996, Russian Federation
---	--

ДЕФЕКТЫ НОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Реферат. Оцениваются изменения редакции (с 1 января 2013 г.) Уголовно-процессуального кодекса РФ. Неоправданна ликвидация указания на лицо, в отношении которого велось (ведется) производство о применении принудительных мер медицинского характера. Упоминание о законном представителе гражданского ответчика противоречит другим положениям закона. Наряду с изложением порядка обжалования судебных решений необходимо упомянуть и те решения, которые в принципе не могут быть обжалованы в апелляционном порядке. Вызывает вопросы толкование пункта 5 части 2 ст. 389.3: жалоба на постановление судьи Верховного Суда РФ подается в Апелляционную коллегию Верховного Суда. При анализе текста ст. 389.4 отмечается, что логичнее отсчитывать 10-суточный срок со дня провозглашения приговора (при провозглашении по частям — речь идет о последней части). При ознакомлении же с особым мнением судьи (часть 5 ст. 310) отсчет срока целесообразен со дня ознакомления с особым мнением. Поддерживается неудачность увязывания в пункте 2 части 1 ст. 389.11 вызова в судебное разбирательство свидетелей, экспертов и других лиц с субъективным усмотрением судьи (оно здесь неуместно). Неоправданно исключение упоминания о реплике (в апелляционных прениях реплики нет как таковой?). К прениям сторон некорректно отнесено последнее слово подсудимого. Сомнителен процессуальный статус лица, в отношении которого проверяется судебное решение. Рассматриваются многие другие дефекты законодательного регулирования апелляционного производства. Резюмируется, что глава 45.1 УПК РФ далека от совершенства и нуждается в серьезных коррективах.

Ключевые слова: апелляционное производство, изменение порядка, судья, прения, реплики.

DEFECTS IN NEW LEGISLATIVE REGULATION OF THE APPEAL PROCEEDINGS

Abstract. The amendments of the wording of the RF Criminal Procedure Code (of January, 1, 2013) are estimated. The elimination of indicating the person being under proceeding on taking forced measures of medical character is considered unreasonable. Mentioning a legal representative of civil defendant contravenes the other provisions of the law. The author proves the necessity to mention the judicial decisions which cannot be appealed along with stating the procedure of appealing against judicial decisions. The interpretation of Art. 389.3 Sec. 2 clause 5 (appeal against the ruling of the RF Supreme Court's judge should be filed to the RF Supreme Court's Board of appeals) draws some questions. The wording of the Article 389.4 of the RF Criminal Procedure Code is analyzed. It is proposed to count 10 days since passing the sentence. In case of dissenting opinion (Art. 310 Sec. 5) we should count from the day of its first reading. Conforming of the subpoena for attendance of witnesses, experts and other persons to the judge's subjective discretion in Art. 389.11 Sec. 1 clause 2 is considered inappropriate. The elimination of indicating the replication in appellate debate is unreasonable. The defendant's pre-imposition statement is improperly referred to debate. The procedural status of a person being under revising the judicial decision is questionable. Other defects of legislative regulation of the appeal proceedings are considered. The author proves the necessity to amend the imperfect chapter 45.1 of the RF Criminal Procedure Code.

Keywords: appeal proceedings, change of the procedure, judge, debate, replications.

Изменения, коснувшиеся апелляционного, кассационного и надзорного производства с 1 января 2013 г., заставляют обратить особое внимание на то, каким образом УПК РФ регулирует теперь пересмотр судебных решений, как

не вступивших, так и вступивших в законную силу.

Отметим при этом, что вся история изменений, вносимых в УПК РФ, изобилует примерами внесения странных, бессистемных и даже алогичных поправок, в дальнейшем, в свою очередь, исправляемых путем внесения «поправок на поправки» и т.д. *ad infinitum**. К сожалению, приходится констатировать, что не свободны от подобного и вновь введенные в УПК РФ главы 45.1, 47.1 и 48.1.

Новая схема пересмотра решений, не вступивших в законную силу, разрешает лишь апелляционный их пересмотр, устраняя имевшиеся ранее разночтения, когда решение мирового судьи могло быть обжаловано в апелляционном порядке, а решение федерального судьи (суда) более высокого уровня — в кассационном. Подобное нововведение следует только приветствовать, тем более что апелляционный пересмотр оставляет значительно больше возможностей для исправления имевших место ошибок суда первой инстанции. Однако конкретная реализация новелл УПК РФ, увы, далека от совершенства.

Уже первая из статей рассматриваемой главы 45.1 — ст. 389.1 — вызывает недоумение. Как справедливо указывает профессор В.В. Вандышев, «совершенно неоправданно в законе ликвидировано указание на лицо, в отношении которого велось или ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Ссылка на то, что право обжалования принадлежит иным лицам... не может служить оправданием указанного недостатка, поскольку неопределенность любого закона влечет за собой необъятность судебного усмотрения» [2]. Кроме того, использование законодателем запятых вместо точек с запятыми наводит на странную мысль, что обвинитель и прокурор тоже имеют законных представителей и представителей.

В части 2 ст. 389.1 упоминается законный представитель гражданского ответчика, что противоречит положениям ст.ст. 54 и 55 УПК РФ**.

Излагая в ст. 389.2 порядок обжалования тех или иных судебных решений,

следовало бы упомянуть и те решения, которые в принципе не могут быть обжалованы в апелляционном порядке, например, решение о назначении судебного заседания (ч. 7 ст. 236 УПК РФ). Кроме того, внимательный анализ ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ позволяет увидеть, что она заметно противоречит ст. 36, возбраняющей любые споры о подсудности.

Недоумение вызывает и п. 5 ч. 2 ст. 389.3: на постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации [жалоба подается] в Апелляционную коллегию Верховного Суда Российской Федерации. Какое же постановление имеется в виду?

Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС РФ) более не является первой инстанцией. Возможно, речь идет о постановлении, вынесенном в ходе апелляционного производства? Но апелляционное производство в ВС РФ — коллегияльное (п. 2 ч. 3 ст. 30 УПК РФ), следовательно, речь может идти только о постановлении судьи, вынесенном при назначении судебного заседания. Кстати, как уже отмечалось, наиболее важное из такого рода постановлений — о назначении судебного заседания — обжаловать в апелляционном порядке нельзя. Да и вообще, обжалование в апелляционном порядке постановления, вынесенного в апелляционном же судопроизводстве, выглядит более чем странно.

Еще более странно выглядело бы апелляционное обжалование постановления судьи ВС РФ, вынесенного в ходе кассационного или надзорного производства (в порядке статей 401.8 и 412.5 УПК РФ), тем более что указанные статьи прямо упоминают совсем другой порядок оспаривания подобных постановлений. Итак, смысл п. 5 ч. 2 ст. 389.3 УПК РФ туманен.

Много вопросов вызывает и ст. 389.4 УПК РФ. Во-первых, логичнее отсчитывать 10-суточный срок со дня не постановления, но провозглашения приговора, причем явно оговорить, что в тех случаях, когда приговор провозглашается по частям (ч. 4 ст. 310 УПК РФ), речь идет об оглашении последней его части. Введение нового порядка ознакомления с особым мнением судьи (ч. 5 ст. 310) заставляет задуматься и над тем, чтобы, возможно, отсчитывать этот срок со дня ознакомления с особым мнением.

* Множество примеров такого рода приведено в нашей недавней работе [1].

** Тем же страдает и часть 2 ст. 401.2.

Заметим, что в некоторых случаях УПК РФ предусматривает иные сроки апелляционного обжалования и рассмотрения судебного решения. В частности, постановление об избрании меры пресечения обжалуется в течение 3 суток, и в такой же срок жалоба (представление) должна быть рассмотрена (ч. 11 ст. 108 УПК РФ) апелляционной инстанцией. На наш взгляд, это было бы целесообразно продублировать в ст.ст. 389.4 и 389.10 УПК РФ.

Уже не раз говорилось, что апелляционное производство вполне может включать в себя стадию предварительного слушания. Действительно, и в апелляционном суде при подготовке заседания могут поступить ходатайства о прекращении дела, возвращении дела прокурору (тем более что новое законодательство такое возвращение допускает), наконец, об исключении доказательств. Вопрос о возможности предварительного слушания в апелляционном суде был подробно исследован и разрешен положительно в диссертации А.И. Морозова [3] применительно к ныне утратившим силу главам 43-44 УПК РФ; однако выводы диссертанта вполне применимы и к текущей редакции УПК РФ (глава 45.1). Более того, внимательный взгляд на ч. 4 ст. 389.11 позволяет отметить, что вопрос об избрании подсудимому или осужденному меры пресечения в виде залога, домашнего ареста или заключения под стражу либо о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей рассматривается в судебном заседании судьей, а не судом. В судах второго и третьего звена, как уже отмечалось, апелляционный суд функционирует коллегиально, а вот в рамках предварительного слушания судья может принять такое решение единолично. Итак, логичным представляется явно упомянуть решение о проведении предварительного слушания в ч. 1 ст. 389.11 и внести соответствующие изменения в ст. 389.13, указав там явно главы 34-39.

Следует также вновь согласиться с В.В. Вандышевым, справедливо указывающим на неудачность увязывания в п. 2 ч. 1 ст. 389.11 УПК РФ вызова в судебное разбирательство свидетелей, экспертов и других лиц с субъективным усмотрением судьи (если он признает данное ходатайство обоснованным). Рассмотрение уголов-

ного дела в суде апелляционной инстанции представляет собой новое судебное разбирательство, поэтому субъективное усмотрение судьи здесь неуместно [2].

В том же п. 2 части первой данной статьи следует учесть также и то, что ходатайства о вызове всех этих лиц могут находиться не только в жалобе (представлении), но и в возражениях, поданных на апелляционную жалобу или представление.

Вызывает удивление и формулировка ст. 389.14 («Прения сторон»). Из нее исчезло всякое упоминание о реплике — значит ли это, что в апелляционных прениях реплики нет как таковой? Часть 2 той же статьи относит к прениям сторон последнее слово подсудимого, хотя прения и последнее слово подсудимого — самостоятельные элементы судебного разбирательства, требующие самостоятельного правового регулирования*. Весьма сомнительно появление в научной и правоприменительной терминологии нового участника процесса — лица, в отношении которого проверяется судебное решение, процессуальный статус которого никак не определен.

Перейдем к рассмотрению оснований для отмены или изменения судебного решения (ст.ст. 389.15-389.18 УПК РФ). Очевидно, что первое из этих оснований — несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции (п. 1 ст. 389.15 и ст. 389.16 УПК РФ), — изложено практически теми же словами, что и утратившая с 1 января 2013 г. ст. 380 УПК РФ.

Зато второе основание (п. 2 ст. 389.15 и ст. 389.17 УПК РФ) — существенное нарушение уголовно-процессуального закона — по сравнению с прежней ст. 381 УПК РФ приобрело дополнительное указание на существенность этих нарушений. При этом законодатель не разъясняет, в чем состоит существенность, а простое сопоставление текста ст. 389.17 и ст. 381 (совпадающих практически дословно) позволяет понять, что существенными законодатель считает как раз те нарушения уголовно-процессуального закона, которые путем лишения или ограничения гарантированных настоящим Кодексом прав участников

* Подчеркнем, что ст. 366 УПК РФ имела название «Прения сторон. Последнее слово подсудимого».

уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения. Так зачем вводить новый оценочный термин, ввергая участников судопроизводства в бесплодные споры о том, существенно то или иное нарушение или нет?*

Разве и без того не было ясно, что не любое нарушение влечет за собой отмену приговора?

Сам перечень заведомо существенных нарушений (ч. 2 ст. 389.17) — совершенно тот же, что и в предыдущей редакции (ст. 381). К сожалению, две серьезные неточности, имевшие место в предыдущей редакции, так и не были исправлены.

Во-первых, согласно п. 5 ч. 2 данной статьи основанием отмены или изменения судебного решения считается лишь нарушение права подсудимого давать показания на родном языке. Вместо этого следовало бы указать на нарушение права подсудимого на пользование родным языком, поскольку судебное разбирательство не ограничивается для подсудимого дачей показаний — он должен понимать все происходящее в судебном разбирательстве. И, кстати, почему только подсудимого? Ничуть не меньшим может оказаться аналогичное нарушение в отношении потерпевшего.

Во-вторых, серьезные нарекания вызывает формулировка п. 6 той же части 2 (непредоставление подсудимому права участия в прениях сторон). Обратимся к ч. 2 ст. 292 УПК РФ, четко дифференцирующей права участников, касающиеся выступления в прениях: «в прениях сторон могут... участвовать потерпевший и его представитель... подсудимый вправе ходатайствовать об участии в прениях сторон». Такая формулировка не оставляет сомнений в том, что подсудимый вправе лишь ходатайствовать об участии, причем это ходатайство может быть в принципе отклонено судом (за исключением случая, когда защитник в деле не участвует, — тогда ч. 1 ст. 292 предоставляет подсудимому право именно участвовать в прениях).

Итак, суд может на законном основании отклонить ходатайство подсудимо-

го, а потом апелляционный суд сочтет это безусловным основанием для отмены приговора? Иначе как бредом это и назвать нельзя.

Единственный путь согласовать эти противоречивые нормы закона — предположить, что в пресловутом п. 6 ч. 2 ст. 389.17 имеются в виду именно случаи, когда защитник в деле не участвовал, так что отказать подсудимому в участии в прениях было нельзя. Но в таком случае именно так и следует изложить п. 6 ч. 2 ст. 389.17, не оставляя места для умственных спекуляций.

Можно только приветствовать возвращение в суд второй инстанции ревизионного начала (ч. 1 ст. 389.19), а вот часть 2 той же статьи вызывает сомнения. Действительно, она предоставляет суду апелляционной инстанции право проверить уголовное дело в отношении всех осужденных**, в том числе и тех, в отношении которых апелляционные жалоба или представление не принесены. Само по себе это вполне логично, но не следует ли оговорить, что по итогам проверки положение этих лиц не должно ухудшиться? Конечно, подобная норма упоминается много ниже (ст. 389.24 УПК РФ), но нам представляется полезным продублировать ее и здесь.

Статья 389.20 («Решения, принимаемые судом апелляционной инстанции»), ключевая в данной главе, также весьма далека от ясности.

Появление главы 45.1 в УПК РФ еще до вступления ее в силу вызвало немало споров, сводившихся к вопросу о том, вправе ли апелляционный суд вернуть дело в суд первой инстанции, либо он, проведя новое судебное разбирательство, обязан сам во всем разобраться и вынести самостоятельное решение. Подчеркнем, что предыдущая редакция главы об апелляционном производстве (гл. 44 УПК РФ) никакого возврата дела мировому судье вообще не предусматривала (более того, и последующий возврат из кассационного или надзорного суда производился апелляционному судье, но не мировому).

В нынешней редакции гл. 45.1 законодатель допустил возврат дела в суд первой инстанции (а также прокурору) в двух случаях:

* Особую прелесть вопросу придает то, что *существенность* проникла и в кассационное и надзорное производство (часть 1 статей 401.15 и 412.9), так что споры о ней будут и там.

** Только осужденных? А как быть с оправданными?

— если обнаружены нарушения уголовно-процессуального и (или) уголовного законов, неустранимые в суде апелляционной инстанции (ч. 1 ст. 389.22), или будут выявлены обстоятельства, указанные в ч. 1 и п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ (ч. 3 ст. 389.22);

— при отмене оправдательного приговора суда первой инстанции (ч. 2 ст. 389.24).

Первый из этих случаев особых возражений не вызывает (хотя споры о том, что устранимо в суде апелляционной инстанции, а что — нет, наверняка будут иметь место); зато второй выглядит небесспорным.

Почему, собственно говоря, апелляционный суд, во всем разобравшись, не вправе самостоятельно отменить оправдательный приговор и постановить вместо него обвинительный? В предыдущей редакции главы 44 УПК РФ об апелляционном производстве такая возможность прямо предусматривалась (п. 3 ч. 3 ст. 367).

Что же изменилось с тех пор? Апелляционный порядок пересмотра распространился на решения любого суда первой инстанции, в том числе суда присяжных заседателей.

В качестве рабочей гипотезы риском предположить, что законодатель, продолжая линию на признание суда присяжных более предпочтительной формой отправления правосудия, не хотел допустить отмену оправдательного приговора суда присяжных с одновременным вынесением обвинительного приговора обычным федеральным судом (в апелляционном суде присяжные по определению не участвуют). Однако обвинительный приговор суда присяжных апелляционный суд вправе отменить, вынеся оправдательный приговор, так что гипотеза не безупречна. Да и, кроме того, ничто не мешало сохранить возможность отмены оправдательного приговора с вынесением обвинительного в отношении приговоров обычных федеральных судов.

В общем, понять логику законодателя (в предположении, что она все же есть) в данном случае отнюдь не легко. Не вполне безупречны и другие пункты ч. 1 ст. 389.20. Так, смысл п. 5 просто усколь-

зает — видимо, речь идет об изменении оснований оправдания? С учетом положений ч. 3 ст. 389.26 по-другому это и понять нельзя. Что касается п. 9, то он включает в себя пп. 3 и 5.

Трудно понять смысл части 1.1 ст. 389.22, упоминающей обвинительный приговор, постановленный на основании вердикта присяжных заседателей и противоречащий ему. Понятно, что вердикт был тоже обвинительным (иначе приговор просто не мог бы быть обвинительным), — так в чем же противоречие? Рассуждая последовательно, можем предположить, что подобное возможно в двух случаях:

— коллегия присяжных признала подсудимого заслуживающим снисхождения (ст. 349 УПК РФ), а судья этого не учел;

— коллегия присяжных изменила обвинение в сторону, благоприятную для подсудимого (ч. 6 ст. 343), а судья этого не учел.

Однако в обоих случаях апелляционный суд вполне способен сам в этом разобраться и не возвращать дело (тем более на стадию после провозглашения вердикта).

Отметим напоследок два момента, связанные с последними статьями главы 45.1 УПК РФ.

В соответствии со ст. 389.35 приговор, определение, постановление суда апелляционной инстанции могут быть обжалованы в вышестоящий суд в порядке, установленном главами 47.1 и 48.1 УПК РФ, т.е. в кассационном и (или) надзорном порядке. А разве обжалование ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств уже исключено из Кодекса? Почему оно не упомянуто?

И, наконец, странная норма, сформулированная в ст. 389.36, согласно которой суд апелляционной инстанции повторно рассматривает уголовное дело... по апелляционным жалобе, представлению, если... жалоба... либо представление поступили тогда, когда уголовное дело... уже рассмотрено по апелляционным жалобе или представлению другого участника. При этом суд разъясняет участникам уголовного судопроизводства право обжаловать в кассационном порядке вновь вынесенное апелляционное решение, если оно противоречит ранее вынесенному решению суда апелляционной инстанции.

* Разумеется, строго соблюдая запрет на поворот к худшему — по жалобе потерпевшего или представлению прокурора.

Сама идея повторного апелляционного рассмотрения одного и того же дела (да еще и с вынесением решения, противоречащего первому) выглядит откровенно странной. Понятно, что обусловлена эта норма пресловутой неспешностью нашей почты, отнюдь не гарантирующей быструю доставку жалобы или представления.

Однако с 1960 г., когда в УПК РСФСР появилась ст. 389 (ныне практически дословно переписанная в ст. 389.36), многое изменилось, появились, в частности, более быстрые способы связи. Нам представляется весьма желательным дополнить гл. 45.1 новой статьей, требующей одновремен-

но с подачей апелляционной жалобы по почте направить ее копию по факсу или электронной почте, тем самым уведомив суд первой инстанции о том, что жалоба (представление) отослана и имеет смысл немного подождать с началом апелляционного производства, поскольку сроки его это вполне позволяют. Статью же 389.36 при этом можно безболезненно исключить.

Подводя итог данного исследования, мы вынуждены отметить, что глава 45.1 УПК РФ далека от совершенства и нуждается в серьезных коррективах.

Список литературы

1. Белкин А.Р. УПК РФ: нужны ли перемены?: монография. М.: Норма, 2013. 416 с.
2. Вандышев В.В. Некоторые проблемы, которые могут возникнуть в суде апелляционной инстанции после 1 января 2013 года [Электронный ресурс] // Формы пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве: актуальные проблемы: материалы межвуз. науч.-практ. конф., 27 марта 2012 г., г. Санкт-Петербург, Северо-Западный филиал Российской академии правосудия: URL: <http://www.iuaj.net/node/975> {дата обращения: 1 авг. 2014 г.}.
3. Морозов А.И. Предварительное слушание в судебном разбирательстве уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009.

References

1. Belkin A.R. *UPK RF: nuzhny li peremeny?* [Code of Criminal Procedure: do we need a change?]. Moscow, Norma Publ., 2013. 416 p.
2. Vandysh V.V. *Nekotorye problemy, kotorye mogut vozniknut' v sude apellyatsionnoy instantsii posle 1 yanvarya 2013 goda* [Some of the problems that may arise in the appellate court after January 1, 2013]. *Formy peresmotra sudebnykh resheniy v ugovnom sudoproizvodstve: aktual'nye problemy* [Forms review of judicial decisions in criminal proceedings: current problems]. Available at: <http://www.iuaj.net/node/975> (Accessed 1 August 2014).
3. Morozov A.I. *Predvaritel'noe slushanie v sudebnom razbiratel'stve ugovnykh del. Kand. Diss.* [A preliminary hearing in the trial of criminal cases. Cand. Diss.]. Voronezh, 2009.

ФАДЕЕВ П.В., кандидат юридических наук, доцент, fadeevpv2001@yandex.ru Факультет подготовки научно-педагогических и научных кадров; Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 117437, Москва, Академика Волгина, 12	FADEEV P.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, fadeevpv2001@yandex.ru Faculty of scientific and teaching staff training; Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Academician Volgin St. 12, Moscow, 117437, Russian Federation
--	--

КОМПЛЕКСНАЯ ПРАВОВАЯ ПОМОЩЬ УЧАСТНИКАМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ

Реферат. Правовая помощь участникам уголовного процесса представлена как комплексное явление, включающее признаки международной правовой помощи, квалифицированной юридической помощи, а также деятельности государственных органов уголовного судопроизводства и профессиональных юристов (адвокатов, защитников, представителей) по содействию физическим и юридическим лицам в целях защиты, охраны и реализации их прав и законных интересов. Рассмотрены: правовая помощь при угрозе жизни, здоровью, правам участников уголовного процесса; деятельность отдельных субъектов уголовного судопроизводства, направленная на разъяснение прав лиц, подвергшихся криминальному воздействию. Определяются основания для осуществления мер безопасности, вносятся предложения по совершенствованию части 3 статьи 11 УПК РФ: «3. При наличии данных об угрозе причинения запрещенным уголовным законом деянием физического, имущественного, морального вреда либо иного вреда правам и законным интересам потерпевшего, свидетеля или иных участников уголовного судопроизводства, а также их близких родственников, родственников или близких лиц суд (судья), прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания и дознаватель на основании их письменного (устного) заявления или по собственной инициативе не позднее двадцати четырех часов с момента их получения принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные частью девятой статьи 166, частью второй статьи 186, частью восьмой статьи 193, пунктом 4 части второй статьи 241 и частью пятой статьи 278 настоящего Кодекса, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации».

Ключевые слова: меры безопасности, государственная защита, правовая помощь, участники уголовного судопроизводства, основания применения мер безопасности.

COMPREHENSIVE LEGAL AID TO THE PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS WHEN APPLYING SECURITY MEASURES

Abstract. Legal assistance to the participants in criminal procedure is represented as a complex phenomenon, including the features of international legal assistance, qualified legal assistance, as well as the activities of public authorities in criminal proceedings and professional lawyers (attorneys, advocates, representatives) to assist physical and legal persons to protect, safeguard and realize their rights and interests. Legal assistance in case of threat to life, health, rights of participants in criminal proceedings is considered. The activity of certain subjects of criminal proceedings aimed at explaining the rights of crime victims is analyzed. The grounds for applying security measures are determined. Proposals for improving part 3 of article 11 of the RF Criminal Procedure Code are made: "3. In case there is a threat of causing physical, property, moral damage or other harm prohibited by criminal law to rights and legitimate interests of the victim, witness or other participants in criminal proceedings as well as their close relatives, relatives or close persons, the court (judge), the prosecutor, the head of the investigative agency, the investigator, the preliminary investigation agency take security measures, provided by part 9 of article 166, part 2 of article 186, part 8 of article 193, paragraph 4 of part 2 of article 241 and part 5 of article 278 of this Code as well as other security measures provided by the RF legislation, in respect of those persons within twenty-four hours on the basis of these persons' written (oral) statement or on their own initiative within their competence".

Keywords: security measures, state protection, legal aid, participants in criminal proceedings, grounds for applying security measures.

В настоящее время совершенствование гарантий безопасности участников уголовного процесса является важной задачей, стоящей перед учеными и практическими работниками. Своевременно принятые меры безопасности позволяют сохранить жизнь, здоровье, имущество лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, способствуют реализации их прав и обязанностей, содействуют расследованию преступлений и разрешению уголовного дела по существу.

Однако статистика показывает, что в России ежегодно около 2 млн потерпевших и свидетелей в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел по особо тяжким преступлениям получают угрозы с целью изменения либо отказа от даваемых показаний. Многие граждане, ставшие жертвами или свидетелями преступлений, не обращаются в правоохранительные органы, опасаясь мести со стороны преступников либо не веря в эффективность помощи со стороны государственных органов*.

Указанные обстоятельства подтверждают и данные эмпирических исследований. Так, 16,3 % потерпевших испытывают реальную угрозу своей безопасности, но только 31,6 % из них обращаются в правоохранительные органы по вопросу обеспечения своей защиты. Удовлетворены действиями, направленными на обеспечение безопасности, всего 2,1 % опрошенных лиц. У 61,3 % потерпевших нет уверенности в том, что их безопасность при оказании содействия правосудию будет осуществлена надлежащим образом [1, с. 137]. Из числа опрошенных свидетелей и потерпевших, содействующих правосудию, 48 % меняют свои показания по соображениям собственной безопасности под влиянием шантажа, угроз, 67 % опасаются за свою безопасность [2, с. 4]. Изучение уголовных дел показывает аналогичные результаты [1, с. 139].

Как отмечается в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, государствам следует содействовать жертвам преступления, чтобы им предоставлялась

надлежащая помощь на протяжении всего судебного разбирательства, принимались меры для охраны их личной жизни, обеспечения их безопасности, а также безопасности их семей и свидетелей с их стороны и их защиты от запугивания и мести**. Вместе с тем анализ показывает, что проблемы правового содействия*** участникам уголовного судопроизводства при необходимости осуществления мер безопасности, как правило, не входят в круг интересов ученых. В связи с этим исследование деятельности по оказанию правовой помощи участникам уголовного судопроизводства при угрозе лишения жизни и здоровья, нарушения имущественных и иных прав позволит восполнить этот пробел и стать одним из важных факторов, способствующих повышению эффективности правоприменительной практики и уголовно-процессуального законодательства.

На наш взгляд, деятельность по оказанию правовой помощи участникам уголовного судопроизводства по своей сущности схожа с деятельностью по государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного процесса.

Во-первых, оба вида деятельности связаны прежде всего с правовым содействием потерпевшему, свидетелю и иным участникам уголовного процесса в устранении угрозы преступного воздействия на их права и законные интересы.

Как отмечается в юридической литературе, правовая помощь в уголовном процессе представляет собой основанную на нормах международного и национального права деятельность государственных органов уголовного судопроизводства и их должностных лиц, профессиональных юристов (адвокатов, защитников, представителей) и иных уполномоченных субъектов, связанную с использованием соответствующих юридических средств (способов, методов, приемов) и направленную на содействие физическим и

* Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009-2013 годы»: постановление Правительства РФ от 2 окт. 2009 г. N 792; ред. от 16 дек. 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. N 41. Ст. 4778; 2013. N 51. Ст. 6873.

** Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (утверждена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.) // Международно-правовая защита прав и основных свобод человека: сб. междунар. соглашений и рекомендаций: в 2 ч. / сост. Л.А. Новикова. Орел, 1997. Ч. 2. С. 47-49.

*** В русском языке слово «помощь» определяется как «содействие кому-нибудь в чем-нибудь, приносящее облегчение кому-нибудь» [3, с. 454].

юридическим лицам в целях защиты, охраны и реализации их прав и законных интересов при выявлении преступлений, их расследовании и судебном разбирательстве, а также реализации приговоров и иных решений [4, с. 240-241]. Иными словами, сущностью правовой помощи в уголовном процессе является правовое содействие участникам уголовного судопроизводства в целях предупреждения и пресечения преступлений, восстановления и реализации их прав и законных интересов, в том числе в сфере государственной защиты.

В соответствии с Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» под государственной защитой потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства понимается осуществление предусмотренных законом мер безопасности, направленных на защиту их жизни, здоровья и (или) имущества, а также мер социальной поддержки указанных лиц в связи с их участием в уголовном судопроизводстве уполномоченными на то государственными органами*. Анализ показывает, что и при государственной защите уполномоченные субъекты в большей мере осуществляют деятельность, связанную с правовым содействием участникам уголовного судопроизводства, обратившимся за помощью, в целях предупреждения и пресечения в отношении их преступлений, устранения угрозы посягательства на их жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность, имущество, честь и достоинство. Суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания и дознаватель в обязательном порядке принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

Во-вторых, деятельность государственных органов уголовного судопроизводства как при применении мер государственной защиты, так и при оказании правовой помощи участникам уголовного процесса в случае угрозы их жизни, здоровью, имущественным и иным правам осу-

ществляется на основе одних и тех же правовых актов с использованием одинаковых юридических средств [4, с. 231-240].

В-третьих, уголовно-процессуальные отношения при оказании правовой помощи и государственной защиты предполагают совместную активную деятельность физических лиц, с одной стороны, обладающих информацией о приготовлении, покушении или совершении преступления и изъявивших желание содействовать раскрытию и расследованию преступлений, судебному разбирательству уголовного дела, с другой — подвергшихся угрозам убийства, применения насилия, уничтожения или повреждения их имущества либо совершения иных опасных противоправных деяний и нуждающихся в применении мер безопасности со стороны государственных органов для предотвращения и пресечения в отношении их противоправного воздействия.

Однако это не значит, что правовая помощь и государственная защита в уголовном судопроизводстве являются идентичными категориями. Представляется, что они имеют отличия, связанные с характером их деятельности.

1. Правовая помощь и государственная защита в уголовном судопроизводстве отличаются по субъектам осуществления этих видов деятельности. Оказание правовой помощи при принятии мер безопасности предполагает содействие физическим и юридическим лицам не только со стороны государственных органов уголовного судопроизводства и их должностных лиц, но и профессиональных юристов (адвокатов, защитников, представителей), а также иных субъектов. В отличие от правовой помощи государственная защита участников уголовного судопроизводства осуществляется только уполномоченными на то государственными органами и их должностными лицами.

2. Их отличия связаны с содержанием используемых юридических средств (способов, методов, приемов), призванных обеспечить эффективную защиту, охрану и реализацию прав и законных интересов участникам уголовного процесса. Учитывая, что правовую помощь оказывают не только государственные органы уголовного судопроизводства, но и представители негосударственных организаций, применяемые юридические средства (способы, методы, приемы) при оказании правовой помощи и государс-

* О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20 авг. 2004 г. N 119-ФЗ: ред. от 4 июня 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 34. Ст. 3534; 2014. N 23. Ст. 2930.

твенной защите отличаются друг от друга. Так, государственная защита участников уголовного судопроизводства носит только государственно-властный характер [5, с. 12-13; 6, с. 30-35]. При оказании правовой помощи, осуществляемой государственными органами уголовного судопроизводства и их должностными лицами, профессиональными юристами (адвокатами, защитниками, представителями), а также иными субъектами, уполномоченными выполнять определенные уголовно-процессуальные функции или участвовать в их реализации, используются правовые средства (способы, методы, приемы) не только властно-распорядительного, но и негосударственного характера. К ним следует относить правовые средства юридической помощи (юридические советы, консультации), а также любые другие средства, указанные в уголовно-процессуальном законодательстве или не запрещенные им, способствующие содействию физическим и юридическим лицам [4, с. 234-238]. Например, представитель потерпевшего или защитник обвиняемого могут разъяснить своим доверителям суть действующих правовых актов о государственной защите, основания и порядок ее осуществления, право ходатайствовать о применении мер безопасности, а также оказывать содействие в реализации их прав и законных интересов в этом направлении. В случае вынесения постановления (определения) об отказе в применении мер безопасности или мер социальной защиты они имеют право помочь в обжаловании данных решений в вышестоящий орган, прокурору или в суд.

3. В качестве объекта уголовно-процессуальных отношений при оказании правовой помощи выступают права и законные интересы участников уголовного судопроизводства [4, с. 161-181], при государственной защите лиц, содействующих правосудию, — безопасность личности*, ее жизнь, здоровье, имущество.

4. Правовая помощь участникам уголовного судопроизводства осуществляется

в целях защиты, охраны и реализации их прав и законных интересов при выявлении преступлений, их расследовании и судебном разбирательстве, в том числе при угрозе жизни, здоровью и т.д. Государственная защита, с одной стороны, осуществляется в целях устранения угрозы жизни, здоровью физических лиц, уничтожения и повреждения их имущества, с другой — способствует пресечению уклонений лиц, виновных в совершении преступления, от справедливого наказания либо мести за добросовестное участие в уголовном процессе, раскрытию и расследованию преступлений, судебному разбирательству уголовного дела.

Таким образом, анализ особенностей оказания правовой помощи и государственной защиты при угрозе жизни, здоровью, имущественным и иным правам участников уголовного процесса показал, что правовая помощь, с одной стороны, сходна по своей сути с государственной защитой, а данную деятельность в большей мере осуществляют государственные органы уголовного судопроизводства, использующие одни и те же юридические средства. С другой стороны, правовая помощь участникам уголовного судопроизводства имеет свои отличия, связанные с объектом и целью осуществления этой деятельности, а также участием в ней не только государственных органов уголовного судопроизводства, но и профессиональных юристов (адвокатов, защитников, представителей), использующих соответствующие юридические средства (способы, методы, приемы) негосударственного характера.

Изучение вопросов оказания правовой помощи участникам уголовного судопроизводства при применении мер безопасности обозначило несколько основных причин их ненадлежащей реализации. По нашему мнению, одной из проблем, ограничивающих возможность потерпевшего и других участников уголовного судопроизводства на получение правовой помощи, является их крайне низкая информированность о праве на применение мер безопасности, основаниях и порядке осуществления государственной защиты.

Недостаточная эффективность правового содействия потерпевшим и другим участникам уголовного судопроизводства связана, с одной стороны, с их незнанием положений уголовно-процессуального законодательства о содержании и процедуре

* По мнению А.Ю. Епихина, безопасность — «комплекс условий, обеспечивающих состояние защищенности объекта охраны (защищаемого лица) от угрозы нападения либо фактического противоправного воздействия на него со стороны кого бы то ни было, направленных на оборону от имеющейся опасности или угрозы ее появления» [7, с. 53-54].

избрания уголовно-процессуальных и иных мер безопасности и социальной защиты, с другой — с формальным подходом к разъяснению их права в этой сфере со стороны следователя, действия которого «...проявляются, как правило, в получении подписи потерпевшего в постановлении о признании его таковым, в том числе удостоверяющей факт ознакомления с правами и, что самое важное, разъяснений их» [1, с. 140]. Проведенные исследования по этому вопросу показали, что только треть опрошенных следователей информируют потерпевших об их праве на ходатайство о применении мер безопасности в соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ [8, с. 241], и только 8,3 % из них разъясняют содержание этого права [1, с. 140].

На наш взгляд, в целях повышения эффективности реализации прав потерпевшего и других участников уголовного судопроизводства в данной сфере целесообразно обязать суд, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, орган дознания, дознавателя вручать им памятку, в которой разъяснять их право на государственную защиту, процедуру и механизм применения мер безопасности, а также составлять отдельный протокол разъяснения права потерпевшего и других участников уголовного судопроизводства в данной сфере [8, с. 241]. Следует отметить, что в некоторых странах потерпевшему обязательно разъясняются действия, которые он может предпринять в случае угрозы со стороны обвиняемого [9, с. 81].

Еще одной важной проблемой, влияющей на своевременное принятие мер безопасности в отношении потерпевшего и других участников уголовного судопроизводства, нуждающихся в правовом содействии со стороны государственных органов, является некорректная формулировка оснований их применения.

Так, в соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ фактическим основанием для принятия мер безопасности является наличие достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями. В статье 16 Федерального закона «О государственной

защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» основаниями применения мер безопасности являются данные о наличии реальной угрозы убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве, установленные органом, принимающим решение об осуществлении государственной защиты.

Анализ показывает, что в одном случае термин «данные» усилен словом «достаточные», во втором — словосочетанием «о наличии реальной угрозы». С точки зрения русского языка* изложенные в таком контексте основания предписывают должностным лицам, принимающим решение о государственной защите, убедиться в наличии сведений, подтверждающих факт угрозы, с учетом интересов всех заинтересованных участников, и отвечающих определенным условиям. В любом случае эти данные и реальность угрозы должны быть проверены органом, уполномоченным на осуществление государственной защиты, и в течение трех суток (а в случаях, не терпящих отлагательства, немедленно) принимается решение о применении мер безопасности или об отказе в их применении.

С этим положением соглашаются многие ученые. Так, авторы одного из комментариев к УПК РФ указывают, что в соответствующем постановлении должны быть приведены обоснованные фактические данные, указывающие на наличие угрозы, которая должна быть реальной, а не мнимой, и т.п. [10, с. 51, 489]. Реальность возникновения угрозы, по мнению других ученых, может быть также установлена данными, полученными в ходе проведения оперативно-розыскных действий [11].

Такой подход к проверке оснований применения мер безопасности к потерпевшему и другим участникам уголовного судопроизводства способствует появлению многочисленных рекомендаций для практических работников. Например, рекомендуется при определении реальности угрозы учитывать следующие объективные обстоятельства:

* В Словаре русского языка слово «достаточный» разъясняется как «Удовлетворяющий потребностям, необходимым условиям», а слово «реальный» — «Действительно существующий, не воображаемый» [3, с. 144, 548].

1) тяжесть и характер преступления, в связи с которым возник вопрос о применении мер безопасности;

2) характеристику лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, а также лиц, которые каким-либо образом заинтересованы в исходе дела (прежние судимости, положение в обществе, материальное положение, особенности характера, психическая уравновешенность, религиозная и (или) национальная принадлежность (учет национальности и вероисповедания лица, от которого исходит или может исходить угроза, в данном случае никак не ограничит конституционные права данного лица; кроме того, традиции кровной мести и специфическое понимание нравственных категорий представителями определенных национальностей или религиозных групп заставляют относиться к исходящим от них угрозам и обещаниям с большей внимательностью);

3) уязвимость защищаемого лица [12, с. 79].

Анализ рассмотренных оснований показывает, что законодатель не только некорректно изложил их признаки, позволяющие признать необходимость принятия решения о мерах безопасности, но и не признал приоритетными интересы потерпевшего и других участников уголовного процесса, обратившихся за содействием в государственные органы уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, на ущемление интересов потерпевшего указывает, во-первых, требование к должностным лицам, принимающим решение о применении мер безопасности, об обязательности проверки ходатайства (заявления, сообщения) с целью установления в течение трех суток (а в случаях, не терпящих отлагательства, немедленно) «достаточность данных» и «реальность угрозы» жизни, здоровью и имуществу. В реальной жизни часто встречаются ситуации, когда подтвердить наличие такой опасности для потерпевшего и других участников уголовного процесса со стороны обвиняемого или иных лиц не представляется возможным по различным причинам (разовость угрозы, отсутствие свидетелей и т.п.). В указанный срок для принятия решения установить достаточность данных о наличии признаков преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 309 УК РФ «Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению

от дачи показаний либо к неправильному переводу», очень проблематично. В связи с «отсутствием» оснований разрешение подобных ситуаций, как правило, заканчивается отказом в применении рассматриваемых мер, что подтверждают 100 % опрошенных следователей и дознавателей [1, с. 142].

Во-вторых, объект уголовно-процессуальных отношений ограничен только правом на жизнь, здоровье и имущество. В действительности противоправное посягательство может быть направлено на честь и достоинство защищаемых лиц [13, с. 165], иные их права и законные интересы. В жизни имеют место ситуации, когда потерпевший или иной участник уголовного судопроизводства подвергается противоправному воздействию, например, в результате демонстративного преследования на улицах, фотографирования, ночных звонков, распространения порочащих сведений и т.д.

Следовательно, требование законодателя установить достаточные данные о признаках преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 309 УК РФ, в срок до трех суток, а также ограничение объекта уголовно-процессуальных отношений не способствуют признанию интересов потерпевшего и других участников уголовного судопроизводства, подвергшихся преступному воздействию, в качестве приоритетных.

В этом отношении заслуживает внимание проект УПК Республики Казахстан (по состоянию на 30 апреля 2013 г.), в котором предусмотрена отдельная глава 12, посвященная обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства. В соответствии с ч. 1 ст. 96 проекта УПК Республики Казахстан орган, ведущий уголовный процесс, обязан принять меры безопасности в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, других лиц, участвующих в уголовном процессе, а также членов их семей и близких родственников, если в связи с производством по уголовному делу имеются данные об угрозе совершения в отношении их насилия или иного запрещенного уголовным законом деяния. В формулировке оснований для применения таких мер отсутствует словосочетание «достаточные данные». Кроме того, в ст.ст. 96-98 определено, что меры безопасности также применяются в целях защиты от разглашения государственных секретов либо сведений об интимных

сторонах жизни участвующих в деле лиц на основании устного (письменного) заявления потерпевшего или по собственной инициативе органов расследования в течение 24 часов с момента его получения. В отличие от российского уголовно-процессуального законодательства предусмотрены меры безопасности, которые позволяют учитывать степень опасности и реальность угрозы. В их числе официальное предостережение лицу, от которого исходит угроза применения насилия или других запрещенных уголовным законом деяний, о возможном привлечении его к уголовной ответственности; избрание меры процессуального принуждения в виде запрета на приближение; и др.

В связи с вышеизложенным представляется целесообразным в качестве оснований признать только требование участников уголовного судопроизводства о принятии в отношении их и иных лиц мер безопасности с тем, чтобы защитить потерпевшего даже от мнимой угрозы, чем допустить причинение ему вреда со стороны обвиняемого [1, с. 142-143]. По нашему мнению, такой подход, с одной стороны, упростит процедуру осуществления мер безопасности, с другой — потребует увеличения количества принимаемых уголовно-процессуальных мер безопасности, учитывающих степень опасности противоправного воздействия, а также совершенствования полномочий суда (судьи), прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя.

Существуют и иные проблемы неэффективности применения мер безопасности. В частности, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации указывает на недостаточное финансирование программы по защите потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства, недостаточность раз-

меров компенсации вреда, причиненного противоправными действиями, а также на отсутствие практических навыков применения защитных мер, предусмотренных законом, у сотрудников правоохранительных органов и др. [14]. Не уделяется внимания деятельности сотрудников частных охранных и детективных организаций, входящих в «негосударственную» часть российской правоохранительной системы. Однако, по нашему мнению, наиболее важными из них с точки зрения оказания правовой помощи являются рассмотренные выше проблемы.

На основании изложенного, в целях своевременного и эффективного применения мер безопасности при оказании правовой помощи участникам уголовного судопроизводства, предлагаем ч. 3 ст. 11 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«3. При наличии данных об угрозе причинения запрещенным уголовным законом деянием физического, имущественного, морального вреда либо иного вреда правам и законным интересам потерпевшего, свидетеля или иных участников уголовного судопроизводства, а также их близких родственников, родственников или близких лиц суд (судья), прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания и дознаватель на основании их письменного (устного) заявления или по собственной инициативе не позднее двадцати четырех часов с момента их получения принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные частью девятой статьи 166, частью второй статьи 186, частью восьмой статьи 193, пунктом 4 части второй статьи 241 и частью пятой статьи 278 настоящего Кодекса, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации».

Список литературы

1. Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: монография. Хабаровск: Дальневосточный юрид. ин-т МВД РФ, 2013. 320 с.
2. Авдеев М.А. Теоретические и правовые основы обеспечения личной и имущественной безопасности участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 28 с.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1988. 748 с.
4. Фадеев П.В. Теоретические основы правовой помощи участникам уголовного судопроизводства: монография / под ред. О.А. Зайцева. М.: Юрлитинформ, 2014. 280 с.
5. Шевченко К.Д. Процессуальные аспекты государственной защиты потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

6. Воронов Д.В. Порядок применения мер безопасности, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2013. N 2 (2). С. 30-35.
7. Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 331 с.
8. Комиссаров В.И., Славгородская О.А. Гарантии прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2011.
9. Кухта К.И., Махов В.Н. Правовой статус жертвы преступления (потерпевшего) в уголовном процессе США. М.: Юрлитинформ, 2008. 216 с.
10. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. М.: Юрайт, 2012. 1371 с.
11. Кобцова Т.С., Кобцов П.В., Смушкин А.Б. Комментарий к Федеральному закону от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Шнитенков А.В., Великий Д.П. Комментарий к Федеральному закону «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (постатейный). М.: Юрлитинформ, 2007. 112 с.
13. Ибрагимов И.М. Правомерные возможности защиты прав потерпевшего в российском уголовном процессе. М., 2008. 228 с.
14. Рос. газ. 2008. 4 июня.

References

1. Sinenko S.A. *Obespechenie prav i zakonnykh interesov poterpevshego v ugovnom sudoproizvodstve* [Ensuring the rights and legitimate interests of victims in criminal proceedings]. Khabarovsk, Far Eastern Law Institute of the Russian Interior Ministry, 2013. 320 p.
2. Avdeev M.A. *Teoreticheskie i pravovye osnovy obespecheniya lichnoy i imushchestvennoy bezopasnosti uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva. Avtoref. Kand. Diss.* [Theoretical and legal bases of the personal and property safety of participants in criminal proceedings. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2009. 28 p.
3. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary: Some 57 000 words]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1988. 748 p.
4. Fadeev P.V. *Teoreticheskie osnovy pravovoy pomoshchi uchastnikam ugovnogo sudoproizvodstva* [Theoretical Foundations of legal aid to participants in criminal proceedings]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 280 p.
5. Shevchenko K.D. *Protsessual'nye aspekty gosudarstvennoy zashchity poterpevshikh, svideteley i drugih lits, sodeystvuyushchikh ugovnomu sudoproizvodstvu. Avtoref. Kand. Diss.* [Procedural aspects of the state protection of victims, witnesses and other persons assisting in criminal proceedings. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2004.
6. Voronov D.V. *Poryadok primeneniya mer bezopasnosti, predusmotrennykh Ugolovno-protsessual'nym kodeksom Rossiyskoy Federatsii* [The procedure for application of security measures provided by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik* – Altai Law Herald, 2013, no 2 (2), pp. 30-35.
7. Epikhin A.Yu. *Obespechenie bezopasnosti lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve*. [Ensuring the safety of individuals in criminal proceedings]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2004. 331 p.
8. Komissarov V.I., Slavgorodskaya O.A. *Garantii prav poterpevshego v ugovnom sudoproizvodstve* [Guarantee the rights of victims in criminal proceedings]. *Okhrana prav i svobod cheloveka i grazhdanina v ugovnom sudoproizvodstve* [Protection of the rights and freedoms of individuals in criminal proceedings]. Moscow, 2011.
9. Kukhta K.I., Makhov V.N. *Pravovoy status zherty prestupleniya (poterpevshego) v ugovnom protsesse SShA* [The legal status of the victim (victim) in criminal proceedings USA]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2008. 216 p.
10. *Kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow, Yurayt Publ., 2012. 1371 p.
11. Kobtsova T.S., Kobtsov P.V., Smushkin A.B. *Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 20 avgusta 2004 g. N 119-FZ «O gosudarstvennoy zashchite poterpevshikh, svideteley i inykh uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva» (postateynyy)*. [Commentary to the Federal Law of 20 August 2004 N 119-FZ "On state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings" (itemized)]. Accessed at reference legal system "Consultant Plus".
12. Shnitenkov A.V., Velikiy D.P. *Kommentariy k Federal'nomu zakonu «O gosudarstvennoy zashchite poterpevshikh, svideteley i inykh uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva» (postateynyy)* [Commentary to the Federal Law "On state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings" (itemized)]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2007. 112 p.
13. Ibragimov I.M. *Pravomernye vozmozhnosti zashchity prav poterpevshego v rossiyskom ugovnom protsesse* [Legitimate opportunities to protect the rights of the victim in the Russian criminal trial]. Moscow, 2008. 228 p.
14. *Rossiyskaya gazeta* – The Russian newspaper, 2008, 4 June.

КОРНАКОВА С.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
Svetlana-kornakova@yandex.ru
Кафедра уголовного процесса
и прокурорского надзора;
Байкальский государственный
университет экономики и права,
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

KORNAKOVA S.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
Svetlana-kornakova@yandex.ru
Chair of criminal procedure
and prosecutor's supervision;
Baikal State University of Economics and Law,
Lenina St. 11, Irkutsk, 664003,
Russian Federation

ГАЙКОВ Д.Г.,
dgaykov@yandex.ru
Кафедра криминалистики
и судебных экспертиз;
Байкальский государственный
университет экономики и права,
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11

GAIKOV D.G.,
dgaykov@yandex.ru;
Chair of criminalistics
and forensic examinations;
Baikal State University of Economics and Law,
Lenina St. 11, Irkutsk, 664003,
Russian Federation

УСТАНОВЛЕНИЕ МОТИВОВ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ

Реферат. Констатируется отсутствие единства взглядов на понимание мотива психологами, изучающими мотивацию целенаправленного поведения, и юристами, анализирующими причины и механизмы преступления. Признается возможность неосознаваемых побудительных причин (мотивов) преступного поведения. Показаны практические проблемы установления и доказывания мотивов конкретных преступлений, судить о которых можно лишь предположительно, изучая объективные признаки преступления и показания виновного. Достоверное установление мотива преступления осложняется и тем, что виновный зачастую его не осознает, скрывает или искажает. Признавая аксиомой невозможность «безмотивных» преступлений (речь идет о психически здоровом человеке), авторы констатируют, во-первых, неизбежные трудности в установлении всякого мотива, а во-вторых — отсутствие объективной необходимости его установления для признания лица виновным в совершении преступления. Обосновывается целесообразность установления пределов познания психологии преступления субъектом доказывания. Делается вывод, что органы предварительного расследования и суды обязаны полно, всесторонне и объективно исследовать обстоятельства, от которых зависит вывод о наличии или отсутствии в действиях виновного мотива, обосновать свой вывод в обвинительном заключении и приговоре с приведением конкретных доказательств лишь в случае, когда этот мотив предусмотрен уголовным законом в качестве признака преступления. Аргументируется, что перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу, в ст. 73 УПК РФ не может быть признан удовлетворительным, если не учтены практические возможности их установления. Предлагается исключить мотивы совершения преступления из перечня обстоятельств, подлежащих установлению по каждому уголовному делу.

Ключевые слова: субъективная сторона преступления, мотив преступления, обстоятельства, подлежащие доказыванию.

ESTABLISHING MOTIVES FOR COMMITTING CRIMES: CRIMINALISTIC POSSIBILITIES AND CRIMINAL PROCEDURE EXPEDIENCY

Abstract. The lack of unanimity on the motive understanding by psychologists studying the motivation of goal-oriented behavior and lawyers analyzing the crime causes and mechanisms is stated. The possibility of unconscious motives of criminal behavior is admitted. The practical problems of establishing and proving the motives for specific crimes, which can be judged only presumably, by studying actus reus and perpetrator's testimony, are shown. Establishing the motive for crime is complicated by the fact that the guilty person is often not aware of it, conceals or distorts it. The authors acknowledge that crime is impossible without a motive (talking about mentally healthy person). Consequently, they state the inevitable difficulties in establishing any motive and the lack of objective need for its establishing to find a person guilty of committing a crime. The expediency of establishing cognition limits of

crime psychology by the subject of proof is argued. It's concluded that the preliminary investigation bodies and courts must fully, comprehensively and objectively investigate the circumstances that determine the conclusion about the presence or absence of guilty motive in perpetrator's actions. They must justify this conclusion in the indictment and sentence by bringing evidence only in case if this motive is provided by criminal law as element of crime. It's argued that the list of circumstances to be proved in every criminal case, provided by article 73 of the RF Criminal Procedure Code, can't be considered satisfactory, if practical possibilities of their establishing aren't taken into account. It's proposed to exclude the motives for crime from this list.

Keywords: mens rea, motive for crime, circumstances to be proved.

Субъективная сторона преступления раскрывается в теории уголовного права с помощью таких юридических категорий, как вина, мотив и цель совершения преступления. При этом мотив преступления некоторыми учеными рассматривается в качестве связующего звена между сознанием и волей индивида, объективными и субъективными признаками состава преступления. Именно мотив и цель совершения преступного деяния определяют, по мнению С.А. Тарарухина, постановку конкретных задач реальных действий, выбор способов и средств решения этих задач [1, с. 61]. При этом, если цель, как идеальный образ ожидаемого результата действий, определяет весь ход волевого процесса, то, в свою очередь, причиной постановки цели является мотив.

В науке имеется множество мнений по поводу определения понятия «мотив», в том числе и среди психологов, несмотря на то, что это понятие — категория психологическая, и в наибольшей степени она должна быть разработана именно в психологии. Так, с точки зрения С.Л. Рубенштейна, любое действие, направленное на достижение определенной цели, выходит из тех или иных побуждений, а более или менее адекватно осознанное побуждение выступает как мотив» (Рубенштейн С.Л., 2000). Еще более категорично высказывается М.И. Еникеев, по мнению которого мотив — это всегда осознанное побуждение к достижению конкретной цели, которое воспринимается индивидом как личностная необходимость (Еникеев М.И., 2002).

Выдающийся советский психолог А.Н. Леонтьев, напротив, отмечает, что «если цели и отвечающие им действия необходимо осознаются, то иначе обстоит с осознанием их мотива — того, ради чего ставятся и достигаются данные цели» (Леонтьев А.Н., 1977). Сторонники подобного взгляда считают, что мотив — это с разной степенью осознаваемое либо не

осознаваемое вообще побуждение индивида к совершению поведенческого акта, порожденное системой его потребностей. При этом в процессе реализации поступка мотивы, являясь динамическими образованиями, могут трансформироваться (изменяться), что возможно на всех фазах совершения поведенческого акта, который нередко завершается не по изначальной, а по преобразованной мотивации.

Следует отметить безусловную справедливость утверждения Б.В. Харазишвили о том, что подход к мотиву поведения как психологической категории «является основным, определяющим, а подходы с точки зрения всех других наук — вторичные, зависящие от него». Тем не менее из данного положения ученым сделан явно поспешный вывод о том, что всякая попытка дать уголовно-правовое определение мотива преступления является искусственной и ненаучной [2, с. 3-4]. Представляется, что преступление, являясь разновидностью человеческого поведения, соотносится с ним как вид по отношению к роду, поэтому является логичным стремление ученых-юристов дать определение понятия «мотив преступления», отразив в нем характерные именно для преступления видовые отличия. Более того, как в связи с этим отмечалось в юридической литературе, право не должно игнорировать психологию и создавать собственные психологические критерии, поэтому соответствующие научные данные, добытые психологией, должны быть положены в основу правовых понятий (Сахаров А.Б., 1964).

В связи с этим для правовых наук, нуждающихся для своих практических нужд в психологических данных, психология, в границах этих данных, является «материнской» наукой. И даже если, например, криминология, как выражается Г.А. Аванесов, «присваивает» себе достижения психологии и использует их в своих исследованиях, из этого не следует, что

криминология делает психологию «своей служанкой» [3, с. 25], поскольку в таком случае речь будет идти о «психологизирующей» юридической науке, что вряд ли научно. Следует отметить, что ранее указанный автор подчеркивал «во взаимодействии, взаимопроникновении криминологии и психологии, когда эти науки сходятся на решении проблем “мотив — мотивация”, громадную, если не определяющую роль играет психология», «сам “запасник” научных достижений, соответствующий арсенал находятся в психологии» [4, с. 172, 164-165].

Поскольку среди психологов нет единства взглядов в определении мотива, постольку такое же неоднозначное отношение к его содержанию наблюдается и среди юристов, анализирующих причины и механизмы преступного поведения. Сторонники первой точки зрения считают, что мотив относится к волевому поведению: он не может быть неосознанным [5, с. 53]. Мотивом общественно опасного деяния, по мнению представителей этой точки зрения, является обусловленное определенными потребностями осознанное побуждение (стремление) к достижению определенной цели посредством совершения преступления и проявляющееся в нем (Рарог А.И., 1991).

Мы разделяем мнение ученых, придерживающихся противоположной позиции, а именно: мотивы не всегда бывают достаточно четко выражены и ясно осознаны [6, с. 9].

Следует заметить, что и некоторые сторонники первой позиции признают наличие неосознаваемых личностью мотивов, но именуют их побуждениями. Так, А.С. Тарарухин, считая, что «различаются осознанные и неосознанные мотивы (последние обычно именуются побуждениями)», в то же время мотив преступления, как осознанный мотив, определяется через побуждение [5, с. 48, 57]. Возникает вопрос: если осознанное побуждение является осознаваемым мотивом, почему неосознанное побуждение нельзя назвать неосознаваемым мотивом и таким образом признать его существование в мотивации преступных действий?

Г.А. Аванесов, также определяя мотив через осознанное побуждение, тем не менее признает влияние на личность неосознаваемых мотивов, в том числе и

в криминальной сфере, когда, например, «виновный говорит в суде, что не понимает, почему совершил преступление, это, мол, не укладывается в его голове» [4, с. 14, 17]. При этом вызывает возражение суждение указанного автора о том, что мотивы преступлений в большинстве случаев являются осознаваемыми, поскольку «преступник осознает, что он действует преступно» [4, с. 17]. Представляется, что приведенный автором аргумент доказывает не то, что преступник осознавал мотив своего поведения, а лишь то, что он действовал виновно. Интеллектуальный компонент вины, как известно, выражается в том, что виновный осознает, что его действия являются противоправными. Тем не менее, прекрасно осознавая, что нарушает предъявляемые к поведению законом или моралью нормы, человек может не осознавать, почему он это делает.

Кроме этого, учеными-юристами и подход к определению мотива осуществляется с различных позиций. Так, И.Г. Филиановский отождествлял мотив и интерес, определяя мотив преступления как осознанный и конкретно опредмеченный интерес, побудивший к совершению общественно опасного деяния [7, с. 10]. В.Б. Харазисвили ставит знак равенства между мотивом и целевой направленностью преступника [2, с. 14-21], И.Н. Загородников — между мотивом и психическим состоянием [8, с. 72]. С.А. Тарарухин рассматривал в качестве определения мотива преступления стремления, переживания [1, с. 14]. По мнению В.В. Лунеева, возникновение мотива необходимо связано с влечениями, желаниями, стремлениями, интересами [9, с. 48]. В свою очередь, в дефиниции мотива, данной Б.С. Волковым, прослеживается объединение всех вышеперечисленных содержательных характеристик мотива. По его мнению, «мотив преступного деяния есть то, что, отражаясь в сознании человека, побуждает его совершить преступление» [6, с. 62, 67]. Но дело в том, что в сознании отражаются и потребности, и эмоции, и желания, и стремления, и интересы, и переживания, и т.д., но это самостоятельные психологические категории, которые, не являясь мотивом, связаны с ним, поскольку, как верно отмечает Ю.П. Боруленков, любая из этих категорий с возникновением другой существовать не

перестанет, а продолжит присутствовать наряду с ней [10, с. 29].

В юридической литературе встречаются и иные подходы к рассмотрению понятия «мотив». Так, по мнению Г.А. Аванесова, «мотив — категория моральная, и является критерием наших суждений о людях, их намерениях, поступках, другими словами, мотив выполняет нравственно-этическую функцию» [3, с. 12-13]. Позволим себе не согласиться с уважаемым автором, поскольку отличительная особенность моральных категорий заключается в том, что они выражают содержание нравственности, отражая различные моральные позиции [11, с. 17], то есть являются оценочными, аксиологическими категориями, что вряд ли относится к понятию «мотив». Более того, представляется очевидным, что люди по поступкам судят о других людях и их мотивах, но не наоборот.

Бесспорным в науке является положение о том, что в основе мотива лежит потребность, поскольку именно она является источником деятельности, поведения человека: люди осуществляют различные виды деятельности, не придумывая их, а нуждаясь в их результатах. Неудовлетворенность запросов человека является главной предпосылкой его активности, развития, если существует разрыв между уровнем потребностей и возможностью их удовлетворения. Но та же неудовлетворенность является важной предпосылкой преступного проявления, когда вступает в конфликт с возможностью ее удовлетворения. Неудовлетворенные потребности постоянно провоцируют состояние фрустрации с сопутствующей агрессивностью, снижением сознательного контроля и волевой регуляции. В связи с этим очевидно, что влияние эмоций и психологических состояний субъекта на формирование мотива преступного поведения неизбежно.

Кроме этого, любой поступок человека обусловлен обычно не одним мотивом, а несколькими. По этому поводу А.Г. Маслоу отмечал следующее: «Если мы сталкиваемся с поведенческим актом, в котором можно выявить одну-единственную детерминанту, единственный мотив и единственную цель, то нужно понимать, что мы имеем дело с исключением... Такой подход в корне отличен от наивного, прямолинейного подхода, принятого в психологии

личности, когда поведенческий акт жестко соотносится с определенной чертой характера или с определенным мотивом, например, акт агрессии рассматривается как свидетельство агрессивности человека» (Маслоу А.Г., 1999). С таким подходом согласуется признаваемая и психологами, и юристами полимотивность деятельности личности. В связи с этим стремление к достижению одной цели может быть обусловлено действием различных мотивов. Более того, как отмечается в юридической литературе, часто именно ведущие мотивы поступка носят неосознаваемый характер (Шиханцов Г.Г., 2006).

В настоящее время в работах по психологии подробно обсуждается подход к исследованию причин и механизмов целенаправленного поведения, согласно которому в качестве мотивов могут выступать и психические процессы, и психические состояния, и психические свойства личности, побуждающие ее к определенным и весьма конкретным формам активности, деятельности, поведения. И в этом смысле необходимо говорить не об отдельных мотивах, побуждающих человека к активности, а о некоторой их системе, которая в психологии может быть названа мотивационной сферой личности. У человека могут быть устойчивые мотивы, которые существуют в латентной форме, и мотивы, которые экстренно формируются в условиях конкретной ситуации [12, с. 333-335].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что признание правильности позиции, в соответствии с которой «все побуждения человека, в конечном счете, есть потребности или их различные модификации» (Кудрявцев В.Н., 1968), во-первых, не исключает влияния на образование мотива интересов, эмоций, желаний, стремлений и т.д., испытываемых субъектом в процессе формирования преступного поведения. По этой причине суждения о том, что психическое состояние и переживания субъекта не могут породить направленную деятельность (Басова Т.Б., 2004), вызывают возражение. И, во-вторых, вывод о том, что побудительные причины (мотивы) преступного поведения субъекта могут носить неосознаваемый характер.

В связи с этим учеными справедливо отмечается, что выявить подлинные мотивы непросто, особенно если они носят не-

осознанный характер. То, что, на первый взгляд, представляется ведущим мотивом, в действительности может оказаться одним из второстепенных стимулов или вообще не иметь никакого стимулирующего значения (Колесова А.С., 2012). Ю.П. Боруленков также указывает, что в судебно-следственной практике нередки ситуации, когда при очевидности (доказанности) совершения преступления конкретным лицом о мотивах его действий можно только догадываться [10, с. 32].

Таким образом, кроме уже отмеченных теоретических сложностей в определении содержания понятия «мотив преступления», существует проблема практического установления (доказывания) мотивов конкретных преступлений, поскольку о них можно только предположительно судить по внешним проявлениям. В подобных ситуациях информационной неопределенности практика идет по пути упрощения, наиболее эффективным способом которого является использование презумпций, т.е. положений, устанавливающих наличие фактов или событий без полного доказательства их существования. Говоря словами К.Б. Калиновского, презумпция — это вариант действий «по умолчанию» [13, с. 92].

Как справедливо в связи с этим отмечает И.И. Тазин, в современной судебно-следственной практике в отношении установления и доказывания мотивации преступного поведения сложилась триада мотивов-презумпций: «корысть, личная неприязнь, хулиганские побуждения», в соответствии с которой происходит приписывание мотива преступления, исходя из характера его совершения. Естественно, что данные мотивы-презумпции не охватывают, да и не могут охватить всего диапазона реальных внутренних побуждений личности [14, с. 134]. Более того, практика показывает, что к формулировке «хулиганские побуждения» прибегают обычно в тех случаях, когда неясны и в связи с этим не установлены истинные мотивы преступлений. Представляется верным суждение Г.А. Аванесова о том, что «вообще-то мотив "хулиганские побуждения" надуман» [3, с. 127].

Мотив, являясь побуждением, порожденным потребностями субъекта, относится к глубоко личностным психологическим явлениям, скрыт от внешнего восприятия,

поэтому о его действительном содержании можно судить только по объективным признакам совершенного преступления и по тому, как объясняет свое поведение субъект преступления. В связи с этим возникает вопрос: отражают ли объяснения причин своего поступка лицом, совершившим преступление, действительные мотивы его поведения? Представляется, что ответ будет отрицательным, поскольку на практике далеко не единичны случаи, когда виновный либо не осознавал мотивы своего поведения, либо, что встречается гораздо чаще, в процессе расследования преступления, не желая быть познанным, скрывает или искажает осознаваемые им мотивы своего преступного поведения.

Итак, признавая бесспорным положение о том, что преступлений, совершенных без мотива, не бывает, если речь идет о психически здоровом человеке, следует признать, что мотив, во-первых, может не осознаваться личностью и, во-вторых, скрываться ею. В связи с этим неизбежны трудности в установлении мотива, которое, как представляется, и не является необходимым для признания лица виновным в совершении преступления.

Следует пояснить высказанное утверждение.

1. Учитывая неосознаваемый характер многих мотивов, можно предположить, что указываемые в приговорах мотивы преступлений по своему значению чаще всего являются внешними социальными оценками приписываемых преступнику побуждений.

2. Не все побуждения человека, проявляясь во внешнем поведении, могут быть установлены и доказаны. Так, например, преступники часто совершают преступление, будучи в нетрезвом состоянии, и они либо не могут объяснить причины своего поступка, либо объясняют свое поведение состоянием опьянения, поэтому установление истинного мотива преступления не представляется возможным.

3. Важным является признание справедливости следующего обстоятельства: тот факт, что побудительные причины совершения некоторых преступлений могут быть скрыты как от сознания самого субъекта преступления, так и, благодаря предпринимаемым им усилиям, от познания субъектом доказывания по уголовно-

му делу, и в связи с этим достоверно не установленными, не освобождает лиц, совершивших преступления по неосознаваемым или сознательно скрываемым ими мотивам, от уголовной ответственности и наказания.

4. Психологическая сторона преступления должна интересовать субъекта доказывания постольку и в таком объеме, поскольку и в каком объеме это необходимо для решения задач расследования преступления. Здесь главное – то, что, совершая преступление, лицо может не осознавать собственных глубинных побуждений к данному поступку, их внутреннего смысла, но он должен осознавать преступный характер своих действий. Именно это и требуется для установления вины. Виновный наказывается только за то, что он совершил поступок, запрещенный уголовным законом.

5. Зависимость уголовного процесса и уголовно-процессуального доказывания от уголовного права в той или иной степени признается всеми учеными-юристами. Исходя из того, что уголовный закон только тогда вводит в состав преступления признак мотива, когда он придает деянию качественно отличное социальное содержание по сравнению с аналогичными деяниями, представляется, что достоверное установление мотива в процессе расследования уголовного дела необходимо только в этих случаях. Другими словами, только в том случае, когда уголовным законодательством в качестве обязательного признака состава уголовно наказуемого деяния предусмотрен названный в законе конкретный мотив, органы предварительного расследования и суды обязаны полно, всесторонне и объективно исследовать обстоятельства, от которых зависит вывод о наличии или отсутствии в действиях виновного указанного мотива, и обосновать свой вывод в обвинительном заключении и приговоре с приведением конкретных доказательств.

6. Установление истинных побуждений субъекта возможно путем обстоятельного анализа всей предыдущей жизни преступника, изучения глубин его психики, социальных условий, в которых он находился до совершения преступления, и т.п., но это влечет большие временные затраты и может негативно сказаться на сроках рассле-

дования, которые жестко ограничены уголовно-процессуальным законом, в то время как тяготы пребывания под следствием в качестве подозреваемого не должны быть неопределенно длительны. Кроме этого, одним из принципов уголовного процесса является принцип разумности сроков уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ).

7. Следует признать, что с точки зрения степени достоверности результата и возможности допущения ошибки доказывание такого элемента субъективной стороны преступления, как мотив его совершения, принципиально менее надежно, чем установление объективной стороны преступления, поскольку в отдельных случаях может быть невозможным установление действительного содержания мотива совершения преступления как неосознаваемого либо сознательно скрываемого личностью.

8. В свое время в советской юридической литературе было распространено мнение о том, что право не должно интересоваться психологическим образованием неправомерного волевого поведения. Его объектом признавался результат воли, получивший свое конкретное выражение в противоправных действиях или в бездействии лица (Братусь С.Н., 1947). Теория же советского уголовного права и криминологии полностью стояла на точке зрения осознанности мотивов преступлений (Дажель П.С., Котов Д.П., 1974). Не разделяя до конца ни одно из приведенных положений, все же считаем, что пределы познания психологии преступного деяния субъектом доказывания по уголовному делу должны быть подчинены принципу целесообразности. А это значит, что мотив преступления обязательно должен устанавливаться, если он:

1) является квалифицирующим признаком состава преступления;

2) является отягчающим или смягчающим вину обстоятельством (п. 6 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) и, следовательно, влияет на размер наказания;

3) является обстоятельством, исключающим преступность и наказуемость деяния (п. 5 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) либо влекущим за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (п. 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

Поскольку каждое из перечисленных обстоятельств имеет самостоятельное за-

крепление в уголовном и уголовно-процессуальном законах, постольку представляется излишним закрепление мотива в качестве обстоятельства, подлежащего доказыванию, в п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

И, наконец, следует согласиться с Ю.П. Боруленковым в том, что субъективизация уголовного судопроизводства не только ставит задачи, которые современные средства юридического познания не позволяют решить, но и формулирует признаки преступного деяния, установление которых всецело зависит от субъекта их оценки. Уголовное законодательство и судебная практика большинства европейских стран придерживаются принципа «безразличия мотивов», то есть для целей квалификации мотив не имеет значения. А особенность уголовного права Англии заключается в том, что вина (а соответственно, и мотив преступления) не является обязательным признаком преступления. По мнению указанного автора, реформирование отечественного уголовного законодательства может учесть положительный опыт этих стран [10, с. 32].

На основании изложенного можно сделать вывод о необходимости исключения мотива как обязательного элемента предмета доказывания по каждому уголовному делу из содержания ст. 73 УПК РФ. В то же время, как правильно отмечает Ю.П. Боруленков, если это возможно, мотив преступления нужно устанавливать, поскольку его установление есть косвенное доказательство виновности лица в совершении преступления [10, с. 32].

В заключение следует отметить, что понимание мотива поведения человека невозможно без понимания самой личности, ее сущности, а установление обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, также является самостоятельным элементом предмета доказывания по уголовному делу (п. 3 ч. 1 ст. 73 УПК РФ), что еще раз свидетельствует о нецелесообразности включения мотива в перечень обстоятельств, необходимо подлежащих установлению по каждому уголовному делу.

Список литературы

1. Тарарухин С.А. Установление мотива и квалификация преступления. Киев: Вища школа, 1977. 151 с.
2. Харазисвили Б.В. Вопросы мотива поведения преступника в советском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тбилиси, 1964. 21 с.
3. Аванесов Г.А. Мотивационная криминология и базовые мотивы преступного поведения: учеб. пособие. М.: Издат. дом Шумиловой И.И., 2013. 184 с.
4. Аванесов Г.А. 10 глав о мотивации и мотивах. Через призму науки криминологии. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. 303 с.
5. Тарарухин С.А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты. М.: Юрид. лит., 1974. 244 с.
6. Волков Б.С. Проблема воли и уголовная ответственность. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1969. 136 с.
7. Филановский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1970. 31 с.
8. Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1961. 278 с.
9. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1991. 383 с.
10. Боруленков Ю.П. Мотив как элемент предмета доказывания // Мировой судья. 2013. N 2. С. 28-32.
11. Корнакова С.В. Основы этики. Профессиональная этика юриста: учебник. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. 308 с.
12. Общая психология: учеб. пособие / под общ. ред. Н.П. Ансимовой. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013.
13. Калиновский К.Б. «Право презумпций» – стратегия развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Стратегии уголовного судопроизводства: сб. материалов науч. конф. к 160-летию годовщины со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого (11-12 октября 2007 г., г. Санкт-Петербург). М.: РАП, 2008. С. 90-97.
14. Тазин И.И. Процессуальные средства установления и доказывания мотивации преступного поведения // Вестник Томского государственного университета. 2011. N 343. С. 134-136.

References

1. Tararukhin S.A. *Ustanovlenie motiva i kvalifikatsiya prestupleniya* [Establishing motive and qualification of the crime]. Kiev, Vishcha shkola Publ., 1977. 151 p.

2. Kharazishvili B.V. *Voprosy motiva povedeniya prestupnika v sovetskom prave*. Avtoref. Dokt. Diss. [Questions of motive behavior of the offender in the Soviet law. Autoabstract Doct. Diss.]. Tbilisi, 1964. 21 p.
3. Avanesov G.A. *Motivatsionnaya kriminologiya i bazovye motivy prestupnogo povedeniya* [Motivational criminology and the underlying motives of criminal behavior]. Moscow, Publishing house Shumilovoy I.I., 2013. 184 p.
4. Avanesov G.A. *10 glav o motivatsii i motivakh. Cherez prizmu nauki kriminologii* [10 chapters on motivation and motives. Through the prism of the science of criminology] Moscow, UNITI-DANA: Zakon i pravo Publ., 2012. 303 p.
5. Tararukhin S.A. *Prestupnoe povedenie. Sotsialnye i psikhologicheskie cherty* [Criminal behaviour. Social and psychological traits]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1974. 244 p.
6. Volkov B.S. *Problema voli i ugovnaya otvetstvennost'* [The problem of will and criminal responsibility]. Kazan, Publisher University of Kazan, 1969. 136 p.
7. Filanovskiy I.G. *Sotsial'no-psikhologicheskoe otnoshenie sub'ekta k prestupleniyu*. Avtoref. Dokt. Diss. [Socio-psychological attitude of the subject to the crime. Autoabstract Doct. Diss.]. Leningrad, 1970. 31 p.
8. Zagorodnikov N.I. *Prestupleniya protiv zhizni po sovetskomu ugovnomu pravu* [Crimes against life in Soviet criminal law]. Moscow, Gosyurizdat, 1961. 278 p.
9. Luneev V.V. *Motivatsiya prestupnogo povedeniya* [The motivation of criminal behavior]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 383 p.
10. Borulenkoy Yu.P. *Motiv kak element predmeta dokazyvaniya* [Motive Motif as an element of proof of the object]. *Mirovoy sud'ya* – Magistrate, 2013, no. 2, pp. 28-32.
11. Kornakova S.V. *Osnovy etiki. Professional'naya etika yurista* [The foundations of ethics. A professional lawyer's ethics]. Irkutsk, 2012. 308 p.
12. *Obchaya psikhologiya* [General psychology]. Yaroslavl, Izd-vo YAGPU, 2013.
13. Kalinovskiy K.B. *"Pravo prezumptsiy" – strategiya razvitiya ugovnogo i ugovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva* ["Right presumptions" strategy of the development of criminal and criminal-procedural legislation]. *Strategii ugovnogo sudoproizvodstva* [Strategies of criminal proceedings]. Moscow, 2008. Pp. 90-97.
14. Tazin I.I. *Protsessual'nye sredstva ustanovleniya i dokazyvaniya motivatsii prestupnogo povedeniya* [Procedural means of establishing and proving the motivation of criminal behavior]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Tomsk State University, 2011, no. 343, pp. 134-136.

Раздел 8. Совершенствование правоохранительной практики

ДРОНОВА О.Б., кандидат юридических наук, nio-va@rambler.ru Научно-исследовательский отдел; Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 400089, г. Волгоград, Историческая, 130	DRONOVA O.B., Candidate of Legal Sciences, nio-va@rambler.ru Scientific Research Department; Volgograd Academy of the MIA of the Russian Federation, Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089, Russian Federation
--	---

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОБОРОТУ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ ПРОДУКЦИИ

Реферат. Показана актуальность противодействия реализации потребителям фальсифицированных товаров. Ежегодный ущерб, причиняемый производством и распространением фальсифицированной продукции, достигает нескольких миллиардов долларов. Несмотря на внедрение производителями продукции новых способов и защитных элементов, угроза приобрести недоброкачественный, контрафактный или фальсифицированный товар сохраняется. Меры, предпринимаемые правоохранительными органами, государственными структурами, общественными правозащитными организациями, пока не приводят к систематическому пресечению производства и реализации такой продукции. Повышению информированности населения, а также обеспечению правоохранительных органов необходимыми сведениями может способствовать создание информационно-справочного ресурса, который будет содержать как блоки сведений о защитных средствах на упаковках и самом продукте, так и иллюстративный материал с образцами выявленных фальсифицированных товаров. Реализацию создания, размещения и функционирования информационно-справочной системы в сети Интернет могут взять на себя структуры, осуществляющие государственную и общественную защиту прав потребителей и предпринимателей, совместно с производителями, представителями правообладателей и правоохранительными органами. Такой уровень взаимодействия всех заинтересованных структур позволит существенно повысить эффективность мер по противодействию реализации товаров с нарушенными потребительскими свойствами. Необходимо организовать функционирование информационно-справочного ресурса, предназначенного для широкого круга пользователей. Формирование и функционирование такого ресурса должно соответствовать основным принципам формирования любого информационного массива: полномасштабность, достоверность и актуальность информации. Автором предлагается алгоритм создания такой системы, предусматривающий активный процесс взаимодействия правоохранительных органов с производителями и потребителями продукции в целях профилактики оборота некачественной продукции и расследования совершенных преступлений.

Ключевые слова: фальсифицированный товар, информационно-справочный ресурс, потребители, производители, защитные средства.

CURRENT MEANS FOR RAISING EFFICIENCY OF COUNTERACTION TO COUNTERFEIT GOODS TRAFFICKING

Abstract. The urgency of counteraction to counterfeit goods trafficking is shown. Annual loss due to counterfeit goods producing and trafficking reaches several billion dollars. There remains a danger of buying low-quality and counterfeit goods despite implementing new producing techniques and protective elements. Measures, taken by law enforcement agencies, state authorities and public human rights organizations have not led to systematic suppression of producing and trafficking of such goods. Creation of new information and reference resource, containing information blocks of protective symbols on goods and packages and illustrated materials comprising patterns of discovered counterfeit goods, can assist to increase public awareness and to give necessary information to law enforcement agencies. Organizations, realizing state and social protection of consumers and entrepreneurs, along with producers, rightholders' representatives and law enforcement bodies can accept the responsibility of creating and functioning this information and reference system in the Internet. Such level of cooperation of all interested organizations will allow to raise efficiency of measures for counteraction to trafficking goods with violated consumer properties. The author proves the necessity to organize

functioning of information and reference resource for a wide range of users. Operation of such resource should comply with main principles of generating any information resource, notably full scale, authenticity and relevance of information. The author proposes the algorithm of creating such system which provides cooperation of law enforcement agencies, producers and consumers for the purpose of preventing counterfeit goods trafficking and investigating committed crimes.

Keywords: counterfeit goods, information and reference resource, consumers, producers, protective techniques.

Проблема обмана потребителя, равно как и процесс противодействия распространению фальсифицированной продукции, существует с момента возникновения рыночных отношений. Она характерна как для экономически благополучных стран, так и для стран с низким уровнем дохода населения. Современные высокотехнологичные средства подделки и значительные возможности виртуальных средств реализации товаров через сеть Интернет усугубляют опасность для потребителя приобрести фальсифицированную продукцию. Сегодня ни высокая цена, ни фирменные салоны продаж не могут полностью гарантировать приобретение оригинальной вещи.

Система обеспечения безопасности продукции, процессов ее производства предполагает ответственное поведение не только предпринимателя, но и потребителя (о чем обычно люди забывают в повседневной жизни), активную роль общественных объединений и, конечно, эффективную, слаженную работу правоохранительных органов и надзорных структур. Формирование рациональной модели потребления требует от граждан любой страны понимания того, что, приобретая товары сомнительного происхождения, они не только рискуют своим здоровьем и поддерживают нелегальных производителей, но и, по сути, ставят под удар всю систему создания качественных изделий, в которые вложен значительный физический и интеллектуальный труд. Все это ведет к недобросовестной конкуренции и падению объемов инвестиций и в конечном счете снижает уровень жизни в стране. Необходим достаточно длительный процесс трансформации общественного сознания, направленный на повышение информационной грамотности населения как ответственного потребителя и изменение отношения производителей к репутации собственной продукции и марки продукта [1, с. 13-14].

Многочисленные семинары-совещания, конференции и конгрессы по вопросам борьбы с фальсифицированной про-

дукцией традиционно рекомендуют пересмотр законодательства в сторону ужесточения наказания и введения дополнительных статей, регламентирующих ответственность за фальсификацию конкретного продукта, критикуют правоохранительные органы и толерантность населения нашей страны в вопросах приобретения подделок. Однако конкретных мер, направленных на ликвидацию процесса производства и реализации подделок, пока практически не предпринимается. Следует признать, что правоохранительным органам в одиночку с данной проблемой не справиться, равно как нельзя избавиться сразу от всего нелегитимного товара.

В настоящее время существуют общественные организации и некоммерческие партнерства, которые выделяют лучших производителей продукции различного вида, награждая их марками «Лучший производитель года», в рамках добровольной сертификации существуют проекты «Марка года», «Товар года» и т.д.

Данные формы поощрения призваны выделить лучших производителей, однако наряду с этим необходимо вести деятельность по искоренению недоброкачественной продукции, раскрывая уловки и технологии, к которым прибегают недобросовестные предприниматели. В качестве примера этой формы противодействия можно привести создание телевизионных программ «Среда обитания», «Контрольная закупка», транслируемых на наиболее популярных каналах, в которых изучаются потребительские свойства пищевых продуктов массового потребления, приводятся результаты экспертиз пищевых продуктов, физико-химических и товароведческих. Периодически создаются документальные передачи, рассказывающие об уловках недобросовестных производителей, заменяющих дорогой продукт дешевым составленным с добавлением к нему пищевых добавок. Однако такие формы противодействия распространению фальсифицированной продукции не дают

существенных результатов по причине их эпизодичности и охвата незначительного объема потребителей.

В борьбе за качественный рынок товаров народного потребления используются и современные технические средства, к которым можно отнести технологию «DataDot», заключающуюся в нанесении на дорогостоящие товары (например, узлы автомобилей) множества микродотов, с которых с помощью портативного оборудования считывается персональный идентификационный номер. На ряде потребительских товаров нашей страны можно увидеть код под скретч-слоем, который регистрируется в центральной базе данных, а проверка кода осуществляется через SMS или на сервере, при этом после некоторого количества проверок (настраивается производителем) в ответ приходит сообщение «товар продан». Российские разработчики для защиты товаров предлагают технологию QRGL (QRGL-этикетка — защитный элемент, изготавливаемый из бумаги, пластика, или любого другого подходящего материала и наклеиваемый непосредственно на товар или его упаковку). QRGL-этикетка содержит QR-код, который предназначен для проверки товара до покупки в магазине посредством смартфона. Аналогична вышеуказанной системе технология RFID (на тонкую этикетку нанесены антенна и чип, что обеспечивает возможность бесконтактного чтения и записи информации). Данная метка может быть спрятана внутрь товара или в упаковку.

Указанные средства отождествления продаваемой продукции, несомненно, должны способствовать повышению внимательности населения при выборе товаров. Однако на практике покупатели в нашей стране считают, что ответственность за доброкачественность потребительского рынка должна лежать на представителях контролирующих и проверяющих структур.

У большинства невиктимизированных граждан складывается представление о деятельности правоохранительных органов на основе сведений, получаемых ими из средств массовой информации [2, с. 64], и в случае, когда они сталкиваются с приобретением фальсифицированной продукции, начинают чувствовать себя незащищенными. В дальнейшем они будут опасаться возможности стать жертвой недобросовестных

производителей и реализаторов, вина в этом недостаточно эффективную деятельность правоохранительных органов.

Одним из вариантов решения проблемы может быть создание информационно-справочной системы по наиболее востребованным видам товаров, которые чаще всего становятся объектами фальсификации. Ранее необходимость и возможность создания таких систем и сопровождающих их натурных коллекций неоднократно рассматривались и частично реализовывались на базах экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел [3, с. 94]. Однако они были предназначены для узкого круга пользователей, в основном лиц, осуществляющих проведение исследований и экспертиз аудиовизуальной продукции.

Принципы организации информационных ресурсов требуют совместимости различных автоматизированных поисковых систем на программном уровне или на уровне логических маркеров; использования современных средств связи для интеграции информационных ресурсов и передачи информации по запросам; решения организационных вопросов функционирования автоматизированных информационных ресурсов правоохранительных органов, государственных организаций и служб [4, с. 139].

Предлагаемый вариант информационно-справочной системы должен быть предназначен для всех участников рынка (производителей, реализаторов, потребителей) и правоохранительных органов. Создание и использование данной системы подразумевает системное и логическое решение задачи интеграции информационных ресурсов, предоставленных производителями продукции или ее экспортерами, с натурными образцами фальсифицированных товаров и сведениями о них, поступающими в правоохранительные органы в рамках расследования уголовных дел.

Создание, размещение и функционирование информационно-справочной системы в сети Интернет могут взять на себя структуры в рамках государственной и общественной защиты прав потребителей и предпринимателей совместно с производителями, представителями правообладателей и правоохранительными органами.

В связи с тем, что в информационно-справочной системе будет содержаться разнородная информация, помещенная в общий ресурс, необходимо выдержать принцип унификации и типизации применительно ко всему объему массива.

Типизация предусматривает единство подходов к построению разнородных информационных массивов, предполагающее создание единых аппаратно-программных платформ. Для решения большого объема задач необходимо использование архитектуры с распределенными вычислительными ресурсами и едиными банками и базами данных, что позволит сосредоточить информацию в одном хранилище и обеспечит возможность ее конвертирования при изменении программных оболочек и интерфейсов, распределенный одновременный доступ к этой информации [5, с. 220].

Процесс формирования массивов может быть представлен в виде следующего алгоритма:

1. Анализ информации о наиболее часто встречающихся товарах-фальсификатах на потребительском рынке, которая может быть взята из статистических сведений информационных центров, управлений экономической безопасности и экспертно-криминалистических подразделений. В ходе анализа фиксируются наиболее часто встречаемые объекты, например такие, как конкретные виды (марки) алкогольной, аудиовизуальной, фармацевтической, косметической и табачной продукции. При этом необходимо обратить особое внимание на проблемные объекты, которые, несмотря на наличие косвенных признаков нелегального производства, не получают однозначной оценки как фальсифицированной продукции ни в рамках экспертизы (определение технического контрафакта), ни в рамках проведения следственных действий. Именно по таким объектам целесообразно в первую очередь создавать информационные массивы.

В данном случае действия правоохранительных органов могут выполнять и функцию профилактики рассматриваемого вида преступления, так как массивом смогут воспользоваться потребители перед приобретением необходимого товара, а кроме того, производитель, видя, что его товар часто подделывается недобросовестными

«конкурентами», сможет снабдить его дополнительными защитными средствами.

2. Результаты вышеописанного анализа в виде справки направляются правообладателю или производителю продукции с предложением передать пакет информации об элементах защиты товара с подробным описанием и иллюстративным материалом согласно шаблонному перечню, включающему этикетки, голограммы, особенности упаковочного материала продукта и т.д. Наиболее эффективным в данном взаимодействии могло бы стать предоставление самого оригинального образца продукции, однако это связано со значительными финансовыми затратами и различными особенностями сроков производства и годности потребительского товара.

3. Получив искомые материалы, организатор формирования информационно-справочной системы размещает ее в массиве на отдельной странице в информационной папке. Все сведения могут быть систематизированы по папкам в нескольких вариантах, объединены либо по производителю (торговой марке), либо по виду товара (алкогольная продукция, косметическая, парфюмерная и т.д.). Страница товара может содержать иллюстративное изображение продукта в разных ракурсах, его дополнительной упаковки (при наличии) с описанием особенностей ее изготовления (материал, элементы крепления, защитные элементы изготовления и печати или литья). Рядом с изображением необходимо размещать информацию о производителе, стране изготовления, сроке начала (снятия с) производства продукции, индивидуальных особенностях продукта (в зависимости от вида это может быть объем, размерный ряд, цветовые гаммы, количество единиц продукции в комплекте и др.). Отдельно может быть размещена информация о дополнительных технических средствах защиты товара (наличие кодов под скретч-слоем, использование технологии QRGL и т.д.) с отдельной ссылкой на правила самостоятельной проверки информации по данным системам.

4. Правоохранительные органы могут использовать данный информационный массив в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению фальсифицированной и контрафактной продукции, использовать ее в процессе

расследования уголовных дел. При проведении исследований и экспертиз данный массив может быть использован в качестве дополнительного информационно-справочного материала. В свою очередь, правоохранительные органы смогут разместить через организаторов информационно-справочной системы сведения с иллюстративным материалом о способах подделки основных элементов защиты продукции, а также варианты товаров-имитаторов основной марки.

5. Необходимо предусмотреть возможность потребителей оставлять отзывы на страницах с информацией о потребительском товаре, без права внесения изменений в основную страницу. Такая обратная связь позволит не только оценить востребованность системы простыми потребителями, но и дополнительно выявить места реализации фальсифицированных или контрафактных товаров.

Существенный резерв повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений заключается в системном использовании имеющихся информационных технологий, включенных в единое информационное пространство [6, с. 103]. Организация информационно-справочной системы должна быть основана на совокупности принципов, основным из которых должен стать охват максимально возможного спектра продукции, подвергающейся фальсификации. Особое внимание следует уделить объектам, которые могут быть опасны для жизни и здоровья потребителей (лекарственные средства, продук-

ты питания, алкоголь). Данный принцип тесно взаимосвязан с необходимостью использования достоверных сведений, предоставленных производителем или импортером продукции. В противном случае будет отсутствовать необходимый комплекс информационных признаков, позволяющий получить полное представление о легальности происхождения товаров. Кроме того, необходимо контролировать актуальность нахождения информации в массиве, так как производители периодически осуществляют ребрендинг и рестайлинг своей продукции, поступающей в торговые точки. В связи с этим требуется контроль за систематическим обновлением информационно-справочной системы.

Необходимость создания информационно-справочной системы по потребительским товарам, наиболее часто подвергающимся фальсификации, продиктована насущными проблемами, с которыми сталкиваются как рядовые потребители, так и правоохранительные органы. Знание особенностей признаков защиты, устанавливаемой производителями для предотвращения подделки своих товаров недобросовестными «конкурентами», а также наглядная информация о наиболее часто встречающихся образцах фальсифицированной продукции должны способствовать развитию потребительской грамотности простого покупателя и улучшению информационного обеспечения правоохранительных органов при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Список литературы

1. Медведев Д.А. Защита интеллектуальной собственности как фактор инновационного развития России [Электронный ресурс] // I Международный форум «АНТИКОНТРАФАКТ-2012». URL: www.antikontrafakt.com (дата обращения: 18 марта 2014 г.).
2. Алексеева А.П. Деятельность российской полиции в оценках общественности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. Вып. 4 (19). С. 62-65.
3. Доможиров В.В., Дронова О.Б. Направление взаимодействий государственных, общественных и частных организаций с правоохранительными органами в целях борьбы с рынком нелегальной продукции // Использование достижений иных наук в криминалистике: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, 18-19 апреля 2008 г. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2008. С. 94-98.
4. Курин А.А. Обоснование телекоммуникационной системы криминалистической регистрации // Судебная экспертиза. 2013. N 4 (36). С. 135-140.
5. Курин А.А., Дронова О.Б. Экспертно-криминалистические учеты МВД России: учебник. Волгоград, 2013.
6. Курин А.А. Систематика криминалистической регистрации на современном этапе // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. N 4 (26). С. 98-111.

References

1. Medvedev D.A. *Zashchita intellektual'noy sobstvennosti kak faktor innovatsionnogo razvitiya Rossii* [Protection of intellectual property as a factor of innovative development of Russia.]. *I Mezhdunarodnyy forum «ANTIKONTRAFAKT-2012»* [I International Forum "ANTIKONTRAFAKT 2012"]. Available at: <http://www.antikontrafakt.com> (Accessed 18 March 2014).
2. Alekseeva A.P. *Deyatel'nost' rossiyskoy politsii v otsenkakh obshchestvennosti* [Russian police activity in public assessments]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* – Herald of the Volgograd Academy of Internal Affairs of Russia, 2011, edition 4 (19), pp. 62-65.
3. Domozhirov V.V., Dronova O.B. *Napravlenie vzaimodeystviy gosudarstvennykh, obshchestvennykh i chastnykh organizatsiy s pravookhranitel'nymi organami v tselyakh bor'by s rynkom nelitsenzionnoy produktsii* [Areas of cooperation of state, public and private organizations with law enforcement agencies to combat market unlicensed products]. *Ispol'zovanie dostizheniy inyykh nauk v kriminalistike* [Using the achievements of other sciences in criminology]. Krasnodar, Kuban State Agrarian University, 2008. Pp. 94-98.
4. Kurin A.A. *Obosnovanie telekommunikatsionnoy sistemy kriminalisticheskoy registratsii* [Justification of the telecommunication system of forensic registration]. *Sudebnaya ekspertiza* – Forensic examination, 2013, no. 4 (36), pp. 135-140.
5. Kurin A.A., Dronova O.B. *Ekspertno-kriminalisticheskie uchety MVD Rossii* [Forensic counts of the Russian Interior Ministry]. Volgograd, 2013.
6. Kurin A.A. *Sistematika kriminalisticheskoy registratsii na sovremennom etape* [Systematics of forensic registration at the present stage]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* – Legal science and law enforcement practice. 2013, no. 4 (26), pp. 98-111.

ДУБОНОСОВ Е.С., доктор юридических наук, профессор, dubonosov1@ya.ru Кафедра уголовного права и процесса; Тульский государственный университет, 300012, г. Тула, пр. Ленина, 92	DUBONOSOV E.S., Doctor of Legal Sciences, professor, dubonosov1@ya.ru Chair of Criminal Law and Procedure; Tula State University, Lenin Ave. 92, Tula, 300012, Russian Federation
ПЕТРУХИНА О.А., кандидат юридических наук, petruhina7979@mail.ru Кафедра уголовного права и процесса; Тульский государственный университет, 300012, г. Тула, пр. Ленина, 92	PETRUKHINA O.A., Candidate of Legal Sciences, petruhina7979@mail.ru Chair of Criminal Law and Procedure; Tula State University, Lenin Ave. 92, Tula, 300012, Russian Federation

ФОРМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ИСПОЛНЕНИЮ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И МЕРЫ ПО ЕГО НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Реферат. Противодействие криминальной среды рассматривается как целенаправленное, активное и умышленное воздействие ее представителей на участников уголовного процесса. Оно направлено на лиц, которые в силу своих профессиональных обязанностей участвуют в раскрытии, расследовании преступлений, в судебном разбирательстве, носителей доказательственной информации (свидетелей, потерпевших и др.). Противодействие может выражаться в различных формах: дискредитация оперативных работников, следователей и судей; давление на лиц, осуществляющих расследование, судебный процесс, путем подкупа, шантажа, угрозы жизни и здоровью им и их близким и др. В связи с многообразием форм и целей противодействия становится неэффективным процесс отправления правосудия. Показано особое значение осведомленности оперативных аппаратов о деятельности представителей криминальной среды, выявления фактов оказания противоправного воздействия на очевидцев и жертв преступлений, которые впоследствии приобретают процессуальный статус свидетелей и потерпевших с целью пресечения фактов противоправного воздействия на них. Пресечение противодействия криминальной среды предлагается осуществлять в следующих направлениях: 1) выявление через негласный аппарат и путем проведения оперативно-розыскных мероприятий лиц, предпринимающих попытки оказания воздействия на ход предварительной проверки и проводимого расследования; 2) документирование действий подозреваемых, направленных на оказание противоправного воздействия на участников уголовного процесса с целью проведения процессуальных действий и принятия решений; 3) осуществление внутрикамерной разработки задержанных и арестованных на протяжении всего процесса оперативно-розыскного обеспечения; 4) создание следственно-оперативной группы для выработки общего механизма нейтрализации противодействия криминальной среды расследованию преступления.

Ключевые слова: противодействие, государственная защита, участники уголовного процесса, безопасность, криминальная среда, оперативно-розыскные мероприятия.

FORMS OF THE CRIMINAL ENVIRONMENT COUNTERACTION TO PERFORMING THE FUNCTION OF STATE PROTECTION OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND MEASURES OF ITS NEUTRALIZATION

Abstract. Criminal environment's counteraction is considered as purposeful, active and intentional influence of its representatives on participants in criminal proceedings. It is directed at persons who, due to their professional duties, are involved in detection and investigation of crimes as well as court proceedings, or who possess evidentiary information (witnesses, victims, etc.). Counteraction may be expressed in different ways: discrediting operatives, investigators and judges; pressure on persons involved in the investigation and the trial through bribery, blackmail, threats to life and health of themselves and their family, etc. The administration of justice becomes inefficient due to the variety of forms and purposes of counteraction. The importance of operational units' awareness of the activities of criminal environment representatives is shown. The importance of revealing the facts of unlawful influence on

witnesses and victims of crime, who subsequently acquire procedural status of witnesses and victims, in order to prevent such facts is also stressed. It is proposed to suppress the counteraction of criminal environment by following ways: 1) identifying (with the help of informants and by crime detection actions) the persons attempting to influence the preliminary investigation; 2) documenting the suspects actions aimed at illegal influence on participants in criminal proceedings for the purpose of conducting the procedural actions and decision making; 3) "in cell" (using an agent) crime detection actions against detainees and arrestees throughout the whole process of covert operation; 4) creating investigative team to develop a common mechanism to neutralize criminal environment's counteraction to crime investigation.

Keywords: counteraction, state protection, participants in criminal proceedings, security, criminal environment, crime detection actions.

На современном этапе развития юридических наук активно формируются теоретические основы и практические рекомендации по нейтрализации противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Связано это с тем, что противодействие, носившее в большинстве своем единичный и разрозненный характер, постепенно трансформировалось в социальное явление [1, с. 195].

Вместе с тем дальнейшая выработка системы научных знаний о противодействии предполагает четкое определение форм его осуществления. Имеющиеся в научной литературе определения форм противодействия отличаются разнообразием подходов, базирующихся на социологических исследованиях. Например, Ш.В. Аутлев предлагает классификацию форм и способов противодействия, осуществляемого в ходе судебного следствия [2, с. 3]. Наиболее полный и приемлемый для нашего исследования перечень форм противодействия находит отражение в работах И.А. Климова, В.П. Кувалдина, Г.К. Синилова и др. В то же время нам представляется, что необходимо конкретизировать эти фундаментальные подходы применительно к функции государственной защиты участников уголовного судопроизводства.

По характеру проявления противодействия организованных структур источники угроз подразделяются на завуалированные (скрытые) формы, т.е. прямо не исходящие от субъекта противодействия, и открытые, осуществляемые через непосредственный контакт и взаимодействие с правоохранительными органами. Бесспорно, что первая группа форм отражает стратегический уровень и может быть использована для выработки мер превентивного характера и воздействия на сферу криминальных интересов с целью недопущения

формирования преступных структур, консолидации криминальной среды и ее трансформации в преступные сообщества для оказания противодействия расследованию.

Полагаем, что необходимо различать противодействие работе правоохранительных органов, противодействие раскрытию и расследованию конкретного преступления и решаемую при этом частную задачу — противодействие исполнению функции государственной защиты участников уголовного процесса. При этом мы разделяем мнение ученых и практиков о том, что противодействие раскрытию и расследованию конкретного преступления (тактический уровень) представляет собой деятельность, в ходе которой могут быть реализованы «достижения» стратегического противодействия в целях частного характера [3, с. 157; 4, с. 18].

Принципиальное значение имеет определение форм противодействия криминальной среды, выражающееся в целенаправленном, активном и умышленном воздействии представителей криминальной среды на участников уголовного процесса, которое может быть направлено:

- на лиц, которые в силу своих профессиональных обязанностей участвуют в оперативно-розыскном обеспечении, расследовании или судебном разбирательстве (оперативных сотрудников, следователей, судей и др.);

- носителей доказательственной информации — участников уголовного процесса (свидетелей, потерпевших, заявителей и др.).

Противодействие первой группе участников уголовного процесса выражается в следующих формах:

- а) целенаправленная дискредитация оперативных сотрудников, следователей и судей путем использования средств массовой информации для создания напря-

женной общественной атмосферы вокруг личности подозреваемого и организации протестов общественных правозащитных движений на почве «подрыва» демократических устоев для дестабилизации процесса расследования;

б) оказание давления на лиц, осуществляющих расследование, судебный процесс, путем подкупа, шантажа, угрозы жизни и здоровью им и их близким для сокрытия, искажения, уничтожения и скрывания следов противоправной деятельности* [5, с. 105], влияния на процесс расследования в интересах криминальных структур (прекращение, перекавалификация дела, изменение меры пресечения, вынесение заведомо несправедливых приговоров и др.);

в) вовлечение в уголовный процесс коррумпированных сотрудников правоохранительных органов для установления нелегальных каналов связи с арестованными и согласования линии поведения в процессе расследования, а также организации утечки доказательственной информации;

г) привлечение на общегрупповые средства высокооплачиваемого адвоката для получения легального доступа к доказательственной информации и передачи ее представителям преступных группировок.

Указывая на различные формы противодействия, нельзя сказать, что законодательная и исполнительная власть не представляют себе социальной остроты и общественной опасности данного явления. Так, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ «Об ОРД») в п. 5 ч. 2 ст. 7 закрепляет в качестве основания проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) постановление о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц. Более того, важнейшим документом в данной сфере является Федеральный закон от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», а также Постановление Правительства РФ от

21 сентября 2012 г. N 953 «Об утверждении Правил применения меры безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»**. Уголовный кодекс РФ содержит более 30 статей, так или иначе касающихся проблемы противодействия раскрытию преступлений (ст.ст. 17, 18, 33, 35, 61, 63, 75, 78, 294-296, 298.1, 302, 303, 306-311, 313, 316). В числе новых норм особо отметим ст. 294 «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования», ст. 303 «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности», ст. 309 «Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу», ст. 310 «Разглашение данных предварительного расследования» и др.

Наиболее опасным воздействием на участников уголовного судопроизводства второй группы являются угрозы, исходящие от преступника и его окружения. В качестве основного объекта защиты в данном случае выступает личная безопасность потенциальных и реальных свидетелей и потерпевших. Как показывает изучение уголовных дел, свидетели и потерпевшие (потенциальные и действующие), в отличие от сотрудников правоохранительных органов, редко обращаются с заявлениями об оказании на них негативного воздействия со стороны преступников и их окружения. Доминирующими мотивами такого поведения являются страх за себя и своих близких и неверие в возможность органов, осуществляющих государственную защиту, обеспечить их безопасность.

** Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. N 144-ФЗ: ред. от 21 дек. 2013 г. // Рос. газ. 1995. 18 авг.; 2013. 25 дек.; О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20 авг. 2004 г. N 119-ФЗ: ред. от 4 июня 2014 г. // Рос. газ. 2004. 25 авг.; 6 июня; Об утверждении Правил применения меры безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: постановление Правительства РФ от 21 сент. 2012 г. N 953: ред. от 14 мая 2013 г. // Рос. газ. 2012. 26 сент.; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 20. Ст. 2504.

* Невыделение способа сокрытия преступления в отдельную форму обусловлено установленными в науке утверждениями о том, что противодействие расследованию значительно шире способа сокрытия преступления, соответственно, способ сокрытия преступления может выступать составляющим элементом противодействия расследованию.

По данным ВНИИ МВД России, около 60 % граждан, ставших жертвами преступлений, опасаясь угроз в свой адрес, вообще не обращаются в правоохранительные органы. По этой же причине очень сложно бывает найти свидетелей тяжких преступлений.

Противодействие в отношении данной группы участников судопроизводства проявляется в следующих формах:

а) подкуп, психическое и иное воздействие на потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства с целью изменения своих показаний или сокрытия следов преступной деятельности;

б) шантаж путем угроз распространения сведений, порочащих честь и достоинство, деловую репутацию лиц, участвующих в уголовном процессе;

в) угроза повреждения и уничтожения личного имущества лиц, участвующих в уголовном процессе, а также членов их семей;

г) применение физического насилия и убийство свидетелей и потерпевших.

Однако, нося умышленный характер и детерминируемое активными действиями криминальной среды, противодействие не ограничивается только деяниями, содержащими признаки преступления или противоправного деяния. Противодействие может выражаться в пассивных формах, которые чаще всего являются следствием уже состоявшегося воздействия или его боязнью, обусловленной повышенной опасностью преступной группы.

В связи с этим как самостоятельные формы противодействия могут рассматриваться: уклонение участников уголовного судопроизводства от участия в расследовании путем неявки по вызову лица, производящего расследование; выезд в другие регионы страны и государства; симулирование болезненных состояний; переезд в другое место жительства и населенный пункт; использование депутатского и должностного иммунитета [6, с. 61].

Нельзя обойти вниманием противодействие, которое может иметь вполне законные формы. Так, в соответствии со ст. 51 Конституции РФ «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом».

Как показывает судебно-следственная практика, подобные отказы от дачи свидетельских показаний, участия в следственных действиях имеют все большее распространение.

На имеющихся результатах исследований, полученных в процессе анкетирования более 250 оперативных и следственных работников ОВД, можно показать, какие средства воздействия на участников уголовного процесса имели место в их практической деятельности:

– оказание психического воздействия, выражающееся в угрозах совершить убийство, расправу, уничтожить имущество, – 23,6 %;

– совершение противоправного действия в отношении членов семьи, родственников участника уголовного процесса – 9,9 %;

– применение физического насилия – 18,1 %;

– унижение чести и достоинства путем оскорбления и клеветы – 7,2 %;

– умышленное повреждение или уничтожение имущества – 15,5 %;

– шантаж – 27,2 %;

– подкуп – 32,7 %.

По характеру контакта следует различать воздействие непосредственное, осуществляемое при личном общении, и опосредованное.

Проведенное эмпирическое исследование показало, что воздействие при личном контакте осуществлялось в 63,6 % случаев.

Интерес представляют также опосредованные способы воздействия, которые осуществлялись: письменно – 7,2 %; с использованием посредников – 29 %; через средства массовой информации – 1,8 %; по телефону – 5,4 %.

Как показало проведенное исследование, противодействие в 82,7 % случаев инициируется самим преступником. При этом общая цель противодействия может быть различна:

– прекращение уголовного дела, оправдание – 43,6 %;

– изменение меры пресечения – 16,3 %;

– переквалификация преступления на менее тяжкое – 23,6 %;

– направление уголовного дела на дополнительное расследование – 3,6 %;

– внесение в официальные документы ложных сведений – 14,5 %;

– сокрытие или уничтожение доказательств – 23,6 %;

– сообщение информации о лицах, сотрудничающих с органами внутренних дел на конфиденциальной основе, – 1,8 %;

– передача необходимой информации задержанным или арестованным – 5,4 %;

– отказ от прежних показаний свидетеля, потерпевшего – 1,8 %.

В связи с многообразием форм и целей противоправного воздействия нарушается и становится неэффективным процесс отправления правосудия, создаются большие трудности в собирании доказательств по уголовным делам. Дела утрачивают судебную перспективу, в связи с чем преступникам все чаще удается уходить от ответственности, а жертвы преступлений и их близкие теряют возможность возмещения причиненного им вреда [7]. По нашему мнению, деятельность по пресечению воздействия криминальной среды на субъектов уголовного процесса и обеспечению их безопасности не менее значима, чем деятельность по сбору доказательств виновности преступников.

В связи с этим особое значение приобретают осведомленность оперативных подразделений о деятельности представителей криминальной среды, выявление субъектами оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) фактов оказания противоправного воздействия на очевидцев и жертв преступлений, которые впоследствии приобретают процессуальный статус свидетелей и потерпевших, с целью пресечения фактов противоправного воздействия на данную категорию лиц.

Мы разделяем позицию В.М. Антонова и В.П. Кувалдина о том, что самым надежным средством, обеспечивающим осведомленность оперативных подразделений о деятельности преступных структур, препятствующей их разоблачению, является информация, поступающая от лиц, осуществляющих конфиденциальное содействие. Все стремления оперативного состава должны быть направлены прежде всего на совершенствование и развитие этого института, выявление при его использовании всех преступных формиро-

ний и изобличение в начальный период их деятельности [8, с. 28].

Проведенный нами опрос убедительно подтверждает необходимость использования оперативных возможностей в связи с тем, что первоначальная информация об угрозах лицам, которые впоследствии выступали в качестве участников уголовного процесса, поступала в 34,5 % случаев к оперативному работнику, в 14,5 % – к негласному сотруднику.

По нашему мнению, нейтрализацию фактов противодействия криминальной среды следует строить по следующим направлениям:

1. Выявление через негласный аппарат и путем проведения ОРМ лиц, предпринимających попытки оказания воздействия на ход предварительной проверки и проводимого расследования.

2. Документирование действий подозреваемых, направленных на оказание противоправного воздействия на участников уголовного процесса, с целью проведения процессуальных действий и принятия решений.

3. Оперативно-розыскное сопровождение всего процесса расследования уголовного дела, по которому задержанными, арестованными и их сообщниками могут предприниматься попытки противодействия объективному и всестороннему расследованию.

4. Создание следственно-оперативной группы (далее – СОГ) для выработки общего механизма по пресечению противодействия криминальной среды расследованию преступления и воздействия на источники доказательственной информации.

Деятельность конфиденциальных сотрудников непосредственно в самой криминальной среде позволяет установить ее целевые преступные намерения, этапы подготовки и совершения преступлений и принимаемые на этих этапах меры по противоправным деяниям в отношении участников уголовного процесса. Широкое использование содействия граждан (ст. 17 ФЗ «Об ОРД») может способствовать выявлению лиц, ответственных за акты противодействия, а также применяемых при этом технических средств, оружия, возможностей коррупционных связей в правоохранительных органах, форм противодействия и т.д. Обладание такой первичной

информацией позволяет субъектам ОРД и следователям принимать своевременные и грамотные решения о защите участников уголовного процесса.

Необходимая информация об оказании воздействия на участников уголовного процесса может быть получена и в ходе проведения ОРМ. Так, на вероятность имевшего место воздействия в отношении носителей доказательственной информации могут указывать следующие действия лица:

- проявляет в своем поведении высокую осторожность, меняет место жительства и место работы, номер телефона;
- симулирует болезненное состояние и ложится в лечебное учреждение, доступ к больным в котором затруднен (психиатрические, наркологические клиники, инфекционные и геронтологические отделения);
- осуществляет действия по самосохранению и защите своих близких и своего имущества, приобретает оружие и иные средства самозащиты или обращаясь в частные охранные структуры, которые могли бы обеспечить его безопасность;
- ищет контакты с представителями криминальных структур, имея при этом корыстные мотивы на получение выгод материального характера за сокрытие информации;
- уклоняется от любых контактов с оперативными сотрудниками.

В рамках расследуемого уголовного дела типичными признаками, указывающими на имевшее место воздействие на свидетелей и потерпевших, будут являться: изменение или отказ от своих ранее данных показаний, которые изобличали подозреваемого; обращение без видимых причин с заявлением о «прощении» обвиняемого, отказ без видимых причин от услуг адвоката, отказ от подачи в рамках уголовного процесса гражданского иска о возмещении вреда, причиненного преступлением, и др.

Закрепленные в ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об ОРД» ОРМ дают возможность оперативным подразделениям внедряться в сферу организованных криминальных формирований, при этом получать информацию об их преступных замыслах по осуществлению актов противодействия уголовному процессу, документировать их, выявлять

и фиксировать важную информацию для пресечения и нейтрализации противодействия криминальной среды и принятия мер по организации государственной защиты участников уголовного процесса.

Обеспечение оптимальных условий для осуществления процесса расследования и преодоления противодействия криминальной среды предполагает целенаправленное создание следственно-оперативных групп и активное взаимодействие оперативного сотрудника со следователем.

При осуществлении расследования в научной литературе выделяются следующие общие этапы выявления противодействующих факторов: а) распознавание признаков противодействия, выявление внутренних, внешних сил, вмешивающихся в процесс расследования; б) выявление противодействия, способов и лиц, участвующих в данной противоправной деятельности; в) диагностирование противодействия; г) оценка факторов противодействия; д) принятие решения о конкретных правовых и тактических мерах по нейтрализации и преодолению противодействия в процессе предварительного расследования [9, с. 270-271].

Применительно к работе СОГ общая схема процесса предвидения (прогнозирования) с целью пресечения противодействия криминальной среды расследованию может складываться из четырех этапов: 1) отслеживание сотрудниками группы ситуации с целью обнаружения признаков подготавливаемого, осуществляемого или уже имевшего место противодействия; 2) анализ сотрудниками группы выявленной ситуации противодействия; 3) разработка и принятие адекватных мер; 4) проверка эффективности принятых мер [10, с. 21].

Главным преимуществом СОГ в плане пресечения противодействия криминальной среды государственной функции защиты участников уголовного процесса является более эффективное проведение совместных следственных действий и ОРМ (обыска, допроса, проверки алиби подозреваемого непроцессуальным путем и т.д.). Это достигается в результате: а) использования фактора внезапности при реализации мер преодоления противодействия расследованию благодаря более широким возможностям СОГ; б) осуществления постоянного ОРО процесса расследования, что

способствует своевременному выявлению подготавливаемого или осуществляемого противодействия, более полному выяснению его целей и форм; в) комплексного проведения гласных и негласных мероприятий по обеспечению безопасности членов СОГ, их близких и других лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Представляется, что эффективная нейтрализация или пресечение противодействия криминальной среды уголовному судопроизводству в целом возможны только при комплексном применении всех ОРМ и методов, выработанных теорией и практикой ОРД. Эмпирические данные, имеющиеся в нашем распоряжении,

убедительно свидетельствуют, что комплекс ОРМ результативно использовался в 12,4 % изученных оперативных дел. При этом отдельные разрозненные мероприятия (опрос, наблюдение и др.) имели гораздо меньшую результативность.

Соответственно, эффективными средствами, обеспечивающими осведомленность оперативных подразделений о деятельности преступных структур и способствующими пресечению противодействия криминальной среды исполнению функции государственной защиты участников уголовного процесса, являются проведение комплекса ОРМ при осуществлении документирования и целенаправленное создание СОГ.

Список литературы

1. Арипов Т.Э. К вопросу о противодействии установлению истины // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию проф. Р.С. Белкина): сб. материалов 53-х криминалистических чтений: в 3 ч. М.: Акад. управления МВД России, 2012. Ч. 2. С. 195-201.
2. Аутлев Ш.В. Противодействие в ходе судебного следствия по уголовным делам в суде первой инстанции и меры по его преодолению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 28 с.
3. Глушченков С.А. Организованное противодействие расследованию уголовных дел: теория и практика // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: материалы науч.-практ. конф. (29-30 октября 1996 года, г. Руза). М.: ЮИ МВД РФ, 1997. С. 157-162.
4. Федоренко А.Ю. Криминалистическая техника в предупреждении и пресечении противодействия раскрытию и расследованию преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 213 с.
5. Бобровский И.В. О соотношении противодействия расследованию и сокрытия преступления // Организационное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: материалы науч.-практ. конф. (г. Руза, 29-30 октября 1996 года). М.: ЮИ МВД РФ, 1997. С. 104-107.
6. Трухачев В.В. Преступное воздействие на доказательственную информацию: правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления, нейтрализации. Воронеж, 2000. 232 с.
7. Вандер М.Б., Емелин Е.В. Организованная преступность и проблемы защиты доказательств // Международное сотрудничество в борьбе с организованной преступностью. СПб.: ЮИ Генеральной прокуратуры РФ, 1997. С. 36-40.
8. Антонов В.М., Кувалдин В.П. Противодействие организованных преступных групп и меры по его нейтрализации. М.: МИ МВД РФ, 1997. 36 с.
9. Халиков А.Н. Приемы противодействия производству следственных действий и особенности их выявления по делам о должностных преступлениях // Актуальные проблемы криминалистической тактики: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 28 марта 2014 г.). М., 2014. С. 268-273.
10. Улимаев Р.Ю. Следственно-оперативные группы: правовой статус, организация и деятельность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 24 с.

References

1. Aripov T.E. *K voprosu o protivodeystvii ustanovleniyu istiny* [On the issue of countering truth]. *Sovremennaya kriminalistika: problemy, tendentsii, imena (k 90-letiyu prof. R.S. Belkina)* [Modern Forensics: Challenges, Trends, names (on the 90th anniversary of prof. Belkin R.S.)]. In 3 parts. Moscow, Academy of the Interior Ministry of Russia, 2012. Part 2. Pp. 195-201.
2. Autlev Sh.V. *Protivodeystvie v khode sudebnogo sledstviya po ugovolnym delam v sude pervoy instantsii i mery po ego preodoleniyu. Avtoref. Kand. Diss.* [Countering during the trial of criminal cases in the court of first instance and the measures to overcome it. Autoabstract Cand. Diss.]. Krasnodar, 2011. 28 p.
3. Glushchenkov S.A. *Organizovannoe protivodeystvie rassledovaniyu ugovolnykh del: teoriya i praktika* [Organized opposition to the investigation of criminal cases: theory and practice]. *Organizovannoe protivodeystvie raskryt-*

iyu i rassledovaniyu prestupleniy i mery po ego neytralizatsii [Organized resistance detection and investigation of crime and measures to neutralize it]. Moscow, Law Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, 1997. Pp. 157-162.

4. Fedorenko A.Yu. *Kriminalisticheskaya tekhnika v preduprezhdenii i presechenii protivodeystviya raskrytiyu i rassledovaniyu prestupleniy. Kand. Diss.* [Forensic technique in the prevention and suppression of counter detection and investigation of crimes. Cand. Diss.]. Moscow, 2001. 213 p.

5. Bobrovskiy I.V. *O sootnoshenii protivodeystviya rassledovaniyu i sokrytiya prestupleniya* [On the relation of counteraction to investigation and concealing a crime]. *Organizatsionnoe protivodeystvie raskrytiyu i rassledovaniyu prestupleniy i mery po ego neytralizatsii* [Organizational resistance detection and investigation of crime and measures to neutralize it]. Moscow, Law Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, 1997. Pp. 104-107.

6. Trukhachev V.V. *Prestupnoe vozdeystvie na dokazatel'stvennuyu informatsiyu: pravovye i kriminalisticheskie sredstva preduprezhdeniya, vyyavleniya, neytralizatsii* [Impact on criminal evidentiary information: legal and forensic tools for prevention, detection, neutralization]. Voronezh, 2000. 232 p.

7. Vander M.B., Emelin E.V. *Organizovannaya prestupnost' i problemy zashchity dokazatel'stv* [Organized crime and security problems of evidence]. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor'be s organizovannoy prestupnost'yu* [International cooperation in the fight against organized crime]. St. Petersburg, Law Institute of the General Prosecutor's Office, 1997. Pp. 36-40.

8. Antonov V.M., Kuvaldin V.P. *Protivodeystvie organizovannykh prestupnykh grupp i mery po ego neytralizatsii* [Countering organized crime groups and measures to neutralize it]. Moscow, Moscow Institute of the Russian Interior Ministry, 1997. 36 p.

9. Halikov A.N. *Priemy protivodeystviya proizvodstvu sledstvennykh deystviy i osobennosti ikh vyyavleniya po delam o dolzhnostnykh prestupleniyakh* [Methods of counteracting the production of investigative actions and especially their identification of cases of malfeasance]. *Aktual'nye problemy kriminalisticheskoy taktiki* [Actual problems of forensic tactic]. Moscow, 2014. Pp. 268-273.

10. Ulimayev R.Yu. *Sledstvenno-operativnye gruppy: pravovoy status, organizatsiya i deyatel'nost'. Avtoref. Kand. Diss.* [Investigative team: legal status, organization and functioning. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2001. 24 p.

МАКАРОВ М.А., MAKAROV M.A.,
mike975maers@rambler.ru mike975maers@rambler.ru
в/ч 68241 v/ch 68241

СМАХТИН Е.В., SMAKHTIN E.V.,
доктор юридических наук, доцент, Doctor of Legal Sciences,
smaxt@yandex.ru associate professor,
Кафедра организации smaxt@yandex.ru
расследования преступлений Chair of crime detection
и судебных экспертиз; and forensics;
Тюменский институт повышения Tyumen Advanced Training Institute
квалификации сотрудников of the Ministry of the Interior
Министерства внутренних дел of the Russian Federation,
Российской Федерации, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
625049, г. Тюмень, Амурская, 75 Russian Federation

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС И УСТАВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РАССЛЕДОВАНИИ ТЕРРОРИЗМА: УЧИМСЯ У ПРОШЛОГО

Реферат. Исследуются основные процессуальные институты расследования преступлений террористической направленности путем сопоставления позиций Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. и действующего процессуального закона. Показаны сравнительные варианты решения следующих проблем расследования по уставу и кодексу: 1) террористы признаются в совершении менее тяжких преступлений, представляя свою роль как пособническую (ст.ст. 208, 222 УК РФ), с целью избежать наказания за терроризм (ст. 205 УК РФ); 2) массовая неявка свидетелей обвинения на судебное заседание, что дает основания усомниться в объективности и допустимости свидетельских показаний; 3) низкая эффективность гласных процессуальных мероприятий, необходимость оперативной работы не исходя из конкретного факта, а путем разработки участников террористических организаций; 4) применение силовых методов задержания, влекущих гибель террористов, исключает достижение целей уголовного закона и уголовного судопроизводства, а также ведет к утрате идеальных следов преступной деятельности (для доказывания вины террористов, оставшихся в живых); 5) между инкриминируемым событием и вынесением приговора проходит значительное время, минимальные сроки расследования терроризма составляют 12 месяцев, в результате высшие судебные инстанции прекращают уголовное преследование (изменение Верховным Судом РФ приговора в отношении террористов Аггериева, Алхазурова и Гайсумова в апреле 2002 года в связи с тем, что со дня совершения преступлений до вынесения приговора прошло более пяти лет). Авторы приходят к парадоксальному выводу: процессуальный закон XIX века был значительно эффективнее современного.

Ключевые слова: расследование преступлений террористической направленности; терроризм; террористы; устав уголовного судопроизводства.

CRIMINAL PROCEDURE CODE AND CHARTER OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN TERRORISM INVESTIGATION: LEARNING FROM THE PAST

Abstract. Basic procedural institutions of terrorism investigation are studied by comparing the provisions of the Charter of criminal proceedings of the Russian Empire in 1864 and the current procedural law. The comparative solutions to the following investigation problems by Charter and the Code are shown: 1) terrorists confess to less serious crimes, representing themselves as accomplices (articles 208, 222 of the RF Criminal Code) to avoid punishment for terrorism (article 205 of the RF Criminal Code); 2) mass absence of prosecution witnesses at the hearing, giving reason to doubt the objectivity and the admissibility of evidence; 3) low efficiency of overt procedural activities, the need for covert operations based not on the particular fact, but on crime detection actions against terrorist organizations members; 4) the use of force during the arrest, causing the terrorists death, excludes the achievement of criminal law and criminal justice goals and also leads to the loss of evidence (to prove the guilt of the survived terrorists); 5) a significant amount of time passes between the alleged crime and passing the sentence, the minimum time of the terrorism investigation is 12 months, as a result higher courts

stop the prosecution (changing the sentence for terrorists Atgeriev, Alkhazurov, Gaysumov in April 2002 by the RF Supreme Court due to the fact that more than five years have passed from the day of committing crimes till passing the sentence). The authors come to the paradoxical conclusion that the procedural law of the XIX century was much more effective than modern one.

Keywords: investigation of terrorist crimes, terrorism, terrorists, charter of criminal proceedings.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г.* (далее — Устав 1864 г.) является первым самостоятельным кодифицированным источником уголовно-процессуального права в России, в котором отражены передовые идеи и демократические принципы российского уголовного судопроизводства. Поскольку этот исторический документ был подписан в Царском Селе 20 ноября 1864 г., нетрудно определить, что в тот период времени действовало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее — Уложение 1845 г.). Свод уголовно-правовых норм, действовавший тогда, не содержал терминов, связанных с террором и терроризмом. Однако очевидно, что прообразом деяний террористической направленности выступали преступления, перечисленные в разделе третьем, посвященном преступлениям государственным. Согласно ст. 204 Устава 1864 г. дела по государственным преступлениям были подсудны судебным палатам или верховному уголовному суду.

В главе 24 действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) законодатель использует следующие термины: террористический акт, террористическая деятельность, терроризм. Причем, во-первых, на наш взгляд, законодатель под террористической деятельностью понимает как склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, так и вооружение, подготовку лица к совершению вышеуказанных преступлений, финансирование терроризма. Во-вторых, исходя из диспозиций статей 205 и 207 УК РФ, можно сделать вывод, что «террористический акт» и «терроризм» законодатель использует как слова-синонимы, определяя, что это совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба или иных значимых последствий.

Следует отметить, что уголовное законодательство о преступлениях террористической направленности постоянно совершенствуется. Наряду с ним в конце XX — начале XXI вв. создана и постоянно совершенствуется правовая основа противодействию терроризма, которую составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, Федеральный закон «О противодействии терроризму», другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, а также принимаемые в соответствии с ними нормативные правовые акты других федеральных органов государственной власти.

Проведем их краткий анализ. В статье Федерального закона «О противодействии терроризму» терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий**. Нетрудно заметить, что в цитируемом федеральном законе терроризм трактуется значительно шире, чем в УК РФ, в отличие от террористического акта, определение которого практически полностью совпадает с диспозицией статьи 205 УК РФ. Расширительно законодатель определил и террористическую деятельность. Кроме того, в названном федеральном законе значительное внимание уделено контртеррористической операции и участию в ней Вооруженных Сил Российской Федерации, чем восполнен существовавший до этого пробел в законодательстве. Практически одновременно с принятием Федерального

** О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ: ред. от 28 июня 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 11. Ст. 1146; 2014. N 26 (ч. 1). Ст. 3385.

* Устав уголовного судопроизводства. URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=1103>

закона «О противодействии терроризму» издан Указ Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. N 116*.

Существенное значение для практики правоприменения имеет и постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. N 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (далее — Постановление). В Постановлении констатируется, что терроризм представляет угрозу международному миру и безопасности, развитию дружественных отношений между государствами, сохранению территориальной целостности государств, их политической, экономической и социальной стабильности, а также осуществлению основных прав и свобод человека и гражданина, включая право на жизнь.

В целях уголовно-правового обеспечения противодействия терроризму и в интересах выполнения международных обязательств УК РФ устанавливает ответственность за совершение преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 227, 277, 278, 279, 360. То есть, фактически преступления террористической направленности в преамбуле Постановления перечислены. Однако «использование различных орудий и средств усиливает поражающую объект способность действия, его силу, мощь и интенсивность, облегчает возможность совершить преступление или его сокрытие либо делает невозможным его совершение, нередко парализует или подавляет волю жертвы к сопротивлению и в конечном счете повышает общественную опасность посягательства» [1, с. 70]. Поскольку, как показывает практика, террористы вооружены огнестрельным оружием, имеют боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства, постольку полагаем, что и преступления, предусмотренные статьями 222, 223 УК РФ, могут быть отнесены к преступлениям террористической направленности. При этом следует сделать оговорку: в тех случаях, когда необходима квалификация по совокупности преступлений. В подтвержде-

ние своей позиции приведем пункт 10 цитируемого Постановления. Там, в частности, указано, что если в процессе террористического акта были использованы незаконно приобретенные либо хранящиеся ядерные материалы и радиоактивные вещества, а также незаконно приобретенные, хранящиеся либо изготовленные огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства, то действия лица подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных статьей 205 УК РФ и, соответственно, статьей 220, 222 или 223 УК РФ. Особо отмечено, что при рассмотрении уголовных дел террористической направленности судам следует выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению указанных преступлений, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом. Согласно части 4 статьи 29 УПК РФ необходимо обращать внимание соответствующих организаций и должностных лиц на выявленные факты нарушений закона путем вынесения частных определений и постановлений**.

На наш взгляд, совершенно очевидно, что в нашей стране создана хорошая правовая основа противодействия терроризму. Вновь возвращаясь к тексту закона, отметим, что в понятие противодействия законодатель включает не только вопросы, так или иначе связанные с выявлением, предупреждением, раскрытием и расследованием террористического акта, называя это борьбой с терроризмом, но и вопросы, связанные с контртеррористическими операциями, минимизацией и (или) ликвидацией последствий проявления терроризма. Таким образом, противодействие терроризму включает в себя и вопросы расследования преступлений террористической направленности.

Более детально вопросы противодействия терроризму регламентированы в Концепции противодействия терроризму

* О мерах по противодействию терроризму: указ Президента Российской Федерации от 15 февр. 2006 г. N 116 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 8. Ст. 897.

** О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февр. 2012 г. N 1 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2012. N 4.

в Российской Федерации, утвержденной Президентом России 5 октября 2009 года*.

Принимаемые меры позволили стабилизировать ситуацию в борьбе с терроризмом в России. Количество преступлений террористического характера с 2008 по 2010 годы оставалось почти на одном уровне, но в 2011-2012 годах уменьшилось почти в 2 раза. Так, по данным МВД России, в 2008 г. таких преступлений было зарегистрировано 642, в 2009 г. — 654, в 2010 г. — 779, в 2011 г. — 365, в 2012 г. — 316**.

При подготовке статьи нами были проанализированы некоторые научные исследования по рассматриваемой проблеме, а также практика расследования таких преступлений. В числе исследований монографического характера, на наш взгляд, интерес представляют работы открытого характера Ж.В. Вассалатий, В.Г. Гузикова, А.Г. Марутина, В.Н. Янгола [2; 3; 4; 5] и некоторые др.

Совершенно прав А.Г. Марутин, который пишет о том, что важной тенденцией современного терроризма является его интеграция с организованной преступностью, повышение уровня организации, вовлечение в политическую экстремистскую деятельность значительной части населения. Эта тенденция сопряжена с активизацией террористических проявлений, с переходом террористов к осуществлению крупномасштабных акций насилия, с расширением возможностей для создания более обширной инфраструктуры террористических организаций и обеспечения их материально-технической базы [4].

Анализ практики показывает, что террористический акт может совершаться без предварительной подготовки, в основном террористами-одиночками либо слабоорганизованными преступными группами с малой численностью и слабым материально-техническим обеспечением. В остальных случаях террористические акты совершаются с предварительной подготовкой террористическими организациями, хорошо организованными пре-

ступными группами или вооруженными формированиями.

Вышесказанное приводит к возникновению дополнительных трудностей при выявлении и пресечении правоохранительными органами террористических акций.

А.Г. Марутиным верно отмечена взаимосвязь такого элемента криминалистической характеристики терроризма, как «субъект преступления», с непосредственным способом осуществления террористического акта. Если используется взрывное устройство, то есть вероятность, что субъект преступления обладает специальными познаниями в сфере изготовления таких устройств, имеет специальное образование. Возможно наличие контактов между преступниками и лицами, связанными по роду своей профессиональной деятельности с изготовлением таких устройств.

Следует констатировать, что исследования, посвященные проблемам расследования терроризма, либо затрагивают отдельные, достаточно узкие аспекты категории преступлений террористической направленности, либо предлагают рекомендации в весьма обобщенном виде [6; 7].

Несмотря на имеющиеся научные исследования по рассматриваемой проблеме, в настоящее время остается значительное количество уголовно-процессуальных и тактических проблем, возникающих в ходе расследования преступлений террористической направленности. Перечислим лишь некоторые из них.

1. Террористы, чтобы избежать наказания за более тяжкое преступление, предусмотренное статьей 205 УК РФ, дают признательные показания в совершении менее тяжких преступлений, например предусмотренных статьями 208, 222 УК РФ, либо пытаются представить свою роль в террористической организации, незаконном вооруженном формировании как пособническую, не связанную с непосредственным планированием, подготовкой и осуществлением террористического акта. Эти лица при отсутствии показаний соучастников и других доказательств их противоправной деятельности вполне могут уклониться от установленной законом ответственности и справедливого наказания за совершение терактов, убийств и других тяжких преступлений, получив минимальный срок за участие в незаконных воору-

* Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Рос. газ. 2009. 20 окт. N 198.

** См. ежегодные статистические сборники «Состояние преступности в России» (2008-2012 гг.), подготовленные ГИАЦ МВД России.

женных формированиях или незаконный оборот оружия.

По Уставу 1864 г. и Уложению 1845 г. к уголовной ответственности за государственные преступления привлекались не только исполнители, но и «сообщники, пособники, подговорщики, подстрекатели или попустители, а равно и укрыватели». Все перечисленные соучастники наказывались весьма сурово: к лишению всех прав состояния и смертной казни.

2. Анализ вынесенных судами в последние годы приговоров по делам о преступлениях террористической направленности указывает на то, что значительная часть показаний свидетелей, как правило, оглашается в порядке ст. 281 УПК РФ. Данное обстоятельство обусловлено несовершенством существующей правоприменительной системы, когда свидетель не уверен в том, что его финансовые расходы, связанные с выездом и прибытием на судебное заседание в другой населенный пункт или регион, будут оплачены, а безопасность его жизни и здоровью будут обеспечены, в том числе в соответствии с требованиями Федерального закона от 20 августа 2004 г. N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»*. По давно сложившейся практике сопровождением и доставкой в суд свидетелей, экспертов, специалистов, переводчиков и других участников уголовного процесса, а также обеспечением их участия в судебном заседании занимаются органы дознания (органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность) и предварительного следствия, в расследовании которых находились уголовные дела, рассматриваемые судами по существу. При этом действующее уголовно-процессуальное законодательство не возлагает на следственные органы таких обязанностей, тем более не выделяются соответствующие финансовые средства. Как негативный фактор следует отметить, что массовая неявка свидетелей обвинения на судебное заседание дает основание суду и стороне защиты усомниться в объективности полученных от них показаний, допустимости этих доказательств в соответствии с требованиями ст.ст. 74, 75, 79 УПК РФ.

Следует отметить, что согласно ст.ст. 437, 438 Устава 1864 г. для явки свидетелей назначалось по возможности время, в которое они свободны от занятий. А в случае неявки свидетеля без предоставления законных причин, судебный следователь налагал на него денежное взыскание не свыше пятидесяти рублей и посылал к нему вторичную повестку.

3. При совершении террористических актов террористы редко действуют открыто. Как правило, они тщательно разрабатывают пути отхода с места происшествия, для них важно остаться незамеченными для окружающих и отвести от себя подозрения в случае обнаружения. При таких обстоятельствах раскрыть преступление следственным путем в ходе производства только лишь гласных процессуальных мероприятий фактически невозможно. Для выяснения обстоятельств совершенного преступления, установления виновных лиц и обнаружения доказательств их противоправной деятельности от правоохранительных органов требуется комплексное использование следственных, розыскных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Внедрение в бандформирования и международные террористические организации лиц, сотрудничающих с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность на конфиденциальной основе, и оперативных сотрудников, проведение активных агентурно-оперативных мероприятий дает возможность не только раскрыть резонансные террористические акты, установить их заказчиков и организаторов, но и предотвратить ряд из них. Процесс раскрытия преступления осуществляется в таком случае не исходя из конкретного факта, а в результате разработки участников зарубежных и российских террористических организаций, организованных преступных групп и их руководителей.

По Уставу 1864 г. (ст.ст. 249, 254) предварительное следствие производилось судебными следователями при содействии полиции и при наблюдении прокуроров и их товарищей. При производстве дознания полиция все нужные ей сведения собирала «посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах». Эти следственные действия были прерогативой только судебного следователя.

* Рос. газ. 2004. 25 авг.

4. Несмотря на то, что некоторых террористов удается установить в ходе оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, блокировать в районе проведения контртеррористической операции, достичь цели уголовного судопроизводства, заключающейся в полноценном уголовном преследовании и назначении виновным справедливого наказания, не всегда удается ввиду применения силовых методов задержания, в результате которых преступники погибают. Так, в 2008 году было уничтожено 200 боевиков и главарей бандгрупп; в 2009 году при оказании вооруженного сопротивления получили ранения, несовместимые с жизнью, 450 бандитов; в 2010 году ликвидировано около 300 боевиков; в 2011 году уничтожено 48 бандглаварей, в том числе три эмиссара «Аль-Каиды», 297 активных членов бандгрупп; в 2012 году ликвидирован 391 боевик, в том числе 52 главаря*.

Данную тенденцию нельзя признать положительной для задач, решаемых органами предварительного следствия по уголовным делам террористической направленности. Вместе с террористами уничтожаются и идеальные следы их противоправной деятельности, что препятствует установлению субъективной стороны совершенных террористических актов. Цели, мотивы, роли преступников в организованных группах остаются не до конца выясненными, при отсутствии их показаний уменьшается объем доказательственной базы в отношении оставшихся в живых соучастников.

Примечательно, что для полноты предварительного следствия по Уставу 1864 г. в качестве сведущих людей могли быть приглашены не только врачи и фармацевты, но и профессора, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, приобретшие особую опытность продолжительными занятиями по какой-либо службе или части. Сведущие люди, приглашенные к осмотру и освидетельствованию, должны были иметь все качества достоверных свидетелей.

5. Одной из отличительных особенностей уголовного судопроизводства по делам о терроризме является то, что между инкриминируемым событием и вынесением приговора проходит значительное время. Так, за преступления, совершенные в течение 1995-1997 гг., в том числе за нападение и захват заложников в дагестанском городе Кизляр, селе Первомайское, один из наиболее известных представителей чеченских террористов времен первой и начального этапа второй чеченских войн, организатор ряда громких террористических актов на территории России Салман Радуев был привлечен к уголовной ответственности лишь в 2000 году, а приговор в отношении совершенных им преступлений вынесен Верховным судом Дагестана 25 декабря 2001 года. Другой пример: террорист, активный участник сепаратистского движения на Северном Кавказе, ингушский полевой командир Алим Тазиев, известный больше по прозвищу «Магас», был захвачен спецназом ФСБ России в ночь на 9 июня 2010 года в пригороде Сагопши ингушского города Малгобек. За преступления террористической направленности, совершенные им в период с 2003 по 2009 год, он осужден Северо-Кавказским окружным военным судом 15 октября 2013 года. Причин такого положения дел несколько, начиная с того, что процесс раскрытия тщательно подготовленных террористических актов, совершенных участниками организованных преступных групп, незаконных вооруженных и бандформирований, а также поимки их организаторов и исполнителей занимает значительный период времени.

Вышеприведенные примеры свидетельствуют, что на привлечение одиозных террористов к установленной законом ответственности уходят годы. Занимаясь преступной деятельностью на профессиональной основе, во многих случаях террористы до их привлечения к ответственности успевают совершить ряд тяжких и особо тяжких преступлений как террористической, так и общеуголовной направленности. Так, Салману Радуеву на предварительном следствии было предъявлено обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 17, пп. «г», «д», «н», «з», ст. 102, ч. 2 ст. 15, ст. 191.2, ч. 2 ст. 126.1, ч. 3 ст. 218.1 УК РСФСР, а также ч. 1 ст. 209, ч. 1

* Журавель В. 2008-2012 годы: состояние и тенденции борьбы с терроризмом в России. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/mp-10-2012/16858-2008-2012-gody-sostoyanie-i-tendencii-borby-s-terrorizmom-v-rossii.html>

ст. 208, ч. 3 ст. 222, чч. 1 и 3 ст. 205, ч. 3 ст. 33 и пп. «а», «е», «ж», «н» ч. 2 ст. 105 (терроризм, похищение людей и захват заложников, убийство с особой жестокостью, организация незаконных вооруженного формирования и участие в нем, бандитизм) УК РФ. При расследовании такого рода дел возникает объективная необходимость в допросе большого числа потерпевших и свидетелей, производстве множества сложных судебных экспертиз, неоднократном допросе подозреваемых (обвиняемых). Уголовное дело по обвинению Радуева и трех его единомышленников состояло из 129 томов, из которых три — это обвинительное заключение. Таким образом, закончить предварительное следствие по делам о терроризме в срок до 12 месяцев удастся редко.

Длительные сроки расследования, в свою очередь, порождают ряд проблем на стадии судебного разбирательства. На судебное заседание в отношении Салмана Радуева следствие представило список заявленных на процесс свидетелей, количество которых превысило три тысячи человек, однако согласие выступить с показаниями дали лишь около ста из них. В своих показаниях Радуев в суде часто делал ссылки на руководителей самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия и участников незаконных вооруженных формирований, которых к тому времени либо не было в живых, либо они находились в федеральном розыске. Из тысяч боевиков, входивших в разные годы в бандформирования, возглавляемые Радуевым, на одной с ним скамье подсудимых оказались лишь три подельника: Турпал-Али Атгериев, Асланбек Алхазуров и Хусейн Гайсумов. В связи с этим получить полную, объективную картину и оценить его истин-

ную роль в совершенных преступлениях, по нашему мнению, суд смог не в полной мере. Длительные сроки расследования и судебного рассмотрения привели к тому, что судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело в кассационном порядке, 1 апреля 2002 года изменила приговор в отношении Атгериева, Алхазурова и Гайсумова, прекратив уголовное преследование по ч. 1 ст. 222 УК РФ. Верховный Суд РФ указал, что со дня совершения преступлений до вынесения приговора в отношении подсудимых прошло более пяти лет и суд первой инстанции не вправе был признавать их виновными в совершении незаконного приобретения, хранения и перевозки огнестрельного оружия и боеприпасов, в связи с чем приговор в этой части подлежит отмене с прекращением производства по делу [8].

Относительно сроков производства предварительного следствия отметим, что в главе одиннадцатой Устава 1864 г. предусматривалась ответственность полицейских чинов и судебных врачей по следственным действиям. В частности, было определено, что «полиция действиями своими должна оказывать деятельное пособие судебным следователям и лицам прокурорского надзора в раскрытии обстоятельств дела, не допуская себе ни медленности, ни превышения или бездействия власти».

Таким образом, даже поверхностный сравнительный анализ действующего уголовно-процессуального законодательства и Устава 1864 г. свидетельствует о чрезвычайно прогрессивном характере последнего, безусловно, отражающем состязательный характер уголовного судопроизводства Российской империи.

Список литературы

1. Кобец П.Н., Краснова К.А. Пути совершенствования уголовного законодательства об ответственности за террористический акт // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2012. N 1 (22). С. 71-76.
2. Вассалатий Ж.В. Методика расследования преступлений террористического характера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 22 с.
3. Гузиков В.Г. Особенности технико-криминалистического обеспечения пресечения, раскрытия и расследования преступлений, связанных с терроризмом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 26 с.
4. Марутин А.Г. Расследование террористического акта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 21 с.
5. Янгол В.Н. Оперативно-розыскное противодействие политическому терроризму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2010. 30 с.

6. Хромых Д.Н. Методика расследования актов терроризма с использованием взрывных устройств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002.
7. Гончарова Т.А. Первоначальный этап расследования терроризма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 30 с.
8. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 20 мая 2014 г.).

References

1. Kobets P.N., Krasnova K.A. *Puti sovershenstvovaniya ugolovnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za terroristicheskiy akt* [Ways of improving the criminal law on the responsibility for the terrorist act]. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* – Herald of the Far Eastern Law Institute of the Russian Interior Ministry, 2012, no. 1 (22), pp. 71-76.
2. Vassalatiy Zh.V. *Metodika rassledovaniya prestupleniy terroristicheskogo kharaktera*. Avtoref. Kand. Diss. [Investigating methods on terror offences. Autoabstract Cand. Diss.]. Chelyabinsk, 2010. 22 p.
3. Guzikov V.G. *Osobennosti tekhniko-kriminalisticheskogo obespecheniya presecheniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s terrorizmom*. Avtoref. Kand. Diss. [Some technical and criminal features of a terrorist crime restraining, detecting and investigating. Autoabstract Cand. Diss.]. Volgograd, 2003. 26 p.
4. Marutin A.G. *Rassledovanie terroristicheskogo akta*. Avtoref. Kand. Diss. [Investigation of an act of terror. Autoabstract Cand. Diss.]. Krasnodar, 2011. 21 p.
5. Yangol V.N. *Operativno-rozysknoe protivodeystvie politicheskomu terrorizmu*. Avtoref. Kand. Diss. [Countermeasures of investigation and search operations related to political terrorism. Autoabstract Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2010. 30 p.
6. Khromykh D.N. *Metodika rassledovaniya aktov terrorizma s ispol'zovaniem vzryvnykh ustroystv*. Avtoref. Kand. Diss. [Methods for investigation of acts of terror using explosive assembly. Autoabstract Cand. Diss.]. St. Petersburg, 2002.
7. Goncharova T.A. *Pervonachal'nyy etap rassledovaniya terrorizma*. Avtoref. Kand. Diss. [The primary step of terrorist crime investigation. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2006. 30 p.
8. Available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (Accessed 20 May 2014).

Раздел 9. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

ВОРОНИН С.Э., доктор юридических наук, профессор, vorona64@inbox.ru Кафедра криминалистики; Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 660037, г. Красноярск, Московская, 7 а	VORONIN S.E., Doctor of Legal Sciences, professor, vorona64@inbox.ru Chair of criminalistics; Siberian Institute of Business, Management and Psychology, Moskovskaya St., 7 a, Krasnoyarsk, 660037, Russian Federation
КУЗНЕЦОВА С.М., кандидат юридических наук, доцент, kuznecova@mail.ru Кафедра уголовного процесса; Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 656038, г. Барнаул, Чкалова, 49	KUZNETSOVA S.M., Candidate of Legal Sciences, associate professor, kuznecova@mail.ru Chair of criminal procedure; Barnaul Law Institute of the MIA of the Russian Federation, Chkalova St. 49, Barnaul, 656038, Russian Federation

КЛАССИФИКАЦИЯ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ

Реферат. Исследуются проблемы определения критериев классификации судебно-следственных ситуаций. Обосновывается позиция, согласно которой ситуации, возникающие на предварительном следствии и в судебном разбирательстве, имеют одинаковую гносеологическую природу, что позволяет успешно применить уже имеющиеся классификационные основания для систематизации и упорядочения ситуаций судебного следствия. Выделяются судебные проблемно-поисковые ситуации, возникающие в судах первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, различающиеся по характеру поставленной и разрешаемой судом проблемы. Типовой ситуацией в судах первой инстанции является сбор доказательств, достаточных для принятия решения по существу дела. Типовой ситуацией в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций является проверка правильности вынесенных судом первой инстанции решений. Отсюда и различия в направлении развития типичных судебно-следственных ситуаций и характере поисково-познавательной деятельности. Выводятся типовые проблемно-поисковые судебные ситуации, возникающие в суде первой инстанции, связанные: 1) с сохранением в суде доказательств, добытых предварительным следствием; 2) восполнением пробелов в материалах предварительного следствия; 3) оценкой доказательств в суде; 4) принятием решения по существу дела. Деятельность суда первой инстанции — разрешение дела по существу; деятельность суда апелляционной, кассационной и надзорной инстанций — пересмотр принятых решений, то есть вторичная деятельность ревизионного характера, обеспеченная поисково-познавательными средствами в значительно меньшем объеме. Выделяются наиболее распространенные в суде апелляционной инстанции судебные проблемно-поисковые ситуации. Информационная неопределенность в указанных ситуациях не может быть преодолена познавательными средствами, находящимися в арсенале суда второй инстанции.

Ключевые слова: критерии классификации, судебно-следственная ситуация, проблемно-поисковая судебно-следственная ситуация.

CLASSIFICATION OF JUDICIAL INVESTIGATION SITUATIONS AND ITS IMPORTANCE FOR CRIMINALISTIC TACTICS

Abstract. The problems of defining the criteria for determining judicial investigation situations are studied. Situations occurring during the prejudicial inquiry and legal proceedings have same epistemological nature, which allows to successfully apply the existing classification base to systematize and order the situations of judicial investigation. The authors distinguish the judicial problem-searching situations, occurring in the courts of original jurisdiction, of appellate jurisdiction, of review and of reviewing authority, differing in the character of problem raised and solved by the court. The typical situation in

the courts of original jurisdiction is collecting evidence sufficient for making judicial decision. The typical situation in the courts of appellate jurisdiction, of review and of reviewing authority is validating decisions made by the court of original jurisdiction. The difference in the line of development of typical judicial investigation situations and search and cognitive activity's character is shown. The authors distinguish typical problem-searching judicial situations, occurring in the court of original jurisdiction, connected with: 1) saving the evidence seized during prejudicial inquiry; 2) filling the gaps in prejudicial inquiry materials; 3) providing judicial assessment of evidence; 4) making judicial decision. The court of original jurisdiction adjudicates in a case, courts of appellate jurisdiction, of review and of reviewing authority review the judicial decision (their revision activity is provided with search and cognitive means to a lesser extent). The most widespread problem-searching judicial situations in the court of appellate jurisdiction are distinguished. The information uncertainty in mentioned situations cannot be overcome by cognitive means of such courts.

Keywords: classification criteria, judicial investigation situation, problem-searching judicial investigation situation.

Многообразие судебно-следственных ситуаций диктует потребность в их систематизации, упорядочении для решения теоретических и практических задач. По данному вопросу в теории следственных ситуаций только намечаются пути исследования. Основная проблема, на наш взгляд, состоит в выработке универсального критерия деления, позволяющего все многообразие ситуаций судебного разбирательства привести к единой научно обоснованной классификации. Попытки отдельных авторов разработать такой критерий не всегда являются удачными.

Так, Д.В. Ким в зависимости от этапов судебного разбирательства, а также трехэтапной структуры преступной деятельности и поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания на стадии предварительного расследования предлагает делить их: на ситуации первоначального этапа судебного рассмотрения уголовных дел (охватывают подготовительную часть судебного разбирательства); ситуации дальнейшего этапа судебного рассмотрения уголовных дел (охватывают судебное следствие, судебные прения, последнее слово подсудимого); ситуации заключительного этапа судебного рассмотрения уголовных дел (охватывают постановление и провозглашение приговора) [1, с. 23].

Такое деление судебных ситуаций, на наш взгляд, весьма условно и схематично, т.к. границы этапов уголовно-процессуальной деятельности не всегда совпадают с этапами криминалистической деятельности.

Так, стадия возбуждения уголовного дела часто не совпадает с первоначальным этапом расследования, в который, в отличие от стадии уголовного процесса, могут входить, например, оперативно-розыскные мероприятия, проводимые подразделени-

ями уголовного розыска задолго до возбуждения уголовного дела. В связи с этим на основании предложенного указанным автором критерия весьма проблематично определить то, что же является исходной следственной ситуацией по делу. Такое основание деления не позволяет достаточно четко отграничить ситуацию судебного следствия от ситуации, возникающей в ходе судебных прений, ни по субъекту познания, ни по направлению развития.

Концептуальное положение о том, что ситуации, возникающие на предварительном следствии и в судебном разбирательстве, имеют одинаковую гносеологическую природу, позволяет успешно применить разработанные в теории следственных ситуаций классификационные основания для систематизации и упорядочения ситуаций судебного следствия.

В зависимости от стадий уголовного процесса можно выделить проблемно-поисковые судебные ситуации (далее — ППСС), возникающие в судах первой (исходные судебные ППСС), апелляционной, кассационной и надзорной инстанций.

В зависимости от уровня познания судебно-следственные ситуации делятся на типовые и реальные, при этом типовые характеризуют теоретический, а реальные — эмпирический уровни познания. Реальные же, в свою очередь, по степени повторяемости делятся на типичные и атипичные судебно-следственные ситуации [2, с. 21-30]. Очевидно, что типовая судебно-следственная ситуация является результатом теоретического осмысления и обобщения материалов судебной практики, в том числе вариантов разрешения типичных и атипичных ситуаций. В этом суть сложной диалектической связи типового, типичного и атипичного в процессе познания в суде,

что соответствует соотношению философских категорий общего, особенного и единичного в изучаемом классе явлений.

Типовые судебно-следственные ситуации в судах первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций различаются по характеру поставленной и разрешаемой судьей проблемы.

Так, если типовой ситуацией, возникающей в судах первой инстанции, на наш взгляд, является сбор доказательств, достаточных для принятия решения по существу уголовного дела, то типовой ситуацией, возникающей в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, является проверка правильности вынесенных судом первой инстанции решений. Отсюда различия в направлении развития типичных судебно-следственных ситуаций и характере поисково-познавательной деятельности в судах первой, второй и надзорной судебных инстанций.

Так, типовая ППСС в суде первой инстанции — «сбор доказательств, достаточных для принятия решения по существу дела» — непосредственно связана с целью доказывания в уголовном судопроизводстве — установлением истины по делу — и образует блок типичных судебно-следственных ситуаций:

1) ППСС, связанные с сохранением в суде доказательств, добытых предварительным следствием;

2) ППСС, связанные с восполнением пробелов в материалах предварительного следствия;

3) ППСС, связанные с оценкой доказательств в суде;

4) ППСС, связанные с принятием решения по существу дела.

Рассмотрим каждую группу проблемно-поисковых судебных ситуаций в отдельности.

1. Проблемно-поисковые судебные ситуации, связанные с сохранением в суде доказательств, добытых предварительным следствием

Типичной судебно-следственной ситуацией здесь, на наш взгляд, является ситуация тактического риска утраты в суде свидетельских показаний. В условиях продолжающегося ухудшения криминогенной ситуации в стране свидетель по большинству уголовных дел подвергается реальной опасности психологического и физического

воздействия со стороны членов преступных групп. Причем эксперты международного сообщества все чаще отмечают случаи так называемого «назидательного (устрашающего)» насилия, когда какой-либо свидетель или его родственник могут быть убиты только для того, чтобы показать будущим возможным свидетелям, с какими последствиями им придется столкнуться в случае представления доказательств [3, с. 81].

Следствием этого, как правило, является изменение в суде свидетельских показаний, ранее данных на предварительном следствии, либо отказ свидетеля от явки в судебное заседание.

Исследование, проведенное нами, показывает, что воздействие на потерпевших и свидетелей имеет место чаще всего при рассмотрении уголовных дел в суде — в 62 % из числа изученных дел; на следствии — в 28 %; на следствии и в суде по одному и тому же уголовному делу — в 9 %; после суда — в 1 %. Именно поэтому в настоящее время особенно актуальна проблема разработки тактической операции «обеспечение безопасности свидетеля в суде», призванной разрешать эти весьма сложные судебно-следственные ситуации.

Одной из мер защиты участников уголовного судопроизводства по УПК РФ является допрос свидетеля под псевдонимом. Анализ судебно-следственной практики свидетельствует о том, что наиболее часто по изученным нами уголовным делам возникали уголовно-процессуальные ситуации, так или иначе связанные с безопасностью свидетелей, а также досудебным соглашением о сотрудничестве подозреваемых (обвиняемых) со следствием. Практика показывает, что, как правило, чаще всего здесь возникают конфликтные уголовно-процессуальные ситуации и ситуации тактического риска.

Дело в том, что ныне действующую редакцию ч. 9 ст. 166 УПК РФ вряд ли можно считать достаточно надежной гарантией безопасности свидетелей и потерпевших, а также иных участников, проходящих по уголовному делу, связанному с деятельностью хорошо организованных, часто международных преступных групп.

Например, в соответствии с ч. 2 ст. 317 УПК РФ на подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, распростра-

няются все меры государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, предусмотренные федеральным законом. Однако совершенно не ясно, каким образом законодатель планирует осуществлять указанные меры безопасности в отношении осужденных, оказавших помощь следствию и отбывающих наказание в местах лишения свободы [4, с. 44-47].

Бесспорно, маскировка анкетных данных или допрос свидетеля под псевдонимом порождает множество проблем уголовно-процессуального плана. Прежде всего, такой допрос представляет собой, по сути, сокрытие источника доказательств, что даже позволило отдельным авторам говорить о существовании «тайны источника доказательств». Это сразу же ставит перед следователем и судьей вопрос о пригодности такого доказательства с позиции его допустимости. Отсюда следует логический вывод о необходимости внести изменения в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, предусмотрев замаскированный в целях безопасности допрос свидетеля в качестве источника доказательств. Необходимые корректировки придется внести и в ст.ст. 215-220 УПК РФ, регламентирующие порядок окончания предварительного следствия. Появление на этом этапе следствия законспирированного источника доказательств неизбежно создаст проблему ознакомления обвиняемого с фактическими данными, полученными из него.

Для того чтобы предложенная система защиты свидетеля эффективно работала, необходимо обеспечить судебное разбирательство механизмом расшифровки такого источника доказательств.

В связи с этим считаем, что по каждому уголовному делу, особенно связанному с деятельностью организованных преступных групп, следователь и оперативный работник должны составлять секретные «литерные» дела на всех свидетелей, пожелавших остаться неизвестными. В таких делах, составленных по типу агентурных в оперативно-розыскной деятельности, должны указываться подлинные анкетные данные свидетеля, его псевдоним, заявление свидетеля с просьбой законспирировать его участие в уголовном деле, отказ от участия как в открытом, так и закрытом судебном заседании, а также мотивы та-

кого отказа. «Литерное» дело должно являться секретным приложением к обвинительному заключению и находиться в территориальном отделе уголовного розыска. Право знакомиться с «литерным» делом должно предоставляться только судье и прокурору при даче последними подписки о неразглашении секретных данных о законспирированном свидетеле. Это вполне согласуется с требованиями ч. 4 ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», ограничивающей доступ судьи к информации о лицах, оказывающих содействие оперативным органам на конфиденциальной основе.

Перейдем к рассмотрению второй группы типичных ППСС судебного разбирательства.

2. Проблемно-поисковые судебные ситуации, связанные с восполнением пробелов в материалах предварительного следствия

Попытки исследовать ситуации судебного следствия, связанные с восполнением пробелов в материалах предварительного следствия, уже предпринимались в научной литературе [5], однако по данной проблеме в криминалистике, полагаем, только намечаются пути исследования.

Анализ главы 37 УПК РФ показывает, что арсенал тактических средств судьи значительно меньше арсенала, имеющегося в распоряжении следователя на стадии предварительного расследования. Очевидно, что жестко формализованная процедура судебного разбирательства не позволяет проводить ни эксгумацию, ни проверку показаний на месте, ни обыск.

Производство таких следственных действий, как следственный эксперимент (ст. 288 УПК РФ), осмотр местности и помещения (ст. 287 УПК РФ), также крайне редко встречаются в судебной практике. Дело в том, что самому составу суда с участниками судебного разбирательства (в силу гласности процесса) достаточно сложно заниматься проведением следственного эксперимента или, тем более, обыска, направленного на отыскивание вещей и предметов, относящихся к рассматриваемому уголовному делу, не только в организационном плане, но и в сугубо нравственном аспекте. Названные действия характеризуются повышенной степенью принуждения, причем осмотр и обыск

предполагают различные формы поиска и работу в различных местах (туалетах, местах хранения грязного белья, мусора и т.д.), что вряд ли совместимо с отправлением правосудия [6, с. 203-204].

Восполнение пробелов в материалах предварительного следствия достигается и в ходе допросов (ст.ст. 275, 277, 278, 282, ч. 4 ст. 271 УПК РФ), в ходе производства судебной экспертизы (ст. 283 УПК РФ) и в ходе осмотра местности и помещения (ст. 287 УПК РФ). Последний, хотя и применяется в судебной практике крайне редко, также, на наш взгляд, является весьма эффективным способом разрешения достаточно сложных судебно-следственных ситуаций.

Следует отметить, что процесс восполнения пробелов в материалах предварительного следствия в суде значительно затруднен самой процедурой судебного разбирательства, ограничивающей поисково-познавательную деятельность суда, как по времени, так и по выбору тактических средств.

Рассмотрим следующую группу типовых судебно-следственных ситуаций, распространенных как в суде первой, так и апелляционной, кассационной и надзорной инстанций.

3. Проблемно-поисковые судебные ситуации, связанные с оценкой доказательств в суде

Данная классификационная группа представляет особый интерес в гносеологическом плане, т.к. позволяет проследить диалектику перерастания оперативно-розыскных, следственных и экспертных ошибок в судебные ошибки. Именно в ходе поисково-познавательной деятельности судьи, связанной с оценкой доказательств, добытых на предварительном следствии, возможна трансформация оперативно-розыскных, следственных, экспертных ситуаций в судебные проблемно-поисковые ситуации, и наоборот.

Примером такой трансформации следственных ошибок в судебные ошибки является уголовное дело Находкинского городского суда N 1-1090-2006. Из материалов дела следует, что дознавателем Находкинского ЛОВДТ 22 мая 2006 г. был допрошен инспектор государственной морской инспекции как свидетель, который, помимо рассказа о действиях,

совершенных им в процессе возвращения рыбы в естественную среду обитания, разъяснил критерии, по которым он установил состояние особей. Далее, 26 мая 2006 г. лицо, расследующее уголовное дело, поручило расчет ущерба этому же инспектору государственной морской инспекции, результаты оформлены в виде справочного материала «Расчет ущерба». К тому же данный документ не был осмотрен и приобщен к материалам уголовного дела как иной документ, но сведения, полученные таким способом, были изложены в обвинительном акте и исковом заявлении*. В результате неверно выбранных критериев определения ущерба лицом, которое вряд ли можно признать специалистом в области ихтиологии, была допущена ошибка по определению размера ущерба, трансформировавшаяся, в свою очередь, в судебную ошибку квалификации преступления.

Наиболее часто в суде первой инстанции возникают судебные ППСС, связанные с оценкой судьей экспертного заключения и заключения специалиста. Данная оценка осуществляется судом по следующим направлениям:

1. Оценка личности эксперта, его беспристрастности и компетентности.

2. Оценка объектов экспертного исследования.

3. Оценка полноты экспертного исследования.

4. Оценка характера выводов эксперта (в категорической или вероятной форме) и определение в связи с этим их места в общей системе судебных доказательств.

5. Оценка законности и обоснованности экспертного заключения, данного на предварительном следствии.

Как показывает практика, в результате оценки судом личности эксперта выявляются такие типичные ошибки, допускаемые в ходе предварительного следствия, как:

1. Проведение экспертизы лицом, которое согласно закону подлежало отводу.

2. Проведение экспертного исследования (его части) лицами, которые не были назначены в установленном законом порядке экспертами по делу [7, с. 231]. Судебная практика последовательно под-

* Уголовное дело N 1-1090 /2006 // Архив Находкинского городского суда г. Находки. 2006 г.

тверждает необходимость отмены приговора в таких ситуациях.

Оценка полноты экспертного исследования на стадии судебного разбирательства, на наш взгляд, должна включать анализ судом экспертных заключений, полученных в досудебном производстве, с целью выявления вероятных экспертных ошибок. Полнота экспертного исследования находится в непосредственной зависимости от использования разнообразных, дополняющих друг друга методов исследования и от охвата исследованием всего направленного на экспертизу материала.

Например, экспертное исследование будет неполным, если эксперт ответил на вопрос о причине смерти, основываясь только на данных судебно-медицинского вскрытия трупа, и не учел при составлении заключения данных судебно-химического, гистологического и др. исследований различных частей трупа. Может оказаться, что судмедэксперт, производя исследование трупа, не вскрыл все три полости трупа (черепную, грудную, брюшную). Если это обстоятельство станет известно судье, то он должен признать судебно-медицинское исследование неполным и при необходимости назначить повторную экспертизу [7, с. 231].

Оценка законности и обоснованности экспертного заключения, данного на стадии предварительного расследования, занимает особое место в поисково-познавательной деятельности судьи. Именно в этот момент, как показывает практика, возникает наибольшее количество судебных ППСС, вызванных экспертными ошибками в ходе предварительного расследования. При этом судьи редко анализируют исследовательскую часть экспертного заключения, априори воспринимая выводы эксперта как объективную истину. Очевидно, что часто повторяющиеся экспертные ошибки при разрешении типичных экспертных ППСС в определенных случаях сигнализируют либо о преднамеренности таких ошибок, либо о некомпетентности эксперта. И в том, и в другом случаях это может быть фактором, провоцирующим незаконное судебное решение.

В заключение рассмотрим последнюю классификационную группу судебных следственных ситуаций.

4. Проблемно-поисковые судебные ситуации, связанные с принятием решения по существу дела

Принятие судьей решения по существу дела является кульминационным моментом всей его поисково-познавательной деятельности в ходе судебного разбирательства. На пути принятия решения могут также возникать весьма сложные проблемно-поисковые ситуации, которые не всегда легко разрешимы имеющимися в распоряжении судьи познавательными средствами. С этой точки зрения УПК РФ, лишивший судью возможности направлять уголовные дела на дополнительное расследование в случае недостаточных для принятия обоснованного решения материалов досудебного производства, существенно усложнил задачу установления объективной истины по делу.

Крайне негативную оценку судьями данного положения УПК РФ подтверждают и результаты проведенного нами социологического опроса.

Так, из 50 опрошенных федеральных и мировых судей Алтайского края 47 (94 %) отрицательно относятся к ограничению данных процессуальных полномочий; из 30 опрошенных судей – членов Президиума и коллегии по уголовным делам Красноярского краевого суда – 26 человек (86,7 %) также отрицательно высказались относительно изменения УПК РФ в этой части и отметили появившиеся проблемы в процессе принятия решений, в том числе при апелляционном и кассационном пересмотре уголовных дел.

Признание практики возврата судом уголовных дел на дополнительное расследование незаконной, по мнению судей, подготавливает условия для их необоснованного прекращения либо вынесения несправедливого оправдательного приговора, что делает задачу установления истины в уголовном судопроизводстве трудновыполнимой.

Развитие судебных ППСС, связанных с принятием решений, происходит в судах первой, второй и надзорной инстанций по различным схемам. Это обусловлено различными направлениями судебной поисково-познавательной деятельности, ориентирующими суд первой инстанции на сбор доказательств, достаточных для принятия решения по существу, а в судах второй и надзорной инстанций – на проверку транзитивности уже принятых судебных решений. Особенность конструктивной де-

тельности суда первой инстанции состоит в том, что здесь и происходит разрешение дела по существу, а вынесенный приговор в связи с этим является актом правосудия.

Напротив, конструктивная деятельность судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций представляет собой пересмотр уже принятых решений по существу, поэтому трудно согласиться с точкой зрения отдельных авторов, считающих, что «...при оставлении приговора суда первой инстанции без изменения, при его изменении или отмене с прекращением дела производством вышестоящий суд осуществляет правосудие, а его определение есть акт правосудия» [8, с. 107-108]. Сложно в процессуальном и гносеологическом плане называть правосудием вторичную деятельность ревизионного характера, обеспеченную поисково-познавательными средствами в значительно меньшем объеме, чем предварительное следствие и судебное разбирательство, хотя в литературе высказывалось и другое мнение — о том, что в понятие «правосудие» следует включать всю деятельность суда, в т.ч. и при осуществлении функции судебного контроля.

Наиболее распространенными в суде апелляционной инстанции являются следующие судебные ППСС, связанные с принятием решения:

1. Когда суд обнаруживает в материалах уголовного дела новые преступные эпизоды, не получившие отражения в приговоре.

2. Когда суд приходит к выводу о том, что судом первой инстанции собраны и исследованы все доказательства по делу, но они не могут быть признаны достаточными для установления истины по делу.

3. Когда суд обнаруживает, что выводы суда первой инстанции не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании [9, с. 80-82].

Очевидно, что в этих ситуациях информационная неопределенность не может быть преодолена познавательными средствами, находящимися в арсенале суда второй инстанции. В связи с этим, на наш взгляд, направление дела на новое судебное рассмотрение является правильным решением в подобных судебных ППСС, способствующим установлению истины в уголовном судопроизводстве. В результате таких решений иницируется новый цикл судебно-следственных ситуаций в суде первой инстанции.

Авторы настоящей статьи не ставили перед собой задачу охватить все классификационные группы типичных следственных ситуаций, возникающих в суде. Между тем данная тема представляется нам весьма перспективной и нуждается в дальнейшей разработке.

Список литературы

1. Ким Д.В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999. 27 с.
2. Гавло В.К. О диалектике типичного и атипичного в методике расследования // Повышение эффективности расследования: сб. науч. ст. Иркутск, 1986. С. 21-30.
3. Брусницын Л.В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: временной и субъективный аспекты // Государство и право. 1996. N 9. С. 76-83.
4. Воронин С.Э., Байыр-оол Е.В. Личность организатора преступного сообщества и ее криминалистическое значение. Красноярск: Изд-во Сибирского ин-та бизнеса, управления и психологии, 2014. 168 с.
5. Веретехин Е.Г. Пробелы предварительного расследования и их восполнение в суде первой инстанции. Казань, 1988. 87 с.
6. Бозров В.М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России (теоретические, процессуальные, криминалистические, этиологические и организационные аспекты): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 409 с.
7. Петрухин И.Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1964. 266 с.
8. Грошевой Ю.М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков, 1979. 144 с.
9. Познанский В.А. Вопросы теории и практики кассационного производства в советском уголовном процессе. Саратов, 1978. 136 с.

References

1. Kim D.V. *Sledstvennaya situatsiya kak informatsionno-poznavatel'naya sistema v deyatel'nosti po rassledovaniyu prestupleniy. Avtoref. Kand. Diss.* [Investigative situation as informative-cognitive system in the activity of crime investigation. Autoabstract Cand. Diss.]. Tomsk, 1999. 27 p.
2. Gavlo V.K. *O dialektike tipichnogo i atipichnogo v metodike rassledovaniya* [On the dialectic of typical and atypical in the methods of investigation]. *Povyshenie effektivnosti rassledovaniya* [Improving the effectiveness of the investigation]. Irkutsk, 1986. Pp. 21-30.
3. Brusnitsyn L.V. *Pravovoe obespechenie bezopasnosti lits, sodeystvuyushchikh ugolovnomu pravosudiyu: vremennoy i subektivnyy aspekty* [Legal security of persons assisting in criminal justice: a temporary and subjective aspects]. *Gosudarstvo i pravo* – State and law, 1996, no. 9. pp. 76-83.
4. Voronin S.E., Bayyr-ool E.V. *Lichnost' organizatora prestupnogo soobshchestva i ee kriminalisticheskoe znachenie* [Identity of head of criminal community and its forensic value]. Krasnoyarsk, Publisher of the Siberian Institute of Business Management and Psychology, 2014, 168 p.
5. Veretekhin E.G. *Probely predvaritel'nogo rassledovaniya i ikh vospolnenie v sude pervoy instantsii* [Weaknesses of preliminary investigation and their filling in the court of the first instance]. Kazan', 1988. 87 p.
6. Bozrov V.M. *Sovremennye problemy pravosudiya po ugolovnym delam v praktike voennykh sudov Rossii (teoreticheskie, protsessual'nye, kriminalisticheskie, etiologicheskie i organizatsionnye aspekty). Dokt. Diss.* [Modern problems of criminal justice in practice of military courts of Russia (theoretical, procedural, criminal, etiologic and organizational aspects). Doct. Diss.]. Ekaterinburg, 1999. 409 p.
7. Petrukhin I.L. *Ekspertiza kak sredstvo dokazyvaniya v sovetskom ugolovnom protsesse* [Expertise as evidentiary fact in the Soviet criminal process]. Moscow, 1964. 266 p.
8. Groshevoy Yu.M. *Sushchnost' sudebnykh resheniy v sovetskom ugolovnom protsesse* [The essence of judicial decisions in the Soviet criminal process]. Kharkiv, 1979. 144 p.
9. Poznanskiy V.A. *Voprosy teorii i praktiki kassatsionnogo proizvodstva v sovetskom ugolovnom protsesse* [Questions of theory and practice of cassation procedure in the Soviet criminal process]. Saratov, 1978. 136 p.

ШУВАЛОВА Д.Н., marilin-87@mail.ru Адъюнктура; Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 400089, г. Волгоград, Историческая, 130	SHUVALOVA D.N., marilin-87@mail.ru Postgraduate courses, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089, Russian Federation
--	---

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ВЫЯВЛЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРОСТИТУЦИЕЙ

Реферат. Дается криминалистическая характеристика преступлений, связанных с проституцией (ст. 240 и ст. 241 УК РФ). Система секс-бизнеса представлена тремя группами субъектов: организаторы, исполнители, потребители услуг, при этом не все эти лица несут уголовную ответственность за свои действия. Возбуждению уголовного дела предшествует выявление признаков преступления, которое зачастую осуществляется путем проверочной закупки. Эволюция преступного мира диктует необходимость активнее использовать другие оперативно-розыскные мероприятия. Подчеркнута роль быстрой и слаженной работы органа дознания, его взаимодействие с органом предварительного следствия на этапе выявления этих преступлений, признаками которых являются: рекламные объявления о наборе девушек на работу в сферы услуг (досуга) и водителей с личным автотранспортом; объявления с предложением об оказании услуг интимного характера; визитные карточки и листовки, прямо или завуалированно рекламирующие услуги интимного характера; объявления в Интернете, предлагающие услуги интимного характера; нахождение при банях (саунах) постоянных групп девушек во главе с молодыми мужчинами либо присутствие их на одних и тех же участках вдоль главных улиц или оживленных трасс; сведения, поступившие на телефон доверия ОВД; заявления и жалобы лиц о проживании в смежных с ними квартирах девушек «легкого» поведения, адресованные ОВД. Рассматривается вопрос о моменте окончания проверочной закупки (передача денег), а также проблема доказывания вины при обращении в полицию лица с заявлением о вовлечении в занятие проституцией. Закрепление информации предлагается осуществлять путем оперативного эксперимента.

Ключевые слова: проблемы борьбы, вовлечение и организация занятия проституцией, выявление и расследование преступлений, оперативно-розыскные мероприятия.

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS AND DETECTION OF CRIMES RELATED TO PROSTITUTION

Abstract. Criminalistic characteristic of crimes related to prostitution is given (Articles 240, 241 of the RF Criminal Code). Sex industry is represented by three groups of subjects: organizers, perpetrators, services consumers. However, not all these individuals are criminally liable for their actions. Bringing a criminal case is preceded by detection of elements of crime, which is often carried out by a test purchase. Underworld evolution dictates the need for active use of other crime detection actions. The role of rapid and well-coordinated work of the inquiry body, its interaction with the preliminary investigation agency at the stage of detection of these crimes is emphasized. The attributes of these crimes are: advertisements on the recruitment of women to work in the service (leisure) sector and personal vehicles drivers; advertisements on the services of an intimate nature; business cards and leaflets advertising the services of an intimate nature (directly or covertly); Internet advertisements offering the services of an intimate nature; groups of girls, constantly residing in baths and saunas, headed by young men or their presence at the same locations along the main streets or busy highways; information received on the law enforcement bodies hotlines; statements and complaints of the people against girls of easy virtue living in adjacent apartments. The issue of the moment of test purchase completion (transfer of money) is considered. The problem of proving guilt in cases of reporting involvement in prostitution to the police is analyzed. Information verification is proposed to be implemented by experiment in crime detection.

Keywords: problems of combating, involvement in prostitution, detection and investigation of crimes, crime detection activities.

Проституция как одно из негативных явлений общества существовала во все времена и на всех этапах человеческого развития.

Проблемы проституции до сих пор остаются предметом бурных обсуждений специалистов и общественности во многих государствах, а на борьбу с ними на-

правлены не только правоохранительные органы, но и различные государственные ведомства, в том числе органы законодательной власти, здравоохранения, различные религиозные и общественные организации.

На территории современной России сформировался и активно функционирует рынок проституции, а также наблюдается тенденция совершения преступлений, связанных, в частности, с организацией указанной деятельности другими лицами и извлечением из нее прибыли. Данная преступная деятельность характеризуется высокой латентностью, коррумпированностью, сложностью выявления и расследования, благодаря чему, несмотря на высокую общественную опасность и постоянный рост, соответствующие деяния в большинстве случаев остаются не выявленными и занимают лишь небольшую часть в общей структуре преступности страны.

Причины проституции разнообразны и обусловлены комплексом социально-экономических, морально-этических и юридических факторов, существующих в нашей стране на сегодняшний день. Рынок интимных услуг способен к быстрому и гибкому реагированию на изменения, происходящие в обществе, а непрекращающийся спрос на оказание услуг интимного характера стимулирует его стремительное расширение и приток новых лиц, готовых оказывать данные услуги.

В российском законодательстве не существует уголовной ответственности за занятие проституцией, однако установлена административная ответственность за это правонарушение (ст. 6.11 КоАП РФ), а также за получение дохода от занятия проституцией, если этот доход связан с занятием другого лица проституцией (ст. 6.12 КоАП РФ).

Уголовно наказуемую ответственность законодательство предусматривает за вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ) и организацию занятия проституцией (ст. 241 УК РФ). Преступная деятельность, связанная с вовлечением в занятие проституцией и организацией занятия проституцией, осуществляется в различных формах, которые изложены в содержании названных статей. Наиболее опасные формы преступных действий выделены в квалифицирующие признаки.

В связи с тем, что в состав объективной стороны деяния, предусмотренного ст. 241 УК РФ, уже включена не только организация, но и вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ), по нашему мнению, было бы целесообразно объединить данные составы в одну группу и назвать ее преступлениями, связанными с организацией занятия проституцией.

В январе 2013 года заместитель министра внутренних дел Российской Федерации Игорь Зубов, выступая в Государственной Думе РФ, заявил, что в России в занятие проституцией вовлечено более 1 млн человек. Однако из этого количества за предшествующий выступлению год к административной ответственности было привлечено лишь 10,5 тысяч человек*.

Согласно статистическим данным, на территории Российской Федерации в 2013 году зарегистрировано лишь 279 преступлений, связанных с вовлечением в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ), что в 1,8 раза меньше, чем в 2012 году (496), привлечено к ответственности 163 лица; по ст. 241 (организация занятия проституцией) УК РФ зарегистрировано только 652 преступления, т.е. на уровне 2012 года (646), привлечено к ответственности 707 лиц**.

Анализ приведенной статистики позволяет сделать вывод о том, что работа правоохранительных органов по данному направлению ведется инертно, а подобная ситуация должна вызывать серьезные опасения у общества.

Проанализировав такие преступления, как вовлечение в проституцию и организация занятия проституцией, следует выработать эффективные средства выявления и борьбы с ними, и в первую очередь обратить внимание на их организованный характер. Для этого понадобится целый комплекс взаимосвязанных мер правового, экономического, социального, медицинского и воспитательного характера.

Правовые меры борьбы с организованной проституцией имеют ключевое значение. При их эффективном использовании (а это касается и правотворчества, и правоприменения) можно добиться отличных результатов. Для этого необходи-

* URL: <http://informpskov.ru/news/107660.html>

** Состояние преступности в России за январь – декабрь 2012 г. М.: ГИАЦ МВД России, 2012.

мо четко представлять себе современную систему секс-бизнеса.

Условно систему секс-бизнеса можно разбить на три составляющие:

- организаторы (от руководителей преступного сообщества до швейцаров, таксистов и т.д.);

- исполнители (рядовые проститутки);

- потребители сексуальных услуг.

Современное российское уголовное законодательство устанавливает ответственность за действия, совершаемые лицами первой группы, не охватывая при этом весь круг лиц (ст.ст. 240, 241 УК РФ). На практике данные лица редко привлекаются к ответственности, а если говорить о руководителях преступных сообществ, то за вышеперечисленные деяния их привлечь практически невозможно. По этой причине необходимо принимать дополнительные меры уголовного характера для их наказания, расширить круг лиц, подлежащих ответственности, ввести уголовную ответственность за занятие проституцией, а также в отношении заказчика сексуальных услуг.

В связи с этим, по нашему мнению, успешная борьба с преступлениями, связанными с организацией занятия проституцией, возможна только при условии профессиональной и слаженной работы правоохранительных органов, а также при проведении тщательно разработанных и спланированных оперативно-розыскных мероприятий, носящих негласный характер.

По преступлениям, связанным с организацией занятия проституцией, стадии возбуждения уголовного дела предшествует деятельность, направленная на выявление признаков преступления. Сотрудники оперативных подразделений, специализирующихся на выявлении и раскрытии преступлений рассматриваемой категории, в отличие от других служб полиции, руководствуются в своей деятельности положениями Федерального закона от 12 августа 1995 года N 144-ФЗ (ред. от 21 дек. 2013 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности»*, предусматривающего гласные и негласные методы работы. В частности, во второй главе указанного закона предусматривается четырнадцать оперативно-розыскных мероприятий, которые могут проводиться уполномоченными на то лицами

при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Как показывает практика, для выявления рассматриваемой нами категории преступлений, как правило, используется одно из таких мероприятий — проверочная закупка. Мы согласны с тем, что данный выбор оправдан, но для более успешного выявления, а в дальнейшем и расследования преступлений, связанных с организацией занятия проституцией, необходимо изменить сложившуюся практику. Эволюция преступного мира, высокие технологии, все чаще и чаще используемые преступными группами, выбравшими указанный вид преступной деятельности, делают недостаточным простое применение только проверочной закупки. Оперативная ситуация диктует необходимость активнее использовать другие оперативно-розыскные мероприятия, закрепленные в указанном законе.

Начальный этап расследования, характеризующийся сбором первоначальной информации о преступлении, является неотъемлемой составляющей в успешном расследовании уголовного дела и, как следствие, качественно проведенное расследование — это залог успеха в суде. На данном этапе характерен сбор «свежих» и самых важных доказательств, необходимых для установления вины подозреваемого. На этапе выявления преступлений, связанных с организацией занятия проституцией, важную роль играет четкая, быстрая и слаженная работа органа дознания, а также профессионально организованное взаимодействие с органом предварительного следствия. Расследование должно быть всесторонним и многогранным, что говорит о необходимости сбора доказательств с применением различных методов оперативной работы.

Как справедливо отмечает Р.С. Белкин, признаки преступления возможно обнаружить различными путями: «Во-первых, их обнаруживают путем проведения оперативно-розыскных мероприятий, предшествующих возбуждению уголовного дела. Во-вторых, их могут обнаружить граждане, а также представители различных организаций и предприятий при проведении проверочных и контрольных мероприятий и т.п. В-третьих, они обнаруживаются непосредственно следователем, прокурором или судом» [1, с. 399-400].

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 33. Ст. 3349; 2013. N 51. Ст. 6689.

Итак, к числу основных признаков, свидетельствующих об организации занятия проституцией, можно отнести: 1) объявления рекламного характера в СМИ и на различных сайтах сети Интернет о наборе на работу девушек в сферы услуг или досуга, а также водителей с личным автотранспортом; 2) объявления, размещенные в местах массового скопления людей с предложением об оказании услуг интимного характера; 3) визитные карточки и листовки, в которых содержатся сведения, прямо или в завуалированной форме указывающие на рекламу услуг интимного характера; 4) объявления, размещенные на различных сайтах сети Интернет, предлагающие оказание услуг интимного характера («...современный криминальный мир не мыслит своего преступного функционирования без Интернета» [2, с. 67]); 5) нахождение при банях и саунах, постоянных групп девушек во главе с молодыми мужчинами либо присутствие их на одних и тех же участках вдоль главных улиц или оживленных трасс; 6) сведения, поступившие на телефон доверия органов внутренних дел; 7) заявления и жалобы лиц о проживании в смежных с ними квартирах девушек «легкого» поведения, адресованные участковым уполномоченным полиции либо поступающие в дежурные части органов внутренних дел, и др.

Рассмотрим следующую ситуацию: в оперативное подразделение поступила информация о том, что имеет место организация занятия проституцией другими лицами. В этом случае оперуполномоченному, которому поручено проверить данную информацию, не следует сразу выносить постановление о проведении проверочной закупки, а провести ряд иных оперативно-розыскных мероприятий, которыми его вооружил законодатель, в том числе с применением специальной техники и высоких технологий, а именно: наблюдение за данной организацией и занимаемым ею помещением в том случае, если это притон или помещение для занятия проституцией; фиксация времени выезда проституток из места их нахождения на указанные клиентами адреса и времени приезда клиентов к ним, наблюдение и фиксация, на каком транспорте и куда направляется проститутка по вызову. При этом оперативным путем необходимо установить личность,

адрес и абонентский номер водителя в случае перемещения проституток на одном и том же транспортном средстве. Следует установить номера телефонов, по которым клиенты связываются с диспетчерами или сутенерами для вызова проституток. Установить личности клиентов, которым оказывались услуги сексуального характера, их адреса и номера телефонов и опросить их об обстоятельствах получения таких услуг (стоимость, условия оплаты, возможность выбора проституток). При наличии признаков иного, в том числе тяжкого, преступления рассматриваемой нами категории незамедлительно применить возможности прослушивания телефонных переговоров по абонентским номерам преступников и их пособников (диспетчеров, водителей, охранников и т.д.). После того как материал будет собран, оперативному сотруднику необходимо обратиться за консультацией к следователю с целью выяснения вопроса о полноте собранной информации и достаточности ее для возбуждения уголовного дела. На практике в ходе проведения проверочной закупки участники, выступающие в роли закупщиков, не только оплачивают услуги сексуального характера, но и получают их, и только после этого сотрудниками правоохранительных органов объявляется о факте проведения проверочной закупки и ее окончании. Возникает вопрос: обязательно ли в ходе проведения проверочной закупки оказание ее участникам услуг сексуального характера или достаточно только их оплаты? Мы считаем, что проверочную закупку следует прерывать с момента получения денежных купюр лицом, оказывающим сексуальные услуги, или фиксации передачи денежных средств сутенеру (водителю, охраннику). Данный вывод основывается на следующем: во-первых, в связи с тем, что за занятие проституцией в соответствии с КоАП РФ предусмотрено административное наказание, в случае предоставления сексуальных услуг во время проведения проверочной закупки сотрудники правоохранительных органов провоцируют совершение данного правонарушения. Во-вторых, нельзя подвергать опасности здоровье участников данного оперативно-розыскного мероприятия, которое касается интимной сферы человека, так как участники, выступающие в роли закупщика, а также сами лица, оказывающие

услуги сексуального характера, в процессе получения и оказания услуг, могут заразиться ВИЧ-инфекцией, венерическим или иным заболеванием, передающимся половым путем.

По нашему мнению, объявление о проведении проверочной закупки на этапе передачи денег за услуги сексуального характера, не отразится на полноте и объективности дальнейшего расследования в случае применения при проведении проверки всего возможного комплекса оперативно-розыскных мероприятий. При документировании мероприятия целесообразно использовать специальную аудио- или видеотехнику, при помощи которой фиксировать устную часть «сделки». Здесь оперативному сотруднику следует предусмотреть, что на практике нередко техника выходит из строя. В связи с этим «...целесообразно рассмотреть вариант дублирования нескольких средств фиксации информации, при условии тщательной их маскировки» [4, с. 78]. Мы убеждены в том, что при вышеуказанных условиях проведения проверочной закупки обязательного получения непосредственно сексуальной услуги «заказчиком» не требуется.

Сотрудники правоохранительных органов, на первоначальном этапе расследования преступлений, связанных с вовлечением в занятие проституцией, нередко сталкиваются с проблемами их выявления.

Выявление преступлений, связанных с вовлечением в занятие проституцией, возможно двумя способами: 1) путем обращения лица в ОВД с заявлением о том, что он был кем-либо вовлечен в занятие проституцией, 2) путем выявления сотрудниками полиции факта вовлечения в занятие проституцией.

В первом случае на практике это представляется мало возможным, так как крайне редки факты возбуждения уголовных дел по ст. 240 УК РФ, когда вовлечение лица в занятие проституцией связано с применением насилия (ч. 2), т.е. при опасности для жизни и здоровья пострадавшего лица, что не требуется для применения ч. 1 ст. 240 УК РФ, и вовлеченные лица предпочитают не вмешивать в эту деятельность ОВД.

Однако если предположить, что такое заявление поступило, мы зададимся вопросом, как доказать вину подозре-

ваемого? Например, состоялся разговор И. и П., в процессе которого П. освещала с положительной стороны выгодность данного рода деятельности, умолчав при этом о негативных сторонах, в результате чего И. решила заняться проституцией, но впоследствии, разочаровавшись в этом, заявила в ОВД о том, что П. вовлекла ее в занятие проституцией. Если в ходе допроса в качестве свидетеля П. будет отрицать такой разговор и факт вовлечения И. в занятие проституцией, других доказательств просто нет.

В случае выявления сотрудниками полиции факта вовлечения в процессе, например, проверки по материалу о содержании притона для занятия проституцией, как показывает практика, в дальнейшем проститутки часто отказываются от данных ранее объяснений в процессе расследования уголовного дела или от данных при производстве дознания показаний — в суде.

Чтобы исключить подобные ситуации, полагаем, что оперативную информацию сотрудникам оперативных подразделений следует закреплять посредством такого оперативно-розыскного мероприятия, как оперативный эксперимент. После выявления факта вовлечения лица в занятие проституцией необходимо собрать как можно больше интересующей информации о данном факте, сведений, характеризующих личность подозреваемого (место жительства и работы, номера телефонов, которыми он пользуется, круг общения и т.д.); в процессе проведения оперативного эксперимента необходимо, соблюдая все установленные Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» требования и процессуальные меры, профессионально и грамотно задокументировать результаты оперативно-розыскных мероприятий. Необходимо применять аудиозапись с целью фиксации преступных действий подозреваемого по вовлечению лица в занятие проституцией. После успешного завершения сбора первоначального материала с использованием оперативного эксперимента, и не исключая иные необходимые оперативно-розыскные мероприятия, дальнейшая работа следователя по доказыванию вины вовлекающего в занятие проституцией будет существенно облегчена и доказательственная база будет строиться не только на показаниях

потерпевшей, которая в силу различных субъективных факторов сможет поменять их, но и на результатах работы оперативных сотрудников.

Итак, анализ практики раскрытия и расследования преступлений, связанных с организацией занятия проституцией, показывает, что они в подавляющем большинстве носят латентный характер и выявляются в основном оперативными подразделениями органов внутренних дел в результате проведения различных негласных оперативно-розыскных мероприятий. Особенно эффективной является проверочная закупка, которую, по нашему мнению, не следует доводить до конца, а необходимо прекращать после пере-

дачи денежных средств за оказание услуг сексуального характера. Считаем, что успех борьбы с преступлениями, связанными с организацией занятия проституцией, заключается в профессиональном, грамотном, спланированном и четко организованном подходе к выполнению задач, поставленных перед сотрудниками, занимающимися их выявлением и расследованием, в активном использовании всех закрепленных в законе оперативно-розыскных мероприятий, которые необходимо правильно, в соответствии со всеми предъявляемыми требованиями применять в практической деятельности, а также в грамотном документировании их результатов.

Список литературы

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3. М.: Юристъ, 1997. 480 с.
2. Алябьев А.А., Лагуточкин А.В. Проблемы осуществления оперативно-розыскных мероприятий в информационном пространстве сети Интернет // Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. N 1. С. 66-70.
3. Худицкий П.Е., Шаров Ю.В. Некоторые проблемы взаимодействия следователей и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в процессе раскрытия и расследования преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2010. N 1 (18). С. 95-100.
4. Баранов В.М. Применение специальных технических средств при документировании преступлений в ходе оперативно-розыскного мероприятия «Проверочная закупка» // Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. N 2. С. 75-80.

References

1. Belkin R.S. *Kurs kriminalistiki* [Course of criminalistics. In 3 volumes. Volume 3]. Moscow, Yurist Publ., 1997. 480 p.
2. Alyab'ev A.A., Lagutochkin A.V. *Problemy osushchestvleniya operativno-rozysknykh meropriyatiy v informatsionnom prostranstve seti Internet* [Challenges in the implementation of search operations in the information space of the Internet]. *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti* – Problems of law enforcement, 2013, no. 1, pp. 66-70.
3. Khuditskiy P.E., Sharov Yu.V. *Nekotorye problemy vzaimodeystviya sledovateley i organov, osushchestvlyayushchikh operativno-rozysknuyu deyatel'nost' v protsesse raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy* [Some problems of interaction between investigators and officers engaged in operational investigative activities in the process of disclosure and investigation of crimes]. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* – Herald of the Far Eastern Law Institute of the Russian Interior Ministry, 2010, no. 1 (18), pp. 95-100.
4. Baranov V.M. *Primenenie spetsial'nykh tekhnicheskikh sredstv pri dokumentirovaniy prestupleniy v khode operativno-rozysknogo meropriyatiya "Proverochnaya zakupka"* [The use of special technical means for documenting crimes during operational search activities "test purchase"]. *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti* – Problems of law enforcement, 2013, no. 2, pp. 75-80.

Раздел 10. Компаративистика и зарубежный опыт

СТУКАНОВ В.Г., кандидат психологических наук, доцент, Stukanoff@tut.by Научно-педагогический факультет; Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 220005, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Машерова, 6	STUKANOV V.G., Candidate of Psychological Sciences, associate professor, Stukanoff@tut.by Scientific and pedagogical faculty; Academy of the Interior Ministry of the Republic of Belarus, Masherova Ave. 6, Minsk, 220005, Republic of Belarus
---	---

ВОЗМОЖНОСТИ ПРОПАГАНДЫ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Реферат. Констатируется одна из задач государственного управления — организация воздействия на общественное сознание в целях формирования ценностно-мировоззренческих установок, соответствующего отношения людей к нормам права и органам государственной власти. Пропаганда является эффективным средством организации подобного влияния. Обосновывается, что пропаганда — это специально организованный процесс предъявления информации, направленный на усвоение общественным сознанием системы нравственно-правовых норм и ценностей, а также социально-политических взглядов, декларируемых государством. Пропаганда выступает средством государственной идеологии, поэтому включает ценностное отношение к историческим, политическим и социально-экономическим процессам, оценку моделей исторического развития, соотношения политических сил, а также отношение к охраняемым законом ценностям, государственным органам и субъектам правоохранительной деятельности, лицам, ведущим преступный образ жизни. Субъектами пропаганды признаны: государство, органы государственной власти и управления; средства массовой информации; субъекты гражданского общества (политические партии, профсоюзные организации, общественные, религиозные объединения и фонды, национальные диаспоры и т.д.), информационная и коммуникативная деятельность которых отвечает официально декларируемым национальным интересам; семья. Предметом пропаганды является общественное сознание, система духовных ценностей, мировоззренческих установок, социально-политических взглядов и отношений, а также историческая память народа. Государство выступает источником пропагандистских взглядов, идей — методологом пропагандистской деятельности, разрабатывающим на основе государственной идеологии концепцию пропаганды и обеспечивающим ее реализацию через исполнительные, распорядительные органы власти, политические, общественные и иные институты. Государство, используя административный, экономический, кадровый и иные ресурсы, создает механизм и соответствующие условия для осуществления пропагандистского воздействия.

Ключевые слова: пропаганда, манипуляция, убеждение, государственное управление, предупреждение преступности.

PROPAGANDA TECHNIQUES IN LAW ENFORCEMENT PRACTICE: EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. One of the objectives of public administration is stated — influencing the public consciousness to form values and world view, attitude of the people towards rules of law and public authorities. Propaganda is an effective means of organizing such influence. It's proved that propaganda is a specially organized process of presenting information aimed at the assimilation of declared by the state system of moral and legal norms and values as well as social and political views by the public consciousness. Propaganda is a means of state ideology, therefore it includes value attitude to the historical, political, social and economic processes; evaluation of historical development models and the balance of political forces; attitude to legally protected values, state authorities and law enforcement agencies, criminal behaviour. The following subjects of propaganda are recognized: state, public authorities, mass media, civil society actors (political parties, trade unions, public and religious associations and foundations, national diasporas, etc.). Their information and communication activities meet the national interests declared officially. The objects of propaganda are public consciousness, the system of spiritual values, worldviews, social and political views and attitudes, as well as the historical memory of the people. The state is the source of propaganda views and ideas. It acts as methodologist of propa-

ganda activities, developing the concept of propaganda on the basis of state ideology, and ensuring its implementation through executive and administrative authorities, political, public and other institutions. The state creates the mechanism and appropriate conditions for propaganda influence, using administrative, economic, personnel and other resources.

Keywords: propaganda, manipulation, persuasion, public administration, crime prevention.

Государство выступает основным регулятором жизнедеятельности общества, по сути, оказывая воздействие на все социально-экономические, политические и духовные процессы. Одной из задач государственного управления является организация воздействия на правовое сознание в целях формирования ценностно-мировоззренческих установок, соответствующего отношения людей к нормам права, государственным органам власти и их представителям. Одним из основных рычагов любого государства в организации подобного влияния выступает пропаганда.

До недавнего времени пропаганду подразделяли на социалистическую и буржуазную [1, с. 42-45]. Их основным отличием выступал критерий осознанности воспринимаемой аудиторией информации. Так, если западные политтехнологи определяли пропаганду в категориях манипулирования взглядами людей, внушения, создания легенд и мифов, то социалистическая пропаганда при формулировке своих положений использовала фактор убеждения. Сущность пропаганды, по мнению западных психологов Г. Лассвела, Л. Фрезера и др., состояла в том, что под ее влиянием каждый индивид ведет себя так, как если бы его поведение вытекало из его собственных решений. Точно так же можно манипулировать поведением группы людей, причем каждый член такой группы будет считать, что поступает по собственному разумению. В связи с этим считалось, что пропаганда воздействует на чувства больше, чем на разум. Соответственно, предметом пропаганды являлась эмоционально-чувственная сфера личности. Социалистическая традиция основным средством пропагандистского воздействия считала убеждение (в различных его проявлениях и формах), соответственно, предметом пропаганды выступала когнитивная (интеллектуальная) сфера личности. Советские методологи определяли пропаганду как целенаправленное распространение сведений, мнений, взглядов, теорий, объясняющих закономерности, характерные черты и явления общественной жизни [2, с. 13].

Таким образом, пропаганда должна была быть направлена на объяснение окружающей действительности. При этом никто не скрывал, что с помощью пропаганды до сознания людей доводились те социально-политические идеи, взгляды, теории, которые могли оказать влияние на формирование желательной направленности поведения человека. Подчеркивалось, что пропаганда — политически мотивированная деятельность, содержание которой определяется идеологией государства, она была призвана содействовать укреплению социально-политического господства существующего строя.

Значительный вклад в изучение психологии пропаганды внесли исследования Ю.А. Алешина, Б.Ц. Бадмаева, В.В. Бойко, Л. Войтасика, А.А. Деркач и Е.В. Селезневой, Г.Т. Журавлева, В.Н. Колбановского и Ю.А. Шерковина, А.А. Леонтьева, Ш.А. Надирашвили, Т.К. Чмут и других, которые были направлены на исследование механизмов пропагандистского воздействия на идеологическую составляющую сознания людей, на изучение пропаганды как средства регуляции поведения социальных групп. Основываясь на общих методологических позициях, авторы исследовали различные направления пропагандистского воздействия: политическую пропаганду (Л. Войтасик), идеологическое воздействие (А.А. Деркач и Е.В. Селезнева), проблемы правовой пропаганды (Д.А. Керимов, Л.И. Спиридонова), проблемы массовой коммуникации (А.А. Леонтьев, О.Т. Мельникова) и др. Признанным специалистом в области психологии массовых информационных процессов, психологии пропаганды стал Ю.А. Шерковин. По результатам научных исследований были разработаны практические рекомендации по эффективному использованию различных средств и форм пропагандистского воздействия (В.В. Бойко, Г. Бардыров, Ю.В. Воронцов, П.С. Гуревич, Е.А. Ножина, Л.В. Шепелев и Ю.А. Шерковин и др.); критерии оценки эффективности пропагандистского воздействия (Б.С. Андреев, П.В. Поздняков, Т.К. Чмут); раскрыт управленческий ресурс пропаганды (Г.Т. Журавлев).

В рамках исследования психологии пропаганды, в первую очередь, критически осмысливая зарубежное пропагандистское воздействие, советскими учеными в 70-80-х годах был сделан обоснованный вывод о возрастающей зависимости индивидуального, группового и массового сознания людей от информационных воздействий манипулятивного характера, которые принимают угрожающие масштабы (Г.А. Арбатова, Б.Н. Бессонов, О.А. Феофанов, А. Лавровский, А.Б. Поклад и Н.И. Юдина).

Результаты исследования пропаганды получили свое развитие уже в постсоветское время, правда, под другим названием. В настоящее время широкую популярность и достаточную разработанность в науке получили такие понятия, как «информационная война» (Н.А. Брусницын, С.П. Расторгуев), «психологическая война», «информационное управление» (В.В. Кульба), «психологические операции» (Г.Г. Почепцов и др.), «информационно-психологическая война» (В.А. Лисичкин, Л.А. Шелепин), «манипуляция» (Е.Л. Доценко, С.Г. Кара-Мурза), «информационно-психологическое воздействие» (С.А. Зелинский, Г. Грачев, И.К. Мельник, В.Г. Стуканов и др.) и многие сходные по смыслу. Авторы, рассматривая общие стороны пропагандистского воздействия, тем не менее изучают разные проблемы: организация влияния на политическую систему зарубежного государства; скрытое влияние на сознание, чувства и потребности человека; сокрытие и предоставление информации как средство влияния; избирательные психотехнологии; организация PR-акций; влияние посредством рекламы, формирование правосознания информационно-психологическими средствами и т.д.

Современное состояние науки достигло высоких результатов в изучении отдельных сторон пропагандистского воздействия. Однако сегодня отсутствует единый подход к изучению пропаганды как средства государственного управления в сфере предупреждения преступности, нет системной модели государственного пропагандистского воздействия, направленной на решение задач нравственно-правового воспитания личности.

Теоретик пропаганды Ф. Тэйлор указывает, что «пропаганда использует ком-

муникацию, чтобы передать сообщение, идею или идеологию, которые исходно предназначены для удовлетворения интересов человека или группы людей, осуществляющих коммуникацию» [3, с. 93]. Можно утверждать, что пропаганда является средством идеологического воздействия в формировании общественного мнения, настроений и убеждений людей, отражающих социально-правовую действительность и детерминирующих социально-правовое поведение. При этом пропаганда выступает одним из мощнейших рычагов государственного управления, реализацией государственной политики как внутри страны, так и на международной арене. Пропаганда в современных условиях способствует распространению важнейшей нравственно-правовой и политической информации, расширению круга убежденных сторонников определенных идей, их защитников. Пропаганда всегда несет в себе идеологическое, политическое содержание, в этом, кстати, ее отличие от PR — Public Relations (публик рилейшнз), которая может и не иметь политически окрашенных целей, идеологической составляющей.

Мы предлагаем следующее определение пропаганды как средства государственного управления в сфере предупреждения преступности. Пропаганда — это специально организованный процесс предъявления информации, направленный на усвоение общественным сознанием системы нравственно-правовых норм и ценностей, а также социально-политических взглядов, декларируемых государством, и детерминирующий субъективное отражение правовой действительности, а также социально-правовое поведение человека. Пропаганда выступает средством государственной идеологии, поэтому включает в себя ценностное отношение к историческим, политическим и социально-экономическим процессам, оценку моделей исторического развития, соотношения политических сил, а также отношение к правоохраняемым ценностям, государственным органам и людям, осуществляющим борьбу с преступностью, лицам, ведущим преступный образ жизни, и т.д.

Основными видами пропаганды являются: 1) внутривнутриполитическая пропаганда — осуществляется государством внутри

страны и направлена на отдельного человека, малые группы людей, в том числе семью, социальные группы, субъекты гражданского общества, СМИ и т.д.; 2) внешнеполитическая пропаганда — реализуется на международной арене и направлена на международные и межправительственные организации, а также население, национальные, религиозные и общественные объединения и фонды зарубежных государств; 3) контрпропаганда — осуществляется внутри страны и направлена на нейтрализацию пропагандистского воздействия зарубежных государств, международных организаций и блоков, внутренней оппозиции на общественное сознание людей данной страны.

Субъектом пропаганды, в первую очередь, является государство, органы государственной власти и управления. К специальным субъектам необходимо отнести средства массовой информации, субъекты гражданского общества (политические партии, профсоюзные организации, общественные, религиозные объединения и фонды, национальные диаспоры и т.д.), информационная и коммуникативная деятельность которых отвечает официально декларируемым национальным интересам, а также семью. Специальными их называем в связи с тем, что их характеристика носит субъектно-объектный характер, то есть, с одной стороны, СМИ, общественные объединения и партии, семья выступают субъектом пропагандистского воздействия, с другой стороны, они же являются и объектом государственной пропаганды. Помимо этого, СМИ выступают также и средством пропаганды. Предметом пропаганды является общественное сознание, система духовных ценностей, мировоззренческих установок, социально-политических взглядов и отношений, а также историческая память народа.

Государство выступает источником пропагандистских взглядов, идей, то есть методологом данного вида деятельности, разрабатывающим на основе государственной идеологии концепцию пропаганды и обеспечивающим ее реализацию через исполнительные, распорядительные органы власти, политические, общественные и иные институты. Государство, используя административный, экономический, кадровый и иные ресурсы, создает механизм

и соответствующие условия для осуществления пропагандистского воздействия.

В Республике Беларусь пропагандистское воздействие прямо реализуется через институт президентства, Парламент, Совет Министров, судебную систему; органы государственного контроля и надзора; министерства, иные республиканские органы государственного управления, их территориальные подразделения (важное место в организации и содержании государственной пропаганды принадлежит Министерству информации, Министерству образования, Управлению информации Министерства иностранных дел Республики Беларусь); местные Советы депутатов и их аппараты, исполнительные и распорядительные органы и их аппараты.

Средства массовой информации — это вся информационная теле-, радио-, интернет-, коммуникационная инфраструктура общества. Содержание деятельности СМИ как субъекта пропаганды заключается в сборе, обработке и анализе материалов с целью распространения актуальной, социально значимой и согласованной с национальными интересами информации.

Главным «агентом влияния» на информационном поле является государство. Оно не только определяет права и обязанности журналистских коллективов, задает «правила игры», регулирует их деятельность через Министерство информации, но и является собственником многих средств массовой информации (особенно региональных). В связи с этим ведущая роль в пропаганде официально декларируемых национальных интересов, идеологии Белорусского государства принадлежит холдингу «Белтелерадиокомпания» (1-му национальному телеканалу, ОНТ), печатным органам, учредителями которых выступают органы государственной власти и управления, например газета «Советская Беларусь» (Администрация Президента Республики Беларусь). На местном уровне в соответствии с ч. 22 ст. 9 Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» органы местного управления, как правило, учреждают местные средства массовой информации. На современном этапе государство оказывает поддержку социально значимым периодическим изданиям. Выделяются финансовые субсидии редакциям детских,

юношеских, молодежных, литературно-художественных, культурологических, образовательных, специализированных и ряда общественно-политических изданий.

К субъектам гражданского общества как субъектам пропаганды в системе средств государственного управления относятся: профсоюзные организации, общественные, религиозные объединения и фонды, политические партии, национальные диаспоры и др., отстаивающие национальные интересы и ценности в соответствии с государственной идеологией, проводимой государством внутренней и внешней политикой. Среди них в Беларуси можно выделить Федерацию профсоюзов Беларуси, Белорусскую Православную Церковь, Римско-католическую церковь в Беларуси, ОО «Белорусское общество "Знание"», ОО «Белая Русь», ОО «Белорусский республиканский союз молодежи», Белорусское физкультурно-спортивное общество «Динамо», республиканское государственно-общественное объединение «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту Республики Беларусь», Белорусскую республиканскую пионерскую организацию, Белорусский союз женщин, Республиканскую ассоциацию многодетных родителей и др.

Как известно, выразителем и защитником интересов конкретных социальных групп и слоев в гражданском обществе выступают политические партии. Они же разрабатывают и внедряют в массовое сознание те или иные идеологические парадигмы, принципы и ценности. Сегодня в Республике Беларусь действуют около 20 партий. Однако результаты мониторинга, полученные путем изучения общественного мнения Институтом социально-политических исследований, свидетельствуют, что большая часть опрошенного населения никак не идентифицирует себя с этими политическими организациями. Почти две трети жителей Республики Беларусь (61,5 %) не поддерживают ни одну из имеющихся в стране политических партий. Лишь Белорусская партия женщин «Надежда» (8,4 %), Коммунистическая партия Беларуси (6,3 %) и Аграрная партия (4,7 %) имеют относительный рейтинговый порог [4, с. 62-65]. Это свидетельствует о том, что в современных условиях политические партии Беларуси не стали в полной мере

значимым субъектом пропаганды, не способны оказывать формирующее воздействие на общественное сознание.

Специальным опосредованным субъектом государственной пропаганды выступает семья. Семья — важнейший инструмент достижения стабильности и благополучия государства, которые напрямую зависят от ее прочности, от состояния нравственного и физического здоровья родителей и детей. Как правило, в семье, в первую очередь, формируются мировоззренческие установки, первичные политические взгляды подрастающего поколения. От идейных воззрений родителей зависит отношение детей к государству, проводимой им внутренней и внешней политике, отношение к органам государственной власти и их представителям. Государство посредством органов власти, проводимой социально-экономической политики, СМИ, профсоюзов, общественных объединений и партий оказывает перманентное интенсивное воздействие на семью (объект пропаганды). Семейные же отношения выступают важнейшим условием интериоризации проповедуемой государственной идеологии (системы взглядов и идей) — субъект воздействия. Семья — это универсальная среда формирования личности, источник ее духовных и физических сил.

Таким образом, пропаганда выступает эффективным средством государственного управления, охватывающим все сферы жизнедеятельности людей, в том числе предупреждение преступности. Главная цель пропаганды — защита государственных интересов и формирование соответствующего отношения населения к тем или иным вопросам, ценностям, фактам и событиям. В Республике Беларусь сформирована достаточно эффективная система политической пропаганды. Вместе с тем отсутствует действующая модель пропаганды правоохраняемых ценностей (человеческой жизни, собственности и т.д.), не налажена систематическая деятельность государства по формированию соответствующего отношения населения к представителям органов государственной власти, в том числе к сотрудникам правоохранительных органов, к лицам, ведущим противоправный и (или) аморальный образ жизни. А ведь важнейшей задачей государства в создании эффективной системы

предупреждения преступности выступает формирование в обществе положительно-го отношения к установленным социально-правовым правилам и нормам, и убеж-

денность в необходимости их соблюдения, а также устранение таких представлений и притязаний, которые детерминируют противоправное поведение.

Список литературы

1. Войтасик Л. Психология политической пропаганды. М.: Прогресс, 1981. 281 с.
2. Прохоров Е.П. Публицистика в жизни общества. М.: МГУ, 1968. 102 с.
3. Почепцов Г.Г. Психологические войны. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2002. 528 с.
4. Белорусская модель развития: теория и практика. Мн.: ИСПИ, 2003.

References

1. Voytasik L. *Psikhologiya politicheskoy propagandy* [Psychology of political propaganda]. Moscow, Progress Publ., 1981. 281 p.
2. Prokhorov E.P. *Publitsistika v zhizni obshchestva* [Journalism in the life of society]. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 1968. 102 p.
3. Pocheptsov G.G. *Psikhologicheskie voyny* [Psychological warfare]. Moscow, Refl-buk Publ.; Kiev, Vakler Publ., 2002. 528 p.
4. *Belorusskaya model' razvitiya: teoriya i praktika* [Belarusian model of development: theory and practice]. Minsk, 2003.

ДЯЧУК М.И., кандидат юридических наук, доцент, mariana_turani@mail.ru Кафедра гражданского права и гражданского процесса; Восточно-Казахстанский государственный университет им. Сарсена Аманжолова, 070020, Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск, ул. 30-й Гвардейской дивизии, 34	DYACHUK M.I., Candidate of Legal Sciences, associate professor, mariana_turani@mail.ru Chair of civil law and civil procedure; Sarsen Amanzholov East-Kazakhstan State University, 30 Gvardeyskoy Diviziyyi St. 34, Ust-Kamenogorsk, 070020, Republic of Kazakhstan
--	--

КОНКРЕТИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЕРХОВНЫМ СУДОМ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: НЕОБХОДИМОСТЬ И ПРЕДЕЛЫ

Реферат. Обозначается проблема конкретизации закона судебными органами. Показана необходимость конкретизации: абстрактный характер закона неизбежно обуславливает правоприменительную конкретизацию, осуществляемую с использованием средств толкования, детализации, уточнения и развития отдельных элементов норм в целях точного и полного правового регулирования. Верховный Суд Республики Казахстан — один из субъектов конкретизации гражданского законодательства. Показана проблема пределов конкретизации (изменения смысла) закона. Аргументируется, что высший судебный орган сам определяет свою роль в установлении пределов понимания и конкретизации гражданского законодательства. Верховный Суд РК не осуществляет законотворчество в чистом виде, разъясняя правильное понимание положений Конституции и текущего законодательства Республики. Он не вторгается в компетенцию законодательного органа и не подменяет его, но активно участвует в законодательном процессе, формирует позитивное право и тем самым способствует развитию самого закона. Верховный Суд Республики Казахстан через выработку правовых позиций и правоположений ориентирует нижестоящие суды на принятие аналогичных решений по сходным делам, а в нормативных постановлениях анализирует всю судебную практику и обеспечивает ее единство в масштабе всей страны. Высшая судебная инстанция сама определяет меру и пределы конкретизации, ее характер и последствия, гибко реагирует на правоприменительные ситуации. При изменении предмета регулирования судебная конкретизация позволяет применять гражданское законодательство, не меняя его текста, разрешать конкретные споры или давать официальное разъяснение законов, констатируя таким образом эти изменения и устраняя противоречия права и факта.

Ключевые слова: конкретизация закона, Верховный Суд Республики Казахстан, нормативные правовые акты, текст, законотворчество.

CONCRETIZATION OF CIVIL LEGISLATION BY THE SUPREME COURT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: NECESSITY AND LIMITS

Abstract. The problem of concretization of legislation by judicial authorities is considered. The author proves the necessity to concretize legislation: abstract nature of laws causes law enforcement concretization of legislation which is conducted by using of interpretation techniques, detailing, specification and developing certain elements of legal norms for the purpose of exact and absolute legal regulation. The Supreme Court of the Republic of Kazakhstan is one of the subjects of concretizing civil legislation. The problem of law concretization limits (change of meaning) is shown. The Supreme Court itself determines its role in assigning the limits of understanding and concretization of civil legislation. The RK Supreme Court does not conduct law-making process directly by providing the correct understanding of the provisions of the Constitution and effective legislation of the Republic. It does not intrude into the competence of legislative body and does not substitute for it, but participates in conducting legislative process, forms positive law and contributes to development of the law itself. The RK Supreme Court orients inferior courts toward making similar decisions through elaborating legal positions and propositions. It also studies judicial practice in normative provisions and ensures its unity across the country. The higher court determines limits of concretization, its character and consequences, responds to law enforcement situations. In case of changing the regulation object the judicial concretization allows to implement civil legislation without changing its wording, to determine specific

controversy or to provide official interpretation of laws, stating such changes and eliminating contradictions between law and fact.

Keywords: concretization of law, the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan, normative acts, wording, lawmaking.

Конкретизация правовых норм в процессе классического правотворчества путем издания подзаконных актов (актов министерств, ведомств) не вызывает, как правило, вопросов относительно законности и целесообразности такой процедуры, в ходе которой осуществляется некоторая переработка содержания нормы, благодаря чему норма закона становится более конкретной. Вопросы конкретизации законодательства судебными органами всегда приводили и сейчас порой приводят к острой дискуссии в том плане, что она вызывает у некоторых ученых и практиков опасения в связи с тем, что суд в процессе конкретизации может выйти за пределы своей компетенции, необоснованно сузив или расширив сферу действия закона [1]. Преодолеть подобного рода сложности в значительной мере возможно путем разработки понятия конкретизации права как самостоятельного общетеоретического явления в юридической науке и определения ее пределов.

Большинство исследователей понятие конкретизации рассматривают в качестве необходимого элемента правоприменительного процесса. В конкретных действиях субъектов нормы права реализуются и применяются к конкретным ситуациям. Поэтому в ходе реализации права, и правоприменения в частности, возникает необходимость конкретизировать те или иные содержательные элементы нормы права, выраженные в общей и абстрактной форме, и, таким образом, приблизить содержание нормы права к конкретным ситуациям.

Общественные отношения всегда развиваются более динамично, чем объективирующие их содержание правовые отношения. В связи с этим законодателью объективно трудно придать правовую форму постоянно изменяющимся условиям общественной жизни, что приводит к тому, что в число не предусмотренных законом попадает все больше правоотношений. И для разрешения подобных споров у судей нет готовых ответов. Это говорит о том, что жизнь всегда оказывается сложнее тех форм права, которые мы устанавливаем.

Нормы права не всегда успевают за реальной жизненной ситуацией, не всегда они выражают то, что действительно существует на этапе действия данной нормы. С этой точки зрения результирующим вектором, согласующим данные тенденции развития законодательства, должна стать именно правоприменительная конкретизация с использованием средств толкования, детализации, уточнения и развития отдельных элементов норм в целях точного и полного правового регулирования. При этом именно абстрактный характер закона предопределяет необходимость конкретизировать те или иные содержательные элементы нормы права, выраженные в общей форме, и благодаря этому приблизить содержание нормы права к конкретной ситуации. Следовательно, конкретизация — закономерный процесс, обусловленный абстрактностью правовых предписаний, так как, если бы они были идеально точным отражением действительности во всей ее сложности и конкретности, то они не давали бы регулирующего эффекта.

Другими словами, правоконкретизация является объективной необходимостью эффективного правового регулирования, поскольку без нее невозможно применять и реализовывать в индивидуальных ситуациях общие и абстрактные правила поведения, содержащиеся в нормативных актах. Во-вторых, опосредуемая, как и другие юридические явления, государственной волей, она носит волевой характер; это деятельность компетентных государственных (или уполномоченных общественных) органов и должностных лиц. В-третьих, ее объектом выступают законодательные нормы, содержащие понятия высокого уровня общности и абстрактности, объем (логический) таких норм определяется объемом понятий, которые в них используются. В-четвертых, результаты правоконкретизирующей деятельности фиксируются в определенной форме и приобретают юридически обязательный характер. Таким образом, официальная конкретизация права — это осуществляемая государственными и иными уполномоченными органами деятельность по уменьше-

нию объема понятий юридической нормы на основе расширения их содержания, результаты которой фиксируются в определенных правовых актах [2, с. 38].

Одним из таких государственных органов является высший судебный орган, который через принятие актов, дающих разъяснения по вопросам судебной практики, осуществляет уточнение и конкретизацию правовых норм. При этом им используется так называемый «продуктивный» принцип — конкретизация содержания текста для понимания особенностей индивидуальной жизненной ситуации. Данные акты конкретизации принимаются во многих странах мира и именуются по-разному — постановлениями, разъяснениями, указаниями, руководящими принципами. Такие акты обычно формируются абстрактно и представляют «выжимку» правового содержания судебного решения. Вместе с тем обстоятельства дела, на основе которых принималось решение, упоминаются лишь вскользь или вообще не упоминаются, а сам процесс, показывающий, как рождалось обоснование, обычно не приводится.

Как отмечает С.С. Алексеев, руководящие разъяснения верховных судов являются конкретизирующими нормами права, а содержащие их постановления — ведомственными нормативными правовыми актами [3, с. 342].

Из вышесказанного напрашивается вполне закономерный вопрос: в каких пределах можно конкретизировать закон?

Проблема определения пределов конкретизации законов в нормативных постановлениях является весьма интересной для исследования. Безусловно, акт конкретизации не может подменять собой исходные нормы. Он имеет практическое значение не сам по себе, а только в связи с реализацией разъясняемой нормы. В данном случае содержание конкретизирующей нормы предопределяется содержанием конкретизируемой нормы, логически выводимо из него. В результате конкретизации создается правило поведения, новизна которого в сравнении с исходной нормой заключается лишь в его меньшем логическом объеме и более широком содержании (совокупности признаков), однако полностью включающем содержание конкретизируемой нормы. С точки зрения их логического объема и содержания дан-

ное соотношение можно определить как общее и особенное. При этом акты конкретизации ограничены пределом, определяемым совокупностью объемов понятий, в которых выражено содержание конкретизируемой нормы, и содержательным пределом, каковым является изложение нормы в виде наглядного, допускающего эмпирическую проверку образа, правомерного поведения и обстоятельств применения нормы.

Так, в ходе принятия нормативных постановлений Верховный Суд Республики Казахстан на основе системного анализа и сопоставления норм Конституции и законодательства восполняет некоторые пробелы права, разъясняет практическое применение законов в соответствии с их содержанием и основными принципами. Согласно статье 6 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан, в случае отсутствия норм права, регулирующих спорное правоотношение, суд применяет нормы права, регулирующие сходные отношения, а при отсутствии таких норм разрешает спор исходя из общих начал и смысла законодательства. Следовательно, судебная практика на законодательной основе восполняет пробелы закона и права. При этом Верховный Суд, обобщив судебную практику, дает разъяснения, регулирующие новые правоотношения и восполняющие пробелы законодательства.

Из изложенного выше следует, что именно высшему органу судебной власти принадлежит роль установления пределов понимания, конкретизации текста нормативного постановления при выработке дефиниций, правовых терминов. В данном случае Верховный Суд, в отличие от Парламента, не занимается нормотворчеством «в чистом виде» для урегулирования общественных отношений, а лишь разъясняет правильное применение норм Конституции и законов на основе обобщения судебной практики конкретных дел определенной категории. Более того, Верховный Суд не вторгается в компетенцию законодательного органа и не подменяет его. Однако через свои правовые позиции, выраженные в нормативных постановлениях в качестве правовых выводов и представлений Суда о букве закона, Верховный Суд активно участвует в законодательном процессе, формирует позитивное право и

способствует совершенствованию и развитию законодательства.

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что в целом результаты конкретизации законов в нормативных постановлениях непосредственно влияют на дальнейшее развитие и совершенствование законодательства Республики Казахстан. В процессе реализации норм закона возможно изменение его содержания, связанное с трансформацией экономических, политических, социальных и прочих условий жизнедеятельности социума, существенным обновлением законодательства, конкретизирующего нормы Основного закона. При этом если судебные акты Верховного Суда по конкретным делам через выработку правовых позиций и правоположений ориентируют нижестоящие суды на принятие аналогичных решений по сходным делам, то нормативные постановления как результат анализа всей судебной практики эффективно обеспечивают ее единство в масштабе всей страны через их обязательность, предусмотренную Конституцией Республики Казахстан.

Суть заключается в конкретизации смысла закона без изменения текста закона и определении роли Верховного Суда в констатации такого изменения. Эти так

называемые «превращения» осуществляются в процессе конкретизации норм и принципов, особенно в том случае, когда субъекты гражданских правоотношений должны быть обеспечены соответствующими правами и обязанностями, но которые не всегда текстуально воспроизводятся и отражены в законодательстве, однако следуют из него, подразумеваются и входят в сферу правового регулирования. В Республике Казахстан, на наш взгляд, именно Верховный Суд, принимая нормативные постановления, определяет меру и пределы такого «превращения», его характер и последствия и гибко реагирует на изменения общественных отношений. В этом случае говорится о постепенном преобразении законов с учетом общественного развития. Нормы закона изменяются, не изменяя своего источника, а органы судебной власти, конкретизируя законы, решая конкретные споры или давая официальное разъяснение законов, констатируют такие изменения. Они формируют доктрину, дают свое понимание тех или иных положений законов и тем самым осуществляют конкретизацию законов в своих нормативных постановлениях, предлагая переходному обществу систему устойчивых ориентиров.

Список литературы

1. Волков К.А. Неявное правотворчество в процессе конкретизации норм уголовного закона // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2012. N 1 (22). С. 17-20.
2. Рабинович И.М., Шмелева Г.Г. Конкретизация правовых норм: Общетеоретические работы // Правоведение. 1985. N 6. С. 31-39.
3. Проблемы теории государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М.: Юрид. лит., 1987. 448 с.

References

1. Volkov K.A. *Neyavnoe pravotvorchestvo v protsesse konkretizatsii norm ugovnogo zakona* [Implicit in the law-making process of specifying the rules of criminal law]. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* – Herald of the Far Eastern Law Institute of the Russian Interior Ministry, 2012, no. 1 (22), pp. 17-20.
2. Rabinovich I.M., Shmeleva G.G. *Konkretizatsiya pravovykh norm: Obshcheteoreticheskie raboty* [Specification of legal norms : General theoretic works]. *Pravovedenie* – Jurisprudence, 1985, no. 6, pp. 31-39.
3. *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of theory of the state and right]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1987. 448 p.

<p>РОДИН В.В.,
rodin.vladimir@list.ru
Кафедра организации расследования
преступлений и судебных экспертиз;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, Амурская, 75</p> <p>ЯДЖИН Н.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
yadzhinnv@mail.ru
Кафедра организации расследования
преступлений и судебных экспертиз;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, Амурская, 75</p> | <p>RODIN V.V.,
rodin.vladimir@list.ru
Chair of crime detection
and forensic examinations;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen,
625049, Russian Federation</p> <p>YADZHIN N.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
yadzhinnv@mail.ru
Chair of crime detection
and forensic examinations;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen,
625049, Russian Federation</p> |
|---|--|

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ И «СДЕЛКА С ПРАВОСУДИЕМ»: ПРАГМАТИЗМ БЕЗ КОНФЛИКТА С ПРАВСТВЕННОСТЬЮ?

Реферат. Проводится сравнительно-правовой анализ «сделки с правосудием» в странах континентальной Европы, Англии и США. Рассмотрена история возникновения «сделки с правосудием» в семье общего права, показаны ее особенности. Такие сделки о признании вины чаще заключаются после предъявления обвинения. Свобода «сделки» гарантируется полномочиями полиции, суда и государственного обвинителя принимать решения о тяжести обвинения, его изменении, частичном или полном отказе от обвинения. Показан и явный «конфликт интересов»: экономическая выгода применения сделки усложняется игнорированием принципов общественной морали. Все это не позволяет в том же виде применять «сделку» в реалиях России: сущность института досудебного соглашения состоит не в признании преступником вины, а в его содействии раскрытию преступления (изобличение соучастников, возмещение вреда). Обосновываются предложения по совершенствованию регулирования российского досудебного соглашения о сотрудничестве. Исследуются зарубежные модели «сделки с правосудием»: германская, французская, испанская, итальянская и португальская. Их сопоставление позволяет сделать вывод о применимости «сделки» как в разных национальных правовых системах, так и в различных моделях уголовного судопроизводства. Аргументируется, что институт досудебного соглашения — это объективная реакция правоохранительных органов России на вызовы современности. Американская модель «сделки с правосудием», несмотря на ее недостатки, может быть признана оптимальной, при этом ее рецепция другими государствами не проводится в неизменном виде. Россия также должна преобразовать западную модель «сделки с правосудием» с учетом требований отечественной правовой культуры общества.

Ключевые слова: сделка с правосудием, досудебное соглашение о сотрудничестве, признание вины, согласительные процедуры.

PRE-TRIAL AGREEMENT AND PLEA BARGAIN: PRAGMATISM WITHOUT CONFLICT WITH MORALITY?

Abstract. A comparative legal analysis of plea bargain in the continental Europe, England and the USA is conducted. The history of the plea bargain emergence in common law is examined, its features are shown. Such agreements to plead guilty are often reached after bringing a charge. The freedom of agreement is guaranteed by the powers of police, court and public prosecutor to decide on the severity of the charge, its change or dismissal (partial or complete). An obvious "conflict of interests" is shown: the economic benefit of plea agreement is complicated by ignoring the public morality principles. It doesn't allow to use the same form of plea bargain in the Russian realities: the essence

of the pre-trial agreement institute doesn't imply that the defendant pleads guilty, but contributes to solving a crime (disclosure of information about accomplices, compensation for damage). The proposals to improve the regulation of the Russian pre-trial cooperation agreement are made. The foreign models of plea bargain are studied: German, French, Spanish, Italian and Portuguese. Their comparison allows to conclude that such deal can be used in different national legal systems and in various models of criminal procedure. It's argued that the institution of pre-trial agreement is the objective response of the Russian law enforcement bodies to modern challenges. American model of plea bargain can be considered optimal despite its shortcomings. Other states don't accept it unchanged. Russia also has to transform the western model of plea bargain, taking into account the requirements of the domestic legal culture.

Keywords: plea bargain, pre-trial cooperation agreement, admission of guilt, conciliations.

В последнее время из официальных источников все чаще можно услышать о реализации мер, направленных на снижение преступности и контроле над ней. В западных странах правоохранительные органы давно уже осознали бессмысленность и утопичность самой идеи ликвидации такого социального явления, как преступность. Зарубежные коллеги успели получить достаточно богатый опыт в применении сделок с криминальными элементами, основной целью которых было получение контроля над их деятельностью. Слепое имплементирование зарубежного института «сделки с правосудием» на российскую правовую платформу было бы ошибочно. В условиях активного противодействия со стороны организованных преступных формирований выгода применения в российском законодательстве данного инструмента очевидна. Но сделка с правосудием приняла особую, свойственную российской ментальности, форму. Наша задача в данной работе — изучить зарубежный путь «сделки», провести анализ и сравнение с нормами, предусмотренными главой 40.1 УПК РФ, а также выделить механизмы применения, которые возможно было бы успешно использовать в отечественном уголовном процессе.

Упоминания об институте «сделки с правосудием» впервые встречаются в средневековой Британии, что является типичным проявлением англосаксонской правовой системы, где чрезвычайно важная роль отводилась прецеденту. Однако просуществовал он недолго в связи с распространенностью оговора лиц в целях избежания наказания. В английском уголовном судопроизводстве факты переговоров обвинителя и стороны защиты считаются недостойными профессионального юриста действиями, и их не принято афишировать [1, с. 27]. В статье 152 Закона о полномо-

чиях уголовных судов (Powers of Criminal Courts (Sentencing) Act 2000) указано, что суд должен расценивать признание обвиняемого как смягчающее наказание обстоятельство, в каждом конкретном случае принимая во внимание этап процесса, когда обвиняемый выразил намерение признать вину, а также обстоятельства, при которых это намерение было выражено.

Правовую традицию продолжила правовая система США. Необходимо отметить, что в США данный институт получил наибольшее распространение. В уголовном праве существует три термина, используемых западными авторами для описания соглашения между сторонами обвинения и защиты, это: 1) «plea», 2) «plea bargain» (plea-bargain, plea-bargaining), 3) «plea-agreement».

В переводе с английского слово «plea» означает мольбу, просьбу, призыв [2, с. 550], то есть данный термин предполагает прошение о чем-либо.

Употребление термина «plea bargain» находит более широкое распространение, нежели «plea». Практически все исследуемые зарубежные издания, в том числе электронные ресурсы, используют указанный термин. В отечественной литературе термин «plea bargain» означает «сделку (соглашение) о признании вины». Перевод термина «bargain» означает «торговая сделка». Сам термин акцентирует внимание на экономической природе отношений: взаимные уступки для обоюдного блага. Последний термин практически идентичен предыдущим, разница заключается в исключении экономической подоплеки, переводится он как «соглашение, договор», что более корректно для института уголовного права. Таким образом, все три термина, используемые в зарубежной литературе не содержат радикальных отличий и обозначают сделку с правосудием. Согласно позиции

Дж. Лангбейна, в настоящее время в англо-американской системе правосудия методы доказывания гораздо более формальны, финансово накладны и требуют больших временных затрат в отличие от их аналогов на европейском континенте. В то же время при использовании привлекаемым к уголовной ответственности лицом широкого комплекса прав возможность понуждения его к принятию условий «сделки» остается: чаще всего это «сделка», основанная на признании вины. Объяснение довольно простое: сейчас в системе правосудия США доказанность вины лица, привлеченного к ответственности, зависит от личного признания гораздо больше, чем зависела от этого инквизиционная система Европы в Средние века [3, р. 1].

Особого внимания заслуживает следующая позиция Дж. Лангбейна: чем больше развиты система состязательного процесса, права участников и правила оценки доказательств, тем больше вероятность оказания давления на участников с целью вынудить их оклеветать себя. Данное обстоятельство — далеко не единственная причина зарождения сделки с правосудием. Кроме усложнения самого процесса, толчком послужили бюрократизм полицейской системы, прокуратуры, адвокатуры и рост преступности. Анализируя историю «сделки» в США, необходимо отметить, что данный институт известен в американской судебной системе довольно давно. Согласно сведениям американского юриста Реймонда Моли, в 1839 году в штате Нью-Йорк 25 % дел проходили через «виновную сделку». В 1869 году процент заключения таких сделок составил 70 %, а в 1920 году — 88 % [4, с. 168].

Таким образом, «...более 150 лет назад "сделка" была малозаметным явлением, имеющим под собой неустойчивую почву. Поддерживаемая исключительно желанием обвинителя справиться с колоссальными объемами работы и добиться вынесения приговора без чрезмерных усилий, "сделка" представляла собой не что иное, как фактическое наделение обвинителя правом устанавливать размер наказания» [5, р. 230].

В зарубежной литературе имеется упоминание еще об одном участнике сделки — «fixer», что в переводе означает «улаживающий». Причем в качестве «fix-

er» выступал не адвокат, в большинстве случаев им было лицо, не имеющее ничего общего с юриспруденцией, что указывает на высокую коррумпированность судебной системы США. «Fixer» мог процветать на оказании таких посреднических услуг. Стороной, заключающей соглашение с преступником, выступал прокурор, позицию которого разделяли служащие полиции. Роль прокурора сводилась к следующему: практически каждое утро он спускался в камеры к ожидающим судебного разбирательства лицам и вел переговоры о заключении «сделки». Описанная схема часто работала не на обвиняемого (подсудимого): если подсудимый все-таки признавал себя виновным, то суд о таком соглашении не знал и не мог знать, а все обещания полиции о благополучном исходе дела оказывались ложными, приговор выносился без каких-либо «поблажек» (при однозначном отсутствии процессуальных нарушений как со стороны прокурора, так и со стороны суда).

В результате лицо получало приговор, который не соответствовал оговоренным условиям, а полиция — раскрытое преступление. Позднее роль посредников заняли адвокаты, которые предлагали сотрудникам полиции организовать «сделку с правосудием», определяя в качестве вознаграждения половину гонорара, который заплатит им клиент, данная сумма становилась гарантом выполнения полицейским своих обязательств [6, р. 1185].

Таким образом, в 1920 году сложившаяся коррупционная система при полном отсутствии судебного надзора захватила правовую систему США. Так, в Чикаго по «сделке» было вынесено 85 % всех обвинительных приговоров, в Детройте — 78 %, Денвере — 76 %, Миннеаполисе — 90 %, Лос-Анджелесе — 81 %, Питсбурге — 74 %, Сент-Луисе — 84 % [7, р. 107].

По мнению А. Альскулера, в 1920-е годы при массовом использовании сделок в отдельном случае подсудимый соглашался с предъявленным обвинением, которое иногда было несостоятельно, что не привело бы к вынесению обвинительного приговора [8, р. 230]. Естественно, что итогом «сделки» являлось определенное снисхождение к подсудимому в выносимом приговоре, и именно это «вознаграждение» за отказ от права на полноценное

судебное разбирательство служит предметом пристального научного интереса.

В соответствии с уголовным правом США преступление может относиться к категории «фелоний» (преступления, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года или смертная казнь для некоторых штатов) или к категории «мисдиминоров» (преступления, за совершение которых предусмотрен срок, не превышающий одного года лишения свободы, или штраф). Таким образом, уже в 1920-е годы в Чикаго 78 % всех «сделок» заключалось в признании подсудимыми составов менее тяжких, нежели обозначенных в первоначальном обвинении. В рассматриваемом периоде существовало два варианта «сделок»: признание вины в менее тяжком преступлении либо признание вины в инкриминируемом деянии и получение меньшего наказания, при этом наказание уменьшалось примерно в 2 раза. По мнению А. Альскулера, несмотря на позицию высокой кратности использования в уголовном процессе, «сделка» встречала больше критики, чем поддержки, и преобладающая часть этой критики исходила от заслуженных работников данной сферы, а не от молодых специалистов [8, р. 232].

Председатель Чикагской комиссии по исследованию преступлений назвал переговоры о заключении «сделки» «плутовством с преступлениями» и потребовал немедленной отставки трех представителей судейского корпуса исключительно по причине их одобрения «сделок», предусматривающих отказ от поддержания обвинения за совершенное преступление и согласие подсудимого сознаться в совершенном мисдиминоре. В результате этой истории судейский корпус продолжил работу, а всю ответственность за совершенные нарушения возложили на прокурорских работников. Сложившаяся практика применения «сделки» указывала преступникам на отсутствие значимости самого уголовного закона и средств принуждения, до 90 % обвинительных приговоров являлись результатом «сделки».

Практически повсеместно складывалась порочная практика, когда государство предоставляло лицу адвоката, который, узнав, что его клиенту инкриминируют неуплату налогов, даже не выстраивая линию

защиты, сразу же пытался уговорить своего подзащитного пойти на «сделку» [9, р. 180]. Такая позиция прокурора перестала защищать интересы общества, высказывалось мнение о слабости собранных доказательств как о причинах массового использования «сделок» прокурорами. Должность прокурора в США является выборной, поэтому он в своей деятельности, являясь публичным лицом, принимал позицию, противоречащую принципам прокурорского надзора.

Иначе говоря, чтобы быть избранным на следующий срок или на вышестоящую должность, он должен был снизить риски даже в заранее выигранных процессах, то есть обеспечить себе заочную победу, тем самым «пропиарить» свои достижения перед обществом. Прокурор, несмотря на всю привлекательность действенного компромисса привлечения к ответственности, представлялся в зарубежной литературе как безответственный и некомпетентный служащий.

Позиция прокурорского работника Российской Федерации в процедуре заключения досудебного соглашения о сотрудничестве опосредована, основные риски несет следователь, а не прокурор.

Интересен еще один аспект: признавая свою вину, лицо предположительно отдает свою судьбу судьбе. Однако для практической сделки данная позиция считается более чем ошибочной. Ученые, работавшие в Иллинойсе, называли такое соглашение «тактикой защиты». Естественно, что подобная тактика опирается на гарантированный исход дела, а при условии многочисленной повторяемости ускоренного рассмотрения дела «уступки» суда носят все более системный характер. В качестве примера отметим, что в 1969 г. Джеймс Эрл Рей, чтобы избежать смертной казни, признал вину в убийстве Мартина Лютера Кинга Младшего и получил 99 лет заключения [10].

Согласно докладу Президентской комиссии по исследованию преступлений в округе Колумбия за 1966 год:

1) в период с 1950 по 1965 годы «сделки» имели место приблизительно в 74 % всех вынесенных обвинительных приговоров;

2) в 1950 году в 58 % случаев «сделка» предполагала согласие подсудимого

с первоначальным обвинением (то есть без замены на менее тяжкое либо на проступок);

3) к 1965 году только 2,7 % из всех «сделок» были основаны на признании лицом первоначально выдвинутых обвинений;

4) наблюдается рост числа дел с более тяжкими составами преступлений, которые слушались в окружном суде [11, р. 263].

Аналогичная тенденция прослеживалась и в других штатах США, фелония все чаще заменялась на мисдиминор. Президентская комиссия при этом отметила, что увеличение количества «сделок» не связано с возросшей судебной нагрузкой, игнорируя то обстоятельство, что, чем больше дел рассматривалось в нижестоящих судах с применением «сделок», тем меньше таких дел попадало в окружные суды. Негативные последствия «бэби-бума» после окончания Второй мировой войны отразились на повышении преступности в 1960-х годах, большая часть из которых составляла незаконный оборот наркотиков. В связи с этим возросла судебная нагрузка.

В 1967 году Американская ассоциация юристов (American Bar Association) и Президентская комиссия по легитимному принуждению и отправлению правосудия (The President's Commission on Law Enforcement and Administration of Justice) подготовили документ, получивший название «Минимальные стандарты для отправления правосудия по уголовным делам». В данном докладе подчеркивалось, что при умелом руководстве «сделка» представляла собой существенную ценность*.

После 1960-х годов прослеживается критичное отношение судебной системы США к институту «сделки». Одним из первых ударов по данному институту явилось рассматриваемое в Верховном Суде США в 1958 году дело Шелтона, в котором судебная комиссия выявила ряд нарушений, как со стороны прокурора, так и со стороны суда в полноценном исследовании материалов дела, которое является необходимым условием для одобрения при-

знания вины. Легальность «сделки» была поставлена Верховным Судом США под сомнение, остро был поставлен вопрос о запрете на использование такой правовой категории. Однако решение Верховного Суда США коснулось только дела Шелтона, не затрагивая сам институт. Необходимо отметить, что судебная система США претерпевала в 70-е годы значительные изменения. Так, возросло почти в 2 раза время рассмотрения дел в процессе. При этом представляет интерес тот факт, что по причине чрезмерной мягкости и больших разночтений в процессе принятия решений судебными органами штата Аляска в 1975 году было принято решение о запрете применения «сделки» на территории данного штата [12, р. 2].

По данным интервью, проведенных изданием «Oakland Public Defender», адвокаты стали активнее действовать в процессе заключения соглашения, так как были практически уверены в пересмотре несправедливого приговора, подсудимые начали использовать свои права в полном объеме, а прокуроры стали вести речь о том, что решения Верховного Суда, указав подсудимым их права, привели к тому, что с ними стало сложнее договариваться [13].

Преобладает заключение сделок о признании вины после предъявления обвинения. До предъявления обвинения также возможно заключение соглашения. Такой подход имеет для подозреваемого плюсы и даже дает ему возможность вообще избежать уголовной ответственности. Допустим, прокурор имеет обоснованную объективными причинами заинтересованность использовать показания данного подозреваемого против других преступников или даже против лидера гипотетического преступного сообщества. В этом случае лицо, которое согласилось на такое сотрудничество со стороны обвинения, может быть полностью освобождено от уголовной ответственности. При этом об обвинительном заключении по делу не объявляется и другие сообщники не могут узнать о сотрудничестве кого-либо из их подельников с обвинителем [1, с. 33].

Участники американского уголовного процесса, прежде всего полиция, суд, государственные обвинители, обладают довольно широкой свободой действий,

* American Bar Association. Project On Minimum Standards For Criminal Justice (1967) Standards Relating to Plea of Guilty. N.Y., 1967. The President's Commission on Law Enforcement and Administration of Justice. The challenge of crime in a Free society. Washington D.C., 1967.

правом действовать на свое усмотрение (discretion). В практической правоприменительной деятельности это означает следующее: указанные государственные органы в рамках предоставленных им полномочий имеют право принимать решение о тяжести обвинения, его изменении, частичном или полном отказе от обвинения. Прохождение уголовного дела по стадиям уголовного процесса в США во многом зависит от государственных органов, которые заинтересованы довести дело до суда с согласованной позицией стороны защиты и стороны обвинения, фактически только для того, чтобы судья своим решением узаконил эту согласованную позицию [1, с. 29]. В связи с этим прокуроры не только не используют в своих интересах доказательства совершения более тяжкого преступления, а фактически скрывают их, пользуясь широкой трактовкой понятия состязательности.

При анализе развития института «сделки» США складывается противоречивое мнение: с одной стороны, очевидна экономическая выгодность применения данного института для судебных органов, с другой стороны, нарушение норм морали от его применения, неоднозначное отношение общества к договорным отношениям отдаляют привлекательность этого механизма. Вместе с тем, несмотря на видимую ее несостоятельность, «сделка» остается незыблемой частью американской системы правосудия.

На наш взгляд, выборочное заимствование института «сделки» российским законодателем, выраженное в первую очередь в ограничении его массового применения, не случайно. Российское общество еще не готово принимать массовое применение института «сделки» в связи с ментальностью, социальной напряженностью, связанной с коррупцией. Несомненно, с позиции нравственности российское досудебное соглашение о сотрудничестве более привлекательно, так как заключается не в признании вины преступником, а требует содействия органам предварительного следствия в раскрытии преступления, не связанного с совершенным им преступлением, изобличении соучастников преступления, отыскании похищенного имущества. В данном плане при реальном сотрудничестве и выполнении всех условий соглашения совесть правоохраните-

лей России остается чистой. Вместе с тем, несмотря на разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 года N 16, о соблюдении принципа независимости суда и ссылку на положение ст. 63 УПК РФ, согласно которому судья, рассматривающий уголовное дело в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, не может рассматривать дело в отношении остальных. Законодатель не скорректировал положение статьи 90 УПК РФ, и приговор, вступивший в силу в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, имеет преюдициальное значение для рассмотрения уголовного дела в отношении соучастников преступления.

Из тактических соображений уголовное дело в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, судья будет рассматривать в первую очередь. Следовательно, судья в нарушение принципа независимости «привязан» к уже вступившему приговору и, несомненно, будет использовать его в рассмотрении дела соучастников.

Кроме американской модели «сделки с правосудием», с 1980-х годов не менее значим институт «Absprachen» ФРГ, который не избежал влияния американского аналога. Ссылок на конкретные нормы права, позволявшие участникам разбирательства вести переговоры, не могло и быть, но все же в научных кругах все чаще стал обсуждаться вопрос о заимствовании западного правового института [14, с. 545]. Основной предпосылкой этого послужило увеличение уголовных дел и средней продолжительности слушания в суде.

Судебный процесс ФРГ носит исключительно следственный характер, а в США — состязательный; полного заимствования «сделки о признании вины» не может быть в принципе.

Сторонники «сделки с правосудием» предлагали различные вариации, а именно: при подготовке к судебному заседанию или в самом судебном заседании подсудимый предлагал свое признание в обмен на гарантии судьи о том, что наказание не превысит какой-либо предел либо прокурор снимет часть обвинений по преступлениям, связанным с основным, при условии их совокупности. Исследователи отмечают,

что первые формы «сделок с правосудием» в уголовном процессе ФРГ больше напоминали «исповедь» (confession), то есть фактическое раскаяние. Указанный аспект находится в полном соответствии с редакцией УПК ФРГ, согласно которой признание лица способствует достижению целей правосудия и приводит к смягчению ответственности.

Интересна еще одна особенность немецкого варианта: перед заключением «сделки», то есть до слушания дела, подсудимый может ознакомиться с материалами уголовного дела и, следовательно, узнать все о доказательственной базе стороны обвинения и реально оценивать свои шансы при ведении переговоров. В то же время Верховный Суд США высказался о том, что у прокурора нет конституционной обязанности полностью раскрывать материалы дела, вплоть до момента заключения «сделки».

ФРГ шла по пути осторожных реформ, так как официальное введение оригинального варианта правового института «сделки с правосудием» вызвало бы много противоречий внутри самой правовой структуры уголовного процесса. В этом позиция немецкого законодателя схожа с позицией его российских коллег. Особенностью германской «сделки с правосудием» была апробация посредством практики, то есть практические органы имели возможность самим создать форму «сделки», необходимую им в борьбе с преступностью. В 2009 году в процессуальное законодательство были внесены нормы, узаконившие практику «торгов» и предусматривающие снижение наказания или освобождение от его отбывания при признании обвиняемым своей виновности. В 2011 году Федеральный Конституционный Суд указал при этом на необходимость соблюдения принципов законности и объективной истины*. Согласно УПК ФРГ судья обязан выносить решение с учетом имеющихся в деле доказательств и установленных фактов, он не связан заявлениями и ходатайствами сторон. Поэтому в правовой системе ФРГ ярко выражена роль судьи, у которого сосредоточены наибольшие полномочия. В этом еще одно сходство с российским институтом. Цен-

тром полномочий остается судья, принимающий решение на основании личного мнения о материалах дела и доказанности инкриминируемых деяний, а стороны обвинения и защиты — на втором плане, что означало сохранение основных положений следственного характера уголовного процесса. Но все-таки институт «сделки с правосудием» имеет больше сходства с институтом особого порядка рассмотрения уголовных дел в российском законодательстве, чем с институтом досудебного соглашения о сотрудничестве.

С принятием в 1988 году нового Уголовно-процессуального кодекса в Италии началось реформирование уголовного процесса. Так называемый «patteggiamento», что в переводе с итальянского означает «обозначение наказания», имеет довольно много заимствований у оригинальной американской «сделки».

Положения нового процессуального кодекса предполагают компенсацию значимости материалов предварительного следствия устным разбирательством. В результате судья не имеет информации о том, какие доказательства были собраны до рассмотрения дела в суде, что не позволяет ему заранее выделить интересующие моменты из представленной доказательственной базы (в том числе определить безоговорочность некоторых фактических обстоятельств) (ст.ст. 431, 500, 503 УПК Италии).

Положительным сдвигом в сторону состязательности стало закрепление норм о том, что в процессе поиска доказательств (как на досудебной, так и на судебной стадии) участвуют теперь две стороны. Данный шаг радикально изменил статус судьи, ликвидировав исключительность его полномочий в досудебном расследовании: эти функции теперь были разделены между обвинителем и защитой. Судья может истребовать доказательства только по ходатайству сторон.

Регламентированный правовой институт «сделки с правосудием» предполагает достижение соглашения между обвинением и защитой, которое в дальнейшем представляется на утверждение судье и служит основанием для вынесения приговора. По условиям соглашения обозначенный в законе максимальный срок может быть снижен на 1/3 при условии, что

* URL: http://www.bundesverfassungsgericht.de/entscheidungen/rk20110309_1bvr075210.html

этот приговор не превысит 5 лет лишения свободы, кроме того, с подсудимого не взимаются судебные издержки, не применяются дополнительные меры наказания, приговор не имеет преюдиции для гражданского или административного судопроизводства. Соглашение одобряется судьей лишь в случае, если, ознакомившись с материалами дела, он не найдет достаточных оснований для оправдания подсудимого.

Выделим некоторые особенности правового института «сделки с правосудием» по уголовно-процессуальному законодательству Италии:

1. Ограничение применения возможно только по преступлениям, наказание за которые (после снижения на 1/3) не превысит 5 лет лишения свободы.

2. Суть соглашения может охватить только сам приговор, но не частичный или полный отказ от предъявленных обвинений (вероятно, это вызвано стремлением избежать противоречий между правовым институтом и правовой системой).

3. «Сделка» не является полным аналогом американского варианта «сделки о признании вины» или непосредственно явным указанием на вину самим подсудимым. Ходатайствуя перед судом о вынесении конкретного приговора, подсудимый отказывается от своего права на рассмотрение дела судом и лишь предполагает признающим себя виновным. В то же время после ознакомления с материалами дела судья может оправдать подсудимого до утверждения соглашения.

4. Если прокурор не соглашается на сделку с подсудимым, то подсудимый уже после слушания дела может ходатайствовать перед судьей об исследовании причин, послуживших основанием для отказа от такого соглашения, и попросить снизить срок наказания на 1/3.

Итальянская модель «сделки» во многом схожа с американской: активность состоящих сторон и пассивность самого судьи. За период с 1990 по 1998 год посредством сделки было принято от 34 % до 42 % решений [15]. Таким образом, сущность института «сделки с правосудием» была заимствована у американской правовой системы лишь частично; несмотря на серьезные изменения характера процесса и дополнительные prerogatives сторон как действительно состоящих участников,

суть «сделки» касалась только самого наказания. Условия соглашения не предполагали договоренности о распространенных в США схемах частичного отказа обвинителя от предъявляемого обвинения, изменения сути обвинения и т.д. (в том числе в обмен на ключевую информацию о другом, вероятно, более серьезном преступлении).

Особая вариация применения института «сделки с правосудием» существует в УПК Франции. Основной причиной применения данного института, как и в рассмотренных выше странах, явилось желание законодателя снизить нагрузку судебной системы.

Согласно ст. 41-2 УПК Франции окружной прокурор может предложить непосредственно или через доверенное лицо привлекаемому к ответственности совершеннолетнему субъекту условное осуждение. При этом лицо должно признаться в совершении инкриминируемого ему мисдеманора (ответственность предусматривает штраф или лишение свободы сроком до 5 лет), в том числе связанного с совершением незначительного правонарушения. Особого внимания заслуживают условия сделки: 1) уплата посреднического штрафа в государственную казну (размер не более 3 750 евро, либо не более половины штрафа, предусмотренного за данное деяние санкцией статьи), при этом учитывается материальное положение лица; 2) передача в доход государства орудия совершения деяния; 3) отказ от использования транспортного средства (оно должно быть обездвижено на срок не более 6 месяцев); 4) сдача водительского удостоверения (на срок не более 6 месяцев); 5) сдача охотничьего разрешения (на срок не более шести месяцев); 6) общественные работы сроком не более шестидесяти часов и общей продолжительностью не более 6 месяцев и т.д.

При согласии подсудимого с условиями соглашения прокурор передает свои рекомендации (конкретные санкции) на одобрение судьи, при этом договоренность может быть достигнута по исчерпывающему перечню преступлений, например: неквалифицированный грабеж, клевета, вожделение в состоянии опьянения, жестокость по отношению к животным [16, р. 69-70].

Очевидно расхождение с российским институтом, призванным к борьбе с

проявлениями преступности организованной формы. Заключение «сделки» во Франции возможно за противоправные деяния, аналогичные административным правонарушениям в Российской Федерации. Не могут быть субъектами сделки лица, не достигшие 18-летнего возраста. Кроме того, если жертва противоправного деяния в процессе расследования заявила о необходимости возмещения подсудимым причиненного вреда (реституции), то сделка возможна только после возмещения причиненного ущерба, в противном случае о ней не может быть и речи.

Председатель суда или назначенный им судья после поступления согласованного с обвиняемым варианта применения к нему уголовно-правового воздействия принимает решение о возможности наказания лица посредством штрафа либо иных дополнительных видов ответственности. В случаях, когда, по мнению судьи, необходимо провести полное слушание дела либо наказание лица должно быть связано с лишением свободы, он отправляет все материалы дела обратно обвинителю.

Анализ французской модели «сделки» приводит к следующим выводам:

1) несмотря на общие причины появления данного института, выраженные в перегруженности судебной системы, французская модель не является имплементацией американской модели;

2) американская система призвана к ускорению решения по делу, в то время как французский институт строго запротоколирован и в некоторых случаях предполагает возможность замены уголовного наказания мерами административного характера;

3) французский институт «сделки» выбрал не курс борьбы с организованными проявлениями преступности, а возможность депенализации, заменяя неэффективные и жесткие меры борьбы с мелкими проявлениями преступности на общественные работы, компенсацию пострадавшим, то есть социально полезные инструменты наказания. Американский институт акцентирован на необходимость ускорения рассмотрения дел, в которых истина произошедшего полностью установлена и признана обвиняемым, то есть суть его заключается в избежании формальных затрат и проведении необременительного процесса.

Уголовное судопроизводство Испании активно использует институт «согласия» (*conformidad*), по которому сторона обвинения направляет в суд ходатайство о назначении наказания на срок не более 6 лет, если обвиняемый признает инкриминируемое деяние.

В Португалии имеется процедура *sumarissimo*, применяемая с 1987 года по уголовным делам, наказание по которым не превышает 6 месяцев лишения свободы.

Признание обвиняемым своей вины оценивается лишь как рядовое доказательство «по внутреннему убеждению» суда. Здесь проявляется основное различие между англосаксонской и континентальной традициями подходов к институту «признания вины» [1, с. 36].

Институт досудебного соглашения — это реакция правоохранительных органов Российской Федерации на объективные нужды. Безусловно, американский институт «сделки с правосудием» является эталоном для создания договорного инструмента с преступностью, несмотря на свои латентные недостатки. Однако ни одна страна не позволила себе идентичного копирования данного института. В какой-то степени, конечно, «сделка с правосудием» была заимствована у США, но пропущена через менталитет своего народа. Россия также имеет право на особый путь развития «сделки с правосудием». Представляется уместным привести слова Т.В. Топчиевой, рассматривавшей соотношение англосаксонской сделки о признании вины и особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного главой 40 УПК РФ, которая пришла к выводу, что они «...являются схожими лишь по своему назначению, которое заключается в упрощении судебной процедуры рассмотрения дела, экономии судейского времени и средств, отпускаемых на содержание судов (второе более характерно для Запада)» [17, с. 33]. Многократное повторение процесса в Европе ведет к его технологичности, в России — к потере качества. В связи с этим законодатель не случайно дал правоохранительным органам возможность борьбы при помощи соглашения с организованными преступными формированиями, которые невозможно искоренить, но на которые можно оказывать влияние.

Список литературы

1. Кирсанов А.Ю. Досудебное соглашение о сотрудничестве. Анализ, практика, выводы: монография. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2012. 128 с.
2. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. М., 1999.
3. Langbein J.H. Compative Criminal Procedure: Germany. St. Paul, 1977.
4. Махов В.Н., Пешков М.А. Уголовный процесс США (досудебные стадии): учеб. пособие. М., 1988. 208 с.
5. Fischer G. Plea Bargaining's Triumph: A History of Plea Bargaining in America 222-23&tbl.9.1.2003.
6. Alschuler A.W. The Defense Attorney's Role in Plea Bargaining // Yale Law Journal. 1975. N 84.
7. Moley R. The Vanishing Jury // Southern California Law Review. 1926. N 2.
8. Alschuler A. Plea Bargaining and Its History // Law and Society Review. 1979. N 13.
9. U.S. National Commission On Law Observance And Enforcement. Report On Crime And The Foreign Born. Washington. DC. 1931. Washington: United States Government Printing Office, 1931.
10. Olin D. Plea Bargain // The New Yourk Times Magazine. 2002. 29 Sept.
11. Report of the President's Commission on Crime in the District of Columbia. 1966. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office.
12. Bjerk D. On the Role of Plea Bargaining and the Distribution of Sentences in the Absence of Judicial System Frictions (Preliminary Draft) // McMaster University and RAND Corp. 2005. 29 Nov.
13. Interview with Mr. Nunes // Oakland Public Defender. 13. Febr. 1968; Interview with Mr. Arkin // Oakland Public Defender. 11 Jan. 1966; Interview with Mr. Conn // Oakland Public Defender. 12 Jan. 1966.
14. Detlef D. Der strafprozessuale Vergleich // Strafverteidiger. 1982. N 2.
15. Langer M. From Legal Transplants to Legal Translations: The Globalization of Plea Bargaining and the Americanization Thesis in Criminal Procedure // Harvard International Law Journal. 2004. N 1.
16. Ministere de la Justice. Circulaires de la direction des Affaires criminelles et des Graces // Bulletin Officiel du Ministere de la Justice. 2001. N 83.
17. Топчиева Т.В. Соотношение сделки о признании вины (на примере США) и порядка разрешения уголовного дела, предусмотренного главой 40 УПК РФ // Алтайский юридический вестник. 2013. N 1 (1). С. 31-34.

References

1. Kirsanov A.Yu. *Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve. Analiz, praktika, vyvody* [Pre-trial agreement on cooperation. Analysis, and practice, the findings]. Moscow, Yuniti-Dana: Zakon i pravo Publ., 2012. 128 p.
2. Myuller V.K. *Novyy anglo-russkiy slovar'* [The New English-Russian dictionary]. Moscow, 1999.
3. Langbein J.H. Compative Criminal Procedure: Germany. St. Paul, 1977.
4. Makhov V.N., Peshkov M.A. *Ugolovnyy protsess SShA (dosudebnye stadii)* [US criminal trial (pre-trial stage)]. Moscow, 1988. 208 p.
5. Fischer G. Plea Bargaining's Triumph: A History of Plea Bargaining in America 222-23&tbl.9.1.2003.
6. Alschuler A.W. The Defense Attorney's Role in Plea Bargaining. Yale Law Journal, 1975, no. 84.
7. Moley R. The Vanishing Jury. Southern California Law Review, 1926, no. 2.
8. Alschuler A. Plea Bargaining and Its History. Law and Society Review, 1979, no. 13.
9. U.S. National Commission On Law Observance And Enforcement. Report On Crime And The Foreign Born. Washington. DC. 1931. Washington: United States Government Printing Office, 1931.
10. Olin D. Plea Bargain. The New Yourk Times Magazine, 2002, 29 Sept.
11. Report of the President's Commission on Crime in the District of Columbia. 1966. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office.
12. Bjerk D. On the Role of Plea Bargaining and the Distribution of Sentences in the Absence of Judicial System Frictions (Preliminary Draft). McMaster University and RAND Corp, 2005, 29 Nov.
13. Interview with Mr. Nunes. Oakland Public Defender, 13 Febr. 1968; Interview with Mr. Arkin. Oakland Public Defender. 11 Jan. 1966; Interview with Mr. Conn. Oakland Public Defender, 12 Jan. 1966.
14. Detlef D. Der strafprozessuale Vergleich. Strafverteidiger, 1982, N 2.
15. Langer M. From Legal Transplants to Legal Translations: The Globalization of Plea Bargaining and the Americanization Thesis in Criminal Procedure. Harvard International Law Journal, 2004, no. 1.
16. Ministere de la Justice. Circulaires de la direction des Affaires criminelles et des Graces. Bulletin Officiel du Ministere de la Justice, 2001, no. 83.
17. Topchieva T.V. *Sootnoshenie sdelki o priznanii viny (na primere SShA) i poryadka razresheniya ugovnogo dela, predusmotrennogo glavoy 40 UPK RF* [The ratio of a plea bargain (for example, USA) and the settlement of the criminal case under Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik* – Altai Law Herald, 2013, no. 1 (1), pp. 31-34.

КАБЕЛЬКОВ С.Н.,
volakdm@va-mvd.ru
Кафедра уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел;
Волгоградская академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
400089, г. Волгоград, Историческая, 130

KABELKOV S.N.,
volakdm@va-mvd.ru
Chair of criminal procedure;
Scientific educational complex
for preliminary investigation
in law enforcement bodies;
Volgograd Academy of the MIA
of the Russian Federation,
Istoricheskaya St. 130, Volgograd, 400089,
Russian Federation

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ С УЧЕТОМ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА

Реферат. Государства западного мира некоторое время назад пришли к выводу о невозможности успешного противодействия преступности сугубо репрессивными методами. В терминологический оборот зарубежных юристов вошло понятие парадигмы так называемого «восстановительного правосудия», которое декларируется как полярная альтернатива правосудию карательному. Как следствие — стремительное развитие медиации в международном масштабе сегодня, при этом она является одной из самых быстро развивающихся форм урегулирования конфликтов. Российская Федерация не осталась «на обочине» правовых реформ. Юридическая общественность и органы государственной власти заинтересовались перспективами применения медиации в российском праве. Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не предусматривает необходимых процедур, а также участников уголовно-процессуальных отношений, которые позволили бы широко распространить медиацию в пределах российского уголовно-процессуального поля. Пока продолжают применяться нормы, связанные лишь с самостоятельным примирением сторон. Следует обратить внимание на причины, которые не способствуют внедрению института медиации в правоприменительную практику. Во-первых, это некоторая нерешительность со стороны отечественного законодателя, который предусмотрел медиацию только для урегулирования гражданско-правовых споров. Во-вторых, требуется усовершенствование процессуального порядка прекращения уголовных дел, а именно: решение вопроса по существу должен принимать не следователь, а суд. В-третьих, нужно включить в круг участников уголовного процесса медиатора, наделив его определенными процессуальными полномочиями. Преодолеть эти и сопутствующие проблемы можно при разумном применении опыта государств, которые в той или иной мере решили аналогичные задачи в своих национальных правовых системах.

Ключевые слова: медиация, правовой конфликт, уголовное судопроизводство, альтернативное средство уголовной ответственности.

PROSPECTS OF APPLYING MEDIATION IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDING BASED ON INTERNATIONAL EXPERIENCE

Abstract. Western states have recently come to the conclusion that counteraction to crimes cannot be successful when applying only repressive methods. A new concept of paradigm of “reconstructive justice”, being a polar alternative of punitive justice, was introduced by foreign lawyers. As a result, mediation today is one of the most developing forms of resolving disputes on a global scale. Russian legal community and authorities have got interested in prospects of applying mediation in the Russian law. But effective criminal procedure legislation of the Russian Federation does not provide the necessary procedures as well as participants of criminal procedure relations which would allow to extent application of mediation within the Russian criminal procedure field. Rules relating to independent reconciliation of parties are still applied in Russian law. Main causes hindering the introduction of mediation into law enforcement practice are given. They are: 1) hesitation of Russian legislators who apply mediation only for resolving civil disputes; 2) necessity to improve the procedure of dismissing criminal case, notably: the decision should be made by court, not by investigator; 3) mediator should be included into the circle of participants in criminal proceeding and vested with certain procedural authorities. These and related problems can be overcome in case of reasonable applying the experience of the states which have solved similar problems in their national legal systems.

Keywords: mediation, legal conflict, criminal proceeding, alternative means of criminal liability.

Одним из наиболее актуальных и обсуждаемых в последнее время юридической общественностью вопросов является вопрос о применении медиации* при разрешении правовых конфликтов, в том числе в уголовном судопроизводстве.

Сторонники медиации говорят, что она выступает во всем мире одной из самых популярных форм урегулирования споров. Ее появление связано с осознанием неэффективности карательных мер при отправлении правосудия, что привело к возникновению международного движения за «восстановительное правосудие» (Restorative Justice; программа, имеющая наибольшую известность, — Mediation UK). Самыми активными участниками этого движения являются такие страны, как Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Китай, Испания, Италия, США, Франция, ФРГ, Швеция, Швейцария и Великобритания.

В странах — участницах СНГ тоже идет процесс внедрения медиации. Некоторые государства уже приняли законы, регламентирующие ее использование в судопроизводстве (Азербайджан, Казахстан, Молдова, Россия, Украина), а в других (Армения, Белоруссия, Кыргызстан, Таджикистан) этот процесс находится на стадии разработки и обсуждения законопроектов.

В России Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»** также существует. Однако перспективы его развития нуждаются в тщательном анализе.

В науке разработано множество вариантов толкования понятия «медиация». Под этим термином понимается процесс совместного решения проблемы участниками конфликта, шансы которого на успех высоки в силу особых процессуальных условий и профессиональной помощи медиатора в осуществлении взаимодействия сторон на пути к урегулированию спора. Кроме того, медиация — это внесудебное урегулирование споров между субъектами при участии незаинтересованной стороны; один из са-

мых неформальных способов разрешения конфликтов — процесс, в котором стороны встречаются с совместно избранным, беспристрастным, нейтральным специалистом — медиатором (посредником), помогающим вести переговоры с целью выработки взаимоприемлемого жизнеспособного решения в условиях существующих между ними различий интересов [1]. Медиация — это посредничество при примирении между сторонами при возбуждении, предварительном расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел [2].

Законодательную базу закрепления института медиации в отраслевом законодательстве европейских государств составляют: 1) Рекомендация Комитета министров государствам — членам Совета Европы, посвященная посредничеству в уголовных делах, которая учитывает существование самых разнообразных форм и подходов к медиации и указывает, что «законодательство должно способствовать проведению медиации» и «посредничество в уголовных делах должно быть повсеместно доступной услугой... на любой стадии отправления правосудия»***; 2) Рекомендация R (99) 19 Комитета министров государствам — членам совета Европы, посвященная медиации в уголовных делах****.

Таким образом, в уголовно-процессуальном праве целого ряда европейских государств институт медиации уже закреплен.

Возможность применения медиации в качестве альтернативного средства уголовной ответственности рассматривается в Армении*****. Действующий в Казахстане закон «О медиации»***** сферой

*** Рекомендация N R (87) от 17 сент. 1987 г. // Рос. юстиция. 1987. N 8. С. 3.

**** Рекомендация N R (99) 19 Комитета министров Совета Европы от 15 сент. 1999 г. по медиации в уголовных делах (принята Комитетом министров 15 сент. 1999 г. на 679-й встрече представителей Комитета) // Mnip.pro: сайт. URL: http://mnip.pro/rekomendacija%20komiteta%20ministrov.html#U7P6Z_I_ui4 (дата обращения: 2 июля 2014 г.).

***** Республика Армения // Ресурсный центр медиации: сайт. URL: http://mediators.ru/rus/cis_mediation/armenia/ (дата обращения: 2 июля 2014 г.).

***** О медиации: закон Республики Казахстан от 28 янв. 2011 г. N 401-IV ЗРК // МИА «Казинформ»: сайт. URL: <http://www.inform.kz/rus/article/2345795> (дата обращения: 2 июля 2014 г.).

* Слово «медиация» происходит от лат. *mediatio* — посредничество.

** Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. N 31. Ст. 4162.

ее применения в уголовном судопроизводстве определил дела о преступлениях небольшой и средней тяжести.

Однако, несмотря на общие рекомендации, в правоприменительной практике отдельных государств проявляются некоторые национальные различия. Например, во французской и бельгийской моделях инициатором медиации является прокурор, а в Бельгии, помимо прокурора, еще и сам медиатор*.

Между тем большинство государств видят использование медиации вообще только в рамках гражданско-правовых отношений. Так, отечественный законодатель в Федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» указал, что им регулируются отношения, связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений [3, с. 24; 4, с. 16].

Тем не менее анализ российского уголовного судопроизводства позволяет говорить о том, что метод альтернативного разрешения споров уже имеет законодательное закрепление в статье 76 УК РФ (уголовно-правовой институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим) и статье 25 УПК РФ (уголовно-процессуальный институт прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон).

Как и в Казахстане, российский суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред.

В связи с этим можно сравнить отдельные положения законодательства США

и России. Так, в американском штате Техас судья обязан каждому истцу, подавшему исковое заявление, написать письмо с предложением рассмотреть медиацию как способ разрешения спора и упомянуть о ее преимуществах. А в соответствии с пунктом 7 части 1 статьи 73 УПК РФ российские правоприменители обязаны установить обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Примирение сторон как раз и является таким обстоятельством. Следуя буквальному толкованию норм УПК РФ, можно представить такой алгоритм действий дознавателя, следователя, судьи: дознаватель и следователь при установлении на досудебных стадиях обстоятельства, исключающего преступность и наказуемость деяния (реабилитирующего или нереабилитирующего), а судья — на судебных стадиях, но до вынесения приговора, обязаны принять процессуальное решение, в том числе решить вопрос о примирении сторон в соответствии со статьей 25 УПК РФ, и вынести решение о прекращении уголовного дела.

Следовательно, реализация технологий восстановительного правосудия и проведения примирительных процедур возможна и при применении норм действующего законодательства.

Всероссийский император Николай I писал об аналогичных ситуациях следующее: «...Недостаток результатов (прежних работ) происходил, главнейше, от того, что всегда обращались к сочинению новых законов, тогда как надо было сперва собрать вполне и привести в порядок те, что уже существуют» [Цит. по: 5, с. 617]. Его изречение не потеряло своей актуальности и сейчас, спустя два века. Ведь следственная практика показывает, что положения статьи 25 УПК РФ на стадии предварительного расследования практически не применяются.

С целью определения причин, по которым в настоящее время следственными органами не используются некоторые нормы действующего УПК РФ, было изучено мнение следователей об эффективности их правоприменительной практики. Проведенные интервьюированные сотрудники органов внутренних дел отметили, что их руководители чаще всего не доверяют им решение вопросов о прекращении уголовных

* Зарубежное законодательство // Ресурсный центр медиации: URL: http://mediators.ru/rus/about_mediation/foreign_law/ (дата обращения: 2 июля 2014 г.).

дел по нереабилитирующим основаниям, в чем опрошенные нами следователи усматривают коррупционную составляющую [6, с. 33; 7, с. 203].

Рассуждая о мерах по преодолению коррупционной составляющей в правоохранительных органах, председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев отметил: «принимать решение по любому делу (в том числе и о его прекращении) должен суд, открыто, гласно, в зале судебных заседаний... что, вероятно, резко снизило бы уровень коррумпированности самих правоохранительных органов и уменьшило количество слухов о продажности следователей, прокуроров — там, разумеется, где эти слухи беспочвенны» [8].

Ранее в юридической литературе высказывалось рациональное предложение о том, что решение о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон должны принимать дознаватель или следователь, а санкционировать его должен только судья, а не руководитель следственного органа и не прокурор [9, с. 72; 10, с. 29]. Изменение положений одной статьи УПК РФ не потребовало бы стольких усилий, как принятие целого закона.

Подводя итог нашим рассуждениям, отметим, что рецепция института медиации в российское уголовное судопроизводство нуждается на сегодняшний день в ответе на главный вопрос о статусе медиатора: является ли он полноправным участником уголовного судопроизводства?

Некоторые авторы полагают, что стороны в качестве альтернативного варианта вправе обратиться и к нотариусу, чтобы зафиксировать намерения о примирении, заключив при этом договор, при котором

примирение может стать возможным в случае выполнения определенных условий [11]. Это предложение пока не нашло своего закрепления в юридической практике в связи с тем, что по действующему законодательству нотариус не может быть участником уголовного судопроизводства.

Тем не менее необходимость развития института медиации сегодня признана на всех уровнях власти в России. Подтверждением этого является разработанная и реализуемая по согласованию с Министерством юстиции Российской Федерации программа подготовки медиаторов*. Судить об ее эффективности мы сможем лишь спустя определенное время, когда обученные специалисты начнут массово применять свои знания на практике и будет решен один из ключевых вопросов о статусе медиатора (станет ли он новым участником уголовного судопроизводства). Если статус медиатора будет подтвержден (он будет признан новым участником уголовного судопроизводства), то следует ожидать очередных глобальных изменений действующего законодательства.

В любом случае внедрение института медиации в российское уголовное судопроизводство нуждается в тщательной проработке, которая исключила бы простое копирование норм зарубежного законодательства. Это — главная задача научной общественности, в рамках реализации которой мы предложили свое видение данного вопроса.

* Об утверждении программы подготовки медиаторов: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 14 февр. 2011 г. N 187 // Рос. газ. 2011. 23 марта. N 60.

Список литературы

1. Гуськова А.П., Маткина Д.В. Медиация в уголовном процессе // Российский судья. 2009. N 2. С. 10-18.
2. Хидзева З.Х. Понятие медиации в уголовном процессе Российской Федерации // Российский следователь. 2008. N 23. С. 59-63.
3. Ходарева Т.В. Судебная власть как правозащитный институт // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. N 4 (27). С. 24-29.
4. Мингес И.А. Современная правовая система России: направления развития // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. N 4 (27). С. 15-18.
5. Филиппов М.А. Судебная реформа в России. Т. 1. СПб., 1871. 631 с.
6. Алексеева А.П., Бабошкин П.И. Понятие противодействия преступности // Юристы-Правоведь. 2008. N 3 (28). С. 33-35.
7. Алексеева А.П. Некоторые направления противодействия коррупционной преступности в правоохранительных органах // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Право». 2010. N 2. С. 200-205.

8. Верховный Суд – он самый главный: интервью с В.М. Лебедевым // Мир новостей. 1996. 15-21 апр.
9. Кабельков С.Н. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования по нереабилитирующим основаниям, не исключающим производство по делу: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. 213 с.
10. Алексеева А.П. Деятельность российской полиции в оценках общественности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. N 4. С. 26-33.
11. Руднев В.И. Освобождение обвиняемого от уголовной ответственности в связи с примирением его с потерпевшим: уголовно-процессуальный аспект // Журнал российского права. 1999. N 10. С. 56-59.

References

1. Gus'kova A.P., Matkina D.V. *Mediatsiya v уголовном protsesse* [Mediation in criminal trial]. Rossiyskiy sud'ya – Russian judge, 2009, no. 2, pp. 10-18.
2. Khidzeva Z.Kh. *Ponyatie mediatsii v уголовном protsesse Rossiyskoy Federatsii* [Concept of mediation in criminal trial of the Russian Federation]. *Rossiyskiy sledovatel'* – Russian investigator, 2008, no. 23, pp. 59-63.
3. Khodareva T.V. *Sudebnaya vlast' kak pravozashchitnyy institut* [Judicial authority as human rights institute]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* – Herald of the Volgograd Academy of the Russian Interior Ministry, 2013, no. 4 (27), pp. 24-29.
4. Minges I.A. *Sovremennaya pravovaya sistema Rossii: napravleniya razvitiya* [Modern legal system of Russia: development directions]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* – Herald of the Volgograd Academy of the Russian Interior Ministry, 2013, no. 4 (27), pp. 15-18.
5. Filippov M.A. *Sudebnaya reforma v Rossii* [Judicial reform in Russia]. Vol. 1. St. Petersburg, 1871. 631 p.
6. Alekseeva A.P. Baboshkin P.I. *Ponyatie protivodeystviya prestupnosti* [Concept of crime counteraction]. *Yurist"-Pravoved"* – Lawyer-Right knower, 2008, no. 3 (28), pp. 33-35.
7. Alekseeva A.P. *Nekotorye napravleniya protivodeystviya korruptsionnoy prestupnosti v pravookhranitel'nykh organakh* [Some directions of counteraction of corruption crime in law enforcement agencies]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo»* – Herald of the Voronezh state university. Series «Right», 2010, no. 2, pp. 200-205.
8. *Verkhovnyy Sud – on samyy glavnyy: interv'yu s V.M. Lebedevym* [The Supreme Court – it most important: interview to V.M. Lebedev]. *Mir novostey* – World of news, 1996, April 15-21.
9. Kabel'kov S.N. *Prekrashchenie ugovnogo dela v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya po nereabilitiruyushchim osnovaniyam, ne iskluchayushchim proizvodstvo po delu. Kand. Diss.* [The termination of criminal case in a stage of preliminary investigation on the not the rehabilitation bases which aren't excluding proceeding: the thesis on competition of a scientific degree of the candidate of jurisprudence. Cand. Diss.]. Volgograd, 2001. 213 p.
10. Alekseeva A.P. *Deyatel'nost' rossiyskoy politzii v otsenkakh obshchestvennosti* [Activity of the Russian police in public estimates]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* – Herald of the Volgograd Academy of the Russian Interior Ministry, 2011, no. 4, pp. 26-33.
11. Rudnev V.I. *Osvobozhdenie obvinяemogo ot ugovnoy otvetstvennosti v svyazi s primireniem ego s poterpevshim: ugovno-protsessual'nyy aspekt* [Release accused from criminal liability in connection with its reconciliation with the victim: criminal procedure aspect]. *Zhurnal rossiyskogo prava* – Journal of Russian Law, 1999, no. 10, pp. 56-59.

Раздел 11. Кадровое и морально-психологическое обеспечение деятельности правоохранительных органов

ЗЛОКАЗОВ К.В., кандидат психологических наук, доцент, zkirvit@yandex.ru Кафедра психологии служебной деятельности и педагогики; Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 620057, г. Екатеринбург, Корепина, 66	ZLOKAZOV K.V., Candidate of Psychological Sciences, associate professor, zkirvit@yandex.ru Chair of professional activity psychology and pedagogics; Ural Law Institute of the MIA of the Russian Federation, Korepina St. 66, Yekaterinburg, 620057, Russian Federation
---	---

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТИПОВ ДЕСТРУКТИВНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Реферат. Показано разнообразие представлений ученых о проблеме деструктивности личности, множество существующих в теории концепций и моделей. Характер обобщений не в полной мере способствует познанию и прогнозированию деструктивных явлений. Утверждается необходимость разработки психологической теории деструктивности, объединяющей известные, но разрозненные явления психологической жизни личности в едином методологическом ключе. Обосновываются ее принципиальные положения: деструктивность — вид деятельности, а не реактивный акт поведения; она направлена на осознаваемую цель и формируется на основе осознаваемой субъектом потребности. К признакам деструктивности автор относит: индивидуально-типологические, регуляторные, ценностно-смысловые характеристики личности; особенности отношения субъекта к существенным сторонам жизнедеятельности — самому себе, обществу и профессиональной деятельности. Предлагается авторская методика диагностики деструктивности, направленная на описание деструктивных и конструктивных составляющих социальной и профессиональной активности субъекта. Показатели диагностики: типологические предпосылки деструктивности; особенности регуляции деятельности и отношений; ценностные характеристики личности в связи с деструктивностью. Предусмотрены показатели, описывающие уровень дезадаптации личности. Автором проведен эксплораторный факторный анализ показателей деструктивности личности 211 сотрудников органов внутренних дел (93 % — мужчины, средний возраст — 34 года), позволивший сгруппировать и описать психологические особенности четырех типов проявления деструктивности: «социально-отчужденный» — 31 % опрошенных, «социально-деструктивный» — 29 % опрошенных, «асоциально-деструктивный» — 23 % опрошенных, «асоциально-отчужденный» — 17 % опрошенных. Проведенная типология позволяет обобщить психологические предпосылки конструктивного и деструктивного поведения сотрудников правоохранительных органов. Направления дальнейших исследований видятся автором в уточнении и эмпирической проверке положений разрабатываемой концепции деструктивности личности.

Ключевые слова: деструктивность, деструктивное поведение, типы деструктивности, диагностика противоправного поведения.

EMPIRICAL ANALYSIS OF THE TYPES OF DESTRUCTIVENESS OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Abstract. The variety of existing scientific concepts of the problem of personality destructiveness is shown. The character of such general conclusions does not facilitate the cognition and prediction of destructive phenomena. The author proves the necessity to develop psychological theory of destructiveness which methodologically unites well-known but separate phenomena of psychological life of an individual. The fundamental propositions of this theory are argued: destructiveness is an active behaviour; it is aimed at perceived goal and formed on the basis of need perceived by an individual. The following features of destructiveness are distinguished: individual typological, regulatory, value characteristics of personality; peculiarities of person's attitude to significant aspects of life — to the self, society and professional activity. The author proposes his own method of destructiveness diagnostics aimed at describing destructive and constructive components of social and professional activity of a person. Diagnostics indicators are the following: typological preconditions of destructiveness; features of regulation of activity and relations; value characteristics of individuals related to destructiveness. Indicators, describ-

ing the level of personal disadaptation, are provided. Personality destructiveness indicators of 211 law enforcement officers (93 % – males, mean age – 34) were analyzed, which allowed to group and describe psychological characteristics of 4 types of destructiveness. They are: socially alienated – 31 % of respondents, socially destructive – 29 %, asocially destructive – 23 %, asocially alienated – 17 %. This typology allows to generalize psychological preconditions of destructive and constructive behaviour of law enforcement officers. The author proposes further analyzing the provisions of conception of personality destructiveness.

Keywords: destructiveness, destructive behaviour, types of destructiveness, unlawful behaviour diagnostics.

Введение. В ходе изучения противоправного поведения сотрудников правоохранительных органов нередко проводится анализ психологических качеств лиц, склонных к профессионально нежелательному поведению. Внимание ученых и практиков обусловлено общественным резонансом, возникающим в ответ на действия некоторых сотрудников полиции, идущие вразрез с нравственными ориентирами профессии. Помимо этого, анализ сведений о состоянии дисциплины и законности показывает, что, несмотря на прилагаемые руководством Министерства внутренних дел Российской Федерации усилия, проблема деструктивного поведения не теряет своей актуальности [1, с. 9]. В связи с этим одним из направлений научно-исследовательской работы по обеспечению деятельности органов внутренних дел становится совершенствование методов психологической диагностики, коррекции и профилактики негативных личностных явлений как детерминант деструктивного поведения. Следует отметить, что затрагиваемая проблема находит отклик в научной среде, раскрываясь в ряде антропологических, социологических, психологических исследований. Анализ публикаций свидетельствует о широте авторских интерпретаций – от культурологических до клинико-психиатрических; о применении всего многообразия психологических теорий – от психоаналитических до гуманистических.

В работах, описывающих различные аспекты деструктивного поведения сотрудников полиции – агрессию [2] и аутоагрессию [3, с. 16-24], дисциплинарные проступки, правонарушения и преступления [4; 5, с. 22-25], – личность сотрудника находится в фокусе внимания исследователей. Вместе с изучением проблем деструктивной активности совершенствуются и методы психологической диагностики сотрудников и лиц, поступающих на службу, учебу в подразделения МВД России. В частности, В.Е. Петровым ак-

туализированы вопросы психометрической оценки и адаптации психодиагностических методов, применяемых при отборе сотрудников органов внутренних дел [6].

Структурно-функциональная модель многоуровневой системы психологического обеспечения профилактики суицидов среди сотрудников ОВД обоснована в диссертационном исследовании Ю.Г. Касперович [7]. М.И. Марьиным и Л.Е. Киселевой разработана методика оценки уровня сплоченности сотрудников в служебном коллективе, их удовлетворенности своей профессиональной деятельностью, психологической напряженности и конфликтности между сотрудниками [8, с. 3-6]. В русле психодинамического направления в описании структуры личности В.А. Шаповалом разработана психодиагностическая методика, предназначенная для оценки и прогнозирования психического здоровья, личностного развития и комплексного исследования Я-структуры личности [9, с. 232-246].

Описанное показывает внимание специалистов к методам исследования различных сторон личности сотрудников органов внутренних дел, ориентацию на разработку психометрически обоснованных инструментов. Действительно, психологическая практика в части прогнозирования асоциальных проявлений, организации мероприятий по их психологической коррекции и профилактике требует применения надежных и валидных методов.

Резюмируя, отметим, что исследование деструктивности сотрудников правоохранительных органов, несмотря на достигнутые результаты, не теряет своей актуальности ни в научном, ни в прикладном смыслах. Перспективой научного анализа видится обобщение существующих подходов к описанию деструктивного поведения, эмпирическая валидизация психологической теории, объединяющей известные эмпирические закономерности и факты в виде целостной концепции деструктивнос-

ти. Проведенная интеграция позволила бы обратиться к разработке эмпирического конструкта психодиагностического инструментария, основы для методики измерения деструктивности кандидатов на службу в органы внутренних дел и действующих сотрудников. Прикладная цель разработки теории деструктивности усматривается нами еще и в том, чтобы моделировать эффективные стратегии психологической коррекции и профилактики, перейти от разрозненных форм к последовательной и научно обоснованной психологической поддержке сотрудников и служебных коллективов. Предлагаем рассмотреть имеющийся в настоящий момент опыт и некоторые результаты исследования деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов. Для этого необходимо определить основные положения концепции деструктивности личности.

Деструктивность как предмет психологического анализа. Определяя деструктивность как психологический феномен, синтезируем сложившиеся в науке подходы к его описанию и эмпирический опыт. В психологическую науку понятие «деструктивность» вводит З. Фрейд. Деструктивность, с точки зрения Фрейда, представляет собой инстинктивное образование, выражающее стремление к уничтожению и разрушению [10, с. 11]. Инстинктивность с психоаналитической точки зрения следует понимать как заданность, стихийность и непреодолимость стремлений субъекта. Подобная точка зрения характерна для когнитивно-бихевиористического подхода к изучению самоповреждающего поведения [11, с. 306-317; 12, с. 580-588] и в целом распространена в зарубежной и отечественной психиатрии [13]. В то же время неэффективность сведения детерминации деструктивной активности к категории «поведение» приводит последователей Фрейда и современных ученых к расширению исторически заданной в психоанализе и бихевиоризме системе переменных. Предпосылки идеи о деструкции как свойстве личности прослеживаются в социальном психоанализе Э. Фромма: «Деструктивность встречается в двух различных формах: спонтанной и связанной со структурой личности. Под первой формой подразумевается проявление дремлющих (не обязательно вытесняемых) деструктивных импульсов, которые

активизируются при чрезвычайных обстоятельствах, в отличие от деструктивных черт характера, которые не исчезают и не возникают, а присущи конкретному индивиду в скрытой или явной форме всегда» [14, с. 166]. В отечественной психологии деструктивное поведение рассматривается как результат осознанной субъектом активности, а неблагополучие, возникающее в связи с деструктивностью, — как следствие целенаправленных действий, приносящих выгоду [15, с. 48-63]. Данная точка зрения, на наш взгляд, является наиболее обоснованной, поскольку предметом психологического анализа должна быть деятельность в совокупности ее структурных и содержательных элементов, а не внешнее наблюдение за активностью субъекта.

Суммируя, определим, что деструктивность — это вид активности субъекта, направленный на разрушение внешних по отношению к нему структур. Это определение позволяет описать деструктивную активность, не прибегая к реактивно-рефлекторной и поведенческой традиции, достаточно распространенной, использующейся в психиатрической и социологической методологии и не являющейся, по сути, близкой к методологии психологической науки. Деструктивность рассматривается нами как системное психологическое качество личности, возникающее и развивающееся во взаимодействии и взаимосвязи с социальными объектами.

Цель деструктивной активности (то есть направленность, если рассматривать деструктивность как качество личности) — разрушение структур, опосредующих удовлетворение потребностей субъекта. К структурам могут быть отнесены экстрапсихические объекты (системы социальных отношений, социальные группы, институты), с которыми в различной степени идентифицирует себя субъект, и аутопсихические объекты (осознаваемые субъектом в различной степени — образ «Я», субъективная картина жизненного пути, потребности и способы их удовлетворения).

В основе деструктивной активности субъекта лежит потребность. Ее влияние на деструктивность, по нашему мнению, соответствует представлениям отечественной психологической школы о роли потребности в детерминации деятельности. Напряжение, возникающее в связи с невозможнос-

тью реализации потребности, становится пусковым механизмом деструкции. Оно и приводит к перестройке социальных структур, частью которых является субъект, либо структур субъекта, сформировавшихся в связи с социальными структурами, — социально детерминированными интрапсихическими образованиями (элементами самосознания, иерархией и содержанием мотивов). Следствие перестройки — частичное либо полное разрушение уровней структуры, связей и отношений с ней. Гипотетически проступки, правонарушения и преступления сотрудников полиции могут быть интерпретированы как деструктивно-направленные действия, обусловленные стремлением реализовать депривированные потребности. Помимо деструктивных действий могут быть выделены и иные явления, связанные с повышением уровня деструктивности.

Признаками деструктивности выступают особенности свойств личности, вычлняемые на разных уровнях организации и анализа личности. Их подробный обзор представлен в специальной работе [16], в данной статье мы сможем ограничиться лишь перечислением. К признакам деструктивности относятся: индивидуально-типологические, регуляторные, ценностно-смысловые характеристики, особенности отношения личности к существенным сторонам жизнедеятельности — самому себе, обществу и профессиональной деятельности. Полученные признаки были объединены в виде модели деструктивности личности, которая в дальнейшем стала основой для эмпирических исследований.

Метод исследования. Одним из результатов моделирования стала разработанная нами методика «Анализ деструктивности личности» [16], представляющая собой стандартизованный самоотчет, который содержит 151 утверждение, распределенное по 12 шкалам, сгруппированным по четырем направлениям анализа. В методике обсуждаемые характеристики стали группами шкал:

1. Шкалы, диагностирующие индивидуально-психологические предпосылки: сензитивность, импульсивность, ригидность.

2. Шкалы, описывающие особенности регуляции деятельности и межличностных отношений: автономность-зависи-

мость; уровень саморегуляции поведения; ответственность.

3. Шкалы, отражающие ценностные характеристики: асоциальная (эгоистическая) направленность; гедонистическая установка (стиль поведения), ценности родительских отношений.

4. Шкалы, описывающие особенности дезадаптации личности: отношение к деятельности, жизни, обществу.

Психологический смысл шкал и показателей заключается в описании деструктивных и конструктивных составляющих социальной и профессиональной активности субъекта. Деструктивные проявления активности характеризуются дезадаптацией по отношению к различным сферам жизнедеятельности, асоциальными установками, неэффективным стилем регуляции, преобладанием астении, спонтанностью и внушаемостью. Проводимые психометрические исследования дают основания предполагать готовность субъекта с высоким уровнем деструктивных тенденций к совершению асоциальных и (или) аутоагрессивных поступков.

Конструктивные проявления активности свидетельствуют об адаптации субъекта к жизни и деятельности, просоциальной мотивации поступков, ответственности и саморегуляции при осуществлении деятельности, стеническом состоянии, преобладании произвольного поведения над импульсивным. Высокий уровень конструктивности тесно связан с показателями удовлетворенности субъектом жизнью.

Обсуждение результатов исследований. В качестве примера оценки деструктивных тенденций опишем результаты сопоставления показателей деструктивности в группе сотрудников с низким уровнем профессиональной успешности (далее — ГПН) и группе сотрудников с высоким уровнем профессиональной успешности (группа профессионально успешных, далее — ГПУ). В ГПН были включены сотрудники, склонные к нарушению служебной дисциплины, употреблению спиртных напитков. Всего в ГПН было опрошено 52 человека, мужчины, возраст — 28-35 лет, в ГПУ — 54 человека, мужчины, возраст — 29-33 года. Для изучения различий между показателями деструктивности личности у сотрудников полиции нами проводился сопоставительный анализ методом расчета t-критерия Стьюдента.

Результаты сопоставления показывают, что сотрудники с низким уровнем профессиональной успешности отличаются деструктивным проявлением индивидуально-психологических особенностей, регуляторных свойств, ценностно-смысловой сферы от профессионально успешных сотрудников. Они же более дезадаптированы, чем их коллеги (t -крит=2,04, при $p<0,001$). Дезадаптивные тенденции иллюстрируются субъективными оценками опрашиваемых, чаще отмечающих неудовлетворенность профессиональной деятельностью, отношениями с обществом и собственной жизнью. По сравнению с коллегами для сотрудников, включенных в группу ГПН, характерно обесценивание деятельности и семейных отношений, восприятие собственной жизни как неупорядоченной, непоследовательной, преобладание экстерналистского локуса восприятия и контроля жизненных событий. В целом сотрудники из группы профессионально неуспешных отличаются от профессионально успешных по признакам деструктивности и могут быть склонны к совершению деструктивных действий. Характер действий может быть определен степенью общественной опасности или видом нарушенной нормы (например, моральной, дисциплинарной, административной, уголовной). В нашем исследовании к деструктивным действиям были отнесены дисциплинарные проступки сотрудников органов внутренних дел.

Для изучения связи между деструктивностью и дисциплинарными проступками нами был проведен эксплораторный факторный анализ результатов диагностики деструктивности группы сотрудников органов внутренних дел (211 человек, 93 % — мужчины, средний возраст — 34 года) имеющих дисциплинарные проступки. Факторный анализ проводился методом главных компонент с вращением varimax. Путем группирования разноуровневых показателей деструктивности и показателя «наличие дисциплинарных проступков» он позволил статистически обосновать четыре типа комплекса связей показателей деструктивных проявлений и дисциплинарных проступков. Полученное четырехфакторное решение позволило описать особенности социального поведения и личности сотрудников, причисляемых к каждому типу. Условно были выделены и описаны:

— «социально-отчужденный» тип (31 % опрошенных), характеризующийся агармоническими проявлениями индивидуально-психологической сферы (повышением уровня сензитивности и импульсивности), гедонистической направленностью личности;

— «социально-деструктивный» тип (29 % опрошенных) — представители этого типа склонны к конфликтам в коллективе, отличаются выраженными лидерскими качествами с преобладанием волевого контроля, мотивация к деятельности — личные, корыстные интересы;

— «асоциально-деструктивный» тип (23 % опрошенных), характеризующийся склонностью к совершению нарушений служебной дисциплины, аддиктивному поведению, гедонистической направленностью;

— «асоциально-отчужденный» тип (17 % опрошенных), характеризующийся совершением противоправных действий субъектом, не идентифицирующим себя с ценностями профессиональной деятельности.

Характеристики типов представлены в терминах методики «Анализ деструктивности личности» и нуждаются в дальнейшей дифференциации, содержательном осмыслении.

Выводы. Прогнозирование и коррекция противоправного поведения среди личного состава — одно из перспективных направлений психологического обеспечения деятельности правоохранительных органов. В рамках разрабатываемого нами подхода к изучению деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов нами создана модель, включающая в себя ряд эмпирических индикаторов деструктивности. Реализация модели в качестве эмпирического конструкта методики «Анализ деструктивности личности» на сегодняшний день позволяет предположить, что этот инструмент обеспечивает оценку уровня деструктивных и конструктивных проявлений в активности сотрудников полиции. Полученные результаты свидетельствуют о валидности модели опросника «Анализ деструктивности личности» для прогнозирования уровня деструктивности сотрудников.

Проведенное эмпирическое исследование позволило связать проявления

деструктивности и дисциплинарных проступков, условно разделить их на типы: «социально-отчужденный», «социально-деструктивный», «асоциально-деструктивный», «асоциально-отчужденный». Общими детерминантами проявления деструктивности сотрудников, включенных в группу ГПН, является эгоистически-гедонистическая ориентация и асоциальная направленность. Учитывая квазиэкспериментальный дизайн и объем выборочной совокупности исследования, выводы не могут быть распространены на генеральную совокупность. В то же время полученные данные содержательно

обогащают и структурируют наши представления о психологических особенностях деструктивного поведения сотрудников органов внутренних дел.

Задачи дальнейших исследований видятся в уточнении и эмпирической проверке положений разрабатываемой концепции деструктивности личности. Предполагаем, что продолжающиеся исследования в области психологии деструктивности сотрудников органов внутренних дел позволят повысить эффективность деятельности сотрудников полиции и служебных коллективов.

Список литературы

1. Геворкян И.Ш., Хрисанов В.А., Михайликов В.Л. Выполняя социальный заказ общества, готовим современных полицейских // Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. N 1. С. 8-15.
2. Павленин В.С. Психолого-педагогические факторы проявления агрессивности в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов: дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2004. 162 с.
3. Марьин М.И., Бирюков С.Д., Смирнова М.В. Личностные факторы суицидального риска (на примере сотрудников органов внутренних дел) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. N 4. С. 16-24.
4. Беспалая С.Г. Психологический прогноз склонности к делинквентному поведению у сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2007. 21 с.
5. Кожевникова Н.В. Проблемы нарушения служебной дисциплины сотрудниками правоохранительных органов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. N 4. С. 22-25.
6. Петров В.Е. Психометрическая адаптация диагностического инструментария профессионального психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел: метод. пособие. Казань: Изд-во КУ МВД России, 2003. 63 с.
7. Касперович Ю.Г. Психологическое обеспечение профилактики суицидов среди сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 198 с.
8. Марьин М.И., Киселева Л.Е. Лидерский статус руководителя и методы его диагностики // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. N 3. С. 3-6.
9. Шаповал В.А. Психологическое здоровье сотрудников органов внутренних дел как предмет исследования ведомственных психологов: новые подходы к оценке и прогнозированию // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. N 3 (43). С. 232-246.
10. Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура: сб. тр. М.: Ренессанс, 1992. 296 с.
11. Whinchel R.M., Stanly M. Self-Injurious Behavior: A Review of the Behavior and Biology of Self-Mutilation // The American Journal of Psychiatry. 1991. Vol. 148. Issue 3. Pp. 306-317.
12. Pies R.W., Popli A.P. Self-injurious behaviour: pathophysiology and implications for treatment // Journal of Clinical Psychiatry. 1995. 56. Pp. 580-588.
13. Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе: деструктивное поведение в современном мире. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 224 с.
14. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э.М. Телятникова, Т.В. Панфилова; Мн.: Попурри, 1999. 624 с.
15. Соколова Е.Т., Коршунова А.Р. Аффективно-когнитивный стиль репрезентации отношений Я-Другой у лиц с суицидальным поведением // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2007. N 4. С. 48-63.
16. Злоказов К.В. Психологический анализ деструктивности личности сотрудников правоохранительных органов: монография. Екатеринбург: Уральский юрид. ин-т МВД России, 2011. 182 с.

Refereces

1. Gevorkyan I.Sh., Khrisanov V.A., Mikhaylikov V.L. *Vypolnyaya sotsial'nyy zakaz obshchestva, gotovim sovremennykh politseyskikh* [Fulfilling the social order of society, preparing modern police]. *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti* – Problems of law enforcement, 2013, no. 1, pp. 8-15.

2. Pavlenin V.S. *Psikhologo-pedagogicheskie faktory proyavleniya agressivnosti v professional'noy deyatel'nosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov*. Kand. Diss. [Psycho-pedagogical factors manifestations of aggressiveness in the professional activities of law enforcement officials. Cand. Diss.]. Yekaterinburg, 2004. 162 p.
3. Mar'in M.I., Biryukov S.D., Smirnova M.V. *Lichnostnye faktory suitsidal'nogo riska (na primere sotrudnikov organov vnutrennikh del)* [Personal factors of suicide risk (for example, police officers)]. *Psikhologicheskiy zhurnal* – Psychological Journal, 2009, Volume 30, no. 4, pp. 16-24.
4. Bepalaya S.G. *Psikhologicheskiy prognoz sklonnosti k delinkventnomu povedeniyu u sotrudnikov organov vnutrennikh del*. Avtoref. Kand. Diss. [Psychological forecast propensity to delinquent behavior among police officers. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2007. 21 p.
5. Kozhevnikova N.V. *Problemy narusheniya sluzhebnoy distsipliny sotrudnikami pravookhranitel'nykh organov* [Problems of misconduct by law enforcement]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* – Psychology and Pedagogy in law enforcement, 2007, no. 4, pp. 22-25.
6. Petrov V.E. *Psikhometricheskaya adaptatsiya diagnosticheskogo instrumentariya professional'nogo psikhologicheskogo otbora kandidatov na sluzhbu v organy vnutrennikh del* [Psychometric adaptation diagnostic tools professional psychological selection of candidates for service in internal affairs agencies]. Kazan, 2003. 63 p.
7. Kasperovich Yu.G. *Psikhologicheskoe obespechenie profilaktiki suitsidov sredi sotrudnikov organov vnutrennikh del*. Kand. Diss. [Psychological support suicide prevention among police officers. Cand. Diss.]. Moscow, 2004. 198 p.
8. Mar'in M.I., Kiseleva L.E. *Liderskiy status rukovoditelya i metody ego diagnostiki* [Leadership status of the head and its diagnostic methods]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* – Psychology and Pedagogy in law enforcement, 2010, no. 3, pp. 3-6.
9. Shapoval V.A. *Psikhologicheskoe zdorov'e sotrudnikov organov vnutrennikh del kak predmet issledovaniya vedomstvennykh psikhologov: novye podkhody k otsenke i prognozirovaniyu* [Psychological health of police officers as a subject of study of departmental psychologists: new approaches to assessment and prediction]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* – Herald of St. Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009, no. 3 (43), pp. 232-246.
10. Freyd Z. *Psikhoanaliz. Religiya. Kul'tura* [Psychoanalysis. Religion. Culture]. Moscow, Renessans Publ., 1992. 296 p.
11. Whinchel R.M., Stanly M. Self-Injurious Behavior: A Review of the Behavior and Biology of Self-Mutilation. *The American Journal of Psychiatry*. 1991. Vol. 148. Issue 3. Pp. 306-317.
12. Pies R.W., Popli A.P. Self-injurious behaviour: pathophysiology and implications for treatment. *Journal of Clinical Psychiatry*. 1995. 56. Pp. 580-588.
13. Korolenko Ts.P., Donskikh T.A. *Sem' putey k katastrofe: destruktivnoe povedenie v sovremennom mire* [Seven ways to disaster: destructive behavior in the modern world]. Novosibirsk, Nauka. Sibirskoe otdelenie Publ., 1990. 224 p.
14. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [Anatomy of Human Destructiveness]. Minsk, Popurri Publ., 1999. 624 p.
15. Sokolova E.T., Korshunova A.R. *Affektivno-kognitivnyy stil' reprezentatsii otnosheniy Ya-Drugoy u lits s suitsidal'nym povedeniem* [Affective and cognitive style representation of self and other relations in individuals with suicidal behavior]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya* – Herald of Moscow University. Series 14. Psychology, 2007, no. 4, pp. 48-63.
16. Zlokazov K.V. *Psikhologicheskiy analiz destruktivnosti lichnosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov* [Psychological analysis of the destructiveness of the individual law enforcement officers]. Ekaterinburg, Urals Law Institute Russian Ministry of Internal Affairs, 2011. 182 p.

Раздел 12. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

СИЛЬЧЕНКО В.В., vit-silchenko@mail.ru Кафедра правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, Амурская, 75	SILCHENKO V.V., vit-silchenko@mail.ru Chair of legal training of law enforcement officers; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
---	---

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ОТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Реферат. Незаконное воздействие на потерпевших и свидетелей приобрело характер «эпидемии» и является наиболее опасной формой противодействия раскрытию и расследованию преступлений. На основе собственного опыта обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите, автор обосновывает наибольшую актуальность и полезность таких мер при расследовании деяний организованных преступных групп и сообществ (особенно в отношении тяжких и особо тяжких преступлений). Рассматривается проблема отсутствия убеждения участников уголовного судопроизводства в собственной безопасности и безопасности близких им лиц. Отрицательную роль в этом зачастую играет и сама полиция, сотрудники которой не умеют реализовать профессиональные решения в сфере обеспечения их безопасности. Доказывается прямая связь доверия населения к полиции с ее возможностью обеспечить безопасность участникам судопроизводства. Наиболее эффективными мерами безопасности признаны: временное помещение в безопасное место; личная охрана; охрана жилища и имущества. Показана роль СМИ в освещении положительных результатов работы правоохранительных органов по применению мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства и их близких. Подчеркивается целесообразность применения соответствующих мер безопасности по преступлениям, совершенным организованными группами и преступными сообществами: 1) это способствует реализации задач уголовного закона и его принципов, минимизирует возможность преступников избежать уголовной ответственности путем противоправного воздействия на участников уголовного судопроизводства; 2) убежденность в собственной безопасности и безопасности близких благоприятно сказывается на ходе расследования уголовных дел и исключает отказы и уклонения от участия в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: противодействие преступному насилию, организованная преступность, государственная защита участников уголовного судопроизводства, меры безопасности, защищаемые лица.

THE EFFICIENCY OF STATE PROTECTION OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS FROM THE IMPACT OF ORGANIZED CRIME

Abstract. Illegal impact on victims and witnesses has acquired "epidemic" character and is the most dangerous form of counteraction to crimes investigation and solution. Based on his own experience of ensuring the safety of persons being the subject to state protection, the author proves the relevance and usefulness of such security measures when investigating the crimes committed by organized criminal groups (particularly grave and especially grave crimes). The problem of lack of confidence of participants in criminal proceedings in their own safety and their close persons' safety is considered. Often the police officers themselves negatively affect this situation in case they don't know how to implement the professional solutions in ensuring these persons' security. A direct connection of public trust in the police with their ability to provide security of criminal proceedings participants is proved. The most effective security measures are: temporary placement in a safe place, personal protection (bodyguard), home and property protection. The mass media role in covering the positive results of law enforcement agencies activities on applying security measures for criminal proceedings participants and their close relatives is shown. The expediency of applying appropriate security measures for crimes committed by organized groups and criminal networks is emphasized: 1) it contributes to the realiza-

tion of the criminal law objectives and principles, minimizes the possibility of avoiding criminal liability by criminals by unlawful impact on participants in criminal proceedings; 2) confidence in one's own and close people's safety favorably affects criminal investigations and excludes refusals to participate in criminal proceedings.

Keywords: countering criminal violence, organized crime, state protection of participants in criminal proceedings, security measures, protected persons.

Преступное насилие, как самый злокачественный вид социального насилия, представляет собой острейшую глобальную проблему современной цивилизации. Социальная цена преступного насилия огромна. Она состоит не только из людских потерь (смертность, соматический и психический травматизм). В цену насилия включаются колоссальные материальные потери и затраты (расходы на правоохранительную систему, медицинские услуги, падение производительности труда и пр.), а также духовные потери (дегуманизация межличностных отношений) [1].

Среди научных категорий современного уголовного права категории насилия принадлежит отдельное место. В общем смысле насилие в уголовном праве означает умышленное посягательство на личную безопасность человека. В соответствии с современными представлениями преступное насилие, будучи сложной категорией, не сводится лишь к одному из способов совершения отдельных преступлений, а объединяет большую группу умышленных посягательств, причиняющих физический или психический вред человеку, и в теории традиционно подразделяется на физическое и психическое насилие [1; 2, с. 29].

Наибольшую социальную опасность преступное насилие приобретает в период, когда оно становится средством, орудием в руках организованных преступных групп, использующих его для достижения своих преступных целей.

Организованная преступность в современной России является одним из наиболее опасных социальных явлений, представляющих серьезную угрозу безопасности государства и общества. Она проникла во все сферы жизнедеятельности страны, охватила целые отрасли и регионы, нанося колоссальный экономический вред, подрывая устои государства, общественной морали и нравственности [3].

Основной доминирующей тенденцией в процессе развития современной преступности является рост и усиление влияния организованной преступности.

Актуальность исследования данной проблематики обусловлена повышенной общественной опасностью уголовных проявлений организованной преступности, широким распространением проявлений организованной преступности и отсутствием надлежащего механизма борьбы с организованной преступностью [4].

Долгое время официальные органы отказывались признавать существование организованной преступности в нашем государстве, несмотря на то, что ученые указывали на присутствие такого явления в нашей жизни. И только в конце 80-х гг. прошлого века власть достаточно робко признала наличие такого явления, как организованная преступность [5; 6].

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) впервые в истории отечественного законодательства отразил феномен организованной преступности: «Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений» (часть 3 статьи 35 УК РФ). В нем появились статьи, устанавливающие уголовную ответственность за организацию преступного сообщества, раскрыты признаки преступного сообщества. В то же время российское уголовное законодательство не дает легального определения понятия «организованная преступность», устанавливая при этом ответственность за различные проявления организованной преступности [4].

27 сентября 2013 года проведено заседание Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации (далее — Координационное совещание), посвященное состоянию работы правоохранительных органов в сфере профилактики, выявления, раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а также эффективности работы по выявлению и пресечению фактов их контрабанды и сбыта.

Со вступительным словом выступил Генеральный прокурор России, который в своем докладе сообщил: «Несмотря на наличие позитивных сдвигов, необходимо признать, что предпринимаемые меры пока неадекватны масштабам наркоэкспансии в нашу страну. А наркопреступления по-прежнему отличаются наивысшим уровнем латентности среди всех иных посягательств. В соответствии с поставленными задачами деятельность органов ФСКН сконцентрирована на борьбе с организованной преступностью. Службой раскрывается до 80 % всех получивших в России учет преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных в организованных формах. Но, к сожалению, выявление таких деяний явно не соответствует их фактическому распространению. Думаю, ни у кого не вызывает сомнения, что наркобизнес — наиболее организованная преступная деятельность. Однако в 2012 г. из 141 тыс. оконченных производством преступлений о сбыте наркотиков лишь по десятой части (13 тыс.) доказан групповой характер, а совершенных организованными формированиями или преступными сообществами установлено и того меньше (5 тыс.). Аналогичная ситуация и в текущем году (7 тыс. из 70 тыс.)» [7].

Несмотря на то, что Генеральным прокурором наркобизнес характеризуется как «наиболее организованная преступная деятельность» им же приводятся статистические данные о наркопреступлениях, совершенных организованными формированиями или преступными сообществами (5 тыс.).

В чем причина таких довольно низких результатов противодействия организованной преступности? Считаем, что на данный вопрос сложно ответить однозначно. Вместе с тем, по мнению Генерального прокурора России, причиной таких результатов являются слабые оперативные позиции: «На мой взгляд, причины здесь кроются в слабых оперативных позициях, низком качестве оперативно-розыскных мероприятий по установлению и документированию преступной деятельности лиц, занимающихся незаконным распространением наркотиков» [7].

Если это так, то каким образом, как не путем проведения оперативно-розыскных мероприятий, в 2012 году выявлено и

окончено производство предварительного расследования по 141 тысяче преступлений, связанных со сбытом наркотиков, при том, что «наркопреступления по-прежнему отличаются наивысшим уровнем латентности среди всех иных посягательств»?

Озвученные на Координационном совещании причины низких результатов закономерны для складывающейся оперативной обстановки лишь отчасти.

Частично причина кроется в самом подходе к расследованию преступлений, недостаточно активному внедрению в практическую деятельность новых методов и возможностей противодействия организованной преступности и преступному насилию; не обращается внимание на проблемные вопросы, возникающие в ходе осуществления расследования и касающиеся безопасности участников уголовного судопроизводства.

Одна из причин состоит и в том, что сотрудники правоохранительных органов, в связи с длительным выполнением профессиональной деятельности и возникающим на этом фоне формальном, сугубо функциональном отношением к людям, не всегда правильно оценивают и относятся к «тревожным сигналам», поступающим от участников уголовного судопроизводства в виде жалоб на угрозы в их адрес со стороны лиц, входящих в окружение фигурантов по уголовному делу, лидеров и высокопоставленных членов организованных преступных групп, что, в свою очередь, вызывает недоверие со стороны участников уголовного судопроизводства к правоохранительным органам.

Вместе с тем, как было отмечено ранее, в качестве одного из признаков организованной преступности можно выделить преимущественное использование преступными формированиями преступного насилия или угроз применения насилия с тем, чтобы достигнуть своих целей, что, безусловно, деморализует свидетелей, потерпевших и поддерживает «боевой дух» исполнителей [4].

К примеру, члены группировки, чтобы принудить к уплате «дани» коммерсанта, сначала запугивали тех, кто отказывался платить «дань», затем «вылавливали поодиночке и избивали, вывозили в безлюдные места и проводили разъяснительную работу». Когда потерпевшие обратились

в правоохранительные органы, то были привлечены сторонние силы, не входящие в группировку, которые продолжили угрожать и избивать потерпевших, выдвигая, кроме требований о выплате дани, требование забрать заявление и отказаться от показаний против группировки [4].

Физическое или психическое насилие, будучи средством преступления, обеспечивает, облегчает совершение основного деяния путем предотвращения либо преодоления противодействия потерпевшего [8].

Отсутствие убеждения у участников уголовного судопроизводства в собственной безопасности и безопасности близких им лиц неблагоприятно сказывается на ходе расследования уголовных дел, допущении отказов и уклонении с их стороны от участия в уголовном судопроизводстве, изменении показаний, в нередких случаях реализации такого понятия, «как взять все на себя».

Отсутствие названного убеждения у граждан зачастую складывается непосредственно «благодаря» действиям самих правоохранительных органов, в том числе полиции: «Сейчас (в ноябре 2013 года) по сравнению с тем, что было в апреле 2013 года, показатели идут вверх. Но как держался показатель около 4 % тех, кто верит в то, что полиция может защитить их от преступности, уверенно доверяют те же 5 %, скорее доверяют — 34 %. То есть 38-39 % в общей сложности доверяют. Но это декларативное доверие. Когда мы спрашиваем, удовлетворены ли работой полиции и чувствуют ли себя защищенными, 4 % — доля людей, которые говорят “да”» [9].

Таким образом, вышеуказанные итоги социологических опросов, недостаточные результаты работы по противодействию организованной преступности являются дополнительными стимулами для правоохранительных органов к активизации работы по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите.

При измерении рассматриваемой проблемы на уровне МВД России отмечается, что незаконное воздействие на потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства приобрело характер масштабной социально-правовой проблемы. Это выражается в крайне опасном противодействии раскрытию, рассле-

дованию и рассмотрению дел о преступлениях со стороны организованных групп и преступных сообществ [10].

В первом полугодии 2013 года за совершение преступлений осуждено 197 участников организованных преступных групп и преступных сообществ (ст.ст. 208-210 УК РФ). За аналогичный период 2012 года осуждено 223 лица*.

Ежегодно в ходе расследования уголовных дел, согласно статистическим данным, более 10 млн человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей. К участникам уголовного судопроизводства часто применяются приемы и методы физического и психологического воздействия в целях изменения ими своих показаний либо отказа от них. Результатом этого становятся случаи отказа и уклонения потерпевших и свидетелей от участия в уголовном судопроизводстве (гл. 1 Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014-2018 годы»)** (далее — Государственная программа).

В связи с этим в Российской Федерации сформирована нормативно-правовая база по развитию института государственной защиты участников уголовного судопроизводства и их близких, основу которой составляет Федеральный закон от 20 августа 2004 года N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»*** (далее — Федеральный закон N 119-ФЗ).

Данным законом заложены основы системы государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства; установлены принципы осуществления и виды государственной защиты, включающие меры безопасности и социальной поддержки, определены органы, обеспечивающие государственную защиту, и порядок применения мер безопасности.

* Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 1 дек. 2013 г.).

** Официальный информационно-правовой портал. URL: <http://government.ru/> (дата обращения: 19 нояб. 2013 г.).

*** Рос. газ. 2004. 25 авг.

В целях реализации Федерального закона N 119-ФЗ в 2008 году в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации образовано Управление по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите (УОГЗ), которое наряду с функциями по координации данной деятельности также непосредственно обеспечивает безопасность защищаемых лиц, являющихся свидетелями по особо сложным и резонансным преступлениям, связанным в первую очередь с проявлениями организованной преступности.

В каждом российском регионе также действуют специализированные подразделения полиции по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите. Компетенция данных подразделений не ограничивается исключительно вопросами осуществления мер безопасности. Они также активно проводят оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление источника угрозы, документирование его противоправной деятельности с последующим привлечением к уголовной ответственности [10].

В России вопросы защиты свидетелей входят также в компетенцию Федеральной службы безопасности, таможенных органов, органов по контролю за оборотом наркотиков. Отдельные подразделения действуют в составе пенитенциарной системы. Ряд мер безопасности в отношении военнослужащих может быть реализован командованием воинских частей. При этом координационные функции возложены на МВД России.

Правительством Российской Федерации последовательно утверждены три государственные программы: «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006-2008 годы»; «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009-2013 годы», которыми предусматривалось финансирование реализации и применения мер государственной защиты. Постановлением Правительства Российской Федерации от 13 июля 2013 года N 586 утверждена Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014-2018 годы», что, в свою очередь, указывает на важность и систем-

ность работы в сфере обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите, которая будет продолжена в среднесрочной перспективе, а также на эффективность и социальную полезность проводимых защитных мероприятий.

Под государственной защитой потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства понимается осуществление предусмотренных статьей 6 Федерального закона N 119-ФЗ мер безопасности, направленных на защиту их жизни, здоровья и (или) имущества, а также мер социальной поддержки указанных лиц в связи с их участием в уголовном судопроизводстве уполномоченными на то государственными органами.

В соответствии с названной статьей в отношении защищаемых лиц могут применяться следующие меры безопасности:

- 1) личная охрана, охрана жилища и имущества;
- 2) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности;
- 3) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице;
- 4) переселение на другое место жительства;
- 5) замена документов;
- 6) изменение внешности;
- 7) изменение места работы (службы) или учебы;
- 8) временное помещение в безопасное место;
- 9) применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое [6].

В целях реализации названных мер Правительством Российской Федерации принят ряд постановлений, в которых более подробно разъясняется порядок действий правоохранительных органов, а также учреждений и организаций, участвующих в обеспечении безопасности защищаемого лица, по применению и реализации каждой из указанных мер безопасности.

Государственной защите в соответствии с Федеральным законом N 119-ФЗ подлежат следующие участники уголовного судопроизводства:

- потерпевший;
- свидетель;
- частный обвинитель;
- подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, их защитники и законные представители, осужденный, оправданный, а также лицо, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено;
- эксперт, специалист, переводчик, понятой, а также участвующие в уголовном судопроизводстве педагог и психолог;
- гражданский истец, гражданский ответчик;
- законные представители, представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя.

Меры государственной защиты могут быть также применены до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления.

Государственной защите также подлежат установленные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации близкие родственники, родственники и близкие лица, противоправное посягательство на которых оказывается в целях воздействия на вышеперечисленных лиц.

В 2012 году более 2 800 участников уголовного судопроизводства были задействованы в программных мероприятиях, что на 17 % больше, чем в 2011 году. В отношении их было осуществлено более 5 600 мер безопасности, что на 27 % больше, чем в 2011 году. Преимущественно применялись такие меры безопасности, как личная охрана, охрана жилища и имущества и временное помещение в безопасное место. В целом анализ статистических данных показывает, что наметилась динамика увеличения количества защищаемых лиц и применяемых в отношении их мер безопасности*.

Более подробно о сроках и последовательности действий МВД России по организации государственной защиты, порядке взаимодействия между структурными подразделениями и должностными лицами, а также порядке взаимодействия органов внутренних дел с федеральными

органами исполнительной власти при осуществлении полномочий по организации государственной защиты указано в Административном регламенте МВД России по исполнению государственной функции обеспечения в соответствии с законодательством Российской Федерации государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких, утвержденном приказом МВД России от 21 марта 2007 года N 281**.

Применение мер государственной защиты возможно во всех случаях угроз в отношении лиц, подлежащих государственной защите, связанных с их участием в уголовном судопроизводстве (как по незначительным преступлениям, так и по тяжким и особо тяжким преступлениям).

Вместе с тем большая эффективность и социальная польза от применения мер государственной защиты очевидны при их организации в отношении участников уголовного судопроизводства по преступлениям, совершенным организованными преступными группами.

Особое значение имеет непосредственная работа должностного лица, принимающего решение о применении мер безопасности, проводимая им с участниками уголовного судопроизводства по преступлениям названной категории. Смысл данной работы заключается в создании атмосферы доверия со стороны указанных лиц к деятельности правоохранительных органов, возникновении неформального убеждения об отсутствии угроз и безопасности их жизни и здоровья, сохранности их имущества и социальной защищенности, безопасности жизни и здоровья близких им лиц. Убеждение в безопасности, при наличии оснований и повода для применения мер безопасности, должно подкрепляться организацией в отношении их государственной защиты. Следует согласиться с мнением Д.А. Воронова о том, что объектом безопасности являются «...не только жизнь и здоровье, но и психологическая составляющая — свобода реализации процессуального статуса» [11, с. 102].

** Документ официально опубликован не был. Доступ из справ.-правового портала «Гарант.Ру». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12056652/> (дата обращения: 19 нояб. 2013 г.).

* Официальный информационно-правовой портал. URL: <http://government.ru/> (дата обращения: 19 нояб. 2013 г.).

С учетом изложенного вернемся к тексту доклада Генерального прокурора и озвученным им статистическим данным, а также к данным проведенных социологических опросов населения о доверии к полиции.

Проведенный сравнительный анализ числа преступлений, совершенных организованными группами, от всех выявленных наркопреступлений о сбыте и анализ статистических данных доверия населения показывает, что указанные данные в процентном соотношении практически равны.

Таким образом, предварительно можно предположить, что рост доверия населения к деятельности правоохранительных органов положительным образом повлияет на рост результатов работы в борьбе с организованной преступностью. Почему именно такое соотношение и в такой последовательности, а не наоборот? По нашему мнению, вышеназванные цифры являются определенным индикатором, той самой «лакмусовой бумагой» доверия и чувства безопасности со стороны граждан к деятельности правоохранительных органов. При возникновении доверия возникнет и чувство безопасности, т.е. при уверенности участников уголовного судопроизводства в своей безопасности они не будут совершать действий по уклонению от участия в производстве, от дачи показаний и т.д., а напротив, будут более охотно давать показания, изобличающие преступную деятельность участников организованных преступных групп, что, в свою очередь, позволит свести к минимуму уход лиц, виновных в совершении преступлений, от правосудия из-за отсутствия доказательств, из-за неопознания и т.д.

На основании вышеизложенного, на наш взгляд, можно сделать следующие предварительные выводы о мерах, влияющих на результаты работы в борьбе с организованной преступностью:

1. Эффективность борьбы с организованными группами и организованными сообществами (на примере наркопреступности) зависит не только от проведения оперативно-розыскных мероприятий, но и от грамотно организованной следственной работы, индивидуальной возможности следователя организовать защиту участников уголовного судопроизводства, независимо от их статуса, и тем самым выстроить

с ними диалог (а не монолог, сводимый к статье 51 Конституции РФ), выраженный в даче показаний, изобличающих преступную деятельность каждого субъекта преступления в отдельности, его роль в преступной организации.

2. Своевременное применение мер безопасности, предусмотренных Федеральным законом N 119-ФЗ, в отношении участников уголовного судопроизводства не только решает задачи, поставленные в названном законе, но и благоприятно отражается на ходе и результатах расследования уголовных дел, возбужденных по преступлениям, совершенным организованными преступными группами. Особенно благоприятное влияние оказывает применение таких мер безопасности, как временное помещение в безопасное место, личная охрана, охрана жилища и имущества.

3. Закономерным и немаловажным шагом в борьбе с организованной преступностью является работа средств массовой информации по освещению положительных результатов работы правоохранителей в борьбе с организованной преступностью; информация о возможности правоохранительных органов применять меры безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства и их близких.

4. Ключевым моментом противодействия является взаимодействие правоохранительных органов, построенное на реальном, а не «формальном» отношении к данному направлению деятельности, выраженное в проведении совместных организационных и практических мероприятий, совместных совещаний, заключении межведомственных соглашений, регламентирующих работу каждой стороны; организации контроля за ходом реализации и соблюдении требований данных соглашений, а также рассмотрении на межведомственных и координационных совещаниях руководителей правоохранительных органов проблемных вопросов, возникающих в ходе выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами.

На основании вышеизложенного можно предположить, что применение мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства по преступ-

лениям, совершенным организованными группами и преступными сообществами, более чем целесообразно:

– во-первых, применение мер безопасности способствует реализации задач уголовного закона и его принципов; снижает до минимума возможность лиц, совершивших преступления, избежать уголовной ответственности путем преступного

воздействия на участников уголовного судопроизводства;

– во-вторых, убеждение участников уголовного судопроизводства в собственной безопасности и безопасности близких им лиц благоприятно сказывается на ходе расследования уголовных дел и недопущении отказов и уклонения с их стороны от участия в уголовном судопроизводстве.

Список литературы

1. Шарапов Р.Д. Понятие, квалификация и уголовно-правовое предупреждение преступного насилия: монография. Тюмень: Тюм. юрид. ин-т МВД России, 2006. 187 с.
2. Варыгин А.Н., Яковлев Д.Ю. Преступления против жизни, совершаемые женщинами (криминологический аспект) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. N 1 (15). С. 29-32.
3. Христюк А.А. Организованная преступность: современные тенденции и региональные особенности: по материалам Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. 184 с.
4. Агильдин В.В. Организованная преступность: понятие, признаки, вопросы, требующие разрешения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. N 3 (25). С. 50-55.
5. Долгова А.И. Деятельность прокуратуры по борьбе с терроризмом: Общая часть: учеб. пособие. М.: Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2012.
6. Овчинский В.С. Криминология кризиса (Кризис и мафия) // Завтра. 2009. 25 марта.
7. Официальный интернет-портал Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.genproc.gov.ru/> (дата обращения: 2 окт. 2013 г.).
8. Шарапов Р.Д. Уголовно-правовая виолентология (современные представления о преступном насилии в российской науке уголовного права) // Противодействие применению насилия в отношении сотрудников правоохранительных органов и обеспечение их правовой защиты: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Тюмень, 10 апреля 2013 г. Тюмень: Тюм. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. С. 5-12.
9. Интервью руководителя исследовательских программ фонда «Общественный вердикт» Асмик Новиковой от 11 ноября 2013 года телеканалу «Дождь» [Электронный ресурс]. URL: <http://publicverdict.ru/> (дата обращения: 3 дек. 2013 г.).
10. Официальный интернет-портал МВД Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://mvd.ru/> (дата обращения: 3 окт. 2013 г.).
11. Воронов Д.А. Иные меры уголовно-процессуального принуждения как средства обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Алтайский юридический вестник. 2013. N 4 (4). С. 98-103.

References

1. Sharapov R.D. *Ponyatie, kvalifikatsiya i ugovovno-pravovoe preduprezhdenie prestupnogo nasiliya* [The concept of qualification and criminal legal prevention of criminal violence]. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2006. 187 p.
2. Varygin A.N., Yakovlev D.Yu. *Prestupleniya protiv zhizni, sovershaemye zhenshchinami (kriminologicheskii aspekt)* [Crimes against life committed by women (criminological aspect)]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* – Herald of Kazan Law Institute of the Russian Interior Ministry, 2014, no. 1 (15), pp. 29-32.
3. Khristyuk A.A. *Organizovannaya prestupnost': sovremennye tendentsii i regional'nye osobennosti: po materialam Vostochnoy Sibiri* [Organized crime: current trends and regional differences: materials of Eastern Siberia]. Irkutsk, 2009. 184 p.
4. Agil'din V.V. *Organizovannaya prestupnost': ponyatie, priznaki, voprosy, trebuyushchie razresheniya* [Organized crime: concept, features, issues requiring resolution]. *Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* – Criminological magazine Baikal State University of Economics and Law, 2013, no. 3 (25), pp. 50-55.
5. Dolgova A.I. *Deyatelnost' prokuratury po bor'be s terrorizmom: Obshchaya chast'* [The activities of the Prosecutor's Office for Combating Terrorism: The general part]. Moscow, Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, 2012.

6. Ovchinskiy V.S. *Kriminologiya krizisa (Krizis i mafiya)* [Criminology crisis (crisis and the mafia)]. *Zavtra* – Tomorrow, 2009, on 25 March.

7. *Ofitsial'nyy internet-portal General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii* [The official internet-portal of the Prosecutor General of the Russian Federation]. Available at: <http://www.genproc.gov.ru/> (Accessed 2 October 2013).

8. Sharapov R.D. *Ugolovno-pravovaya violentologiya (sovremennye predstavleniya o prestupnom nasilii v rossiyskoy nauke ugolovnogo prava)* [Criminal legal violentologiya (modern concepts of criminal violence in the Russian science of criminal law)]. *Protivodeystvie primeneniyu nasiliya v otnoshenii sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov i obespechenie ikh pravovoy zashchity* [Prevent the use of violence against law enforcement officers and provide them with legal protection]. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2013. Pp. 5-12.

9. *Interv'yu rukovoditelya issledovatel'skikh programm fonda "Obshchestvennyy verdikt" Asmik Novikovoy ot 11 noyabrya 2013 goda telekanalu «Dozhd'»* [Interview of research programs Fund "Public Verdict" Asmik Novikova from November 11, 2013 TV channel "Rain"]. Available at: <http://publicverdict.ru/> (Accessed 3 December 2013).

10. *Ofitsial'nyy internet-portal MVD Rossiyskoy Federatsii* [The official internet-portal of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. Available at: <http://mvd.ru/> (Accessed 3 October 2013).

11. Voronov D.A. *Inye меры уголовно-протсensual'nogo prinuzhdeniya kak sredstva obespecheniya bezopasnosti uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva* [Other measures of criminal procedure compulsion as a means to ensure the safety of participants in criminal proceedings]. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik* – Altai Law Herald, 2013, no. 4 (4), pp. 98-103.

НИКАНОРОВ С.А., Maklessfield@yandex.ru Кафедра уголовного процесса и криминалистики; Нижегородская правовая академия; 603134, г. Нижний Новгород, Костина, 2 б	NIKANOROV S.A., Maklessfield@yandex.ru Chair of criminal procedure and criminalistics; Nizhny Novgorod Law Academy; Kostina St. 2 b, Nizhny Novgorod, 603134, Russian Federation
--	--

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОКУРОРА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Реферат. Рассматриваются вопросы реализации дознания в сокращенной форме с позиции процессуального положения прокурора. Низкая распространенность этой процессуальной формы связывается и с неосведомленностью участников уголовного процесса о ней. Инициаторами “сокращенного дознания” выступали не подозреваемые (обвиняемые), а их адвокаты, руководствовавшиеся не интересами подзащитных, а собственными амбициями. Отмечается недостаточность общего срока дознания в сокращенной форме. Предлагается минимизировать письменную работу дознавателя: деятельность направить на сбор сведений о преступлении путем негласных оперативных мероприятий, получения объяснений и иных документов, а результаты оформлять полицейскими документами. Признание вины, причиненного вреда и согласие с юридической оценкой деяния позволяют собирать только те доказательства, которые указывают на событие преступления и причастность лица (экспертизы назначать только по инициативе суда). Подтверждается благоприятный режим достаточности собираемых доказательств для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления. Критикуется предоставление дознавателю права не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем (заранее установленная сила доказательств). Констатируется отсутствие действительно сжатой эффективной процедуры рассмотрения дел с рациональным распределением полномочий между органами, осуществляющими уголовное преследование. Подчеркивается необходимость взвешенного подхода к прокурорскому надзору за производством дознания в сокращенной форме. Отмечено, что ключевое направление дальнейшего совершенствования процедуры сокращенного дознания состоит в перераспределении полномочий между органами дознания и прокуратурой.

Ключевые слова: сокращенная форма дознания, дознаватель, сроки дознания, подозреваемые, обвиняемые, положение прокурора.

PROCEDURAL STATUS OF PROSECUTOR DURING THE CONDUCTION OF SHORT INQUIRY

Abstract. The issues of conducting short inquiry from the position of prosecutor's procedural status are considered. Low rate of applying short inquiry is caused by ignorance about this procedural form among the participants in criminal procedure. The initiators of conducting short inquiry were not suspects (accused), but their lawyers who followed by their own ambitions, not by the interests of defendants. The insufficiency of total time of short inquiry is noted. The author proposes to minimize prosecutors' paperwork, notably to concentrate their attention on collecting crime data by conducting secret investigation operations, receiving explanations and other documentation. Obtained data should be processed according to police regulations. Confession of guilt, recognition of damage and consent with legal assessment of criminal act allow to collect only the evidence, indicating crime event and complicity of a person (expertise should be established on court's initiative). The favourable conditions of adequacy of collected evidence for establishing crime event, character and amount of damage, as well as guilt of committing crime are confirmed. The right of investigators not to examine evidences if they were not contradicted by suspect, victim or his/her representative (predetermined strength of evidence) is criticized. There is no short effective procedure of trying criminal cases with rational division of powers among the authorities, conducting criminal proceeding. The author proves the necessity of reasonable approach to prosecutor's supervision of conducting short inquiry. Main tendency of further improvement of short inquiry procedure is redistribution of powers among agencies in charge of preliminary investigation and prosecutor's office.

Keywords: short inquiry form, investigator, time of inquiry, suspects, status of prosecutor.

Прошло почти два года с момента, когда в Уголовно-процессуальный кодекс РФ Федеральным законом N 23-ФЗ были внесены изменения, и он был дополнен главой 32.1 — «Дознание в сокращенной форме»*. Наверное, сейчас рано делать выводы, но в некоторой степени определить проблему и обобщить положительные и отрицательные стороны нововведения можно.

Эффективность уголовного судопроизводства является серьезной проблемой для каждого государства, независимо от того, в какой правовой системе оно действует. Одним из путей ее повышения является внедрение процедур упрощенного уголовного судопроизводства. А.М. Багмет полагает, что в той форме, в которой дознание существовало до внесения указанных изменений, оно не отвечало критерию оперативности и соблюдению требований ст. 6.1 УПК РФ о разумности сроков уголовного судопроизводства [1].

Анализ статистической информации о деятельности подразделений дознания органов внутренних дел показывает, что за период с января по декабрь 2013 года было зарегистрировано 987 185 преступлений, производство предварительного следствия по которым не обязательно, что свидетельствует о большом их количестве. Из них: 470 229 преступлений против собственности, 312 548 — против личности, 14 782 — экономической направленности**.

Согласно данным Прокуратуры Нижегородской области, отмечается очень небольшой процент дел, расследовавшихся в рамках процедуры дознания в сокращенной форме***. За 2013 год по всей Нижегородской области в рамках процедуры сокращенного дознания расследовалось всего 48 дел, преимущественно по преступлениям, предусмотренным частями первыми статей 112,

115, 116, 119, 157, 158, 159 УК РФ. А в апелляционном порядке не обжаловалось ни одного дела. Пока налицо негативное отношение к рассматриваемой форме производства как дознавателей, так и прокуроров.

Поскольку область применения сокращенной процедуры дознания и дознания в целом обширна, постольку представляется целесообразным подчеркнуть актуальность проблемы, рассмотреть некоторые особенности производства и специфику участия в нем прокурора.

Несмотря, казалось бы, на видимые положительные стороны введения процедуры, не у всех ученых-процессуалистов сложилось однозначное мнение по поводу дознания в сокращенной форме. Закон о «сокращенном дознании» еще на стадии его обсуждения вызывал массу негативных оценок ученых и практиков****. По мнению Е.А. Зайцевой, ряд положений по праву можно отнести именно к тем новшествам, которые способны внести еще больший диссонанс в существующее нормативное регулирование [2].

Но изменения внесены, и в связи с введением новой формы досудебного производства, процедуры дознания в сокращенной форме, были дополнены и уточнены соответствующие полномочия прокурора.

Процессуальное положение прокурора как участника уголовного судопроизводства имеет ряд специфических особенностей. Прежде всего, это общие особенности, характеризующие процессуальное положение прокурора на всем протяжении уголовного процесса. К ним необходимо относить следующие обстоятельства. С одной стороны, прокурор — это единственное должностное лицо, которое реализует свои полномочия на всех этапах и стадиях уголовного процесса, с другой — данная деятельность реализует публичный процессуальный интерес, направленный на охрану как прав и интересов государства, так и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства [3].

* О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. N 23-ФЗ // Роз. газ. 2013. 6 марта.

** Информация ГИАЦ МВД России: «сведения о состоянии преступности и результатах выявления и раскрытия преступлений за январь — декабрь 2013 г.». URL: http://mvd.ru/upload/site1/document_file/H8NGnfdiEy.pdf

*** Автором использована статистическая информация по итогам работы Прокуратуры Нижегородской области за 2013 год.

**** 18 ноября 2011 г. в Академии управления МВД России проведен круглый стол на тему «Сокращенное дознание». В мероприятии приняли участие сотрудники из 14 образовательных организаций МВД России (см. об этом: URL: <http://www.iaaj.net/node/898>). Критические замечания по данному законопроекту см. также: URL: <http://www.iaaj.net/node/976#comments>

Частные специфические особенности процессуального положения прокурора проявляются при изменении его функций и полномочий на различных этапах и стадиях процесса.

Применительно к процедуре дознания в сокращенной форме прокурор реализует свои полномочия в три этапа. Первый этап — начальный, на нем осуществляются полномочия, реализуемые в момент заявления и рассмотрения ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме. Второй этап — промежуточный, на нем прокурор реализует полномочия в процессе уже начатой процедуры дознания в сокращенной форме. Третий этап — окончание процедуры дознания в сокращенной форме, на нем реализуются полномочия прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным постановлением.

На первом этапе прокурор должен обеспечить законность процессуальных решений, предшествующих началу производства процедуры дознания в сокращенной форме.

Дознание в сокращенной форме производится на основании ходатайства подозреваемого о производстве по уголовному делу дознания в сокращенной форме. В случае принятия решения об удовлетворении ходатайства подозреваемого дознаватель выносит постановление и в течение 24 часов с момента его вынесения ставит прокурора в известность и направляет уведомление об удовлетворении ходатайства подозреваемого и о производстве дознания в сокращенной форме.

Прокурору на данном этапе надлежит оценить правильность принятого дознавателем решения. При действующей «палочной системе» раскрываемости преступлений основное внимание будет уделяться не качеству, а количеству [4]. Чтобы этого не допустить, прокурору принципиально важно оценить все обстоятельства по делу.

Во-первых, необходимо установить, нет ли в соответствии со ст. 226.2 УПК РФ обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме. Во-вторых, проверить, соблюдены ли сроки заявления и разрешения ходатайства подозреваемого.

Кроме того, прокурору необходимо проверять, направлялось ли уведомление об удовлетворении ходатайства потерпевшему,

разъяснялись ли ему порядок и правовые последствия проведения настоящей процедуры и его право возражать против этого.

Если прокурором подтверждена законность и правильность действий дознавателя, то процедуру дознания в сокращенной форме следует считать начатой. Утверждать постановление дознавателя или иным образом отражать в деле согласие прокурора с решением дознавателя о производстве дознания в сокращенной форме закон не требует.

Если прокурором выявлены нарушения каких-либо норм уголовно-процессуального права, допущенные дознавателем при принятии соответствующего решения, то прокурор выносит постановление об отмене постановления дознавателя об удовлетворении ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме. В этом же постановлении отражается решение о дальнейшем производстве дознания в общем порядке.

Таким образом, уже на первом этапе дознавателем и прокурором совершается немало процессуальных действий. Прокурор осуществляет такие действия, направленные на оценку правильности принятого дознавателем решения о производстве процедуры дознания в сокращенной форме, которые, на наш взгляд, должны проводиться и проверяться в рабочем порядке не прокурором, а начальником подразделения дознания, что обеспечит большую оперативность и исключит нерациональное расходование сил органов прокуратуры. Пусть законность и правильность действий дознавателя на данном этапе подтверждает его непосредственный руководитель и несет за это персональную ответственность.

На наш взгляд, именно перераспределение полномочий между органами дознания и прокуратурой — ключевое направление дальнейшего совершенствования правового регулирования процедуры дознания в сокращенной форме и дознания в целом.

Как мы видим, число дел, рассматривающихся в рамках сокращенного дознания, невелико. Возможно, застойная доминанта обвинительного уклона в головах граждан вынуждает не доверять новшествам уголовного процесса. А, может, само название процедуры играет немаловажную роль и психологически негативно воздействует на сознание граждан.

Следует отметить, что наименование главы 40.1 УПК РФ, процедура расследования дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве внушают больше доверия. В названии просматривается идея о соглашении, о какой-либо договоренности, гарантиях, наконец. А название главы 32.1 УПК РФ («Дознание в сокращенной форме») настраивает просто на сокращенный порядок суда. Ни намек на компромисс.

Повторимся, что в целом по стране практика расследования уголовных дел по процедуре сокращенного дознания» крайне невелика. Это также связано, в частности, с тем, что введение новой процедуры не получило широкой огласки и достаточного освещения в СМИ.

В связи с этим в большинстве случаев инициаторами производства «сокращенного дознания» выступали не сами подозреваемые или обвиняемые, понимая целесообразность своего решения, а более «продвинутые» адвокаты, и то не во благо своих подзащитных, а скорее, чтобы стать «первопроходцами», которые, кроме того, вольны не давать особых гарантий подзащитному, снимая с себя ответственность, поскольку практика применения процедуры крайне мала и спрогнозировать исход дела сложно.

На втором этапе исследуемой процедуры, если ходатайство подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме было удовлетворено дознавателем и впоследствии не отменено прокурором, в рамках своих полномочий прокурор в соответствии со ст. 226.4 УПК РФ рассматривает жалобы. Отметим, что заинтересованными лицами может быть обжаловано как решение о производстве дознания в сокращенной форме, так и отказ дознавателя в удовлетворении ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме. В последнем случае, усмотрев основания для удовлетворения ходатайства подозреваемого, прокурор вправе отменить постановление дознавателя об отказе в удовлетворении ходатайства и дать указание о производстве дознания в сокращенной форме. Это указание обязательно для исполнения дознавателем, который в таком случае выносит постановление о производстве дознания в сокращенной форме.

Также на данном этапе прокурор в соответствии со ст. 154 УПК РФ вправе

рассмотреть вопрос о выделении уголовного дела в отношении отдельных подозреваемых, если в отношении остальных дознание проводится в общем порядке. Выделение уголовного дела при любых обстоятельствах не должно отразиться на всесторонности и объективности его расследования и разрешения.

Кроме того, в предмет прокурорского надзора на данном этапе входит и соблюдение всех установленных законом сроков расследования. В соответствии со ст. 226.6 УПК РФ общий срок дознания в сокращенной форме составляет 15 суток со дня вынесения постановления о его производстве до дня направления уголовного дела прокурору с обвинительным постановлением. Срок дознания в сокращенной форме может быть продлен прокурором до 20 суток. Постановление о продлении срока дознания в сокращенной форме должно быть представлено прокурору не позднее, чем за 24 часа до истечения общего срока [5].

Такой небольшой для процедуры предварительного расследования срок поразному оценивается в юридической литературе. На наш взгляд, дознание в сокращенной форме как самостоятельная процедура уголовного судопроизводства в настоящий момент не является продуктивным и чаще всего выступает как бы «предварительным дознанием», так как в большинстве случаев «сокращенное дознание», практически не начавшись, заканчивается дальнейшим производством в общем порядке. Общий срок дознания в сокращенной форме составляет 15 суток, и, как показывает практика, этого времени явно не хватает для того, чтобы в достаточной степени квалифицированно расследовать дело. Отмечается, что по определенным категориям дел, по которым необходимо запрашивать какие-либо документы или иные сведения, дознаватели просто не успевают этого сделать, так как запросы выполняются слишком долго.

В связи с этим полагаем, что целесообразно рассмотреть возможность минимизации письменной составляющей в работе дознавателя. Деятельность дознавателя направить на сбор сведений о преступлении, о лице, его совершившем, сведений, которые указывают на причастность лица к совершению конкретного преступления, путем осуществления негласных оперативных мероприятий, получения объяснений и

иных документов. Результаты такой работы оформлять соответствующими полицейскими документами, хотя бы и не имеющими доказательственного значения (отчеты, рапорты). Из доказательств, при условии признания подозреваемым вины, характера и размера причиненного вреда и его согласия с правовой оценкой деяния, достаточно собирать для суда только доказательства, указывающие на причастность лица к совершению преступления и устанавливающие событие преступления. Экспертизы назначать только на судебной стадии процесса, если суд сочтет это обязательным.

Назначение экспертизы и проведение иных аналогичных по смыслу следственных действий предусматривают более глубокое и всестороннее исследование обстоятельств дела, поэтому считаем, что это больше относится к прерогативе суда, нежели органа дознания. Это будет способствовать более тщательному рассмотрению такой категории дел судами, так как сейчас правосудие практически отсутствует, на деле судьи поверхностно рассматривают все дела с элементами признания вины подсудимым.

На вопрос: «Как Вы относитесь к подобному упрощению процедуры дознания?» — Л.В. Головкич отвечает, что в «принципе, дифференцированные формы расследования дел — это нормально. Есть запутанные дела, которые расследуются по максимально сложным процедурам, есть простейшие дела, когда человека взяли с поличным, есть свидетели. Зачем в последнем случае устраивать расследование, длящееся месяцами? Ждать, пока свидетели забудут все детали происшествия? Предлагается перенять опыт зарубежных стран, когда человек оказывается в суде спустя всего несколько часов или дней» [6].

Говоря о полномочиях прокурора на третьем этапе, отметим следующее. Дознаватель, признав, что необходимые следственные действия произведены и объем собранных доказательств достаточен для обоснованного вывода о совершении преступления подозреваемым, составляет обвинительное постановление. Обвинительное постановление подписывается дознавателем и утверждается начальником органа дознания, после чего направляется прокурору.

Поступившее уголовное дело рассматривается прокурором в течение 3 суток. В процессе рассмотрения уголовного

дела, поступившего с обвинительным постановлением, прокурор вправе: утвердить обвинительное постановление; вернуть уголовное дело для пересоставления обвинительного постановления на срок не более 2 суток; прекратить уголовное дело; направить уголовное дело дознавателю для производства дознания в общем порядке. При рассмотрении уголовного дела прокурору следует в крайней степени внимательно отнестись к вопросу оценки достаточности собранных доказательств по делу, так как в соответствии с ч. 7 ст. 316 УПК РФ непременным условием постановления обвинительного приговора является то, что обвинение, с которым согласился подсудимый, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу. Недостаточность собранных доказательств по уголовному делу в соответствии со ст. 226.8 УПК РФ является основанием для возвращения уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке.

По вопросу доказывания в «сокращенном дознании» скажем, что в данный момент доказательства по уголовному делу собираются в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления. В соответствии со статьей 226.5 УПК РФ дознаватель при производстве дознания в сокращенной форме обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, невыполнение которых может повлечь за собой невозможность утрату следов преступления или иных доказательств.

Так, Е.А. Доля принципиально не поддерживает предоставление дознавателю права не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем (п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ). Данное право вступило в противоречие с фундаментальным положением теории доказательств, связанным с недопустимостью придания любым доказательствам заранее установленной силы (ч. 2 ст. 17 УПК РФ). Дознаватель обязан проверять все собираемые доказательства вне зависимости от отношения к ним невластных участников со стороны обвинения и защиты. Отступление от этого требования в сочетании с решением законодателя о придании доказатель-

ственного значения сведениям, содержащимся в материалах проверки сообщения о преступлении (полученным способами, не предназначенными для собирания доказательств), может привести к ошибочным решениям, основанным на непроверенных доказательствах [7].

Подводя итог анализу процессуального положения прокурора при реализации дознания в сокращенной форме, отметим, что в российском уголовном процессе пока нет действительно сжатой, эффективной процедуры рассмотрения дел с рациональным распределением полномочий между органами, осуществляющими уголовное преследование, и считаем целесообразным уделять большее внимание совершенствованию правового регулирования в данной области. На наш взгляд, совершенствование процедуры доз-

нания — положительный вектор развития в правовом регулировании предварительного расследования, так как оно должно быть направлено на обеспечение быстрого доступа к правосудию, снижение затратности процесса, обеспечивая адресность уголовного судопроизводства.

Так как закон предоставляет широкие возможности прокурору, в том числе в части возвращения уголовного дела в досудебное производство, роль прокурора в осуществлении им прокурорского надзора за производством дознания в сокращенной форме представляется крайне важной и необходимой с процессуальной точки зрения, принятие им процессуальных решений требует взвешенного подхода и полной всесторонней оценки в целях сохранения стабильности, предупреждения, расследования и раскрытия преступлений.

Список литературы

1. Оводов А.А. Интервью с директором Института повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации Анатолием Михайловичем Багметом // Юрист. 2013. N 23. С. 3-13.
2. Зайцева Е.А. Новый закон о сокращенном дознании и регламентация использования специальных познаний в досудебном производстве по уголовным делам, или Хотели как лучше, а получилось как всегда... // Российский судья. 2013. N 4. С. 36-39.
3. Крюков В.Ф. Уголовное преследование в досудебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. М.: Норма, 2010. 480 с.
4. Махов В.Н., Пешков М.А. Юристы США о моделях уголовного процесса // Юрист. 1999. N 2. С. 35-48.
5. Артамонов А.Н. Надзор за производством дознания в сокращенной форме // Законность. 2013. N 7. С. 36-39.
6. Головкин Л.В. Российский судебный процесс архаичен [Электронный ресурс] // Право.Ru: информационный портал (19 июня 2012 г.). URL: <http://pravo.ru/review/face/view/73251> (дата обращения: 1 июня 2014 г.).
7. Доля Е.А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. 2013. N 6. С. 43-46.

References

1. Ovodov A.A. *Interv'yu s direktorom Instituta povysheniya kvalifikatsii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii Anatoliem Mikhaylovichem Bagmetom* [Interview with the Director of Training Institute of the Investigative Committee of the Russian Federation Anatoly Bagmet]. *Yurist – Lawyer*, 2013, no. 23, pp. 3-13.
2. Zaytseva E.A. *Novyy zakon o sokrashchenom doznanii i reglamentatsiya ispol'zovaniya spetsial'nykh poznanii v dosudebnom proizvodstve po ugovolnym delam, ili Khoteli kak luchshe, a poluchilos' kak vsegda...* [The new law reducing the use of inquiry and regulation of special knowledge in pre-trial proceedings in criminal cases, or wanted the best, but it turned out as always...]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian judge*, 2013, no. 4, pp. 36-39.
3. Kryukov V.F. *Ugolovnoe presledovanie v dosudebnom proizvodstve: ugovolno-protsessual'nye i nadzornye aspekty deyatel'nosti prokurora* [Criminal prosecution in pretrial proceedings, criminal procedure and supervisory aspects of the prosecutor]. Moscow, Norma Publ., 2010. 480 p.
4. Makhov V.N., Peshkov M.A. *Yuristy SShA o modelyakh ugovolnogo protsesssa* [Lawyers USA about the models of the criminal process]. *Yurist – Lawyer*, 1999, no. 2, pp. 35-48.
5. Artamonov A.N. *Nadzor za proizvodstvom doznaniya v sokrashchennoy forme* [Supervision of inquiry in abbreviated form]. *Zakonnost' – Legality*, 2013, no. 7, pp. 36-39.
6. Golovko L.V. *Rossiyskiy sudebnyy protsess arkhaychen* [Russian trial archaic]. *Pravo.Ru: informatsionnyy portal (19 iyunya 2012 g.)* [Pravo.Ru: information portal (June 19, 2012)]. Available at: <http://pravo.ru/review/face/view/73251> (Accessed 1 June 2014).
7. Dolya E.A. *Osobennosti dokazyvaniya pri proizvodstve doznaniya v sokrashchennoy forme* [Features of proof during the initial inquiry in an abbreviated form]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian judge*, 2013, no. 6, pp. 43-46.